
KALEVALA

ДѢДУШКИНА ВНУЧКА

МАЛЕНЬКІЙ РАЗНОЩИКЪ

ILLINOIS LIBRARY
AT URBANA-CHAMPAIGN
BOOKSTACKS

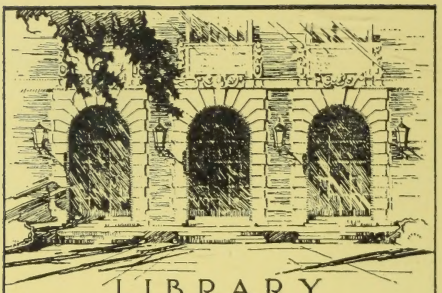
К48—1

СНѢЖНЫЙ КОРОЛЬ

СТОЛѢТІЕ ОТКРЫТІЙ

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

894
K12Rg
1898

Калевала

Финская народная эпопея

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

ПЕРЕДАЛЪ

Э. ГРАНСТРЕМЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ.

Первое изданіе допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн. Просвѣщенія въ библіотеки городскихъ училищъ и народныхъ школъ.

Съ 40 оригинальными рисунками А. Дёлле, гравированными на деревѣ А. Беме.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15-го Октября 1898 г.

Текстъ отпечатанъ въ типографіи И. Литвинова (Измайл. полкъ, 12-я рота).

Обертка отпечатана въ типографіи К. Биркенфельда (Вас. остр., 8-я лин., д. № 1).

894
K12Rg
1898

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Калевала“, финская народная эпопея, имѣетъ въ духовной жизни финскаго племени такое же значеніе, какое имѣла „Иліада“ для грековъ, „Пѣснь о Нибелунгахъ“ для нѣмцевъ, „былины“ для русскихъ. Финская эпопея отличается, однако, такими свойствами, которыя даютъ ей въ глазахъ изслѣдователей народнаго эпоса и миѳологіи особое мѣсто среди извѣстныхъ народныхъ сказаній. Въ пору умственнаго младенчества всякій народъ прежде всего поэтически олицетворяетъ, въ образѣ боговъ, стихійныя силы природы, примѣромъ чего могутъ служить греческія сказанія о богахъ, греческая теогонія; но съ теченіемъ времени теогоническій эпосъ мало-по-малу измѣняется въ устахъ народа; боги, олицетворяющіе силы природы, постепенно пріобрѣтаютъ человѣческія черты, за которыми уже съ трудомъ узнается ихъ первоначальное значеніе,—

Slav. C

эпосъ становится „героическимъ“ и „бытовымъ“, воспѣвающимъ необыкновенныхъ людей, „героевъ“, и отражающимъ бытъ народа, его умственный складъ, обычаи и вѣрованія. Примѣромъ героической народной поэзіи могутъ служить русскія былины. Всѣ извѣстныя народныя эпопеи принадлежатъ къ одному изъ указываемыхъ типовъ; но „Калевала“ занимаетъ въ этомъ отношеніи положеніе исключительное, представляя собою по своему основному характеру переходную ступень отъ эпоса теогоническаго къ героическому; въ историческихъ судьбахъ финскаго племени были, очевидно, такія обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ развитіе народнаго эпоса остановилось на переходѣ его въ героическій. Въ „Калевалѣ“, рядомъ съ жизнью, обычаями и героическими представленіями древняго финна, сохранилась и вся его миѳологія.

Открытіе финскаго народнаго эпоса, какъ и русскихъ былинъ, относится къ сравнительно недавнему времени, до котораго пѣсни „Калевалы“ жили исключительно въ устахъ народа, сохранявшаго, рядомъ съ христіанскими вѣрованіями, и древнія сказанія. Первое упоминаніе о божествахъ двухъ главныхъ финскихъ племенъ: тавастовъ и кареловъ, встрѣчается въ поэмѣ Абосскаго епископа Агриколы, напечатанной въ 1551 году въ предисловіи къ псалмамъ царя Давида. Затѣмъ въ 1675 году епископъ Бонгъ нѣсколько подробнѣе изложилъ миѳологію финновъ и даже напечаталъ нѣсколько „рунъ“ (пѣсенъ) „Калевалы“, а Юсленіусъ, въ XVII в., и Портанъ, съ своими двумя послѣдователями, Ленквистомъ и Гананде ромъ, въ XVIII вѣкѣ, своими изслѣдованіями не мало содѣйствовали выясненію свойствъ миѳологіи и поэзіи финновъ. Но полное изслѣдованіе финской эпопеи принадлежитъ уже нашему истекаю-

щему вѣку. Профессоръ Рейнгольдъ фонъ-Беккеръ, въ бытность свою еще доцентомъ академіи въ Або, собралъ въ сѣверной Финляндіи нѣсколько рунъ о Вейнемейненѣ и въ 1820 году издалъ ихъ въ связномъ изложеніи; онъ первый указалъ, что руны представляютъ собою только части одного цѣлаго эпоса. Въ 1822—1836 годахъ появились „Древнія руны и новѣйшія пѣсни финскаго народа“, доктора Захаріи Топеліуса. Топеліусъ, провинціальный врачъ, своими изслѣдованіями доказалъ, что древнія финскія пѣсни и сказанія, въ ихъ болѣе полномъ видѣ, слѣдуетъ искать не въ Финляндіи, а среди карелъ въ Россіи. Самой богатой рунами мѣстностью оказались приходъ Вуоккиньеми въ Архангельской губерніи и нѣсколько другихъ, къ югу отъ него, въ Олонецкой губерніи, и въ Финляндіи, на западныхъ берегахъ Ладожскаго озера. Все это, вмѣстѣ съ работами собирателей финскихъ пѣсенъ: И. Каяна, М. Кастрена, Д. Европеуса, А. Альквиста, Ф. Полена, З. Сиреліуса, Г. Рейнгольма, К. Коллана и др., были лишь предварительныя и отрывочныя изслѣдованія. Дѣйствительнымъ открывателемъ и изслѣдователемъ финской народной эпопеи долженъ быть признанъ Е. Ленротъ, которому „Калевала“ обязана и своей полнотой и обдуманнымъ соединеніемъ рунъ въ одно стройное цѣлое. Въ 1835 году онъ представилъ Финляндскому Литературному Обществу рукопись „Калевалы“ болѣе чѣмъ въ 12.000 стиховъ въ 32 рунахъ, съ которой и было отпечатано ея первое изданіе, а въ 1849 году „Калевала“ вышла уже въ ея полнѣйшемъ видѣ, въ 50 рунахъ, заключающихъ въ себѣ 22.793 стиха.

Вся „Калевала“ записана изъ устъ пѣвцовъ. По словамъ поэта Рунеберга, пѣть, взявшись за руки, состав-

ляетъ особый обычай финновъ. Выбравъ себѣ товарища, пѣвецъ садится противъ него, беретъ его за руки и, покачиваясь взадъ и впередъ, какъ бы притягивая другъ друга къ себѣ по очереди, они начинаютъ пѣть подъ этотъ тактъ вмѣстѣ. По окончаніи строфы, помощникъ повторяетъ всю строфу одинъ, между тѣмъ какъ запѣвала на досугѣ обдумываетъ продолженіе. Услышавъ на пирушкѣ или въ другомъ собраніи незнакомую пѣсню, пѣвецъ старается ее запомнить, а когда ему затѣмъ приходится пѣть ее передъ новыми слушателями, онъ рѣдко помнитъ ее дословно и передаетъ содержаніе ея своими словами. Если же въ пѣснѣ окажется пропускъ, то вставляетъ отъ себя что-нибудь. Это случается обыкновенно съ пѣвцами, которые перенимаютъ пѣсни изъ вторыхъ и третьихъ устъ, вслѣдствіе чего пѣсня все болѣе измѣняется, въ словахъ только, но не въ содержаніи. Кромѣ этого, есть и другой способъ передачи и сохраненія рунъ, обезпечивающій дословную передачу, — это когда руны передаются отъ родителей дѣтямъ. Вообще пѣвцы пользовались большимъ почетомъ, и потому слѣдуетъ предположить, что они не только не забывали рунъ, а, напротивъ, старались исправить и украсить ихъ.

Обыкновенно пѣвцы пропускаютъ нѣкоторыя части, когда онѣ встрѣчаются въ срединѣ рунъ, какъ, напр., о возникновеніи желѣза, о происхожденіи огня, заговоры на охоту, на стада, пѣсни свадебныя, пѣсню о медвѣдѣ. Въ такихъ случаяхъ пѣвцы обыкновенно говорятъ: „здѣсь слѣдуетъ пѣсня о происхожденіи огня“ или „здѣсь слѣдуютъ свадебныя причитанья, — ихъ поютъ женщины“. Подобные заговоры и причитанья можно и теперь еще встрѣтить въ обыденной жизни кареловъ, какъ финляндскихъ, такъ и русскихъ. Въ эти руны, а

также и въ другія вошло, вѣроятно, много новаго; но эти позднѣйшія наслоенія почти невозможно отличить отъ древнихъ рунъ Калевалы.

Относительно происхожденія рунъ, составляющихъ „Калевалу“, нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Ленротъ считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ, что онѣ возникли у біярмовъ или беормовъ,—народа, жившаго на юго-западныхъ берегахъ Бѣлаго моря, или же въ странѣ между Онежскимъ и Ладожскимъ озерами, Бѣлымъ моремъ и Финскимъ заливомъ, и свѣдѣнія о которомъ восходятъ до IX вѣка нашей эры. Кареловъ, на нарѣчіи которыхъ записаны руны „Калевалы“, Ленротъ считаетъ племенемъ, родственнымъ біярмамъ; этимъ родствомъ, по его мнѣнію, и объясняется существованіе только у нихъ, въ противоположность другимъ финскимъ племенамъ, слѣдовъ древней цивилизаціи, настоящее мѣсто ихъ жительства и живучесть рунъ въ ихъ памяти.

„Калевала“ раскрываетъ представленія древнихъ финновъ о силахъ, управляющихъ жизнью человѣка и природы, въ грандіозныхъ образахъ отражающихъ ту непрестанную борьбу, которую долженъ вести человѣкъ съ суровой природой сѣвера. Въ образѣ Юмалы олицетворена общеміровая творческая сила, обитающая въ надзвѣздной области; съ проникновеніемъ къ финнамъ христіанства, имя это сдѣлалось именемъ христіанскаго Бога. Небо и воздухъ олицетворяются въ образѣ Укко, творца всего видимаго. Отъ воздуха происходятъ Ильматарь—мать воды, и утка, изъ яицъ которой образовались твердая земля и свѣтила небесныя. Ильматарь—вода, создаетъ берега, скалы, подводные камни и т. п.; въ этомъ образѣ сказываются представленія древняго финна о роли воды въ образованіи суши. Отъ Ильма-

тарь и вѣтра, т.-е. отъ воды и воздуха рождается мудрый Вейнемейненъ, главный герой „Калевалы“, который съ помощью Укко творитъ растенія. Братъ его, Ильмариненъ, вѣщій кузнецъ, есть сынъ воздуха и повелитель вѣтровъ; онъ — олицетвореніе огня, третьей стихіи послѣ воды и воздуха. Въ стихіяхъ дѣйствуютъ и второстепенныя силы природы, олицетворенныя въ „Калевалѣ“ въ образѣ дѣвъ или дочерей; изъ молока дѣвъ воздуха возникаетъ желѣзо, столь важное въ жизни сѣвернаго человѣка. Такъ постепенно образуется міръ отъ благотворныхъ силъ природы. Злое начало олицетворяется въ „Калевалѣ“ въ коварномъ божествѣ Хіиси и въ злой Лоухи, живущей въ вѣчно мрачной странѣ Похьолѣ и повелѣвающей морозами и снѣгами. Чтобы губить людей, Лоухи помогаетъ слѣпой дочери царя мертвыхъ родить девять сыновей-болѣзней, похищаетъ солнце и мѣсяцъ изъ свѣтлой страны Калевалы, губитъ въ ней скотъ и т. д. Она ясное олицетвореніе мрачной сѣверной зимы, посылающей безчисленныя бѣдствія на жителей сѣвера. Подобно греческой миѳологіи, „Калевала“ знаетъ царство мертвыхъ, адъ. Это островъ Туонела, съ царемъ и царицей Туони и дочерью Туонетаръ; туда переправляются чрезъ рѣку Туони. Противоположная ей свѣтлая область героевъ — жилище Юмалы, гдѣ въ драгоцѣнныхъ сосудахъ изготовляются цѣлебныя мази для оживленія убитыхъ и исцѣленія раненыхъ.

Борьба между добрыми и злыми началами въ свѣтлой странѣ—Калевалѣ, населенной потомками Калевы, и мрачной странѣ холода — Похьолѣ, гдѣ живетъ злая Лоухи съ дочерьми—и составляетъ содержаніе „Калевалы“. Жители Калевалы и самъ Вейнемейненъ сватаются къ дочерямъ Лоухи, и это сватовство, изобра-

жающее усилія сѣвернаго человѣка овладѣть суровой страной холода, служитъ связующимъ элементомъ для всѣхъ событій финской эпопеи. Въ разсказахъ объ этихъ событіяхъ сами собой выдѣляются черты духовной жизни и бѣднаго быта древнихъ финновъ среди суровой природы финскаго сѣвера съ его бурными морями и скалистыми горами.

Въ глазахъ изслѣдователей народнаго эпоса и миѳологіи, „Калевала“ имѣетъ несравненное значеніе, и знаменитый Я. Гриммъ называетъ ее „драгоцѣннѣйшимъ сокровищемъ эпической поэзіи“. Вслѣдъ за изданіемъ ея Ленротомъ въ 1849 году, она была переведена на шведскій, нѣмецкій и французскій, а впослѣдствіи и на другіе европейскіе языки. Но на русскомъ языкѣ она долго была извѣстна только въ отрывкахъ, напечатанныхъ въ „Современникѣ“ 1840 года Я. Гротомъ по первому Ленротовскому изданію 1835 года, а въ 1880 году г. Гельгренъ перевелъ нѣсколько рунъ изъ Калевалы о „Куллерво“. Первое изданіе настоящаго труда, вышедшаго въ 1880 году, представляло также лишь свободное изложеніе „Калевалы“. И только въ 1887 году „Калевала“ вышла, наконецъ, на русскомъ языкѣ въ полномъ стихотворномъ переводѣ г. Л. Бѣльскаго.

Настоящее изданіе, переданное трохаическимъ размѣромъ, наиболѣе близкимъ къ силлабическому размѣру подлинника, назначается для русскаго юношества, ознакомленіе котораго съ величавымъ народнымъ финскимъ эпосомъ имѣетъ общепризнанное научное и образовательное значеніе.

Привѣтъ пѣвца.

Захотѣлось мнѣ спѣть пѣсню, пѣснь могучую, родную, что́ пѣвали прежде предки. Зазвучать готова пѣсня, на устахъ слова ужъ таютъ, на языкъ они стремятся, проступить хотятъ сквозь зубы.

Дорогой мой другъ, мой братецъ, сверстникъ дѣтства золотого! Ужъ давно мы не встрѣчались, наконецъ съ тобой сошлися здѣсь на сѣверѣ печальномъ. Такъ возьмемся же за руки, сложимъ вмѣстѣ наши пальцы, запоемъ съ тобою пѣсню, пѣснь могучую затянемъ. Пусть друзья услышатъ наши, молодежь пускай внимаетъ слову этихъ чудныхъ пѣсенъ; ихъ за поясомъ богатымъ пряталъ вѣрный Вейнемейненъ, на горнилѣ— Ильмариненъ, въ мѣткомъ лукѣ Юкагайненъ, на мечѣ Каукомьели, и хранились эти пѣсни на поляхъ Похьолы мрачной, на равнинахъ Калевалы.

Ихъ отецъ мой пѣлъ когда-то, вырѣзая топорище, имъ и мать меня учила, сидя за своею прялкой, между тѣмъ какъ я ребенкомъ у нея въ ногахъ все ползалъ. Былъ тогда я малой крошкой, молокомъ однимъ питался; слышалъ я отъ нихъ въ то время, какъ старѣлось въ пѣсняхъ Сампо, какъ отъ чаръ погибла Лоухи, какъ погибъ Випуненъ съ пѣсней, въ играхъ умеръ Лемминкайненъ.

Есть и словъ другихъ не мало, словъ чудесныхъ, вѣщихъ, мудрыхъ; ихъ нашелъ я на тропинкахъ, снялъ ихъ съ вереска, съ цвѣточковъ, съ кустиковъ, съ зеленыхъ вѣтокъ и съ былинокъ нѣжныхъ въ полѣ, какъ ходилъ я пастушенкомъ по лугамъ, холмамъ медовымъ за Муриккі черной дойной, за красивой пестрой Киммо. Нашепталъ морозъ мнѣ пѣсенъ, насказалъ мнѣ руны дождикъ, понавѣялъ мнѣ ихъ вѣтеръ, принесли морскія волны, птицы мнѣ слова сложили, рѣчи создали вершины сосенъ, елей и березы.

Я смоталъ въ клубокъ тѣ пѣсни, положилъ его на санки и привезъ домой къ амбару, гдѣ и спряталъ въ мѣдный ларчикъ. Долго тамъ онѣ лежали, на морозѣ все скрывались. Не пора-ль теперь достать ихъ, принести въ избу тѣ пѣсни? Не открыть ли мнѣ мой ларчикъ, полный чудныхъ словъ и звуковъ, размотать клубокъ чудесный, развязать тотъ узелъ пѣсенъ?

Пѣсню славную спою я, зазвучатъ прекрасно руны, если мнѣ предложатъ пива, поднесутъ мнѣ молодого. Если-жъ пива не дадутъ мнѣ, буду пѣть я въ сухомятку, буду и водой доволенъ, и спою свою я пѣсню всѣмъ на радость, на веселье, чтобы этотъ день украсить, завершить прекрасный вечеръ.

Руна I.

Сотвореніе міра.

Говорятъ, въ былое время такъ слагалися всѣ пѣсни: по одной приходятъ ночки, по одной алѣютъ зорьки; одинокъ былъ Вейнемейненъ, этотъ вѣчный пѣснопѣвецъ, когда божій свѣтъ увидѣлъ; матерью его родною стала Ильматаръ, дочь неба, дѣва воздуха и свѣта.

Все свое дѣвичье время провела та дочь творенья средь безоблачнаго неба, въ голубыхъ его чертогахъ. Подъ конецъ ей скучно стало одинокой жить безсмѣнно посреди небесной дали. И спустилась съ неба дѣва, наклонилася надъ моремъ, надъ пустынною равниной.

Вдругъ съ востока шквалъ нагрянулъ, поднялась внезапно буря, сразу море взбѣленилось, замутились волны пѣной. Закачало дѣву вѣтромъ, понесло ее волнами по равнинѣ необъятной.

Лѣтъ семьсотъ она носилась безъ пристанища по морю: то несло ее къ востоку, то на западъ, то на сѣверъ, то на югъ ее гналъ вѣтеръ и ко всѣмъ концамъ небеснымъ.

Дѣва тихо стала плакать, молвила слова такія:

— Горе бѣдной мнѣ, несчастной! Ахъ, зачѣмъ сюда спустилась я съ воздушныхъ тѣхъ покоевъ! Бури гонятъ меня всюду, волны въ стороны бросаютъ по равнинѣ водъ глубокихъ. Лучше было-бъ мнѣ какъ прежде жить воздушною дѣвицей, чѣмъ теперь блуждать по морю, среди волнъ неугомонныхъ бѣдной дѣвой водяною! О ты, Укко, богъ высокій, ты, въ рукахъ кого все небо! Снизойди сюда скорѣе, поспѣши ко мнѣ на помощь!

Времени прошло немного, пронеслось одно мгновенье, какъ высоко съ поднебесья утка мчится надъ водою, машетъ крыльями поспѣшно, ищетъ для гнѣзда мѣстечка. Мчится къ западу, къ востоку, мчится къ сѣверу и къ югу, мѣста все найти не можетъ, гдѣ могла-бъ гнѣздо построить и для отдыха жилище поудобнѣй приготовить.

Надъ водою пролетая, смотритъ утка вправо, влѣво,— мѣста нѣтъ, — и загрустила, и задумалась бѣдняжка:

„Коль на вѣтрѣ домъ построю, на волнахъ гнѣздо совью я, то разрушитъ домъ мой вѣтеръ, унесетъ гнѣздо волнами“.

Въ это время дочь творенья, матерь воздуха и моря, подняла изъ волнъ колѣно, подняла плечо изъ моря, чтобъ мѣстечко уготовить для жилища бѣдной птицы.

Полетавъ еще немного, видитъ утка въ синемъ морѣ на волнахъ колѣно это и сочла его за кочку, приняла за дернъ зеленый. Полетала, присмотрѣлась, на колѣно то слетѣла и гнѣздо на немъ свиваетъ. Сноситъ семь яичекъ утка, шесть изъ нихъ—все золотыя, а седьмое изъ желѣза.

Вотъ сидитъ она на кочкѣ, грѣетъ сильно то колѣно, день, другой сидитъ насѣдкой, третій день сидитъ безсмѣнно. Мать воды, творенья дѣва, вдругъ въ колѣнѣ ощущаетъ сильный жаръ, согрѣлась кожа,—какъ въ огнѣ горитъ колѣно. Дѣва вздрогнула отъ боли, тѣломъ всѣмъ затрепетала,—и скатились въ воду яйца, въ волны моря погрузились, на куски они разбились, превратилися въ обломки.

Не погибли яйца въ тинѣ, ихъ обломки не исчезли, но чудесно измѣнились всѣ до одного кусочка: изъ обломковъ нижней части вышла мать-земля сырая, а обломки верхней части превратились въ сводъ небесный, изъ желтка же верхней части солнце вышло золотое, изъ бѣлка родился мѣсяцъ, что́ блеститъ ночной порою; все же пестрое въ яичкѣ превратилось въ звѣзды неба, а изъ всѣхъ частичекъ темныхъ тучки легкія явились.

Время шло, проходятъ годы, солнце свѣтитъ золотое и сіяетъ юный мѣсяцъ. Мать воды, творенья дѣва, по морю еще блуждаетъ, по волнамъ плыветъ туманнымъ; передъ нею водяная безконечная пустыня, а надъ ней синѣетъ небо, пеленой виситъ лазурной.

Девять лѣтъ ужъ миновало, на десятое же лѣто голову изъ волнъ глубокихъ подняла творенья дѣва, начала творить созданья на равнинѣ водъ пустынныхъ, на нѣмомъ просторѣ моря. Гдѣ протягивала руку—тотчасъ мысы поднимались, гдѣ ногой на дно ступала—вырывала рыбамъ норы, гдѣ же вовсе погружалась—

создавала глуби въ морѣ, гдѣ касалась суши бокомъ, тамъ являлся ровный берегъ, гдѣ ногой земли касалась, тамъ лососи все ловились; гдѣ-жъ главу свою склоняла, тамъ являться стали бухты.

Вотъ плыветъ она отъ суши, на морѣ остановилась, стала созидать тамъ скалы и подводные утесы на погибель мореходовъ и судовъ и грузовъ цѣнныхъ.

Острова ужъ появились, скалы въ морѣ показались, вихри бурные воздвиглись, земли словомъ создалися, камни всюду запестрѣли, грозно хмурились утесы, но еще все Вейнемейненъ, вѣковѣчный пѣснопѣвецъ, съ матерью своей блуждаетъ по волнамъ пустыннымъ моря.

Долго богатырь могучій оставался въ волнахъ моря; наконецъ присталъ онъ къ мысу, не имѣвшему названья, къ сушѣ голой, безъ деревьевъ. На колѣни онъ поднялся, вышелъ на берегъ пустынный, чтобы солнцемъ любоваться, посмотрѣть на ясный мѣсяцъ, чтобъ мерцанье звѣздъ небесныхъ и Медвѣдицу увидѣть.

Руна II.

Вейнемейненъ засѣваетъ землю.

Вотъ поднялся Вейнемейненъ, вышелъ на берегъ отлогій, на пустынный въ морѣ островъ. Много, много лѣтъ онъ пробылъ, прожилъ времени не мало на томъ островѣ пустынномъ, на нѣмыхъ его равнинахъ.

Призадумался тутъ старый, размышляетъ онъ съ заботой: „Кто же здѣсь засѣетъ землю, кто обсѣменитъ поляны?“ Пеллервойненъ, отрокъ поля, это Сампса, сильный мальчикъ, онъ ему засѣетъ землю, онъ обсѣменитъ поляны.

И принялся юный Сампса засѣвать поля, болота, всѣ песчаныя ложбины, каменистыя долины. На горахъ посѣялъ сосны, на холмахъ безмолвныхъ ели, на степяхъ—красивый верескъ, а въ ложбинахъ—лишь кустарникъ. Рвы березою засѣялъ, почву рыхлую—ольхою, а черемухой ту землю, что̀ мягка была отъ влаги; по низамъ онъ иву сѣялъ, по болотамъ—лишь ракиту,

по святымъ мѣстамъ—рябину, гдѣ пески—тамъ можжевельникъ, а дубы—у рѣкъ глубокихъ.

Начали рости деревья, къ небу тянутся побѣги, зацвѣли вершины елей, распустили сосны вѣтви, и березы поднялися надъ извилистыми рвами; и черемуха, и ольха зацвѣли, зазеленѣли, можжевельникъ низкорослый много ягодъ далъ красивыхъ.

Старый вѣрный Вейнемейненъ осмотрѣть пошелъ поляны и мѣста, гдѣ сѣялъ Сампса. Увидалъ—ростутъ деревья, кверху тянутся отростки, только дубъ не принимался — не пускалъ корней онъ въ землю. Предоставивъ злому древу приниматься на свободѣ, выждалъ онъ три дня, три ночи, выждалъ цѣлую недѣлю, и пошелъ опять онъ къ дубу; смотритъ: дубъ взойти не хочетъ, корня въ землю не пускаетъ.

Видитъ онъ, четыре дѣвы, даже пять изъ моря вышли, на лужайкѣ мягкой стали, на туманномъ на мысочкѣ, ворошить, скосивши, сѣно и сгребать то сѣно въ копны. Вдругъ изъ моря витязь вышелъ, богатырь изъ волнъ поднялся, онъ сдавилъ траву, и тотчасъ травы ярко загорѣлись, и на мѣстѣ ихъ осталась лишь золы большая куча.

Вотъ кладетъ въ золу онъ листикъ, вмѣстѣ съ нимъ дубовый жолудь, и изъ кучи стройно выросъ, поднялся побѣгъ зеленый и зацвѣлъ двойнымъ отросткомъ, широко раскинулъ зелень, вѣтви онъ поднялъ высоко, до небесъ вершину поднялъ, облака онъ задѣваетъ, останавливаетъ тучи, отъ земли скрываетъ солнце, заслоняетъ въ небѣ мѣсяцъ.

Поразмыслилъ Вейнемейненъ, разсудилъ такъ мудрый старецъ:

„Этотъ дубъ срубить бы надо, стройный стволъ свалить на землю,—грустно людямъ жить на свѣтѣ, плавать

рыбамъ непривычно, если солнышко не свѣтитъ, если мѣсяцъ не сіяетъ".

Богатырь не находился, не нашлося великана, чтобъ срубить тотъ дубъ могучій, дубъ съ стоглавою вершиной.

Говоритъ слова такія мудрый старый Вейнемейненъ:

— О ты, мать моя родная! Дочь великая творенья! Много силъ вода имѣетъ, изъ воды пошли мнѣ силы, чтобъ свалить сей дубъ высокій, чтобъ срубить мнѣ злое древо, чтобы солнце вновь свѣтило и блестѣлъ бы мѣсяцъ ясный!

Вотъ изъ моря мужъ выходитъ, богатырь изъ волнъ поднялся, не особенно высокій, но и тоже не изъ малыхъ; въ шапкѣ мѣдной онъ явился; сапоги и рукавицы, чудный поясъ, что̀ на тѣлѣ, и топоръ его могучій — все изъ мѣди; топорище толщиной въ одинъ лишь палецъ, лезвіе-жъ не шире ногтя.

Старый мудрый Вейнемейненъ такъ подумалъ и размыслилъ:

„Съ виду онъ похожъ на мужа, тѣломъ богатырь онъ статный, ростомъ же всего лишь въ палецъ, вышиной едва съ копыто".

И возвысивъ голосъ, старецъ говоритъ слова такія:

— Ты не смотришь мужемъ сильнымъ, богатырь ты самый жалкій, мертвецы тебя сильнѣе.

Отвѣчаетъ витязь моря:

— Нѣтъ, я мужъ не хуже многихъ, богатырь изъ волнъ могучихъ и пришелъ срубить стволъ дуба, разрубить его на щепы!

Говоритъ слова такія старый мудрый Вейнемейненъ:

— Не тебѣ, малышъ, по силамъ, браться за такое дѣло. Знаю: дуба ты не срубишь, расщепить его не сможешь.

Но едва сказалъ онъ это, не успѣлъ онъ оглянуться,

какъ малышъ вдругъ измѣнился, превратился въ великана: ноги по землѣ волочитъ, головой уперся въ небо, борода же—по колѣно, волоса—до самыхъ пятокъ, глазъ отъ глаза почти сажень, икры въ сажень шириною, голень въ полторы сажени, бедра въ цѣлыхъ двѣ сажени. Онъ топоръ проворно точитъ на семи точильныхъ камняхъ и затѣмъ шагаетъ быстро прямо къ дубу великану. Только три шага онъ сдѣлалъ, подошелъ ужъ къ корнямъ дуба. Начинаетъ дубъ рубить онъ, при второмъ уже ударѣ искры сыплются съ желѣза, а изъ дуба пышетъ пламя; закачался дубъ могучій, наклонилися вершины, наконецъ ударомъ третьимъ повалилъ онъ исполина.

Стволъ къ востоку положилъ онъ, а верхушки всѣ на западъ, листья разбросалъ онъ къ югу, вѣтви раскидалъ на сѣверъ. Если тамъ кто поднялъ вѣтку, то нашелъ на-вѣки счастье, кто досталъ себѣ верхушку, тотъ позналъ все чародѣйство, кто себѣ отрѣзалъ листьевъ, тотъ добылъ отраду сердца; но всѣ щепки, что отъ рубки разлетѣлися по морю, на волнахъ заколыхались какъ суда въ открытомъ морѣ; вѣтеръ ихъ понесъ къ Похьолѣ, гдѣ на берегу угрюмомъ дѣва платье полоскала на концѣ большого мыса; увидала дѣва щепки, забрала ихъ всѣ въ котомку и снесла домой находку, чтобъ колдунъ надѣлалъ стрѣлы, чтобъ заворожилъ оружье.

Только исполинъ свалился, мощный дубъ былъ опрокинутъ, солнце снова засіяло, мѣсяцъ ясный показался, потянулись снова тучки, снова радуги явились на мысочкѣ средь тумановъ, на томъ островкѣ цвѣтущемъ. Славно рощи зеленѣли, поднялись лѣса высоко, распустились листья, травы, пѣли птицы на деревьяхъ и кукушка куковала. Стебли ягодъ показались, появилися

цвѣточки, разрослися густо злаки и другія всѣ растенья,— лишь ячмень не поднимался, сѣмя доброе не зрѣло.

Старый вѣрный Вейнемейненъ бродитъ долго возлѣ моря и съ заботой размышляетъ. Тамъ шесть зернышекъ нашелъ онъ, даже семь сѣмянъ онъ поднялъ на песчаной мягкой почвѣ; спряталъ онъ ихъ въ куньемъ мѣхѣ, въ желтой лапкѣ лѣтней бѣлки и пошелъ онъ сѣять поле,

разсыпать благое сѣмя близъ источника Калевы, на краю поляны Осмо.

А синица съ вѣтки пѣла:

— Не взойдетъ ячмень у Осмо, не взойдетъ овесъ Калевы, если поле не расчистить, лѣсъ не вырубить подъ пашню, хорошо огнемъ не выжечь.

Старый вѣрный Вейнемейненъ свой топоръ наладилъ острый, началъ онъ рубить деревья, ихъ разбрасы-

вать по полю; всѣ лѣса тогда срубилъ онъ и оставилъ лишь березу, чтобъ на ней былъ птицамъ отдыхъ, куковать могла кукушка.

Вотъ летитъ орелъ могучій, прилетѣлъ съ небесъ высокихъ, чтобъ взглянуть на ту березу:

— Для чего одна осталась здѣсь красивая береза, стройный стволъ ей не срубили?

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ:

— Для того она осталась, чтобъ нашли тутъ отдыхъ птицы, чтобъ сидѣлъ орелъ небесный.

Говоритъ орелъ небесный:

— Хорошо, что не срубилъ ты стройный стволъ березы этой, гдѣ найдутъ свой отдыхъ птицы, гдѣ и я садиться буду.

И орелъ огонь тутъ добылъ; запылалъ огонь на полѣ; вѣтры, пламя раздувая, мчатся съ сѣвера, съ востока, превращаютъ рощи въ пепелъ, дымомъ поле покрываютъ.

Старый вѣрный Вейнемейненъ вынимаетъ всѣ шесть зеренъ, семь сѣмянъ беретъ различныхъ изъ хорьковой лѣтней шкурки и идетъ засѣять землю, сѣмена бросать по полю.

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Сѣю сѣмя здѣсь на полѣ всемогущаго рукою, чтобъ взошло на этомъ полѣ, чтобъ росло на этихъ земляхъ. О ты, старица земная, мать земли, полей хозяйка, дай землѣ ты силъ побольше, дай ты силы тучной почвѣ! Силъ достаточно въ ней будетъ, если дочери творенья ей свою даруютъ милость. Мать-сыра земля проснися, пробудись отъ сна вся почва, дай на волю стеблямъ выйти, дай подняться всѣмъ побѣгамъ, чтобы тысячи колосьевъ разрослись на этомъ полѣ, гдѣ такъ много я трудился. О ты, Укко, богъ могучій, ты, властитель

тучъ небесныхъ, собери совѣтъ на небѣ и пошли съ востока тучу, съ сѣвера пошли другую, съ юга, съ запада пошли ихъ, и пролей ты дождь на поле.

Укко, богъ высокій въ небѣ, скоро тучи посылаетъ съ юга, съ запада, съ востока, гонитъ съ сѣвера онъ тучи. Вотъ сошлись... и громъ раздался... и полился дождь небесный, льется медъ изъ тучъ высокихъ, чтобъ колосья поднялися, чтобъ взошли высоко стебли изъ земли сырой и мягкой.

Вотъ проходятъ дни и ночи, миновала ужъ недѣля. Вышелъ старый Вейнемейненъ посмотрѣть теперь на всходы, надъ которыми трудился. Видитъ онъ ростетъ отлично, хорошо ячмень поднялся; каждый колосъ шестигранный, три узла на каждомъ стеблѣ.

Вотъ летитъ къ нему кукушка, видитъ стройную березу, говоритъ слова такія:

— Для кого же тутъ осталась одинокая береза?

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ:

— Для тебя она осталась и для прочихъ птицъ небесныхъ, чтобъ на ней ты куковала. Спой же пѣсенку, кукушка, серебристъ твой звонкій голосъ. Пой здѣсь вечеромъ и утромъ, пой здѣсь пѣсни тоже въ полдень, чтобъ украсились поляны, чтобъ лѣса здѣсь зеленѣли, чтобы взморье богатѣло и весь край зерномъ былъ полонъ.

Руна III.

Споръ Вейнемейнена съ Юкагайненомъ.

Старый вѣрный Вейнемейненъ поживаетъ тихо, мирно посреди лѣсовъ Вейноле, посреди дубравъ Калевы. Тамъ онъ, мудрый, распѣваетъ, тамъ поетъ свои онъ пѣсни—день за днемъ и ночь за ночью—о дѣлахъ временъ минувшихъ, пѣлъ веществъ происхожденье, что ни малому ребенку, ни герою не понятно въ эти времена плохія, времена упадка духа.

Всюду вѣсти разнеслися, далеко молва проникла объ искусной пѣснѣ старца, о напѣвахъ мудрыхъ Вейно. И на югъ проникли вѣсти, донеслись до Похіолы. Жилъ тамъ юный Юкагайненъ, жалкій юноша лапландецъ; какъ-то разъ пошелъ онъ въ гости, слышитъ странныя тамъ рѣчи, будто средь полей Вейноле, на равнинахъ Калевалы, распѣваютъ пѣсни лучше, чѣмъ онъ самъ ихъ пѣлъ доселѣ.

Осерчалъ младъ Юкагайненъ, омрачила сердце зависть, что его напѣвы хуже, чѣмъ поетъ ихъ Вейне-

мейненъ. Къ матери своей идетъ онъ, говоритъ сѣдой старушкѣ, что онъ ѣдетъ въ Калевалу, чтобъ поспорить съ старымъ Вейно.

Запрещаютъ ему ѣхать и отецъ, и мать старуха, не пускаютъ спорить съ Вейно, говорятъ слова такія:

— Тамъ заклятьями одними, колдовствомъ тебя зароютъ въ глубину сугробовъ снѣжныхъ, такъ что шевельнуть руками иль ногами ты не сможешь.

Молвитъ юный Юкагайненъ:

— Хороши отца совѣты, матери еще получше, но всѣхъ лучше свое знанье! Коль поспорить захочу я и вступить съ кѣмъ въ состязанье, лучшаго пѣвца осилю своей пѣснью чародѣйской, заколдую ноги въ камень, наложу на грудь каменья, плечи завалю камнями, дамъ изъ камня рукавицы, шлемомъ каменнымъ накрою!

И не слушаясь совѣта, вывелъ онъ коня изъ стойла; изъ ноздрей коня бьетъ пламя, сыплются съ копыта искры. Вотъ ужъ конь ретивый взнузданъ, впряженъ въ сани золотыя; Юкагайненъ въ нихъ усѣлся, онъ стегнулъ коня вожжами, кнутикомъ съ жемчужной ручкой, и впередъ помчался вихремъ добрый конь, взрывая землю.

Все впередъ онъ быстро мчится, скачетъ день, другой, на третій онъ достигъ полянъ Вейноле и цвѣтущей Калевалы. Старый вѣрный Вейнемейненъ, этотъ вѣщій заклинатель, ѣхалъ тою же дорогой, проѣзжалъ путемъ онъ тѣмъ же межъ полянъ родной Вейноле, по равнинамъ Калевалы.

Мчится быстро Юкагайненъ, вихремъ на него наѣхалъ: поломалися оглобли и гужи переплелися, хомуты коней порвались, дуги сильно затрещали. Вотъ они остановились, призадумалися оба; съ дугъ сочились капли влаги, а съ оглобель паръ поднялся.

Вопрошаетъ Вейнемейненъ:

— Ты откуда будешь родомъ, что несешься какъ безумный мнѣ навстрѣчу, безъ оглядки? Изорвалъ хомутъ мой новый, надломилъ дугу изъ вѣтки, поломалъ мои ты сани, изломалъ полозья новы.

Молвитъ юный Юкагайненъ, говоритъ слова такія:

— Молодой я Юкагайненъ; но теперь скажи ¦и ты мнѣ: ты откуда будешь родомъ, изъ какой дрянной семьи ты?

Старый вѣрный Вейнемейненъ называетъ свое имя, говоритъ слова такія:

— Такъ ты юный Юкагайненъ! Уступи-жъ тогда дорогу: ты лѣтами помоложе.

Отвѣчаетъ Юкагайненъ:

— Ни при чемъ тутъ старость, юность. Кто кого сильнѣе знаньемъ, да и мудростью богаче, тотъ не тронется съ дороги, а другой ему уступитъ! Такъ ты— старый Вейнемейненъ, тотъ извѣстный заклинатель! Что-жъ, начнемъ пѣть наши пѣсни, испытаемъ силу слова, кто кого осилитъ пѣньемъ!

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Врядъ ли я смогу пѣть пѣсни, не ученъ такимъ я знаньямъ, прожилъ жизнь здѣсь одиноко, на пустынныхъ сихъ равнинахъ, слышалъ здѣсь одну кукушку. Но позволь тебя послушать, что́ ты знаешь больше прочихъ?

Отвѣчаетъ Юкагайненъ:

— У меня не мало знаній, но яснѣй всего я знаю: въ кровлѣ есть окно для дыма; пламя въ очагѣ у печки; жить тюленямъ превосходно, лакомятся вдоволь рыбой; сигъ живетъ на ровномъ мѣстѣ, тамъ же водятся лососи; щука въ море уплываетъ, чтобъ метать икру зимою; но трусливъ горбатый окунь, въ глубь онъ

осенью уходитъ, лѣтомъ же икру онъ мечетъ, возлѣ берега рѣзвится. Если знать ты хочешь, разсказать тебѣ могу я, что на сѣверѣ далекомъ пашутъ люди на оленяхъ, за Лапландіей—быками, а на югѣ—лошадями. Есть три главныхъ водопада, столько же озеръ огромныхъ; есть и три горы высокихъ подъ небеснымъ этимъ сводомъ, у тавастовъ—Геллепьере, у кареловъ—Катракоски, одолѣть нельзя Вуоксу, побѣдить нельзя Иматру.

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Это все ребячья мудрость, не къ лицу она женатымъ, неприлична взрослымъ людямъ. Спой ты мнѣ веществъ начало, смыслъ дѣяній вѣковѣчныхъ.

Молвилъ юный Юкагайненъ, говоритъ слова такія:

— Хочешь знать вещей начало: изъ породы птицъ синица, изъ породы змѣй—ехидна, ершъ въ водѣ—все та же рыба; знаю, что желѣзо мягко, что земля перекисаетъ, кипяткомъ обжечься можно, а огонь весьма опасенъ. Изъ лѣкарствъ—вода старѣе, пѣной дѣлаютъ заклятья, изъ врачей—Творецъ есть первый, нашъ помощникъ онъ старѣйшій; изъ горы вода явилась, а огонь упалъ къ намъ съ неба, ржавчина даетъ желѣзо, мѣдь же водится въ утесахъ; старше всѣхъ земель — болота, ива старше всѣхъ деревьевъ, первые дома—изъ ели, первые котлы изъ камня.

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Что́ еще сказать ты можешь? Иль ужъ болтовню ты кончилъ?

Молвилъ юный Юкагайненъ:

— Помнится еще мнѣ что-то, помню старину сѣдую, какъ тогда пахалъ я море, какъ взрывалъ морскія глуби, рыбамъ вырывалъ притоны, создалъ прѣсныя озера, изъ земли поднялъ всѣ горы, грузно взгромоздилъ утесы. Помню, былъ тогда шестымъ я, и седьмымъ

считался тоже межъ людьми-богатырями; я создалъ всю эту землю, воздуху предѣлъ поставилъ, утвердилъ я столбъ воздушный. Мной построенъ сводъ небесный, я направилъ мѣсяцъ ясный, солнце свѣтлое поставилъ и разсыпалъ звѣзды въ небѣ!

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Лжешь совсѣмъ ты черезъ мѣру; не было тебя въ то время, какъ тогда пахали море, рыбамъ глуби вырывали, какъ дно моря опускали, горы въ высь нагромоздили, и тебя тамъ не видали, когда землю созидали, утверждали сводъ небесный, солнце ставили на небѣ, звѣзды всѣ тамъ разсыпали.

Отвѣчаетъ Юкагайненъ, говоритъ слова такія:

— Если мудростью я бѣденъ, то въ мечѣ она найдется! Ну-ка! старый Вейнемейненъ, ты пѣвецъ со ртомъ широкимъ. Мѣряться давай мечами, у кого клинки получше!

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Я нисколько не боюся твоего меча, ни злобы, не хочу съ тобой, негоднымъ, мѣряться въ бою мечами.

Обозлился Юкагайненъ, покривился ротъ отъ гнѣва, головой встряхнулъ лохматой, говоритъ слова такія:

— Кто боится мечъ помѣрять, выступить на поединокъ, пѣснь моя того заставитъ быть свиньею тупорылой, трусовъ я такихъ съумѣю закопать въ навозной кучѣ, иль забросить въ уголъ хлѣва!

Омрачился Вейнемейненъ, запылали гнѣвомъ очи: самъ запѣлъ тогда онъ пѣсню, пѣсню грозную героевъ, что не можетъ молодежь пѣть, а ребята и подавно. Началъ пѣсню Вейнемейненъ, и озера всколыхались, задрожали земли, горы, скалы съ грохотомъ валились. Отъ его могучей пѣсни на дугѣ лапландца тотчасъ разрослись густыя вѣтки, сталъ хомутъ внезапно ивой, а

шлея — вербою гибкой, позолоченныя сани въ жалкій тальникъ обратились, кнутъ—въ осоку на прибрежьи, рѣзвый конь—въ утесъ гранитный, мечъ съ златою рукояткой—въ молнію на темномъ небѣ, лукъ, украшенный узоромъ—въ радугу надъ темнымъ моремъ, стрѣлы легкія какъ перья—ястребами полетѣли, тупомордая собака—въ мигъ огромнымъ камнемъ стала, шапка въ тучу превратилась, рукавицы — въ двѣ кувшинки, куртка—въ облачко на небѣ, мягкій поясъ — въ ясны звѣзды.

Онъ поетъ — и Юкагайненъ погружается въ болото, до плечей въ песокъ сыпучій.

Тутъ ужъ понялъ Юкагайненъ, что напрасно онъ затѣялъ споръ со старцемъ въ пѣснопѣньи, съ Вейнемейненомъ премудрымъ. Хочетъ онъ ногою двинуть, но ноги поднять не можетъ, хочетъ двинуть онъ другою—но она обута въ камень.

Испугался Юкагайненъ, сталъ молить онъ о пощадѣ:

— О ты, мудрый Вейнемейненъ, измѣни свои заклятья, выпусти меня отсюда, дамъ тебѣ богатый выкупъ!

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Что́-жъ ты дашь мнѣ, коль верну я вѣщимъ словомъ заклинанья, выпущу тебя отсюда?

Молвилъ юный Юкагайненъ:

— У меня два чудныхъ лука, что́ безъ промаха стрѣляютъ, выбирай, какой ты хочешь.

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Ты глу́пецъ: на что́ мнѣ луки? У меня ихъ дома много понавѣшано по стѣнамъ; сами въ лѣсъ они уходятъ, безъ меня ведутъ охоту.

Онъ запѣлъ, и Юкагайненъ опустился глубже въ топи.

Молвилъ юный Юкагайненъ:

— У меня двѣ славныхъ лодки: мчится первая какъ птица, а вторая грузы возитъ; выбирай изъ нихъ любую.

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ:

— Не нуждаюсь въ твоихъ лодкахъ: у меня и такъ ихъ много, все прибрежье ими полно: плаваютъ однѣ по вѣтру, а другія противъ вѣтра.

Вновь запѣлъ, и Юкагайненъ глубже затонулъ въ болото.

Молвитъ въ страхѣ Юкагайненъ:

— Я коней имѣю славныхъ, жеребцовъ прекрасныхъ пару; оба рѣзвы, мчатся птицей; выбирай изъ нихъ любого.

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Мнѣ коней твоихъ не нужно: у меня ихъ дома много, всѣ какъ на подборъ прекрасны, стойла ими уже полны.

Вновь запѣлъ, и Юкагайненъ погрузился въ топи глубже.

Молвилъ юный Юкагайненъ:

— О ты, старый Вейнемейненъ, измѣни слова святыя: шлемъ я золотомъ наполню, серебра тебѣ дамъ.

вволю, что отецъ добылъ въ сраженьѣ, съ битвы взялъ ожесточенной.

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ:

— Въ серебрѣ я не нуждаюсь, злата также мнѣ не нужно: этого добра не мало дома у меня хранится: кладовыя всѣ ужъ полны, сундуки биткомъ набиты.

Вновь запѣлъ, и Юкагайненъ глубже, глубже вязнетъ въ топи...

Молитъ юный Юкагайненъ:

— О ты, мудрый Вейнемейненъ! Выпусти меня отсюда, не давай мнѣ здѣсь погибнуть! Всѣ поля тебѣ отдамъ я, весь мой хлѣбъ я обѣщаю, лишь бы жизнь свою спасти мнѣ и избавиться отъ смерти!

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Мнѣ твои поля не нужны, въ хлѣбѣ также не нуждаюсь: у меня поля повсюду, много скирдъ на каждомъ полѣ, и они получше будутъ всѣхъ полей твоихъ хваленыхъ.

Вновь запѣлъ, и Юкагайненъ погрузился глубже въ топи. Наконецъ лапландецъ юный и совсѣмъ перепугался: онъ завязъ до рта въ трясинѣ, весь почти ушелъ въ болото, въ ротъ земля набилась съ мохомъ, зубы тиною покрылись.

И взмолился Юкагайненъ:

— О ты, мудрый Вейнемейненъ, вѣковѣчный заклинатель! Вороти назадъ заклятья, не губи ты жизни юной, отпусти меня на волю. Топь сейчасъ меня затянетъ, и песокъ закроетъ очи. Если ты вернешь заклятья, страшный заговоръ воротишь, дамъ тебѣ сестрицу Айно, дамъ дочь матери родимой, чтобъ мела твое жилище, въ чистотѣ его держала; будетъ мыть она кадушки, будетъ шить тебѣ одежду, ткать покровы золотые и готовить хлѣбъ медовый.

Старый вѣрный Вейнемейненъ просіялъ, возрадовался, услыхавъ, что Юкагайненъ дастъ жену ему на старость. На скалу тогда присѣлъ онъ, всталъ онъ весело на камень, началъ снова пѣснопѣнье. Спѣлъ онъ пѣсню, спѣлъ другую, а при третьей вѣщей пѣснѣ ужъ вернулъ всѣ заклинанья, взялъ назадъ свои заклятья.

Вотъ выходитъ Юкагайненъ, вылѣзаетъ изъ болота, изъ утеса лошадь вышла, хворостъ въ сани превратился, изъ осоки кнутъ явился.

Въ сани юный Юкагайненъ поспѣшилъ скорѣй усѣсться, голову повѣсивъ, ѣдетъ онъ домой съ заботой тяжкой, къ матери своей родимой. Гонитъ онъ коня нещадно, какъ безумный въ дворъ примчался, объ овинъ сломалъ онъ сани, въ воротахъ сломалъ оглобли.

Мать не знаетъ, что́ подумать, а отецъ съ укоромъ молвитъ:

— Что ты, развѣ шутки ради поломалъ оглобли, сани? Ты зачѣмъ какъ полоумный прискакалъ домой обратно?

Плачетъ горько Юкагайненъ, головой поникъ уныло, шапка на сторону сбилась, губы сжаты, самъ весь блѣденъ.

Мать спѣшитъ узнать у сына, хочетъ знать причину горя:

— Ты о чемъ, сыночекъ, плачешь, чѣмъ такъ сильно ты разстроенъ? Смотришь грустно, носъ повѣсилъ, на себя ужъ не похожъ ты.

Молвилъ юный Юкагайненъ:

— О ты, матушка родная, не безъ повода я плачу: вѣдь со мной бѣда случилась, горевать я буду вѣчно, что сестрицу дорогую, Айно, дочь твою родную, Вейнемейнену я отдалъ, чтобъ была ему женою, старцу хилому опорой.

Мать всплеснула тутъ руками, молвила слова такія:

— Полно плакать, сынъ родимый, горевать тутъ нѣтъ причины. Я давно живу надеждой и всегда того желала, чтобъ герой могучій этотъ, пѣснопѣвецъ Вейнемейненъ, былъ моимъ желаннымъ зятемъ, мужемъ дочери родимой.

Всѣ слова тѣ слышитъ Айно, горько залилась слезами, плачетъ день, другой день плачетъ, сидя на крыльцѣ рыдаетъ, съ горя, отъ тоски сердечной.

Говоритъ мать, утѣшая:

— Отчего ты плачешь, дочка, у тебя женихъ вѣдь знатный, не простой, а мужъ могучій. Подъ окошкомъ на скамейкахъ будешь тамъ сидѣть спокойно.

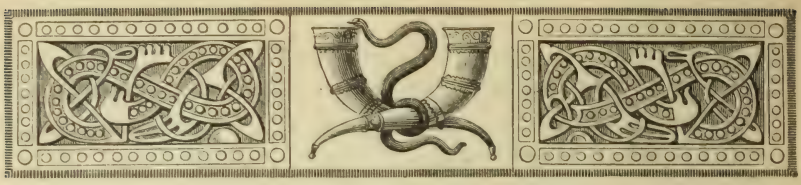
Отвѣчаетъ дочь печально:

— О ты, матушка родная, есть о чемъ теперь мнѣ плакать: жаль мнѣ косъ дѣвичьихъ, мягкихъ, что ихъ съ этихъ лѣтъ завяжутъ, и жалѣть я буду вѣчно это солнце золотое, этотъ ясный, нѣжный мѣсяцъ и весь синій сводъ небесный, что придется ихъ покинуть и забыть поля родныя.

Говоритъ мать дочкѣ юной:

— Полно, глупенькая, плакать, слезы льешь ты безъ причины! Всюду свѣтитъ Божье солнце, а не только въ нашемъ краѣ. Ягодъ тоже всюду много, и набрать ты можешь вдоволь ихъ въ другихъ мѣстахъ далекихъ, а не только что въ дубравахъ и густыхъ лѣсахъ отцовскихъ.

Руна IV.

Сватовство Вейнемейнена.—Смерть Айно.

Айно, дѣва молодая, Юкагайнена сестрица, въ лѣсъ пошла нарѣзать вѣтокъ, чтобы вѣниковъ надѣлать. Для отца связала вѣникъ, матери другой связала, третій брату дорогому. Вотъ направилась ужъ къ дому, какъ подходитъ Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Для меня, не для другого, ты носи, дѣвица, жемчугъ, золотой на шеѣ крестикъ; для меня плети ты косы, перевязывай ихъ лентой.

Отвѣчала такъ дѣвица:

— Я ношу на шеѣ крестикъ, косы лентой заплетаю для себя — не для другого... Мнѣ не надо лучшихъ платьевъ, въ бѣломъ хлѣбѣ не нуждаюсь: я люблю простое платье, съѣмъ охотнѣе хлѣбъ черный у себя въ отцовскомъ домѣ и у матери родимой.

Вотъ съ груди срываетъ крестикъ, съ пальцевъ кольца золотыя, съ шеи жемчугъ въ тонкихъ ниткахъ, съ головы сорвала ленту, побросала все въ кустарникъ и въ слезахъ домой бѣжала.

У окна отецъ работалъ, спрашиваетъ дочь родную:

— Ты о чемъ же, дочка, плачешь? Ты о чемъ, дитя, горюешь?

— Есть, отецъ, причина плакать, у меня большое горе: потеряла я свой крестикъ, съ пояска мои застежки.

У воротъ же братъ работалъ, надъ дугой рѣзной возился:

— Ты о чемъ, сестрица, плачешь и о чемъ теперь горюешь?

— Есть причина, братецъ, плакать, у меня на сердцѣ горе: потеряла я свой жемчугъ, съ пальца кольца золотыя.

Въ горницѣ сестра сидѣла, ткала поясы златые:

— Ты о чемъ, сестрица, плачешь, и о чемъ, дитя, горюешь?

— Оттого, сестрица, плачу, что утратила я пряжку, мой серебряный налобникъ съ длинной лентой голубою.

Въ кладовой съ устоя сливки мать снимала въ это время и она спросила дочку:

— Ты о чемъ, дочурка, плачешь, и о чемъ, дитя, тоскуешь?

— О, ты, мать моя родная, горе у меня большое, грусть-тоска мнѣ гложетъ сердце, не даетъ нигдѣ покоя: въ лѣсъ пошла я рѣзать вѣтки, чтобы вѣниковъ надѣлать; я отцу связала вѣникъ, для тебя другой связала, третій брату дорогому и пошла домой неспѣшно. Вдругъ подходитъ Вейнемейненъ, говоритъ слова такія: „для меня, не для другого, ты носи, дѣвица, жемчугъ, золотой на шеѣ крестикъ, для меня плети ты косы, перевязывай ихъ лентой“. Я съ груди сорвала крестикъ, съ шеи жемчугъ драгоцѣнный и швырнула все въ болото, а ему я такъ сказала: „я ношу на шеѣ кре-

стикъ, косы лентой заплетаю для себя — не для другого... Не нуждаюсь въ лучшихъ платьяхъ, бѣлыхъ хлѣбовъ мнѣ не надо: я люблю простое платье, съѣмъ охотнѣе хлѣбъ черствый у себя въ отцовскомъ домѣ и у матушки родимой".

Говоритъ старуха дочкѣ:

— Полно, полно, дочка, плакать, полно горевать, родная! Будешь цѣлый годъ ѣсть масло, станешь ты еще стройнѣе; на другой годъ ѣшь свинину—будешь ты еще статнѣе, а на третій—сливки съ хлѣбомъ, и красавицей ты станешь! На пригоркѣ кладовая, подъ туда, найдешь тамъ много сундуковъ и ларцевъ разныхъ. Ты сундукъ открой тамъ лучшій, въ немъ найдешь подъ пестрой крышкой поясовъ шесть златотканныхъ, семь прекрасныхъ синихъ платьевъ, ихъ дочь мѣсяца соткала, и дочь солнышка ихъ сшила. Въ годы юности минувшей я частенько въ лѣсъ ходила, спѣлыхъ ягодъ тамъ искала. Вотъ однажды, шумъ заслышавъ, увидала въ темной рощѣ я дочь мѣсяца за станомъ, дочку солнышка за прялкой. Подхожу я боязливо и смиренно попросила: „дай, дочь солнышка, сребра мнѣ, дай, дочь мѣсяца, мнѣ злата, дайте дѣвочкѣ бѣдняжкѣ, дайте бѣдному ребенку!" Серебра дала дочь солнца, дочь луны дала мнѣ злата. Я златой уборъ надѣла и серебряный налобникъ и домой въ цвѣтахъ вернулась. День, другой я ихъ носила, а на третій поснимала, унесла ихъ въ кладовую, гдѣ они досель хранятся. Ты надѣнь изъ шолка ленты, золотой возьми налобникъ, нарядись въ прозрачный жемчугъ, золотой одѣнь свой крестикъ, полотняную сорочку. Вынь и платье шерстяное и одѣнь изъ шолка поясъ, тамъ чулки найдешь такіе-жъ, башмаки изъ лучшей кожи. Заплети себѣ ты косы, лентой шолковой свяжи ихъ; не забудь одѣть и кольца, и запястья золотыя. И когда при-

нарядишься, ты къ отцу въ избу вернися, и роднымъ, и намъ на радость. Какъ цвѣточекъ, ты пройдешься, выйдешь спѣлой земляничкой, станешь прежняго стройнѣе, веселѣе и прекраснѣй.

Такъ ей матушка сказала, такъ дѣвицѣ говорила. Дочка же рѣчамъ не внемлетъ, матушкиныхъ словъ не слышитъ: плачетъ горько, неутѣшно.

Со слезами дѣва вышла, говоритъ слова такія:

— Весела ли жизнь счастливыхъ, каково у нихъ на сердцѣ? Жизнь счастливыхъ точно зорька, точно лѣтній день подъ солнцемъ.—Какова же жизнь несчастныхъ, каково у нихъ на сердцѣ?—Мглы чернѣе жизнь несчастныхъ, темныхъ, зимнихъ дней темнѣе.—У меня-жъ теперь на сердцѣ грусть темнѣе зимней ночи. Лучше было-бъ мнѣ, несчастной, даже вовсе не родиться: не видала бы я свѣта и не знала бы печали. Если-бъ я жила не долго и младенцемъ бы скончалась, мнѣ бы только нужно было крошечный кусокъ холстины, пядь землицы подъ горою, слезы матери родимой, отъ отца слеза другая, и едва-ль слеза отъ брата.

Плачетъ день-другой дѣвица; мать опять ее спросила:

— Ты о чемъ, родная, плачешь? Ты о чемъ, дитя, тоскуешь?

— Оттого и дни, и ночи заливаюсь я слезами, что свою ты дочь родную обѣщала дать въ утѣху старику тому сѣдому. Лучше-бъ ты мнѣ приказала броситься на дно морское, быть подругой рѣзвымъ рыбкамъ, вѣчно жить въ волнахъ глубокихъ, чѣмъ быть старому утѣхой и для дряхлаго опорой.

Вотъ пошла она къ пригорку и приходитъ въ кладовую, отворяетъ лучшій ящикъ и находитъ въ немъ подъ крышкой поясовъ шесть златотканныхъ, семь прекрасныхъ синихъ платьевъ. Наряжается дѣвица, одѣ-

ваетъ, что́ получше: украшенья золотыя и серебряный налобникъ, жемчугъ, ленту голубую и на лобъ шнурокъ пунцовый.

Вотъ идетъ она оттуда по лугамъ и по полянамъ, бродитъ грустно по равнинамъ, по густымъ лѣсамъ и рощамъ и поетъ себѣ тихонько:

— Тяжело мнѣ жить на свѣтѣ, грусть-тоска меня снѣдаетъ! Вѣдь тоска сильнѣй не будетъ, еслибъ умереть мнѣ, бѣдной, и покончить съ скорбью горькой. Видно ужъ настало время, съ этой жизнью мнѣ разстаться и сойти въ чертоги Маны, въ царство мрачнаго Туони. Ты не плачь, отецъ родимый, не гнѣвися, мать родная, осуши, сестрица, слезы, не горюй, родимый братецъ, если утону я въ морѣ, пропаду въ пучинѣ темной.

День-другой идетъ дѣвица, наконецъ уже на третій, поздно вечеромъ, лишь къ ночи, вышла къ берегу морскому. Тамъ проплакала весь вечеръ, ночь всю громко тосковала, сидя на прибрежномъ камнѣ, на окраинѣ залива. Дождалась она разсвѣта, видитъ около мысочка плещутся въ волнахъ три дѣвы, и рѣшила быть четвертой. Сняла кольца, украшенья, жемчугъ, золото, налобникъ, сбросила на лугъ одежду, башмаки, чулки и платье. Недалеко отъ прибрежья надъ волной сверкалъ тамъ камень; поплыла къ нему дѣвица, той скалы достигла скоро, отдохнуть на ней собралась; но едва туда ступила, какъ утесъ вдругъ рухнулъ въ воду, опустился къ дну морскому, съ тѣмъ же камнемъ и бѣдняжка Айно, дѣва молодая...

Такъ въ волнахъ погибла дѣва. Погружаясь въ волны моря, такъ бѣдняжка говорила:

— Никогда, отецъ родимый, не лови въ волнахъ сихъ рыбы. Никогда ты, мать родная, не бери воды въ заливѣ, чтобъ мѣсить для хлѣба тѣсто. Никогда, мой

братъ любимый, не пои коня водою, взятою на этомъ мѣстѣ. Никогда, моя сестрица, ты водой не мойся этой. Волны всѣ на этомъ морѣ—кровь сестры твоей несчастной; рыбы всѣ въ заливѣ этомъ—тѣло дѣвы утонувшей; всѣ кусточки на прибрежьи — это косточки дѣвицы, а прибрежныя всѣ травы изъ моихъ волосъ всѣ вышли.

Такъ скончалася дѣвица, пташка бѣдная погибла. Кто же о судьбѣ печальной повѣститъ родныхъ дѣвицы, вѣсть печальную доставитъ?

Вотъ медвѣдь пошелъ сначала, но, завидя въ полѣ стадо, не дошелъ онъ съ вѣстью къ мѣсту. Вотъ и волкъ поплелся слѣдомъ, но, ягнятъ завидя въ полѣ, не донесъ роднымъ онъ вѣсти. Наконецъ пошла лисица, но, гусей завидя стадо, не дошла она до мѣста. Взялся справить это дѣло робкій заяцъ длинноухій. Скачетъ, мчится косоглазый къ дому дѣвушки погибшей, подбѣжалъ онъ спѣшно къ банѣ и прижался у порога, а въ той банѣ все дѣвицы, молвятъ, вѣникъ потрясая:

— Кстати, ты, косой ,явился, мы тебя сейчасъ изжаримъ для хозяина на ужинъ, а хозяюшкѣ на завтракъ, на закуску милой дочкѣ, на обѣдъ сынку младому.

Но имъ заяцъ отвѣчаетъ, молвитъ громко пучеглазый:

— Не затѣмъ сюда бѣжалъ я; я пришелъ, чтобъ вамъ повѣдать, что красавица погибла, на морское дно спустилась, чтобъ сигамъ быть тамъ сестрицей и подружкой рѣзвымъ рыбамъ.

Горько плачетъ мать родная, обливается слезами и, горюя неутѣшно, молвитъ съ скорбію великой:

— Матери! Не принуждайте дочерей своихъ ко браку, никогда ихъ не невольте выходить насильно замужъ, коль женихъ имъ не по нраву,—какъ я, жалкая, хотѣла замужъ выдать дочь насильно, мою пташечку родную!

Плачетъ мать, и слезы льются по ея щекамъ опавшимъ, со щеки на грудь сбѣгаютъ, а съ груди, вздыхавшей тяжко—на подолъ, на складки платья, съ платья на чулокъ спадаютъ, а съ чулка съ узоромъ краснымъ—на башмакъ изъ тонкой кожи, съ башмака же ей подъ ноги, въ землю—и землѣ на пользу, въ воду — и водѣ на благо. Какъ скатилися на землю эти слезы пролитыя, потекли онѣ ручьями, быстрыми тремя рѣками. На рѣкахъ тѣхъ появилось по три бурныхъ водопада, а на каждомъ водопадѣ — три утеса показались; на краю утесовъ этихъ зеленѣлъ красивый холмикъ, наверху холмовъ зеленыхъ—по три выросло березы, на березѣ же на каждой—три кукушки куковали.

Стали всѣ три вмѣстѣ кликать: первая „любовь!“ все кличетъ, и „женихъ! женихъ!“ вторая, третья же все: „радость! радость!...“

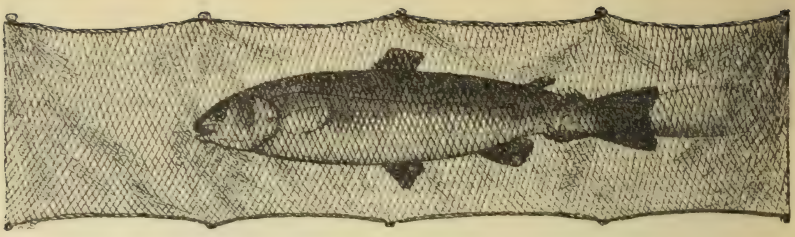
Что́ „любовь! любовь!“ кукуетъ,—три луны подъ рядъ такъ кличетъ для дѣвицы той погибшей, безъ любви въ глубокомъ морѣ. Что́ „женихъ! женихъ!“ кукуетъ,—

та шесть лунъ подъ рядъ все кличетъ жениху тому, который одинокъ теперь остался. А что кличетъ „радость! радость!“ — та всю жизнь такъ будетъ кликать матери осиротѣвшей, что всю жизнь въ слезахъ тоскуетъ.

Услыхавъ тотъ кликъ кукушки, мать несчастная сказала, молвила такое слово:

„Мать несчастная! не слушай очень долго кличъ кукушки: какъ услышишь кукованье, сердце съ трепетомъ забьется, заблестятъ глаза слезами, по щекамъ ручьемъ польются, и устанутъ твои руки утирать всѣ эти слезы, осушать потокъ горючій“.

Руна V.

Вейнемейненъ ищетъ Айно.

Вѣсть повсюду разнеслася, та молва ко всѣмъ проникла о судьбѣ печальной дѣвы, о кончинѣ юной Айно.

Старый вѣрный Вейнемейненъ загрустилъ при этой вѣсти, плакалъ онъ и дни, и ночи, что красавица погибла, въ глубинѣ морской пучины, подъ хребтами волнъ глубокихъ.

Тяжко онъ вздыхаетъ, плачетъ, полно сердце злой кручиной, на морской идетъ онъ берегъ, говоритъ слова такія:

— Ты скажи, Унтамо сонный, разскажи твои видѣнья, гдѣ живутъ богини моря, водятся Велламо дѣвы?

Говоритъ Унтамо сонный, сны свои онъ повѣщаетъ:

— Тамъ живутъ богини моря, плещутся Велламо дѣвы, на туманномъ томъ мысочкѣ, тамъ на островкѣ лѣсистомъ, подъ глубокими волнами, на днѣ моря, среди тины. Тамъ сидятъ онѣ въ избушкѣ, въ узкой комнаткѣ и тѣсной, рядомъ со скалой подводной, въ каменной пещерѣ темной.

Вотъ садится Вейнемейненъ въ свою лодочку рыбачью, удочку съ лёсами взялъ онъ, положилъ крючки въ мѣшечекъ и туда-жъ уду запряталъ. Вотъ грести онъ сильно началъ и направился къ мысочку, къ тому берегу лѣсному. Тамъ свою расправилъ лёсу, въ воду удочку закинулъ, сталъ удить себѣ усердно. Онъ удилъ прилежно, долго; наконецъ ужъ рано утромъ, только солнце поднялося, на крючокъ попалась рыбка, зацѣпилась за желѣзный. Быстро лёсу потащилъ онъ, на дно лодки рыбку бросилъ; смотритъ онъ, глядитъ на рыбку, говоритъ слова такія:

— Странная какая рыбка! Никогда такихъ не видѣлъ: сигъ рѣчной такъ не лоснится, щука—та не такъ пятниста, пленки у русалки больше, безъ повязокъ эта рыбка, а русалки всѣ въ повязкахъ. Эта рыбка точно семга, точно окунь рѣкъ глубокихъ, какъ форель блеститъ на солнцѣ.

Вынулъ старецъ ножъ свой острый и собрался рыбку чистить, чтобъ позавтракать скорѣе, чтобъ обѣдъ себѣ сготовить, часть для ужина оставить. Только ножъ ея коснулся, быстро выскользнула рыбка, въ море бросилась форель та и, плеснувъ хвостомъ, исчезла.

Скоро снова надъ волнами рыбка странная явилась, чешуей своей сверкнула, молвила слова такія:

— О ты, старый Вейнемейненъ, не затѣмъ изъ волнъ я вышла, чтобы ты меня, какъ семгу, къ завтраку себѣ сготовилъ и на ужинъ бы оставилъ!

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Такъ зачѣмъ ты выходила?

— Вышла я затѣмъ изъ моря, чтобы быть твоей голубкой, твоей милою женою, чтобы быть тебѣ хозяйкой, подметать полы въ покояхъ, убирать твое жилище, печь тебѣ большіе хлѣбы и тебѣ готовить

пиво. Я не семга вѣдь морская и не окунь рѣкъ глубокихъ,—я дѣвица молодая, Юкагайнена сестрица, та, которую такъ долго всюду ты искалъ напрасно! Ахъ ты, бѣдный, глупый старецъ, Вейнемейненъ неразумный! Удержать меня не смогъ ты, выпустилъ изъ рукъ безсильныхъ дочь владычицы Велламо, дѣву волнъ морскихъ холодныхъ!

Молвилъ старый Вейнемейненъ, грустно голову повѣсивъ:

— Юкагайнена сестра ты? О, вернись ко мнѣ скорѣе!

Но она ужъ не вернулась, навсегда въ волнахъ исчезла, въ глубь пучины опустилась, скрылась подъ скалой подводной.

Старый вѣрный Вейнемейненъ призадумался печально: „какъ помочь такому горю?“ — и тащить свои сталъ сѣти черезъ бухты и заливы, черезъ отмели и рифы, черезъ бурныя стремнины, черезъ рифы Калевалы, по большимъ рѣкамъ Юколы, чрезъ лапландскіе заливы.

Много рыбы наловилъ онъ, всѣхъ породъ, что̀ были въ морѣ, не поймалъ лишь милой рыбки, рыбки чудной, незабвенной, дочери морской царицы, что̀ плѣнила его сердце. Загрустилъ тутъ Вейнемейненъ, самъ не свой отъ злой кручины, шапка на сторону сбилась, молвитъ онъ слова такія:

— О я глупый, неразумный! Видно ужъ ума лишился! Вѣдь мнѣ данъ же былъ умъ здравый, мудрость мужа, сердце съ чувствомъ! Какъ не могъ узнать я дѣвы, той, которую искалъ я, чтобъ была подругой жизни и опорой мнѣ подъ старость? Что-жъ ее не удержалъ я, не отнесъ въ мое жилище, а пустилъ обратно въ море, въ глубину пучины темной?

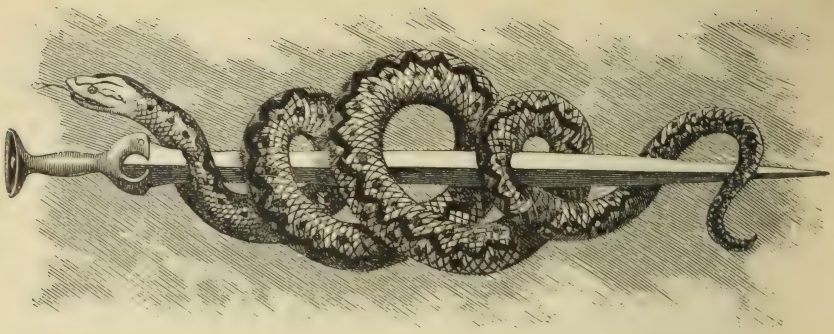
И пошелъ назадъ онъ къ дому, грустно голову повѣсивъ, тяжело вздыхаетъ старецъ, говоритъ слова такія:

— Прежде пѣли мои птички, куковали мнѣ кукушки, рано утромъ, въ полдень, на ночь. Что-жъ онѣ теперь замолкли, не поютъ мнѣ чудныхъ пѣсенъ? Или голосъ ихъ надорванъ злой тоской, тяжелой грустью, что не слышно ихъ ни утромъ, ни полуденной порою, ни въ вечерній часъ не слышно. Ужъ не знаю, какъ и быть мнѣ, какъ прожить на этомъ свѣтѣ? Если-бъ мать жила родная, мнѣ совѣтъ она дала бы, какъ избавиться отъ грусти, отъ лихой тоски-кручины!

Тутъ въ могилѣ мать проснулась, изъ морской пучины молвитъ:

— Я жива еще, сынъ милый, и могу тебѣ повѣдать какъ тебѣ освободиться отъ тоски и злой кручины: ты поди, мой сынъ, въ Похьолу, тамъ найдешь ты дѣвъ получше, покрасивѣй, понѣжнѣе всѣхъ лапландокъ этихъ вялыхъ. Ты возьми жену оттуда миловиднѣй и стройнѣе, чтобъ была порасторопнѣй, чтобъ со всѣмъ справлялась дѣломъ.

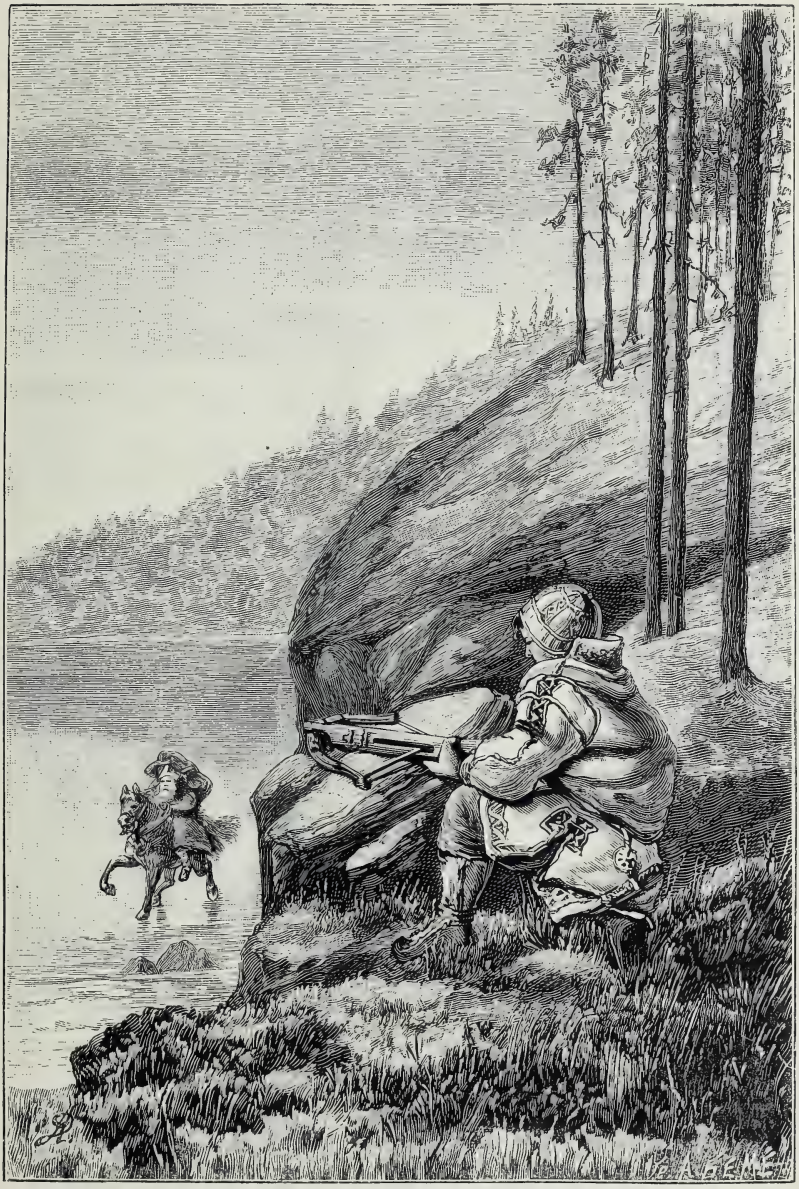

Руна VI.

Месть Юкагайнена.

Старый вѣрный Вейнемейненъ приготовился къ отъѣзду въ тѣ холодныя селенья, въ ту угрюмую Похьолу. Осѣдлавъ коня лихого, онъ одѣлъ узду златую, на спинѣ коня усѣлся и погналъ его поспѣшно. Ѣдетъ по полямъ Вейноле, по равнинамъ Калевалы, конь лихой впередъ все мчится, дальше отъ родного края. Вотъ ужъ по морю онъ ѣдетъ, по равнинѣ водъ прозрачныхъ, но на морѣ конь не тонетъ и копытъ своихъ не мочитъ.

Молодой же Юкагайненъ, буйный юноша-лапландецъ, былъ еще озлобленъ сильно, зависть въ немъ еще таилась — къ Вейнемейнену сѣдому, къ вѣщимъ заклинаньямъ старца. Лукъ онъ огненный наладилъ, самострѣлъ устроилъ славный, обложилъ его онъ златомъ, серебромъ его украсилъ. Тетиву добылъ отъ Лемпо, жилы

взялъ у лося Хійси. Настрогалъ себѣ онъ стрѣлы, оперилъ ихъ легкимъ пухомъ, выточилъ желѣзный стержень, кончикъ—изъ смолистыхъ вѣтокъ. Закалилъ свои онъ стрѣлы, заострилъ концы съ стараньемъ и намазалъ чернымъ сокомъ, ядомъ крови злой ехидны. Изготовивъ свои стрѣлы, натянулъ онъ лукъ могучій, сталъ стеречь онъ друга моря, Вейнемейнена сѣдого. Стережетъ его повсюду, поджидаетъ у забора, подъ окошкомъ, на полянѣ, даже на концѣ дороги. Наконецъ идетъ онъ дальше, стережетъ съ горы высокой, съ мыса ровнаго у моря, съ высоты стремнины бурной.

На зарѣ однажды рано смотритъ онъ на сѣверъ, западъ, взоры устремилъ на море—видитъ темное тамъ что-то: „Ужъ не облако ли это, иль ужъ зорька тамъ алѣетъ?“ Нѣтъ, не облачко то было, не заря вдали алѣла, — то былъ старый Вейнемейненъ, вѣковѣчный пѣснопѣвецъ; на конѣ своемъ прекрасномъ быстро мчался онъ въ Похьолу. Мѣткій лукъ тогда хватаетъ въ злобѣ юный Юкагайненъ и поспѣшно направляетъ въ Вейнемейнена сѣдого.

Раньше какъ-то мать спросила, сына своего пытала, какъ замѣтила лукъ новый:

— Для кого ты лукъ сготовилъ, оковалъ желѣзомъ крѣпко?

Такъ отвѣтилъ Юкагайненъ, молвилъ ей слова такія:

— Смастерилъ я лукъ прекрасный Вейнемейнену на гибель! Попаду я прямо въ сердце заклинателю сѣдому!

Мать стрѣлять не позволяетъ, говоритъ ему старушка:

— Вейнемейнена не тронь ты, не губи Калевы сына: рода славнаго сей Вейно и сродни мнѣ по сестрицѣ. Если ты стрѣлою мѣткой Вейнемейнена погубишь,—навсегда съ земли исчезнутъ пѣсни, радость и веселье!

Призадумался немного, на минуту Юкагайненъ; чтобъ стрѣлять — онъ поднялъ руку, но другая какъ бы медлитъ. Наконецъ беретъ верхъ злоба, и лапландецъ молвитъ гнѣвно:

— Пусть хоть навсегда исчезнутъ на землѣ веселье, радость! Пусть погибнутъ и всѣ пѣсни, — все-таки его убью я!

Натянулъ онъ лукъ свой мѣткій, вынулъ изъ колчана стрѣлку, ту, которая покрѣпче, и приладилъ быстро къ луку. Въ Вейнемейнена онъ мѣтитъ, говоритъ слова такія:

— Мчися, стрѣлка изъ березы, выпрямись, еловый стержень, бей сильнѣе, лосья жила! Если я нацѣлю низко— пусть стрѣла летитъ повыше, коль прицѣлюсь слишкомъ кверху—пусть стрѣла помчится ниже!

Вотъ спустилъ стрѣлу онъ съ лука, и взвилась она на небо:—облака тамъ разорвались, порастрескалися тучи. Онъ беретъ, не унывая, достаетъ стрѣлу другую; вотъ летитъ она, но низко въ землю глубоко вонзилась, — точно собралась въ Маналу разносить тамъ холмъ песчаный. Вотъ пускаетъ онъ ужъ третью; полетѣла третья стрѣлка, и коню лихому въ сердце глубоко она вонзилась. Конь упалъ—и Вейнемейненъ погрузился въ волны моря. Поднялася сразу буря, грозно море всколыхалось, отъ земли отбило старца, понесло его волнами.

Говоритъ тутъ Юкагайненъ и хвастливо восклицаетъ:

— О ты, старый Вейнемейненъ! Никогда ужъ не увидишь, пока свѣтитъ мѣсяцъ ясный, ты полей твоей Вейноле и песчаной Калевалы! Пусть, какъ пень древесный, вѣчно ты носиться будешь въ морѣ!

Вотъ домой онъ воротился, мать къ нему навстрѣчу вышла и тотчасъ его спросила:

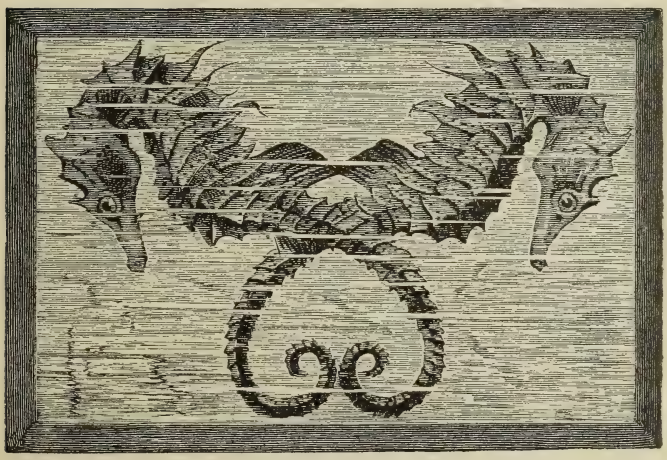
— Неужель сразилъ ты Вейно, сына славнаго Калевы?

Отвѣчаетъ Юкагайненъ, молвитъ ей слова такія:

— Да! стрѣлой его сразилъ я, я убилъ Калевы сына! Пусть онъ вѣчно будетъ въ морѣ по волнамъ носиться бурнымъ.

Мать его тутъ упрекнула, молвила такое слово:

— О, несчастный, что̀ ты сдѣлалъ? Ты стрѣлялъ въ сѣдого Вейно, ты убилъ Калевы сына и героя Сувантолы, кѣмъ гордилась Калевала!

Руна VII.

Сватовство Вейнемейнена.

Старый вѣрный Вейнемейненъ по волнамъ несется бурнымъ, точно сосенка блуждаетъ, какъ сучокъ отъ ели тощей. Много дней его ужъ носитъ по волнамъ, безъ перерыва; передъ нимъ—все то же море, а надъ нимъ—синѣетъ небо. Восемь дней носился Вейно, наконецъ ужъ на девятый вынесть онъ не могъ страданій—съ ногъ его отстали ногти, пальцы всѣ закоченѣли.

Говоритъ тутъ Вейнемейненъ, молвитъ онъ слова такія:

— Горе мнѣ, что я покинулъ край родной, ушелъ изъ дому, чтобъ блуждать и дни, и ночи по волнамъ холоднымъ, бурнымъ! Силъ ужъ нѣтъ держаться въ морѣ. Что мнѣ дѣлать,—я не знаю: коль на вѣтрѣ домъ поставлю—не найду я въ немъ опоры, на водѣ избу построю—унесетъ ее волнами!

Вотъ орелъ высоко мчится изъ печальныхъ странъ полночныхъ; не совсѣмъ онъ изъ великихъ, но и тоже

не изъ малыхъ: онъ крыло влачитъ по морю, а другимъ мететъ онъ небо, онъ хвостомъ сметаетъ волны, клювомъ скалы разбиваетъ. Вотъ паритъ онъ въ поднебесьи, осмотрѣлся, оглянулся, Вейнемейнена замѣтилъ на волнахъ, покрытыхъ пѣной:

— Какъ попалъ сюда ты въ море, отчего средь волнъ блуждаешь?

Старый вѣрный Вейнемейненъ говоритъ слова такія:

— Ѣхалъ моремъ я въ Похьолу, къ дѣвѣ свататься прекрасной; на пути же, въ часъ восхода, прибылъ я въ заливъ Юколы. Тамъ стрѣла коня сразила и меня чуть не убила. Какъ упалъ съ коня на волны, поднялась съ востока буря, понесла меня отъ суши далеко въ пустыню моря, и съ тѣхъ поръ и дни, и ночи я средь волнъ блуждаю влажныхъ. Ужъ не знаю, что̀ придумать, что̀ теперь со мною будетъ: или съ голоду умру я, иль погибну въ этомъ морѣ!

Говоритъ орелъ небесный:

— Полно, брось свои печали! На спину ко мнѣ садися, у крыла близъ самой кости,—вынесу тебя изъ моря и умчу куда ты хочешь. Я еще тотъ день все помню, какъ ты жегъ у Осмо рощу, пощадилъ одну березу, чтобъ на ней былъ отдыхъ птицамъ, чтобъ и я на ней садился!

Поднялъ старый Вейнемейненъ голову изъ волнъ глубокихъ и выходитъ онъ изъ моря, на спину орла садится, на крыло у самой кости. И понесъ орелъ небесный Вейнемейнена сѣдого къ дальней, мрачной Саріолѣ, къ странамъ сѣвера печальнымъ. Тамъ спустилъ на берегъ старца, взвился самъ опять за тучи.

Вотъ заплакалъ Вейнемейненъ на прибрежьи неизвѣстномъ; весь израненъ онъ волнами и разбитъ отъ буйныхъ вѣтровъ; борода покрыта тиной, волоса ви-

сятъ клоками. Плачетъ онъ три дня, три ночи, все дороги не находитъ, чтобъ на родину вернуться, въ край родной, гдѣ жилъ такъ мирно.

Въ это время дочь Похьолы, свѣтлорусая дѣвица, въ споръ вступила съ солнцемъ яснымъ и луною серебристой, чтобъ имъ вмѣстѣ подниматься, просыпаться въ одно время. Но дѣвица встала раньше, раньше мѣсяца и солнца, пѣтухи еще не пѣли и цыплята не пищали. Пять овецъ остричь успѣла, шесть ягнятъ изъ самыхъ лучшихъ, выбрала для ткани шерсти и для платья отложила, рано утромъ до разсвѣта, раньше солнечнаго всхода. Длинные столы помыла, подмела полы въ жилищѣ свѣжимъ вѣникомъ вѣтвистымъ, собрала весь соръ въ лопатку, вынесла его изъ дому дальше къ пахотному полю, тамъ на мигъ остановилась и, услышавъ что-то, смотритъ: слышитъ въ морѣ кто-то плачетъ, чьи-то стоны къ ней несутся. Въ домъ бѣжитъ она поспѣшно, молвитъ тамъ слова такія:

— Тамъ у моря кто-то плачетъ, чьи-то стоны раздаются!

Лоухи, Похьолы хозяйка, та беззубая старуха, къ воротамъ идетъ поспѣшно и, прислушиваясь къ стонамъ, говоритъ слова такія:

— То не дѣтскій плачъ несется, то не стоны слабыхъ женщинъ, плачутъ такъ одни герои, бородатые мужчины!

Вотъ спустила лодку въ воду и гребетъ сама поспѣшно, къ тому мѣсту, гдѣ былъ Вейно, гдѣ стоналъ герой несчастный.

Молвитъ Похьолы хозяйка, говоритъ слова такія:

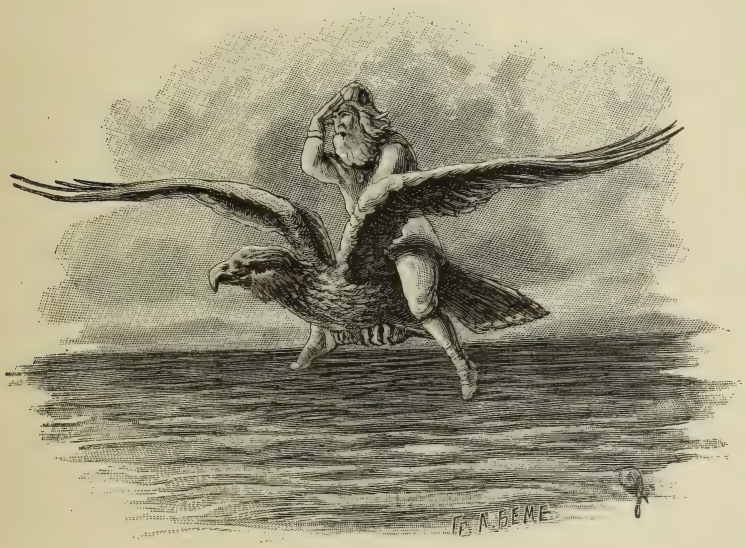
— О ты, бѣдный, жалкій старецъ, ты попалъ вѣдь въ край далекій!

Старый вѣрный Вейнемейненъ поднялъ голову и молвитъ, говоритъ слова такія:

— Безъ тебя я это знаю, что попалъ я въ край далекій. Дома всѣмъ я былъ извѣстенъ и почетъ мнѣ былъ повсюду.

Лоухи, Похьолы хозяйка, молвила слова такія:

— Я тебя спросить хотѣла, чтобъ теперь ты мнѣ повѣдалъ, изъ какихъ мужей ты будешь, изъ числа какихъ героевъ?

Старый вѣрный Вейнемейненъ отвѣчаетъ такъ старухѣ:

— Назывался я доселѣ и всегда меня считали дома вѣстникомъ отрады и пѣвцомъ въ родныхъ долинахъ, средь полей родной Вейноле и песчаной Калевалы,—но теперь, въ бѣдѣ и горѣ, самъ себя не узнаю я!

Лоухи странника сѣдого тотчасъ въ лодку принимаетъ, усадила поудобнѣй, стала гресть домой поспѣшно, къ своему спѣшить прибрежью. Дома старца

накормила, осушила его платье, отогрѣла его скоро и заботливо спросила:

— Отчего ты, Вейнемейненъ, плакалъ и стоналъ печально на прибрежьѣ томъ угрюмомъ, тамъ на мысѣ одинокомъ?

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— У меня причинъ не мало и для слезъ, и для печали: въ морѣ долго я скитался, тамъ меня въ конецъ разбили волны бурныя и вѣтры, силъ я тамъ совсѣмъ лишился. Оттого еще страдаю и страдать я буду вѣчно, что я родину покинулъ, изъ родныхъ долинъ уѣхалъ въ этотъ край мнѣ незнакомый, гдѣ мнѣ жизнь невыносима. Бьются здѣшнія деревья, ольха колетъ не жалѣя, вѣтки всѣ какъ бы дерутся, какъ бы бьютъ меня нещадно. Только вѣтеръ мнѣ знакомъ здѣсь, только солнце другъ мой прежній, здѣсь, въ странѣ чужой, далекой, мнѣ доселѣ неизвѣстной.

Лоухи, Похьолы хозяйка, говоритъ слова такія:

— Ты не плачь, о Вейнемейненъ, не горюй, Ухантолайненъ, жить ты будешь здѣсь спокойно, проведешь прекрасно время, ѣсть всегда ты будешь семгу и свинину ѣсть до-сыта!

Старый вѣрный Вейнемейненъ молвилъ такъ въ отвѣтъ старухѣ:

— На чужбинѣ не по вкусу будетъ мнѣ любая пища. Всякій мужъ въ краю родимомъ выше, чѣмъ въ странѣ далекой, на чужбинѣ безпривѣтной. Ниспошли ты мнѣ, о боже, дай, творецъ, ты мнѣ возможность вновь вернуться въ край родимый, увидать поля родныя! Дома воду пить вкуснѣе изъ простого изъ лукошка, чѣмъ въ чужомъ краю медъ сладкій изъ сосуда золотого!

Лоухи, Похьолы хозяйка, молвила такое слово:

— Что ты дашь мнѣ, коль доставлю я тебя въ твой край родимый?

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ:

— Если ты меня доставишь на поля мои родныя, гдѣ кукушки звонко кличутъ, птицы громко распѣваютъ— дамъ тебѣ я шапку злата, серебра же втрое больше.

Говоритъ ему старуха:

— О ты, мудрый Вейнемейненъ, вѣковѣчный заклинатель, мнѣ твое не нужно злато, въ серебрѣ я не нуждаюсь. Злато носятъ здѣсь всѣ дѣти, серебро— коней убранство. Если ты скуешь мнѣ Сампо съ пестрой кованною крышкой изъ конца пера лебедки, капли молока коровы, изъ шерстиночки овечьей, изъ ячменныхъ зеренъ чистыхъ,—я отдамъ тебѣ дѣвицу, дочь мою отдамъ въ награду и домой тебя доставлю, чтобъ ты слушалъ тамъ кукушку, пѣсни всѣхъ любимыхъ птичекъ на краю родного поля.

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ:

— Не могу сковать я Сампо съ пестрой кованною крышкой. Коль меня домой доставишь, Ильмаринена пришлю я, чтобъ сковалъ тебѣ онъ Сампо съ пестрой кованною крышкой, и ему отдай ты дочку, пусть ея составитъ счастье. Онъ кузнецъ, какихъ нѣтъ въ мірѣ: онъ сковалъ весь сводъ небесный, крышу воздуха онъ сдѣлалъ, такъ что нѣтъ слѣда работы и слѣдовъ клещей не видно.

Лоухи, Похьолы хозяйка, говоритъ слова такія:

— Я тому отдамъ лишь дочку, только тотъ ей будетъ мужемъ, кто сковать мнѣ можетъ Сампо съ пестрой кованною крышкой.

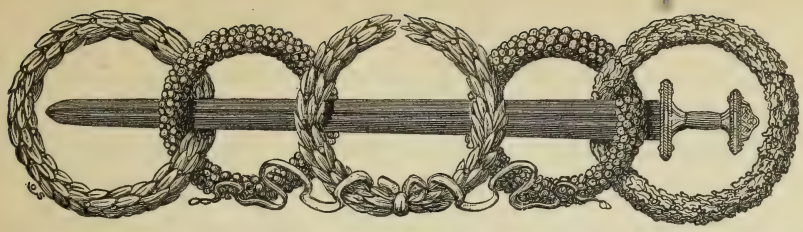
Вотъ коня она взнуздала, запрягла гнѣдого въ сани, Вейнемейнена сажаетъ и такія рѣчи молвитъ:

— Головы не поднимай ты и не трогайся ты съ

мѣста, конь пока не утомится, или вечеръ не настанетъ! Если голову поднимешь или тронешься ты съ мѣста, то бѣда съ тобой случится и тебя постигнетъ горе!

Вотъ ударилъ Вейнемейненъ по коню и быстро мчится, опустилъ свободно вожжи, шумно ѣдетъ по дорогѣ, изъ полночной Похіолы, изъ печальной Саріолы.

Руна VIII.

Вейнемейненъ строитъ лодку.

Въ это время дочь Похьолы, красота земли и моря, на дугѣ была небесной, на кругу сидѣла яркомъ, въ тонкомъ платьѣ снѣжно бѣломъ, серебристой легкой ткани. Ткала платья золотыя, серебромъ ихъ украшала, золотой челнокъ водила по серебряному берду. И челнокъ леталъ со свистомъ и мелькалъ межъ пальцевъ быстро, шумно двигалась основа при работѣ дѣвы юной.

Старый вѣрный Вейнемейненъ мчится шумно по дорогѣ изъ Похьолы полуночной, изъ печальной Сариолы. Недалече онъ отъѣхалъ и впередъ проѣхалъ мало, слышитъ вдругъ: челнокъ по берду зашумѣлъ надъ головою. Онъ взглянулъ туда поспѣшно, посмотрѣлъ онъ вверхъ на небо: видитъ радугу на небѣ, а на радугѣ—дѣвица ткетъ все ткани золотыя, ткетъ серебряныя платья.

Старый вѣрный Вейнемейненъ придержалъ коня лихого, говоритъ такое слово и такую рѣчь ей молвитъ:

— Ты сойди ко мнѣ, дѣвица, и садись со мною въ сани!

Говоритъ ему дѣвица, съ высоты его спросила:

— Что̀ мнѣ, дѣвушкѣ, тамъ дѣлать, и зачѣмъ я въ сани сяду?

Молвитъ такъ ей Вейнемейненъ:

— Ты затѣмъ сойди, дѣвица, ты затѣмъ садися въ сани, чтобы печь мнѣ хлѣбъ медовый, чтобы мнѣ готовить пиво, пѣть веселыя мнѣ пѣсни, развлекаться у окошка посреди полянъ Вейноле, на равнинахъ Калевалы.

Но въ отвѣтъ ему дѣвица говоритъ такія рѣчи:

— Поздно вечеромъ однажды я пошла на лугъ цвѣтистый, вдругъ я слышу щебетанье,—дроздъ запѣлъ тамъ одинокій, пѣлъ онъ о мечтахъ дѣвичьихъ и о думушкахъ женъ юныхъ. Вотъ спросила я тутъ птичку: „ты скажи-ка мнѣ, пѣвунья, спой мнѣ пѣсню, чтобъ я знала, жить кому на свѣтѣ лучше: у отца-ли жить дѣвицей, или замужемъ женою?“ И отвѣтила мнѣ птичка, щебетала мнѣ пѣвунья: „ясенъ лѣтній день прекрасный, но яснѣе жизнь дѣвицы; холодно зимой желѣзо, — жизнь жены еще холоднѣй; дома дѣвушка свободна, точно ягодка лѣсная, а жена всегда при мужѣ — что̀ на привязи собака. Слугъ хоть изрѣдка ласкаютъ, жены же не видятъ ласки!“

Говоритъ ей Вейнемейненъ:

— Птицы попусту щебечутъ и глупа дроздова пѣсня. Дѣва каждая — ребенокъ, а жена — всегда въ почетѣ. Ты сойди ко мнѣ, дѣвица, и садись со мною въ сани,— вѣдь я мужъ не заурядный, богатырь не хуже многихъ.

Молвитъ дѣвушка разумно, говоритъ слова такія:

— Я тогда тебя героемъ, назову тебя я мужемъ, если вдоль разрѣжешь волосъ, но чтобъ ножъ совсѣмъ ту-

пой былъ, и яйцо узломъ завяжешь, но чтобъ узелъ не былъ виденъ.

Старый вѣрный Вейнемейненъ волосъ тотчасъ вдоль разрѣзалъ и яйцо связалъ онъ въ узелъ. Проситъ дѣвушку спуститься, сѣсть съ нимъ рядомъ въ его сани.

Но дѣвица тутъ нашлася, молвила ему разумно:

— Лишь тогда сойду я въ сани, если вырѣжешь изъ камня мнѣ бересты на лукошко, изо льда мнѣ срѣжешь хлыстикъ, но чтобъ не было обломковъ и не сыпались кусочки.

Старый вѣрный Вейнемейненъ не задумался нисколько: съ камня настрогалъ бересты, изо льда устроилъ хлыстикъ. Проситъ вновь спуститься дѣву, вновь зоветъ ее онъ въ сани.

Молвитъ дѣвушка разумно, говоритъ слова такія:

— Я послѣдую за тѣмъ лишь, кто съумѣетъ сдѣлать лодку изъ обломковъ веретенца, изъ кусковъ моей катушки, спуститъ въ воду эту лодку, не дотронувшись рукою, не толкнувъ ее колѣномъ и плечами не коснувшись.

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Врядъ ли гдѣ-либо найдется въ цѣломъ свѣтѣ хоть единый, кто, какъ я, построитъ лодку, кто, какъ я, ее сколотитъ.

Вотъ беретъ онъ веретенцо, выбралъ нѣсколько обломковъ и спѣшитъ построить лодку, сколотить искусно судно, на горѣ, богатой сталью, на скалѣ, желѣзомъ полной. Онъ работаетъ прилежно день, другой и даже третій, и ни разу не коснулся топоромъ скалы онъ крѣпкой. Но на третій день Хіиси повернулъ вдругъ топорище, лезвее схватилъ злой Лемпо, чтобъ топоръ ударилъ въ камень. Соскользнулъ топоръ съ утеса, врѣзался глубоко въ тѣло, Вейнемейнену въ колѣно. Полилася кровь потокомъ, хлынула рѣкой изъ раны.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— О, топоръ, ты острый, гладкій! Ты врубался бы въ деревья, въ ели, сосны и березы, враждовалъ бы съ цѣлымъ лѣсомъ, не врѣзался бы лишь въ тѣло, жилъ живыхъ не разрубалъ бы!

Началъ старецъ заклинанья, руны всѣ поетъ въ порядкѣ, помнитъ каждое онъ слово, лишь одной не помнитъ руны, заклинаній о желѣзѣ, чтобъ изъ нихъ повязку сдѣлать и пресѣчь кровотеченье. Кровь ручьями быстро льется и бѣжитъ потокомъ шумнымъ; въ немъ ужъ скрылись стебли ягодъ, въ полѣ травы всѣ залиты, вся земля покрыта кровью; а потокъ могучій льется, съ грознымъ шумомъ вытекаетъ онъ изъ раны той глубокой.

Старый вѣрный Вейнемейненъ лишаи со скалъ сдираетъ, мохъ сбираетъ на болотѣ, а съ земли траву срываетъ, чтобъ закрыть въ колѣнѣ рану. Но ничто не помогаетъ,—кровь изъ раны пуще хлещетъ.

Плачетъ старый Вейнемейненъ, плачетъ горькими слезами и поспѣшно запрягаетъ онъ коня гнѣдого въ сани. Самъ съ трудомъ онъ въ нихъ усѣлся и стегнулъ коня лихого. Конь впередъ все мчится бодро, путь становится короче. Вотъ подъѣхалъ онъ къ деревнѣ; три ведутъ туда дороги.

Старый вѣрный Вейнемейненъ ѣдетъ нижнею дорогой, сталъ у нижней онъ избушки, на порогѣ стоя, молвитъ:

— Не найдется-ль въ этомъ домѣ, кто-бъ умѣлъ лѣчить болѣзни и порѣзы отъ желѣза, кто-бъ закрылъ герою рану?

На полу игралъ тамъ мальчикъ, у печи сидѣлъ ребенокъ, молвилъ онъ слова такія:

— Никого нѣтъ въ этомъ домѣ, кто-бъ умѣлъ лѣчить болѣзни и порѣзы отъ желѣза, кто бы могъ унять страданья, исцѣлить герою рану. Можетъ быть сосѣдъ поможетъ; поѣзжай къ другому дому.

Старый вѣрный Вейнемейненъ вновь стегнулъ коня лихого и помчался по дорогѣ; проѣзжаетъ онъ немного, ѣдетъ среднею дорогой; сталъ у средней онъ избушки, и спросилъ передъ окошкомъ:

— Не найдется-ль въ этомъ домѣ, кто-бъ умѣлъ лѣчить болѣзни и порѣзы отъ желѣза, кто-бъ унялъ потоки крови?

Передъ печкою лежала говорливая старушка; постучавъ тремя зубами, молвила она охотно:

— Никого нѣтъ въ этомъ домѣ, кто-бъ лѣчилъ порѣзъ желѣза, зналъ происхожденье стали и унять умѣлъ

бы боли. Моэжтъ быть сосѣдъ поможетъ; поѣзжай къ другому дому.

Старый вѣрный Вейнемейненъ вновь стегнулъ коня лихого и помчался по дорогѣ. Вотъ проѣхалъ онъ немного, ѣдетъ верхнею дорогой, сталъ у верхней онъ избушки и спросилъ онъ у порога:

— Не найдется-ль въ этомъ домѣ, кто-бъ лѣчилъ порѣзъ желѣза, кто бы рану исцѣлилъ мнѣ, прекратилъ теченье крови.

На печи старикъ тамъ грѣлся, старецъ съ бородой сѣдою; забрюзжалъ старикъ оттуда, закричалъ сѣдобородый:

— Не такія рѣки крови чудной силой унимали три творца могучихъ слова о вещей происхожденьи; тѣми вѣщими словами запружалися озера, усмирялись водопады, рѣки, бурные потоки, на-двое дѣлились мысы, вновь потомъ соединялись.

Руна IX.

Происхожденіе желѣза.

Вотъ поднялся Вейнемейненъ, приподнялся самъ на санкахъ, и безъ помощи онъ вышелъ, самъ онъ въ горницу приходитъ. Изъ сребра приносятъ кружку, ставятъ чашу золотую; но вмѣщается въ ней мало, очень небольшая доля крови той, что̀ истекаетъ и ручьемъ изъ раны льется.

Забрюзжалъ старикъ на печкѣ, закричалъ сѣдобородый:

— Кто же ты, несчастный смертный, изъ числа какихъ героевъ? Семь ужъ лодокъ крови вышло, восемь кадокъ пролилося; по землѣ ужъ кровь струится изъ твоей ужасной раны! Много разныхъ словъ я знаю, но не знаю лишь начала о рожденіи желѣза и происхожденьи стали.

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Знаю самъ начало стали и рожденіе желѣза:

„Воздухъ — мать всему на свѣтѣ, а вода — братъ самый старшій, младшій братъ воды — желѣзо, но огонь

ихъ братъ середній. Укко самъ, творецъ небесный, отдѣлилъ отъ неба воду, положилъ рукой могучей грань межъ сушей и водою. Не было тогда желѣза, все оно не нарождалось. Укко, властелинъ небесный, потирать себѣ сталъ руки на своемъ колѣнѣ лѣвомъ, — и изъ этого явились сразу три творенья дѣвы, эти матери желѣза и холодной синей стали.

„Вотъ пошли, заколыхались, держатъ путь межъ облаками, молоко свое обильно стали лить онѣ на землю, на поляны и болота, и на зыбкія трясины, и на дремлющія волны. Молоко у старшей дѣвы струйкой черною лилося, а у средней — бѣлой струйкой, но у самой младшей дѣвы — молоко, какъ кровь, алѣло... И изъ черныхъ млечныхъ капель вышло мягкое желѣзо, тамъ, гдѣ бѣлыя упали — сталь упругая явилась, а гдѣ красныя упали — вышло хрупкое желѣзо.

„Времени прошло немного, захотѣлося желѣзу повидаться съ старшимъ братомъ и съ огнемъ затѣять дружбу. Но огонь разбушевался, вспыхнулъ пламенемъ ужаснымъ, сжечь несчастнаго собрался, брата младшаго — желѣзо. Но желѣзо убѣжало и поспѣшно въ страхѣ скрылось отъ объятій страшныхъ брата, отъ его ужасной пасти; долго, долго укрывалось, пріютилося съ испугу на болотахъ и трясинахъ, въ глубинѣ потоковъ быстрыхъ, на обрывахъ неприступныхъ, гдѣ лишь лебеди и утки вьютъ свои спокойно гнѣзда. Долго пряталось желѣзо въ глубинѣ трясинъ зыбучихъ, года три оно скрывалось на сырыхъ болотахъ топкихъ, между пнями и корнями зеленѣющихъ березокъ. Но совсѣмъ оно не скрылось,— все-таки ему пришлося побывать въ жилищѣ брата, чтобы выковаться въ копья и въ мечи тамъ превратиться. По болотамъ топкимъ часто бродятъ волки и медвѣди; тамъ, гдѣ волкъ ступилъ ногою, иль мед-

вѣдь свой слѣдъ оставилъ, — выступало тамъ желѣзо, проступали прутья стали.

„Вотъ родился Ильмариненъ на горѣ, углями полной, выросъ съ молотомъ онъ мѣднымъ и щипцами небольшими. Родился онъ темной ночью; утромъ ужъ искалъ онъ мѣста, гдѣ бы кузницу устроить, гдѣ мѣха свои поставить. Видитъ онъ вблизи болото, кочками оно покрыто—тамъ онъ кузницу и строитъ, тамъ свои мѣхи онъ ставитъ. Вотъ идетъ онъ слѣдомъ волчьимъ, слѣдомъ волчьимъ и медвѣжьимъ, видитъ отпрыски желѣза и зачатки синей стали.

„Говоритъ тутъ Ильмариненъ:

„— О ты, бѣдное желѣзо, тутъ лежать тебѣ вѣдь низко; только волки и медвѣди по болотамъ этимъ бродятъ. Ужъ не взять ли мнѣ желѣзо, положить его въ горнило, подержать въ огнѣ у брата—можетъ изъ него что̀ выйдетъ?

„Ужаснулося желѣзо, вздрогнуло, затрепетало, услыхавъ такія рѣчи, и взмолилось о пощадѣ.

„Отвѣчаетъ Ильмариненъ:

„— Ты объ этомъ не печалься: не сожжетъ тебя твой братецъ, не погубитъ онъ родного; поживешь въ огнѣ немного, станешь ты красивымъ, сильнымъ, превратишься въ мечъ для мужа, а для женщины въ застежки.

„Изъ болота то желѣзо въ тотъ же день со дна достали, хорошо его промыли и снесли его къ горнилу. Вотъ беретъ кузнецъ желѣзо, положилъ въ огонь горнила, зашумѣлъ потомъ мѣхами. Только трижды дуть заставилъ—и расплавилось желѣзо, превратилось какъ бы въ тѣсто въ сильномъ пламени горнила.

„Испугалось тутъ желѣзо и взмолилося со страху:

„— О, кузнецъ, о, Ильмариненъ, ты спаси меня от сюда! Прекрати мои страданья!

„Отвѣчаетъ Ильмариненъ, говоритъ слова такія:

„— Коль теперь отсюда выйдешь, натворишь ты бѣдъ не мало, будешь бѣшено бросаться и изрубишь даже брата!

„Поклялось тогда желѣзо самой сильной своей клятвой: наковальней и горниломъ, тяжкимъ молотомъ ужаснымъ, молвило слова такія:

„— Есть для рубки вѣдь деревья, разрубать вѣдь можно камни; такъ зачѣмъ мнѣ трогать брата, сына матери мнѣ рѣзать! Будетъ жизнь моя привольнѣй и житье мое пріятнѣй, если людямъ помогу я, буду имъ ручнымъ орудьемъ!

„Вотъ кузнецъ тотъ Ильмариненъ, вѣковѣчный тотъ кователь, изъ огня желѣзо вырвалъ, положилъ на наковальню, сталъ бить молотомъ тяжелымъ, разбивать, чтобъ мягче было, наковалъ мечей и копій и другихъ орудій разныхъ. Но желѣзу что-то нужно, у него все нѣтъ чего-то: не шипитъ языкъ желѣза, нѣтъ у синей стали зѣва, нѣтъ въ немъ крѣпости и силы; но когда въ водѣ намочатъ—будетъ крѣпость въ немъ и сила. Вотъ кователь Ильмариненъ положилъ золы немного, каплю щелоку прибавилъ, чтобы сталь та закалилась, чтобъ желѣзо то окрѣпло. Языкомъ онъ смѣсь отвѣдалъ, но доволенъ не остался.

Поднялась съ цвѣточка пчелка, синекрылая летунья, полетала, покружилась и усѣлась близъ горнила.

„Говоритъ ей Ильмариненъ, молвитъ ей слова такія:

„— Пчелка, быстрая летунья, принеси медку на крыльяхъ, хоботкомъ добудь ты соку изъ шести цвѣточныхъ чашекъ, отъ семи былинокъ нѣжныхъ, для желѣза и для стали, что я здѣсь изготовляю.

„Эти рѣчи слышитъ шершень, шершень — птичка злого Хійси. Притаившись на берестѣ, съ кровли ку-

зницы онъ видѣлъ, какъ готовилось желѣзо, какъ ковалась сталь въ горнилѣ. Быстро онъ летитъ оттуда, сыплетъ ужасами Хійси и приноситъ змѣй шипѣнье, черный ядъ ехидны злобной, жала муравьевъ опасныхъ и другіе яды гадовъ въ сокъ для крѣпости желѣза и каленья синей стали. Самъ кузнецъ тотъ Ильмариненъ видитъ шершня и подумалъ, что ужъ пчелка возвратилась и несетъ ему медъ сладкій.

„Молвитъ мнимой онъ летуньѣ:

„— Это годно для каленья! Вотъ теперь ужъ закалится и окрѣпнетъ сталь-желѣзо!

„Сталь въ тотъ сокъ онъ погружаетъ, сокомъ тѣмъ смочилъ желѣзо, — злою вышла сталь изъ сока, злобнымъ сдѣлалось желѣзо“.

— Вотъ причина злобы стали, изступленія желѣза! Оно клятвы не сдержало и въ своей ужасной злобѣ безъ разбора рубитъ брата, всѣхъ родныхъ и что̀ попало. Оттого-то кровь потокомъ и ручьемъ изъ раны льется!

Зарычалъ тутъ съ печки старый, головой трясетъ онъ гнѣвно:

— Знаю я теперь начало злобы стали и желѣза! Горе жалкому желѣзу, горе ржавчинѣ негодной. О! ничтожное желѣзо, вспомни какъ безсильно было ты тогда, какъ изливалось на трясины и болота! Вспомни, чѣмъ тогда ты было, какъ лежало комомъ грязи, пылью ржавой и ничтожной въ глубинѣ потоковъ шумныхъ, на болотахъ топкихъ, зыбкихъ! Вспомни, какъ тебя въ болотѣ и медвѣдь, и волкъ топтали, какъ тебя изъ топи вынулъ Ильмариненъ и доставилъ въ кузницу свою, въ горнило, какъ ты корчилось отъ страха, изгибалось и шипѣло, какъ клялось ты страшной клятвой, наковальней и горниломъ! Что-жъ теперь съ тобою сталось, какъ свою познало силу? Видно, клятву ты забыло, честь

свою, какъ песъ, ты съѣло, что свой родъ ты поражаешь и родныхъ своихъ кусаешь! Кто-жъ тебя ко злу понудилъ? Твой отецъ, иль мать, иль братъ твой, иль сестра твоя меньшая? Нѣтъ, никто тебя не нудилъ на такое злое дѣло. Ты само причина бѣдствій и начало дѣлъ сихъ злобныхъ. Вотъ смотри, что́ натворило, и спѣши бѣду поправить, чтобъ не могъ я самъ повѣдать матери твоей несчастной, какъ безчестно и ужасно провинился сынъ родимый. Стой, не лейся кровь ручьями! Перестань! Остановися обливать меня потокомъ! Стой недвижно ты стѣною! Стой, какъ мечъ, упавшій въ море! Стой, какъ глыба на полянѣ, какъ утесъ средь водопада! Если-жъ хочешь быстро литься — мчись по жиламъ въ мягкомъ тѣлѣ, по костямъ, суставамъ бѣгай и живи ты въ сердцѣ, въ тѣлѣ, но на землю ты не лейся, не мѣшайся съ грязной пылью. Если ты не прекратишься, я котелъ достану Хійси; тамъ вариться будешь долго, изливаться перестанешь! Коль ты этому не внемлешь, слушаться меня не хочешь,—есть отецъ высокій въ небѣ, есть творецъ всесильный, грозный,—кровь однимъ уйметъ онъ словомъ, прекратитъ ея теченье! О ты, Укко, богъ высокій, ты отецъ нашъ, царь небесный! Снизойди сюда, молю я, помоги ты намъ несчастнымъ, запруди потоки крови, положи ты нѣжныхъ листьевъ и разсыпь цвѣты на рану, чтобы кровь не изливалась, чтобъ она остановилась!“

Вѣщими словами старца сразу кровь остановилась, перестала лить ручьями. Сына въ кузницу послалъ онъ, чтобъ цѣлебной мази сдѣлалъ изъ волоконъ сочныхъ травокъ, изъ цвѣтовъ побѣговъ нѣжныхъ, изъ душистыхъ капель меда.

Мальчикъ въ кузницу уходитъ мазь цѣлебную готовить; встрѣтилъ дубъ онъ на дорогѣ и съ вопросомъ обратился:

— Дубъ! Въ вѣтвяхъ твоихъ широкихъ, тамъ подъ твердою корою есть ли сокъ медовый, сладкій?

Отвѣчаетъ дубъ разумно:

— Есть. Вчера еще медъ капалъ по вѣтвямъ моимъ зеленымъ, съ шумомъ капалъ онъ съ вершины, съ облаковъ перистыхъ, легкихъ, что́ неслися надо мною.

Мальчикъ крошку взялъ у дуба, крошку нѣжной древесины, много травъ собралъ цѣлебныхъ, злаковъ и цвѣтовъ душистыхъ, положилъ въ котелъ снадобья и поставилъ на горнило. Вотъ шумитъ котелъ со смѣсью, онъ шипитъ три дня, три ночи. Смотритъ мальчикъ: не готово-ль, не вскипѣло ли ужъ средство? Мазь, однако, не поспѣла, средство вышло ненадежно. Въ смѣсь прибавилъ онъ травъ разныхъ, злаковъ рѣдкихъ и цѣлебныхъ, варитъ смѣсь еще три ночи, даже девять ночекъ сряду, и съ огня котелъ снимаетъ, смотритъ снова: не готово-ль? Наконецъ-то мазь поспѣла, средство чудное сварилось.

Видитъ на краю поляны сломанную тамъ осину; онъ ее намазалъ мазью, молвитъ самъ слова такія:

— Если это средство годно для порѣзовъ, ранъ опасныхъ, пусть осина исцѣлится, крѣпче прежняго пусть станетъ.

И осина исцѣлилась, поднялася сразу кверху, разрослась она красиво, и ея окрѣпли корни. Сталъ онъ мазать этой смѣсью, покрывать волшебной мазью и расколотые камни и расщелины по скаламъ,—вновь сростался тѣ камни, скалы вновь соединялись.

Вотъ приноситъ мальчикъ средство, подаетъ онъ старцу въ руки:

— Вотъ чудесное снадобье, вотъ надежное лѣкарство, если смазать скалы, горы, снова въ мигъ онѣ сростутся.

Старецъ эту мазь отвѣдалъ и нашелъ ее пригодной. Вейнемейнена онъ мажетъ, раны лѣчитъ онъ усердно, мажетъ страшные порѣзы, молвитъ самъ слова такія:

— Не своей лѣчу я силой, силой вышней исцѣляю; не мои уста здѣсь молвятъ, а уста творца глаголятъ!

Только онъ помазалъ мазью, вдругъ закорчился отъ боли и почти безъ чувствъ свалился старый бѣдный Вейнемейненъ. Боли старецъ изгоняетъ, шлетъ ихъ на гору болѣзней, чтобъ камнямъ снесли страданья, чтобы мучили утесы. Старый сдѣлалъ перевязку, лентой шелковой стянулъ онъ Вейнемейнена колѣно, обмоталъ больной онъ палецъ. Старый вѣрный Вейнемейненъ тутъ почувствовалъ, что сразу онъ отъ раны исцѣлился: нѣтъ слѣдовъ ужъ отъ порѣзовъ, можетъ онъ сгибать колѣно и ногой ступать свободно. И поднялся Вейнемейненъ, къ небу взглядъ свой обращаетъ, благодарный и смиренный, говоритъ слова такія:

— Лишь оттуда сходитъ милость, посылается намъ помощь! Слава вышнему на небѣ, что послалъ мнѣ исцѣленье, подъ свою защиту принялъ, прекратилъ мои страданья! Ты, грядущее вновь племя! Ты, народъ, что́ возникаешь! Судно ты на споръ не дѣлай, лодкой выгнутой не хвастай! Лишь творецъ даетъ намъ силу,— безъ него герой безсиленъ.

Руна X.

Ильмаринен куетъ Сампо.

Старый вѣрный Вейнемейненъ жеребца запрегъ поспѣшно, самъ усѣлся въ свои сани и хлестнулъ кнутомъ гнѣдого. Вотъ помчался онъ оттуда по болотамъ, по полянамъ; ѣдетъ день и два онъ ѣдетъ, а на третій день подъѣхалъ онъ къ границѣ Калевалы, къ рубежу поляны Осмо.

Тутъ на мигъ остановился, молвилъ онъ такія рѣчи:

— Пусть пожретъ волкъ хвастунишку, пусть болѣзнь убьетъ лапландца, что̀ пророчилъ, будто дома никогда я не увижу и, пока сіяетъ мѣсяцъ, не видать мнѣ ни Вейноле, ни песчаной Калевалы!

Началъ старый Вейнемейненъ руну пѣть съ большимъ искусствомъ, и отъ пѣсни поднялася вверхъ сосна съ златой вершиной, распростерла вѣтви въ тучахъ, растянула ихъ по небу. Онъ поетъ, творитъ заклятья, и спустился мѣсяцъ ясный на сосны златой вершину, вѣтки-жъ звѣздами покрылись.

Грустно онъ поѣхалъ дальше, по роднымъ своимъ

полянамъ, — помнитъ онъ, что обѣщался за свое спасенье выслать Ильмаринена въ Похьолу, въ ту суровую Сарьолу. Конь гнѣдой остановился на полянѣ новой Осмо, гдѣ работалъ Ильмариненъ въ кузницѣ своей прилежно. Старый вѣрный Вейнемейненъ изъ саней своихъ выходитъ, тотчасъ къ кузницѣ идетъ онъ, съ кузнецомъ, чтобъ повидаться.

Молвитъ старцу Ильмариненъ:

— О ты, старый Вейнемейненъ, гдѣ такъ долго оставался, гдѣ провелъ все это время?

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Былъ все время я въ Похьолѣ, въ той печальной Саріолѣ, долго жилъ среди лапландцевъ, среди злобныхъ чародѣевъ.

Молвилъ старцу Ильмариненъ:

— О ты, старый Вейнемейненъ, вѣковѣчный заклинатель, разскажи, что̀ тамъ ты видѣлъ, какъ домой вернулся снова?

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Много новостей привезъ я: въ Саріолѣ есть дѣвица, жениховъ у ней премного, но она не хочетъ замужъ. Всѣ ее въ Похьолѣ славятъ, всѣ красу ея возносятъ: на челѣ сіяетъ мѣсяцъ, на груди сверкаетъ солнце, на плечахъ мерцаютъ звѣзды, на спинѣ семь звѣздъ прекрасныхъ. О, кузнецъ ты, Ильмариненъ, вѣковѣчный ты кователь! Если выкуешь ты Сампо, пеструю украсишь крышку, то получишь ты въ награду эту дивную дѣвицу.

Отвѣчаетъ Ильмариненъ:

— О ты, старый Вейнемейненъ! Видно, ты ужъ обѣщался, ради своего спасенья, отослать меня въ Похьолу! Никогда я не поѣду въ эту мрачную Сарьолу! Тамъ герои даже гибнутъ, безъ пощады ихъ тамъ топятъ!

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Видѣлъ я другое чудо: есть сосна съ златой вершиной на краю поляны Осмо, на вершинѣ свѣтитъ мѣсяцъ, а на вѣткахъ блещутъ звѣзды.

Отвѣчаетъ Ильмариненъ:

— Не повѣрю въ это чудо, коль его я не увижу.

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Коль ты этому не вѣришь, такъ пойдемъ туда, посмотримъ, и увидишь, что то правда.

Вотъ изъ кузницы выходятъ и идутъ на поле Осмо. Подошелъ кузнецъ къ соснѣ той и любуется луною, что сіяетъ на вершинѣ, и мерцаньемъ звѣздъ на вѣткахъ.

Молвилъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Полѣзай наверхъ и снимешь ты оттуда мѣсяцъ ясный, соберешь тамъ съ вѣтокъ звѣзды!

Вотъ кователь Ильмариненъ на сосны вершину лѣзетъ, въ вышину, ко своду неба, чтобы снять оттуда мѣсяцъ и собрать тамъ съ вѣтокъ звѣзды.

Говоритъ сосна златая, древо съ золотой вершиной:

— О ты, мужъ! Что ты, въ умѣ-ли? Вѣдь наверхъ ты, глупый, лѣзешь, точно мальчикъ на вершину, чтобъ достать поддѣльный мѣсяцъ, снять поддѣльныя созвѣздья?..

Въ это время Вейнемейненъ пѣснеи вѣщей поднимаетъ вихрь и бурю съ ураганомъ, самъ такое слово молвитъ:

— Унеси его, о буря, унеси со всею силой, чтобъ скорѣе онъ домчался въ ту суровую Похьолу.

Ураганъ поднялся грозный, Ильмаринена помчалъ онъ точно вихремъ въ Саріолу, въ ту печальную Похьолу. Вотъ несется Ильмариненъ, по волнамъ воздушнымъ мчится, надъ луною, ниже солнца, по плечамъ большихъ созвѣздій.

Скоро онъ достигъ Похьолы, тамъ на дворъ онъ опустился возлѣ бани Саріолы—псы его не услыхали, не почуяли собаки.

Лоухи, Похьолы хозяйка, та беззубая старуха, на дворѣ сама стояла, молвила слова такія:

— Кто ты, изъ какого рода, изъ числа какихъ героевъ? Съ вѣтромъ ты сюда примчался по пути саней воздушныхъ, и не лаяли собаки, не ворчалъ и песъ лохматый.

Отвѣчаетъ Ильмариненъ:

— Не затѣмъ сюда я прибылъ, чтобъ меня собаки рвали, искусалъ бы песъ лохматый, здѣсь въ странѣ мнѣ незнакомой.

Вотъ пытается старуха, хочетъ вывѣдать пришельца:

— Ты не самъ ли Ильмариненъ, тотъ кузнецъ искус-

ный, мудрый? Ужъ его давно мы ждемъ здѣсь, чтобъ онъ выковалъ намъ Сампо.

Отвѣчаетъ Ильмариненъ:

— Не ошиблась ты, старуха, самъ я этотъ Ильмариненъ, я кователь тотъ искусный.

Лоухи, Похьолы хозяйка, та беззубая старуха, быстро въ горницу вбѣгаетъ, говоритъ слова такія:

— Дочка младшая родная, что мнѣ всѣхъ дѣтей дороже! Нарядись скорѣй получше, платье выбери красивѣй понавѣсь на грудь и шею больше злата, лучшій жемчугъ и виски укрась получше, чтобъ румяны были щеки, и лицо красой сіяло! Къ намъ ужъ прибылъ Ильмариненъ, тотъ кузнецъ искусный, мудрый, чтобы выковать намъ Сампо, пестро вычеканить крышку.

Дочь прекрасная Похьолы, красота земли и моря, лучшіе взяла наряды, пять одѣла платьевъ сразу, головной уборъ надѣла и изъ злата лучшій поясъ. Нарядившись, точно въ праздникъ, въ горницу она приходитъ: красотой лицо сіяетъ, на щекахъ румянецъ алый, грудь усыпана вся златомъ, косы серебромъ сверкаютъ.

Вотъ сама хозяйка Лоухи кузнеца въ избу проводитъ, кормитъ гостя, угощаетъ и слова такія молвитъ:

— О, кузнецъ ты, Ильмариненъ, вѣковѣчный ты кователь, можешь ли сковать намъ Сампо съ пестрой кованною крышкой изъ конца пера лебедки, капли молока коровы, изъ шерстиночки овечьей: изъ ячменныхъ зеренъ чистыхъ? — Коль ты выкуешь намъ Сампо, дочь тебѣ отдамъ въ награду.

Отвѣчаетъ Ильмариненъ, говоритъ слова такія:

— Что-жъ, сковать могу я Сампо съ пестрой кованною крышкой изъ конца пера лебедки, капли молока коровы, изъ шерстиночки овечьей, изъ ячменныхъ зеренъ чи-

стыхъ. Я сковалъ вѣдь сводъ небесный, крышку воздуха я сдѣлалъ, такъ что нѣтъ слѣда работы и слѣдовъ клещей не видно.

Вотъ идетъ ковать онъ Сампо, крышку пеструю чеканить; но во всей во Саріолѣ нѣтъ ни кузницы пригодной, ни мѣховъ, ни наковальни.

И промолвилъ Ильмариненъ:

— Растеряться могутъ бабы, не кончаютъ дѣлъ лѣнтяи, но не мужъ, хоть не изъ лучшихъ, не герой, хоть не изъ первыхъ.

Ищетъ для горнила мѣста, ищетъ день и два онъ ищетъ, наконецъ уже на третій увидалъ утесъ пригодный. Тамъ кузнецъ и выбралъ мѣсто, чтобы кузницу построить, тамъ мѣха свои онъ ставитъ, наковальню и горнило.

Вотъ взялся уже за дѣло вѣковѣчный тотъ ковательь, всѣ припасы бросилъ въ пламя, и къ мѣхамъ онъ слугъ приставилъ. Раздуваютъ пламя слуги день и ночь безъ перерыва; наросли у нихъ на пальцахъ и на пяткахъ даже камни.

Вотъ на первый день нагнулся надъ горниломъ Ильмариненъ, видитъ—лукъ въ огнѣ явился, лукъ блестящій, золотистый, серебромъ концы сверкали, рукоятка пестрой мѣдью. То былъ съ виду лукъ прекрасный, но имѣлъ онъ злое свойство: каждый день онъ бралъ по жертвѣ, въ праздники же бралъ онъ по двѣ. Самъ ковательь Ильмариненъ былъ не радъ такому луку, на куски тотъ лукъ ломаетъ и бросаетъ снова въ пламя; поддувать велитъ онъ слугамъ, раздувать мѣха сильнѣе.

На другой день вновь нагнулся надъ горниломъ Ильмариненъ, видитъ— тамъ ужъ лодка вышла, судно темное явилось: златомъ бортъ весь разукрашенъ, а уключины изъ мѣди. Было судно то прекрасно, но

имѣло злое свойство: самовольно шло въ сраженье, мчалось безъ нужды на битву. Самъ кователь Ильмариненъ былъ не радъ такому судну; разломалъ онъ судно въ щепки и бросаетъ щепки въ пламя, поддувать велитъ онъ слугамъ, раздувать мѣха сильнѣе.

Вотъ на третій день нагнулся надъ горниломъ Ильмариненъ, видитъ — вышла тамъ корова: у нея рога златые, среди лба блеститъ созвѣздье, между рогъ кругъ солнца виденъ. Хороша корова съ виду; но у ней дурное свойство: спитъ она всегда средь лѣса, молоко все льетъ на землю. Самъ кователь Ильмариненъ былъ не радъ такой коровѣ; на куски ее разрѣзалъ и куски бросаетъ въ пламя; поддувать велитъ онъ слугамъ, раздувать мѣха сильнѣе.

На четвертый день нагнулся надъ горниломъ Ильмариненъ, видитъ—плугъ изъ злата вышелъ: стержень плуга весь изъ мѣди, серебромъ сверкаетъ ручка. То былъ съ виду плугъ прекрасный, но имѣлъ дурное свойство: онъ пахалъ поля чужія, бороздилъ чужой онъ выгонъ. Но кователь Ильмариненъ самъ не радъ такому плугу; на куски онъ плугъ ломаетъ и куски бросаетъ въ пламя.

Вотъ онъ поднялъ вѣтры, бурю, чтобъ ему раздули пламя; зашумѣли тотчасъ вѣтры, изо всѣхъ концовъ небесныхъ, дуютъ день, другой день дуютъ, даже третій день бушуютъ; изъ окошка пламя пышетъ, изъ дверей сверкаютъ искры, къ небу гарь столбомъ несется, черный дымъ смѣшался съ тучей.

Вотъ проходитъ день, и снова заглянулъ кузнецъ въ горнило, видитъ — Сампо тамъ возникло, въ горнѣ крышка показалась. И кузнецъ тотъ Ильмариненъ, вѣковѣчный тотъ кователь, сталъ ковать еще быстрѣе, молотомъ стучать сильнѣе, и куетъ искусно Сампо:

чтобъ одною стороною лишь муку оно мололо, а другою стороною только соль бы растирало, третьей стороной своею все чеканило бы деньги.

Вотъ ужъ выковано Сампо съ пестрой крышкою узорной, замололо, зашумѣло и покачиваетъ крышкой; на зарѣ смололо мѣру на потребу и на нужды, а вторую для продажи, третью мѣру для запаса.

И возрадовалась Лоухи, отнесла большое Сампо въ горы мрачныя Похьолы, въ гору крѣпкую изъ мѣди, съ девятью на ней замками. Тамъ пустило корни Сампо въ глубину на девять саженъ, и изъ нихъ одинъ шелъ въ землю, а другой дошелъ до моря, третій корень— въ глубь утеса.

Кончивъ дѣло, Ильмариненъ говоритъ слова такія:

— Вотъ ужъ выковалъ я Сампо съ пестрой крышкою узорной. Мнѣ отдай теперь дѣвицу.

Дочь прекрасная Похьолы такъ сама ему сказала:

— Если въ край чужой уйду я, кто-жъ заставитъ здѣсь кукушекъ и другихъ небесныхъ пташекъ пѣть ближайшимъ лѣтомъ пѣсни? Еслибъ я ушла отсюда, край покинула-бъ родимый, всѣ бы пташки улетѣли, навсегда-бъ отсюда скрылись. Никогда мнѣ не придется бросить дней дѣвичьихъ, ясныхъ; никогда я не избавлюсь отъ заботъ, занятій лѣтнихъ,—цѣлы ягоды-бъ остались, берегъ былъ бы нашъ безъ пѣсенъ, — кто тогда въ лѣсу гулялъ бы, кто-бъ игралъ въ зеленой рощѣ?

Загрустилъ тутъ Ильмариненъ, вѣковѣчный тотъ кователь, голову склонилъ печально и задумался онъ съ горя, какъ бы до дому добраться, увидать поля родныя, выбраться изъ Саріолы, этой мрачной Похіолы.

Молвитъ Похьолы хозяйка:

— О, кователь Ильмариненъ, что съ тобою приклю-

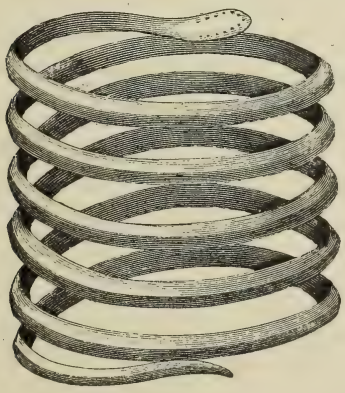
чилось? Иль тоска тебя снѣдаетъ, грусть по родинѣ явилась?

Отвѣчаетъ Ильмариненъ:

— Да, туда теперь стремлюся, край родной хочу увидѣть, чтобъ на родинѣ скончаться!

Лоухи, Похьолы хозяйка, кузнеца тутъ накормила, посадила къ весламъ въ лодку, подняла сильнѣйшій вѣтеръ, вѣтеръ съ сѣвера холодный.

Вотъ понесся Ильмариненъ, вѣковѣчный тотъ кователь, быстро къ родинѣ любимой по волнамъ глубокимъ моря. День-другой плыветъ по морю, наконецъ уже на третій на родной выходитъ берегъ.

Руна XI.

Женитьба Лемминкайнена.

Пѣсню спѣть пора объ Ати, о веселомъ сынѣ Лемпи. Выросъ онъ въ высокомъ домѣ, возлѣ матери любимой, у глубокаго залива, возлѣ бухты мыса Кауко. Кауко рыбою питался, выросъ сильнымъ и высокимъ, сталъ онъ мужемъ, какихъ мало, и красавцемъ чуть не первымъ. Но онъ былъ не постояненъ и любилъ онъ приключенья.

Тамъ жила Саари дѣва, что̀ цвѣтокъ весенній въ полѣ. Далеко молва проникла о красѣ дѣвицы юной, и со всѣхъ сторонъ являлись женихи за той дѣвицей. Солнце сватало ей сына; но она не захотѣла рядомъ съ нимъ сіять на небѣ и спѣшить съ нимъ вмѣстѣ лѣтомъ. Мѣсяцъ ясный сваталъ сына — тоже дѣва отказала: не хотѣлось ей сіять съ нимъ, вѣчно по небу скитаться. Звѣздочка за сына проситъ, дѣва такъ же непреклонна: не хотѣлось долгой ночью ей мерцать на зимнемъ небѣ. Изъ Эстляндіи являлись и изъ Ингріи

ходили, всѣмъ отказывала дѣва, всѣмъ одно она твердила, что за нихъ не выйдетъ замужъ.

Но веселый Лемминкайненъ, тотъ красавецъ Каукомьели, все-жъ рѣшился сватать дѣву, ту красавицу невѣсту.

Мать его остерегаетъ, молвитъ такъ ему старушка:

— Ты не сватай, сынъ мой милый, эту знатную дѣвицу; тамъ въ свой родъ тебя не приметъ племя гордое Саари!

Но веселый Лемминкайненъ, Каукомьели отвѣчаетъ, говоритъ слова такія:

— Что-жъ, что я не знатенъ родомъ! Такъ дѣвицу я добуду богатырскою осанкой и лицомъ моимъ красивымъ!

Мать его все не пускаетъ, отговариваетъ сына:

— Тамъ на смѣхъ тебя поднимутъ, осмѣютъ тебя дѣвицы.

Лемминкайненъ беззаботно говоритъ слова такія:

— Я съумѣю съ ними сладить и насмѣшки ихъ пустыя превращу въ печаль и слезы.

Молвитъ сыну мать старушка:

— Горе бѣдной мнѣ, несчастной! Коль обидишь женъ Саари, оскорбишь тамъ дѣвъ невинныхъ, то войной сюда нагрянутъ всѣ мужчины изъ Саари, окружатъ тебя, несчастный, и въ куски тебя изрубятъ!

Но не внемлетъ Лемминкайненъ материнскому совѣту. Лучшаго коня выводитъ, въ сани легкія впрягаетъ, скачетъ шумно онъ отъ дому къ поселеньямъ на Саари сватать тамъ красу дѣвицу.

Засмѣялись надъ нимъ жены, насмѣхъ подняли дѣвицы, какъ по улицѣ неловко, неуклюже въ дворъ онъ въѣхалъ, опрокинулъ свои сани, у воротъ самъ растянулся.

Вотъ поднялся Лемминкайненъ, кудрями встряхнулъ, и молвитъ:

— Никогда то не бывало, не случалося со мною, чтобъ смѣялись надо мною женщины или дѣвицы! Нѣтъ ли мѣста на Саари, гдѣ бы могъ я веселиться и игру затѣять, пляску вмѣстѣ съ дѣвами Саари?

Отвѣчаютъ ему дѣвы, дѣвы острова Саари:

— Мѣстъ не мало на Саари для веселья и для плясокъ: есть мѣстечко за овиномъ, а другое за болотомъ, тамъ ты можешь на свободѣ пастухомъ себѣ рѣзвиться.

Беззаботный Лемминкайненъ въ пастухи тотчасъ нанялся, день онъ на лугу проводитъ, вечеръ съ дѣвами играетъ, пляшетъ, пѣсни распѣваетъ, всѣхъ дѣвицъ онъ этимъ тѣшитъ. Но одна была межъ ними, въ знатномъ племени Саари, Килликки, краса дѣвица, что́ и солнцу отказала, замужъ выйти не хотѣла. Нашъ веселый Лемминкайненъ сапоговъ сто паръ сносилъ ужъ, сотню веселъ ужъ сломалъ онъ, сватаясь за той дѣвицей.

Молвитъ такъ ему дѣвица, говоритъ слова такія:

— Что́ ты бродишь здѣсь, бродяга, визгомъ берегъ оглашаешь, сватаешь себѣ дѣвицу, что́ тебя повыше родомъ? Выйду за тебя тогда я, изотру когда весь камень, растопчу въ конецъ свой пестикъ, истолку насквозь всю ступку.

Времени прошло немного, какъ однажды въ часъ вечерній дѣвы на лужку играли, забавлялись пляской шумной, съ ними Килликки красотка, что́ своимъ гордилась родомъ. Вотъ во время шумной пляски къ нимъ подъѣхалъ Лемминкайненъ на конѣ своемъ прекрасномъ, въѣхалъ въ хороводъ дѣвичій. Быстро Килликки схватилъ онъ, бросилъ дѣву въ свои сани, привязалъ ее

ремнями и, стегнувъ коня, помчался, на скаку дѣвицамъ крикнулъ:

— Никому, нигдѣ, дѣвицы, не посмѣйте молвить слова, что сюда я къ вамъ подъѣхалъ и похитилъ эту дѣву. Если вы проговоритесь, будетъ вамъ, дѣвицы, плохо: жениховъ, мужей всѣхъ вашихъ я заклятьями своими вышлю въ битву, въ бой смертельный, гдѣ они до одного всѣ головы свои положатъ.

Молитъ Килликки и плачетъ, проситъ нѣжный цвѣтъ Саари, говоритъ слова такія:

— Выпусти меня изъ санокъ, отпусти меня на волю, чтобъ домой могла вернуться, къ моей матери печальной! Если ты меня не пустишь, то мои пять братьевъ слѣдомъ за тобой примчатся, у тебя меня отнимутъ и расправятся съ тобою.

Но ее онъ не пускаетъ, силой держитъ онъ дѣвицу.

Принялась дѣвица плакать, говоритъ слова такія:

— Горе бѣдной мнѣ, несчастной! Я жила всегда въ весельи, а теперь постигло горе: мужъ задорный мнѣ достался, будетъ затѣвать онъ ссоры и всегда ходить на битву.

Говоритъ ей Лемминкайненъ, утѣшаетъ онъ дѣвицу:

— Килликки, краса Саари, ягодка моя лѣсная! Ты не плачь, оставь заботы, обижать тебя не стану, будешь жить ты безъ печали. У меня коровъ не мало: на болотахъ—все морошка, на пригоркахъ — земляника, на поляхъ растетъ брусника; корму всѣ онѣ не просятъ, хороши и безъ надзора. Можетъ, ты о томъ горюешь, что незнатнаго я рода? Хоть незнатнаго я рода, мечъ за то мой знатенъ родомъ: шлифовалъ его самъ Хійси, сами боги отчищали! Имъ себѣ добуду славу, роду моему величье!

Тяжело вздохнула дѣва и съ печалью такъ сказала:

— Если, Ати, ты желаешь, чтобъ была твоей женой я, то дай вѣчную мнѣ клятву, что войной ходить не будешь ни для злата дорогого, ни для серебра чужого.

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ, говоритъ слова такія:

— Вѣчной клятвой я клянуся, что войной ходить не буду ни для злата дорогого, ни для серебра чужого. Но и ты мнѣ поклянися никогда не быть въ деревнѣ, какъ плясать бы ни хотѣла, какъ играть бы ни желала.

Вотъ другъ другу поклялися, что исполнятъ они клятвы: Ати, что войну онъ броситъ, Килликки — въ селѣ не будетъ.

Тутъ веселый Лемминкайненъ жеребца стегнулъ вожжами, самъ слова такія молвилъ:

— Ну, прощайте, лугъ Саари, корни сосенъ и пни елей! Долго, долго я топталъ васъ, все за пташкой сей гоняясь.

Вотъ помчался конь веселый и ужъ къ вечеру привезъ ихъ къ мысу, гдѣ жилъ Лемминкайненъ.

Увидавъ вдали избушку, молвитъ жениху дѣвица:

— Это что́ тамъ за лачужка, что́ съ норой звѣриной схожа? Вѣрно въ ней бѣднякъ ютится, рода низкаго, худого?

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ, говоритъ слова такія:

— Не печалься о лачужкѣ, домъ большой тебѣ построю, понаставлю комнатъ славныхъ изъ хорошихъ лучшихъ бревенъ.

Вотъ пріѣхалъ Лемминкайненъ въ домъ родной свой, домъ любимый, прямо къ матери идетъ онъ, подошелъ къ старушкѣ доброй.

Сына тутъ она спросила:

— Что́ такъ долго пробылъ, сынъ мой, что́ ты мѣшкалъ на Саари?

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Отплатилъ я дѣвамъ, женамъ, за насмѣшки надо мною, лучшую изъ нихъ похитилъ, лучшую себѣ взялъ въ жены.

Мать на это такъ сказала, рѣчи молвила такія:

— Слава вышнему на небѣ, что мнѣ далъ теперь невѣстку: и огонь она мнѣ вздуетъ, будетъ ткать и прясть искусно, хорошо намъ постираетъ и за домомъ всѣмъ присмотритъ. Ты хвали судьбу, сынъ милый, богъ устроилъ все прекрасно! Точно снѣгъ, чистъ подорожникъ—а жена твоя почище; и бѣла на волнахъ пѣна— а жена твоя бѣлѣе; и стройна на морѣ утка — а жена твоя стройнѣе; ясны звѣздочки на небѣ—а жена твоя яснѣе. Ты устрой полы пошире, окна сдѣлай ты побольше, стѣны возведи повыше, лучше-жъ домъ построй ты новый. Ты добылъ красу дѣвицу, выбралъ въ жены цвѣтъ Саари, что́ тебя повыше родомъ и по племени знатнѣе.

Руна XII.

Ссора Лемминкайнена съ женою.

Вотъ веселый Лемминкаïненъ все живетъ, да поживаетъ, на воïну онъ не стремится, и въ село не ходитъ Килли. Но, однажды, рано утромъ, ѣдетъ Ати-Лемминкайненъ наловить для дома рыбы.

День прошелъ—онъ не вернулся, не вернулся даже къ ночи,—и пошла въ село Килликки поплясать тамъ на досугѣ.

Вотъ вернулся Лемминкаïненъ, и спѣшитъ ему повѣдать, молвитъ такъ ему сестрица:

— Ати, братецъ мой любезный! На селѣ была Килликки, тамъ съ подругами плясала.

Какъ узналъ объ этомъ Ати, тотъ веселый Лемминкайненъ, гнѣвно онъ нахмурилъ брови, молвилъ самъ слова такія:

— О ты, матушка родная, вымой мнѣ сейчасъ рубаху въ ядѣ черныхъ змѣй и гадовъ, высуши ее ско-

рѣе! На войну теперь иду я, на жестокій бой въ Похьолу,—на селѣ была Килликки, тамъ съ подругами плясала.

Молитъ такъ его Килликки:

— Дорогой мой мужъ, мой Ати! Не ходи туда сражаться. Видѣла я сонъ недобрый: какъ изъ горна поднялося подъ окошкомъ нашимъ пламя, а затѣмъ и въ домъ ворвалось, запылало, затрещало, охватило всѣ покои.

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Женскимъ снамъ я столько-жъ вѣрю, сколько всѣмъ пустымъ ихъ клятвамъ! Мать родная, дай скорѣе боевую мнѣ кольчугу, испытать хочу я снова пиво битвы, медъ сраженья.

Молвитъ мать старушка сыну:

— Ати, милый мой сыночекъ, не ходи ты въ бой, на битву! Пива есть у насъ довольно, въ крѣпкихъ бочкахъ много меду, можешь пить его и дома, наслаждаться можешь вдоволь.

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Не хочу я пива дома, лучше буду пить я воду, на рѣкѣ весломъ смоленымъ. Принеси скорѣй кольчугу, я пойду къ Похьолѣ мрачной добывать сребра и злата.

Молвитъ мать въ отвѣтъ сыночку:

— Ати, милый мой сыночекъ! Есть у насъ и дома злато, много серебра въ запасѣ. Наканунѣ утромъ рано, нашъ слуга пахалъ на пашнѣ уголъ, что̀ змѣями полонъ; тамъ сошникъ задѣлъ за крышку,—ящикъ весь былъ полонъ златомъ. Внесъ онъ ящикъ въ кладовую и поставилъ на стропила.

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Мнѣ не нужно это злато; я войной добуду больше. Принеси же мнѣ кольчугу, я теперь пойду въ Похьо-

лу избивать сыновъ лапландскихъ, добывать жену другую.

Молвитъ сыну мать-старушка:

— Ати, милый мой сыночекъ! У тебя Килликки дома; всѣхъ жена твоя красивѣй, не найдешь нигдѣ такой ты.

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— На село Килликки ходитъ; пусть она себѣ тамъ пляшетъ, съ молодицами играетъ,—мнѣ такой жены не нужно.

Удержать мать сына хочетъ, такъ его остерегаетъ:

— Не ходи, ты сынъ мой милый, въ села дальнія Похьолы! Ты не такъ силенъ вѣдь въ чарахъ, какъ сыны Похьолы мрачной. Заклянетъ тебя лапландецъ, по уста зароетъ въ угли, голову въ огонь положитъ, руки сжаритъ на каменьяхъ.

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Ужъ однажды лѣтней ночью чаровать меня пытались три лапландскихъ чародѣя. На горѣ они стояли, безъ одеждъ, безъ подпоясокъ и творили тамъ заклятья, погубить меня хотѣли. Но съ меня они тамъ взяли, что́ топоръ беретъ отъ камня, что́ буравъ беретъ съ утеса, что́ каблукъ со льда снимаетъ и что́ смерть—въ пустомъ жилищѣ. И въ другой разъ мнѣ грозили; дѣло вышло же иначе: домогались заклинаньемъ погрузить меня въ болото, чтобъ по бороду завязъ тамъ; но я началъ самъ заклятья, пѣснь зловѣщую запѣлъ я—и лапландцы-чародѣи вмѣстѣ со своимъ оружьемъ обратилися пучиной, самымъ злымъ водоворотомъ. Пусть они тамъ почиваютъ, пусть тамъ дремлютъ чародѣи, волосами обростаютъ, пусть растетъ трава морская черезъ головы и тѣло чародѣевъ тѣхъ заклятыхъ.

Мать его все не пускаетъ, отговариваетъ сына.

Въ это время Лемминкайненъ щеткой кудри себѣ

гладилъ, волоса чесалъ усердно. Вдругъ ту щетку онъ бросаетъ, и такія молвитъ рѣчи:

— Коль изъ щетки кровь польется, если алая закаплетъ,—знайте, что меня не стало, что погибъ ужъ Лемминкайненъ.

Вотъ веселый Лемминкайненъ снарядился въ путь-

дорогу; облачившися въ кольчугу, онъ надѣлъ желѣзный поясъ, молвилъ самъ слова такія:

— Мужу быть въ бронѣ надежнѣй противъ всякихъ чародѣевъ; слабыхъ онъ не побоится, сильныхъ скоро одолѣетъ!

Вотъ за мечъ онъ свой схватился, за клинокъ надежный, острый, что̀ у Хійси былъ отточенъ, а богами отшлифованъ, и промолвилъ рѣчь такую:

— Вы возстаньте же герои всѣ изъ нѣдръ земли глубокихъ, поднимитесь мужи битвы и идите мнѣ на помощь! Лѣсъ, и ты возстань съ мужами, чаща тожъ съ своей толпою; старецъ горъ съ своею силой, водяной Хіиси страшный, мать воды съ своей стихіей и русалки изъ потоковъ,—встаньте всѣ въ защиту мужа, какъ помощники героя, чтобы стрѣлы чародѣевъ, ихъ ножи, мечи и копья мнѣ совсѣмъ бы не вредили! Если-жъ этого все мало, есть еще другое средство: обращусь я къ старцу въ небѣ, что царитъ надъ облаками. О ты, Укко, богъ высокій, голосъ чей гремитъ чрезъ тучи! Мечъ ты огненный пошли мнѣ, чтобъ заклятья отвратилъ я, побѣдилъ бы чародѣевъ и всѣ силы преисподней, коль вокругъ меня столпятся, чтобъ заклятьями моими одолѣлъ я чародѣевъ и всю темную ихъ силу!

Свистнулъ юный Лемминкайненъ, и на вѣщій свистъ примчался златогривый конь изъ лѣса. Вотъ запрегъ его онъ въ сани, самъ усѣлся поудобнѣй и хлестнулъ коня вожжами. Быстро мчится онъ отъ дома, ѣдетъ день, другой день ѣдетъ, наконецъ уже на третій подъѣзжаетъ онъ къ деревнѣ.

Вотъ веселый Лемминкайненъ крайней улицей поѣхалъ, ѣдетъ къ крайнему онъ дому и съ порога такъ спросилъ онъ:

— Нѣтъ ли здѣсь кого въ избушкѣ, кто бы могъ гужи ослабить, опустилъ бы мнѣ оглобли и хомутъ бы снялъ съ лошадки?

На полу сидѣлъ малютка, такъ съ порога мальчикъ молвилъ:

— Никого здѣсь нѣтъ въ избушкѣ, кто бы могъ гужи ослабить, опустить твои оглобли и хомутъ стащить съ лошадки.

Не горюетъ Лемминкайненъ; онъ коня хлестнулъ

вожжами, мчится улицей середней, къ дому среднему подъѣхалъ, у порога такъ спросилъ онъ:

— Нѣтъ ли здѣсь кого въ избушкѣ, кто мнѣ вожжи подержалъ бы, кто распрягъ бы мнѣ лошадку?

Говоритъ съ печи старуха, такъ кричитъ ему сердито:

— Есть у насъ людей не мало, чтобъ распрячь твою лошадку. Здѣсь мужей найдется много, наберется даже сотня, чтобъ отсель спровадить вора, чтобъ прогнать его отсюда и домой вернуть бродягу.

Не смутился Каукомьели, молвилъ лишь такое слово:

— Застрѣлить бы эту вѣдьму съ ея челюстью отвислой.

Въ сани снова онъ садится, мчится быстро по дорогѣ, ѣдетъ улицей онъ верхней, къ дому верхнему подъѣхалъ, молвитъ тамъ слова такія:

— Хійси, пасть заткни собакѣ, Лемпо, морду затяни ей, чтобъ не лаялъ песъ сердитый, пока мимо не проѣду!.

Вотъ на дворъ туда онъ въѣхалъ, по землѣ кнутомъ ударилъ, изъ земли туманъ поднялся, изъ тумана вышелъ карликъ: развязалъ супонь онъ быстро, опустилъ затѣмъ оглобли.

Самъ веселый Лемминкайненъ приложился ухомъ къ щели, слышитъ онъ въ избѣ веселье, пѣсни громкія и игры. Заглянулъ въ избу и видитъ—колдуновъ полна изба вся: распѣваютъ чародѣи, вдоль всѣхъ стѣнъ поразмѣстившись, прорицатели у двери, заклинатели на печкѣ, знахари же на скамейкахъ, и поютъ всѣ по-лапландски, воютъ громко, точно Хійси.

Самъ веселый Лемминкайненъ измѣнилъ свой видъ мгновенно, измѣнился и въ объемѣ и, проникнувъ въ домъ чрезъ уголъ, молвилъ тамъ слова такія:

— Лучше пѣснь съ концомъ бываетъ, пѣснь корот-

кая пріятнѣй; поберечь слова бы лучше, чѣмъ порвать на половинѣ.

Лоухи, Похьолы хозяйка, тутъ въ избѣ засуетилась, посредине пола стала, молвила слова такія:

— Прежде песъ у насъ тутъ лаялъ, жралъ онъ жадно мясо, кости, запивалъ же свѣжей кровью. Изъ какихъ мужей ты будешь, изъ числа какихъ героевъ, что въ избу ты такъ проходишь, что не лаетъ и собака?

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Прибылъ къ вамъ я не безъ знанья, не безъ мудрости и силы. У отца я научился пѣснопѣнью, заклинаньямъ, чтобъ собаки не кусались, псы меня бы не заѣли. Мать моя меня купала, какъ я былъ еще малюткой, ночью лѣтнею три раза, а осенней же разъ девять, чтобы я всегда, повсюду, могъ отпоръ дать вѣщимъ пѣньемъ, чтобъ я былъ пѣвцомъ изъ первыхъ на чужбинѣ, какъ и дома.

Вотъ веселый Лемминкайненъ началъ грозно заклинанья пѣсней вѣщею, могучей: искры сыплются изъ шубы, пламенемъ глаза сверкаютъ при могучихъ заклинаньяхъ, что творить сталъ Лемминкайненъ. И отъ этой вѣщей пѣсни въ ротъ набилися каменья всѣмъ лапландскимъ чародѣямъ; колдуновъ всѣхъ этихъ гордыхъ по мѣстамъ заклялъ онъ разнымъ: въ степь-пустыню, глушь лѣсную, въ глубь болотъ зыбучихъ, мертвыхъ, въ дикій водопадъ на Рутьѣ, въ ту кипящую пучину, въ ту пѣнистую стремнину; превратилъ ихъ въ скалы, глыбы, чтобы тамъ огнемъ пылали, чтобъ какъ искры тамъ трещали.

Такъ веселый Лемминкайненъ побѣдилъ всѣхъ чародѣевъ, раскидалъ ихъ всѣхъ по дебрямъ, старыхъ, среднихъ лѣтъ и юныхъ, вмѣстѣ съ ихъ оружьемъ грознымъ; одного лишь онъ не тронулъ,—пастуха слѣпого только.

И обидѣлся пастухъ тотъ, молвилъ слово онъ такое:

— О, веселый Лемминкайненъ, всѣхъ заклялъ ты безъ изъятья: старыхъ, среднихъ лѣтъ и юныхъ,— мнѣ-жъ за что́ ты далъ пощаду?

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Оттого тебя не тронулъ, что не стоишь ты заклятій, черезчуръ ужъ ты ничтоженъ съ жалкой злобою своею.

Не стерпѣлъ пастухъ обиды, въ гнѣвѣ выбѣжалъ онъ въ поле, побѣжалъ къ рѣкѣ Туони, что́ граничитъ съ царствомъ мертвыхъ, поджидать онъ тамъ сталъ Кауко, Лемминкайнена лихого, ждать, когда тотъ въ край родимый будетъ ѣхать изъ Похьолы.

Руна XIII.

Сватовство Лемминкайнена.

Вотъ веселый Лемминкайненъ молвитъ Похьолы хозяйкѣ:

— Дай, старуха, мнѣ дѣвицу, приведи сюда ты дочекъ, чтобъ себѣ я выбралъ въ жены лучшую изъ всѣхъ красотокъ.

Молвитъ Похьолы хозяйка:

— Нѣтъ, тебѣ не дамъ я дочки, за тебя не выдамъ дѣвы,—у тебя жена есть дома, ужъ твой домъ не безъ хозяйки.

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Я въ село прогналъ Килликки, здѣсь жену возьму получше. Приведи сюда ты дочекъ, чтобъ я лучшую могъ выбрать.

Молвитъ Похьолы хозяйка:

— Я своей не выдамъ дочки за бездѣльника пустого, за ничтожнаго героя. Ты тогда проси дѣвицу, мой цвѣтокъ тогда ты сватай, какъ поймать съумѣешь лося на глухой полянѣ Хіиси.

Вотъ копье наладилъ Ати, натянулъ на лукъ тетиву, и сложилъ въ колчанъ свой стрѣлы; въ путь совсѣмъ ужъ онъ собрался, лыжъ ему лишь не хватало.

Призадумался тутъ Ати, гдѣ себѣ добыть бы лыжи, и идетъ онъ къ Ліиликки, къ кузнецу пошелъ онъ Кауппи, тамъ слова такія молвитъ:

— О, кузнецъ Вуоялайненъ, Кауппи, лучшій изъ лапландцевъ, скуй мнѣ лыжи-скороходы, выстругай ты ихъ поглаже, чтобы могъ поймать я лося на полянѣ у Хіиси.

Отвѣчаетъ Ліиликки, тотъ кузнецъ искусный Кауппи:

— Не ходи напрасно, Ати, не гоняйся ты за лосемъ,—какъ бы ты тамъ ни старался, пень гнилой ты лишь добудешь.

Не смутился Лемминкайненъ и слова такія молвилъ:

— Ты мнѣ сдѣлай только лыжи, выстругай мнѣ скороходы, а ужъ я поймаю лося на полянѣ у Хіиси.

Кауппи, тотъ кузнецъ искусный, взялся тотчасъ за работу, лыжи быстро онъ сготовилъ и, приладивъ къ нимъ колечко, смазалъ ихъ лосинымъ саломъ.

Вотъ веселый Лемминкайненъ, удалецъ тотъ Каукомьели, на спину колчанъ закинулъ, на плечо свой лукъ повѣсилъ, палку взялъ, ступилъ на лыжи, самъ слова такія молвилъ:

— Врядъ ли гдѣ-нибудь найдется, на землѣ подъ сводомъ неба, звѣрь такой четвероногій, чтобъ его не могъ достигнуть на своихъ летучихъ лыжахъ сынъ Калевы, Лемминкайненъ!

Эти рѣчи слышитъ Ютасъ, тѣ слова услышалъ Хіиси; лося тотчасъ сталъ онъ дѣлать, принялся творить оленя: голову изъ пня гнилого, а рога—изъ сучьевъ ивы, вмѣсто ногъ — камышъ высокій, спину сдѣлалъ онъ изъ жерди, жилы изъ сухой соломы, вмѣсто глазъ—лопухъ

поставилъ, уши сдѣлалъ изъ кувшинокъ, кожу—изъ коры сосновой, мясо—изъ бревна гнилого.

Сталъ учить Хіиси лося, говоритъ слова такія:

— Ты бѣги, мой лось, стрѣлою, торопись, олень прекрасный, на мѣста, гдѣ бродятъ лоси, на лапландскія равнины,—пусть на лыжахъ утомится раньше всѣхъ тамъ Лемминкайненъ!

И помчался лось Хіиси, побѣжалъ олень чудесный межъ амбарами Похьолы, по полямъ сыновъ лапландскихъ. На бѣгу онъ опрокинулъ съ очаговъ котлы лапландцевъ, побросалъ въ золу все мясо, вылилъ въ пламя всю похлебку. И поднялся шумъ тамъ страшный, всѣ залаяли собаки, разсмѣялися всѣ жены, заревѣли въ страхѣ дѣти, заропгали всѣ мужчины.

Самъ веселый Лемминкайненъ быстро мчится все за лосемъ; изъ-подъ лыжъ огонь пылаетъ, и дымиться стала палка, только лося все не видно, даже слѣдъ простылъ отъ звѣря. Такъ онъ мчался по болотамъ, по степямъ, пустынямъ Хіиси, черезъ темныя озера, чрезъ поляны самой Кальмы, мимо пасти лютой смерти. Смерть ужъ пасть надъ нимъ открыла, проглотить его хотѣла, но настигнуть не успѣла Лемминкайнена лихого.

Уголокъ одинъ остался на окраинѣ Похьолы, гдѣ еще не побывалъ онъ, гдѣ на лыжахъ скоролетныхъ онъ еще не проносился. Вотъ туда скользитъ онъ быстро, до конца ужъ добѣжалъ онъ, слышитъ: шумъ поднялся сильный, лаютъ злобно всѣ собаки, плачутъ малые ребята, громко женщины смѣются, всѣ лапландцы негодуютъ.

Вотъ примчался Лемминкайненъ, прикатилъ на шумъ тотъ сильный и слова такія молвитъ:

— Что тутъ жены всѣ смѣются, отчего ребята плачутъ, негодуютъ всѣ мужчины и собаки злобно лаютъ?

Отвѣчаютъ такъ лапландцы:

— Оттого смѣются жены, оттого ребята плачутъ, что промчался тутъ лось Хіиси, всѣ котлы здѣсь опрокинулъ, вывалилъ въ золу все мясо, на огонь похлебку пролилъ.

Вотъ веселый Лемминкайненъ собирается въ погоню и такое слово молвитъ:

— Ну, теперь ужъ всѣ лапландки пусть котлы свои почистятъ, дѣти-жъ наберутъ мнѣ щепокъ, чтобы здѣсь сварить мнѣ лося!

Только разъ онъ лыжей двинулъ—скрылся ужъ совсѣмъ изъ виду, шагъ еще одинъ какъ сдѣлалъ—ужъ его не слышно стало, въ третій—сразу онъ наѣхалъ лосю быстрому на спину. Вотъ беретъ онъ колъ кленовый, свилъ веревку изъ березы, привязалъ онъ крѣпко лося; по спинѣ его онъ треплетъ, гладитъ ласково по шеѣ, за плетень ведетъ дубовый. Вдругъ рванулся лось Хіиси, въ мигъ веревку перервалъ онъ, повалилъ плетень дубовый и помчался вновь стрѣлою по полямъ, болотамъ, топямъ и изъ вида скрылся вскорѣ.

Молодецъ въ досадѣ сильной гнѣвно бросился въ погоню, мчится снова онъ за лосемъ. Вдругъ застряли лыжи въ ямѣ, съ трескомъ тамъ переломились, на-двое сломалась палка.

Съ грустью смотритъ Лемминкайненъ на изломанныя лыжи и слова такія молвитъ:

— Пусть никто въ теченьи жизни не гоняется упорно по лѣсамъ за лосемъ Хійси, какъ то дѣлалъ я несчастный: изломалъ совсѣмъ я лыжи и сломалъ въ лѣсу я палку въ сей погонѣ безполезной.

Руна XIV.

Смерть Лемминкайнена.

Вотъ веселый Лемминкайненъ призадумался уныло, бросить ли ему погоню и домой теперь вернуться или снова попытаться, поохотиться за лосемъ, съ помощью хозяйки лѣса, дѣвамъ дебрей на утѣху?

И рѣшивъ погнаться снова за тѣмъ лосемъ быстроногимъ, онъ слова такія молвилъ:

— О ты, Укко, богъ высокій, дай мнѣ лыжи-скороходы, чтобъ на нихъ я могъ бы мчаться чрезъ болота и поляны по слѣду Хіиси лося, по полянамъ Похіолы. На работу въ лѣсъ иду я къ мирнымъ Тапіо жилищамъ! Мой привѣтъ вамъ, горы, выси, вамъ, лѣса, поляны, рощи! Смилостивьтесь, лѣсъ, пустыня, Тапіо, не будь суровымъ, проведите въ горы мужа, укажите мнѣ дорогу, гдѣ-бъ я могъ поймать добычу! О, сынъ Тапіо, Нюйрикки, сдѣлай мѣтки на дорогѣ, чтобъ я здѣсь не заблудился! Мьеликки, лѣсовъ царица, отвори лѣсные

склады, выпусти ко мнѣ добычу, даруй ты ловцу награду! О, красавица лѣсная, съ рѣчью сладкой, дочь Тапіо, разбуди хозяйку лѣса своей дивною свирѣлью, чтобъ ловца бы пожалѣла, слѣдъ добычи указала!

Такъ веселый Лемминкайненъ умоляетъ неустанно, быстро мчась лѣсною чащей, чрезъ болота и пустыни, къ той горѣ сожженной, мрачной, къ тѣмъ полянамъ чернымъ Хіиси. День онъ мчится и другой день, наконецъ уже на третій онъ достигъ горы высокой, на утесъ большой поднялся. Устремилъ свой взоръ на сѣверъ, смотритъ вдаль черезъ болота, видитъ Тапіо жилище: двери золотомъ сверкаютъ, съ сѣвера, черезъ болота, черезъ гору и кустарникъ. Тутъ веселый Лемминкайненъ внизъ спускается поспѣшно, приближается къ жилищу, къ окнамъ Тапіо подходитъ; заглянулъ онъ тутъ въ окошко, видитъ: тамъ сидятъ на лавкахъ благодѣтельницы лѣса въ будничной, плохой одеждѣ, въ грязныхъ, старыхъ одѣяньяхъ.

Молвитъ такъ имъ Лемминкайненъ:

— Отчего, хозяйка лѣса, ты сидишь теперь въ лохмотьяхъ? Не къ лицу тебѣ, царицѣ, одѣваться такъ небрежно. Прежде здѣсь въ лѣсу я видѣлъ три дворца: одинъ изъ кости, а другой былъ деревянный, третій же былъ весь изъ камня; по шести златыхъ окошекъ было тамъ на каждой стѣнкѣ. Заглянулъ я разъ въ окошко, Тапіо я тамъ увидѣлъ и хозяйку Тапіолы, видѣлъ Теллерво, ихъ дочку, тамъ же были всѣ ихъ слуги; всѣ они сверкали златомъ, яркимъ серебромъ блестѣли, а сама хозяйка лѣса въ золотыхъ была браслетахъ, въ перстняхъ, серьгахъ, ожерельяхъ, въ лентахъ, въ жемчугѣ прекрасномъ. О, владычица лѣсная, мать медвяная Метсолы, скинь соломенные лапти, сбрось несносныя лохмотья, въ платье радости одѣнься

той порой, пока въ лѣсу здѣсь я гоняюсь за добычей!

— Дѣдъ лѣсовъ, темнобородый, облеки лѣса въ одежду, наряди осины, ольхи, сосны, ели и березы, облеки сребромъ и златомъ, сдѣлай, какъ бывало прежде, чтобъ какъ солнце ель блестѣла, а сосна—какъ яркій мѣсяцъ, чтобъ въ лѣсахъ, зеленыхъ рощахъ, пахло медомъ лишь душистымъ, пахло прянымъ на полянахъ, у болотъ лилось бы масло!

— Дѣва, дочь лѣсовъ дремучихъ, дочка Тапіо, Туйликки! Выгони ты дичь къ полянѣ, на открытую равнину; коль она не хочетъ выйти, выбѣжать ловцу навстрѣчу, отломи ты хворостинку и хлестни ее по бедрамъ, чтобъ скорѣй она бѣжала, чтобъ неслась ко мнѣ навстрѣчу. Если побѣжитъ тропинкой, не давай ей заблудиться, чтобъ она не ускользнула; если дичь сбѣжитъ съ дороги, за рога веди къ тропинкѣ. Ты, лѣсовъ властитель, Тапіо! Мимеркки, хозяйка лѣса, мать лѣсныхъ даяній щедрыхъ! Помѣняйтеся скорѣе серебромъ моимъ и златомъ!

Долго рыскалъ Лемминкайненъ по лѣсамъ, дубравамъ темнымъ, пѣлъ онъ пѣсни на опушкѣ, пѣлъ въ лѣсу, въ зеленыхъ рощахъ, наконецъ своею пѣсней онъ смягчилъ хозяевъ лѣса, умолилъ лѣсныхъ красавицъ, дочку Тапіо задобрилъ. Испугали они звѣря, подняли изъ дебрей лося, и погнали по тропинкѣ, прямо на ловца, подъ горку. Тутъ веселый Лемминкайненъ свой арканъ на лося вскинулъ, звѣрю шею онъ опуталъ, чтобъ не могъ ногами биться, если кто погладитъ спину.

И промолвилъ Лемминкайненъ:

— Царь лѣсовъ, полянъ заросшихъ, мать лѣсная, Міеликки, мать даровъ лѣсныхъ даяній, приходите же за златомъ, серебро скорѣй берите, разстелите платъ

широкій, чтобы злато не упало, не разсыпалось по грязи!

Вотъ вернулся онъ въ Похьолу и такое слово молвитъ:

— Пойманъ мной олень прекрасный, изловилъ я лося Хіиси! Дай дѣвицу мнѣ, старуха, дай свою мнѣ дочку въ жены!

Отвѣчаетъ ему Лоухи:

— Лишь тогда отдамъ я дочку, подарю тебѣ невѣсту, какъ коня ты зануздаешь, лошадь карюю Хіиси, что́ пасется на окрайнѣ, на концѣ полянъ Хіиси.

Вотъ веселый Лемминкайненъ взялъ уздечку золотую и пошелъ искать ту лошадь, что́ паслась въ степяхъ Хіиси. На плечо узду повѣсивъ, онъ впередъ спѣшитъ дорогой на зеленыя поляны, тамъ коня лихого ищетъ. День, другой тамъ Ати бродитъ, наконецъ

уже на третій на высокій холмъ поднялся, на крутой утесъ взошелъ онъ, обратилъ къ востоку взоры, видитъ какъ въ степи пасется лошадь каряя средь сосенъ, вся огнемъ пылаетъ грива, отъ огня дымится волосъ.

И промолвилъ Лемминкайненъ:

— О ты, Укко, богъ высокій, ты, что правишь облаками! Распахни ты сводъ небесный, какъ окно открой ты небо и низринь ты градъ желѣзный, укроти коня Хіиси.

Укко, тотъ творецъ всевышній, властелинъ земли и неба, тучи на-двое раздвинулъ и осыпалъ градомъ крупнымъ, градомъ крѣпкимъ, какъ желѣзо, спину скакуна Хіиси.

Вотъ подходитъ Лемминкайненъ къ дикому коню Хіиси и слова такія молвитъ:

— Добрый конь полей Хіиси, ты съ горы великой лошадь! Ну, нагни златую морду, подъ уздечку золотую, подъ серебряныя кольца. Я тебя вѣдь не обижу на пути обратномъ, близкомъ, что̀ ведетъ къ полямъ Похьолы; бить тебя хлыстомъ не стану, гнать тебя ремнемъ не буду!

Конь Хіиси златогривый, жеребецъ, покрытый пѣной, опустилъ златую морду, головой своей нагнулся, далъ одѣть узду златую, серебристый недоуздокъ. Вотъ веселый Лемминкайненъ на коня садится быстро, вѣткой ивовой онъ машетъ и несется по дорогѣ къ сѣверу, къ полянамъ снѣжнымъ.

Вотъ примчался онъ въ Похьолу, соскочилъ съ коня лихого, со двора вошелъ въ покои, молвилъ тамъ слова такія:

— Я взнуздалъ коня Хіиси на полянахъ тѣхъ зеленыхъ, тамъ же передъ тѣмъ поймалъ я лося дикаго

Хіиси. Дай же дѣву мнѣ, старуха, дай свою мнѣ дочку въ жены!

Отвѣчаетъ ему Лоухи:

— Лишь тогда отдамъ я дочку, подарю тебѣ невѣсту, коль ты лебедя застрѣлишь, птицу мертвыхъ водъ Туони. Но убить его ты долженъ сразу, лишь одной стрѣлою.

Вотъ веселый Лемминкайненъ, молодецъ тотъ Каукомьели, на плечо свой лукъ повѣсилъ, за спину колчанъ закинулъ и къ рѣкѣ пошелъ поспѣшно, къ мрачному потоку смерти, чтобы выслѣдить тамъ птицу, лебедя рѣки Туони.

Между тѣмъ пастухъ безглазый, тотъ слѣпой старикъ Похьолы, все стоялъ у Туонелы, у рѣки священной мертвыхъ, поджидалъ все это время, не придетъ ли Лемминкайненъ. Наконецъ пастухъ увидѣлъ, какъ тотъ шелъ къ потоку мертвыхъ, подходилъ къ святой

пучинѣ, къ бурному водовороту. Быстро онъ къ рѣкѣ нагнулся, выхватилъ изъ волнъ ехидну и пронзилъ онъ ею сердце Лемминкайнена лихого.

Пораженный той ехидной, замертво палъ Лемминкайненъ, умирая, молвилъ слово:

— Ахъ, зачѣмъ не догадался, не спросилъ я у родимой, два иль три всего словечка, какъ избавиться отъ муки, отъ змѣиныхъ язвъ ужасныхъ? О ты, мать моя родная, еслибы теперь ты знала, что́ съ твоимъ случилось сыномъ, ты сюда бы поспѣшила, ты явилась бы на помощь, чтобъ спасти дитя родное отъ мученій лютой смерти, не дала бы умереть мнѣ, въ цвѣтѣ лѣтъ разстаться съ жизнью!

И слѣпой пастухъ Похьолы Лемминкайнена тутъ бросилъ въ черную рѣку Туони, въ бурную пучину мертвыхъ. Тамъ же мрачный сынъ Туони разрубилъ въ куски героя и, бросая въ Ману, молвилъ:

— Тамъ лежи себѣ ты вѣчно, съ лукомъ гибкимъ и колчаномъ, лебедей стрѣляй въ пучинѣ, птицъ рѣчныхъ въ стремнинѣ мрачной!

Такъ скончался Лемминкайненъ, такъ погибъ женихъ усердный въ черной безднѣ царства мертвыхъ, въ глубинѣ рѣки Маналы.

Руна XV.

Мать возвращаетъ сына къ жизни.

Дома мать его въ тревогѣ дни и ночи всѣ проводитъ, все о сынѣ вспоминаетъ, все раздумываетъ грустно:

„Гдѣ теперь мой Лемминкайненъ, гдѣ мой Кауко пропадаетъ, что досель не возвратился, что съ дороги не вернулся?“

И не знала мать бѣдняжка и не вѣдала старушка, гдѣ сынокъ блуждалъ такъ долго, гдѣ остался сынъ родимый: на горѣ ли онъ высокой, или средь степей безмолвныхъ, посреди ли волнъ шумящихъ, иль среди жестокой битвы весь покрытый кровью алой.

Килликки, жена красотка, ждетъ любимаго все мужа, смотритъ вечеромъ на щетку, смотритъ на нее и утромъ. Наконецъ, однажды утромъ, видитъ—кровь сочится съ щетки, льется алая съ щетины.

Испугалась тутъ Килликки, молвила слова такія:

— Ужъ убитъ мой мужъ любимый, ужъ погибъ мой Каукомьели на тропинкахъ неизвѣстныхъ, на невѣдомыхъ дорогахъ: щетка вся покрыта кровью, каплетъ алая съ щетины.

Смотритъ въ страхѣ мать-старушка на зловѣщую щетину, начинаетъ горько плакать:

— Горе, бѣдной мнѣ, несчастной! Ужъ погибъ сынокъ мой милый! Каплетъ кровь ужъ со щетины, льется алая изъ щетки!

Подобравъ поспѣшно платье, побѣжала мать дорогой; гдѣ ногой она ступала — содрогалися тамъ горы, поднималися долины, опускалися высоты.

Вотъ пришла она въ Похьолу. Ищетъ сына—не находитъ и съ тревогой вопрошаетъ:

— О ты, Похьолы хозяйка, гдѣ мой Ати, сынъ любимый, ты куда его послала?

Лоухи, Похьолы хозяйка, отвѣчаетъ такъ старушкѣ:

— Я не знаю, гдѣ сынокъ твой; жеребца ему дала я, тотчасъ въ сани усадила, и уѣхалъ онъ отсюда. Можетъ въ проруби погибъ онъ, иль замерзъ средь льда на морѣ, иль попался волку въ зубы, иль растерзанъ онъ медвѣдемъ.

Молвитъ такъ ей мать-старушка:

— Говоришь ты ложь, старуха; волкъ сгубить мой родъ не можетъ, и медвѣдь не тронетъ Кауко, пальцемъ онъ волковъ швыряетъ и рукой одной медвѣдей. Если правду ты не скажешь, гдѣ теперь мой Лемминкайненъ, я сломаю дверь овина, разломаю двери Сампо.

Молвитъ Похьолы хозяйка:

— Я его совсѣмъ досыта накормила, напоила, а потомъ дала и лодку, чтобы плылъ онъ по теченью. Но теперь ужъ я не знаю, гдѣ находится бѣдняга; можетъ, онъ погибъ въ пучинѣ и лежитъ на днѣ стремнины.

Говоритъ ей мать-старушка:

— Ты все ложь, старуха, молвишь; правду сущую скажи мнѣ: ты куда дѣвала Кауко, скрыла гдѣ Калевы сына? Если правды ты не скажешь, смерть тебя сейчасъ постигнетъ.

Молвитъ Похьолы хозяйка:

— Ну, изволь, скажу я правду: посланъ мной онъ былъ за лосемъ да за жеребцомъ Хіиси, а затѣмъ его услала я за лебедемъ священнымъ; можетъ, онъ погибъ въ охотѣ, или такъ задержанъ чѣмъ-то; но съ тѣхъ поръ его не видно, не вернулся онъ доселѣ за своей невѣстой юной, за моею младшей дочкой.

Побѣжала мать-старушка и повсюду ищетъ сына: точно волкъ бѣжитъ болотомъ, по лѣсамъ медвѣдемъ рыщетъ, по рѣкамъ плыветъ змѣею, кабаномъ бѣжитъ полями, мчится зайцемъ по прибрежью и съ пути бросаетъ камни, валитъ въ сторону деревья, въ сторону швыряетъ хворостъ, вѣтки чрезъ ручьи бросаетъ, пролагаетъ такъ тропинки. Тщетно мать все ищетъ сына, ищетъ долго — не находитъ, спрашиваетъ у деревьевъ, не видали ли сыночка.

Отвѣчаетъ ель старухѣ, говоритъ ей дубъ со вздохомъ:

— Много самъ заботъ имѣю, не до твоего мнѣ сына; жребій мнѣ достался горькій, тяжело мнѣ жить на свѣтѣ: изъ меня здѣсь колья тешутъ, рѣжутъ крѣпкія дубинки, на дрова колоть хотѣли, изведутъ совсѣмъ со свѣта.

Бродитъ мать — все ищетъ сына, ищетъ долго, не

находитъ. Вотъ ей встрѣтились дороги, ихъ съ мольбой она спросила:

— Богомъ данныя дорожки, не видали-ль вы сыночка, мое яблочко златое, посошокъ мой серебристый?

Ей разумно отвѣчаютъ, говорятъ ей тѣ дороги:

— Намъ своихъ заботъ довольно, не до твоего намъ сына, жребій намъ достался горькій, тяжело намъ жить на свѣтѣ: бѣгаютъ по намъ собаки, ѣздятъ день-деньской колеса, башмаки нещадно топчутъ, давятъ крѣпкія подошвы.

Всюду мать сыночка ищетъ, долго ищетъ, не находитъ. Наконецъ встрѣчаетъ мѣсяцъ и его смиренно молитъ:

— Богомъ данный мѣсяцъ ясный, не встрѣчалъ ли ты сыночка, мое яблочко златое, посошокъ мой серебристый?

Богомъ данный ясный мѣсяцъ отвѣчаетъ ей разумно:

— У меня заботъ не мало, не до твоего мнѣ сына; жребій мнѣ достался горькій, тяжело мнѣ жить на свѣтѣ: суждено блуждать мнѣ ночью и свѣтить въ морозъ жестокій; сторожить зимой я долженъ, отдыхать могу лишь лѣтомъ.

Мать повсюду сына ищетъ, ищетъ долго, не находитъ. Наконецъ встрѣчаетъ солнце и его смиренно молитъ:

— Солнце, данное намъ Богомъ, не видало-ль ты сыночка, мое яблочко златое, посошокъ мой серебристый?

Такъ промолвило ей солнце, такъ отвѣтило старушкѣ:

— Ужъ погибъ сынокъ твой милый, нѣтъ его въ живыхъ ужъ болѣ, онъ лежитъ теперь въ пучинѣ; въ водопадъ его столкнули, въ глубину рѣки Туони, въ воды черныя Маналы.

Мать-старушка горько плачетъ, заливается слезами, къ кузнецу идетъ и молвитъ:

— О, кователь Ильмариненъ! Ты куешь давно прилежно и вчера еще ковалъ ты; такъ покуй же мнѣ сегодня, скуй мнѣ грабли съ мѣдной ручкой и съ желѣзными зубцами, выкуй ихъ длиной въ сто саженъ, рукоять въ пять разъ длиннѣе.

И кузнецъ тотъ Ильмариненъ, вѣковѣчный тотъ кователь, выковалъ старушкѣ грабли, грабли съ длинной мѣдной ручкой.

Вотъ схватила мать-старушка эти грабли во сто саженъ и бѣжитъ къ рѣкѣ Туони, тамъ смиренно солнце молитъ:

— Солнце, созданное богомъ, ты небесное свѣтило! Посвѣти часочекъ съ жаромъ, а другой погрѣй пожарче, въ третій разъ еще сильнѣе, чтобъ уснуло злое племя, чтобъ ослабъ народъ Маналы, утомилось царство мертвыхъ.

Солнце, созданное богомъ, то небесное свѣтило, на березу опустилось, на ольху послушно сѣло, засвѣтило часикъ съ жаромъ, а другой погрѣло жарче, въ третій разъ еще сильнѣе. Задремало злое племя, изнемогъ народъ Маналы, и заснуло царство мертвыхъ: на мечи склонились мужи, старцы на свои дубины, всѣ заснули сномъ глубокимъ. Усыпивъ всѣхъ, солнце снова поднялось надъ облаками, воротилося на мѣсто, гдѣ вѣка всегда сіяло.

Вотъ беретъ старушка грабли, загребаетъ, ищетъ сына въ шумной безднѣ водопада, но родного не находитъ. Водитъ граблями поглубже и сама вступила въ воду, погрузилася по поясъ, загребаетъ по теченью, водитъ граблями напротивъ, раза два по дну проходитъ, наконецъ, съ печалью въ сердцѣ, ловитъ лишь рубашку сына. Вновь рѣку она проходитъ, опускаетъ грабли глубже и, къ своей великой скорби, ловитъ лишь чулки и шапку. Вотъ она

спустилась ниже, въ глуби темныя Маналы, по рѣкѣ проводитъ грабли, поперекъ зубцами водитъ, наискось затѣмъ ихъ тащитъ,—зацѣпила снопъ огромный. Но то былъ не снопъ колосьевъ, то былъ Ати Лемминкайненъ; за зубцы онъ зацѣпился безыменнымъ только пальцемъ, только лѣвою ногою. Показался надъ водою трупъ героя Калевалы въ грабляхъ съ мѣдною оправой; но кусковъ недоставало очень многихъ въ тѣлѣ мертвомъ: головы кусокъ отрѣзанъ, и руки не находилось и другихъ частей некрупныхъ.

Призадумалась старушка, молвитъ слово со слезами:

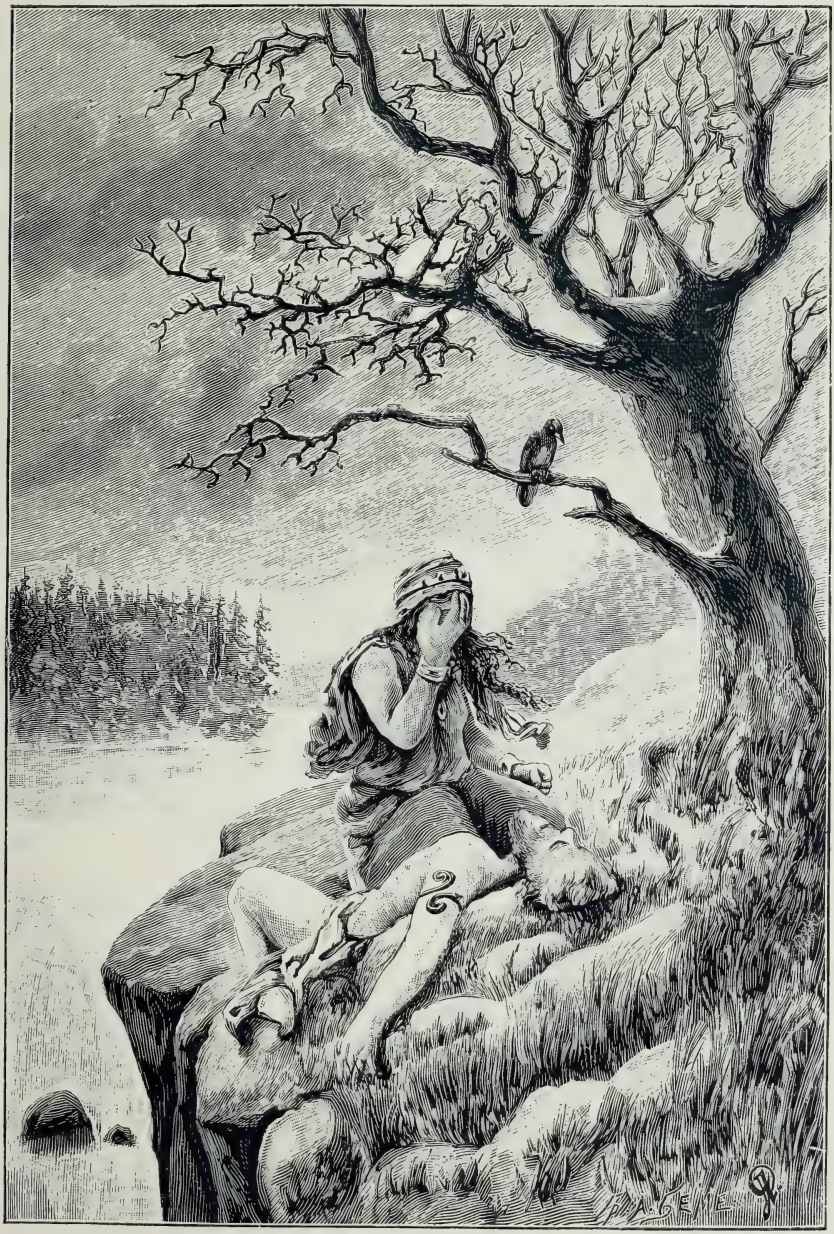
— Будетъ ли онъ снова мужемъ, станетъ ли онъ вновь героемъ?

Воронъ тѣ слова услышалъ и ей тотчасъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, мертвецъ не будетъ мужемъ, онъ не станетъ вновь героемъ. Вотъ смотри, что́ сталось съ тѣломъ: ужъ сиги глаза пожрали, щуки плечи ужъ разъѣли. Брось въ потокъ обратно тѣло, брось въ пучину Туонелы, пусть себѣ китомъ плыветъ тамъ, пусть въ тюленя превратится.

Но старушка, мать героя, не бросаетъ сына въ воду; вновь взялась она за грабли, глубже ихъ на дно спускаетъ, водитъ вдоль рѣки Туони, поперекъ, въ длину, напротивъ; наконецъ ужъ тамъ находитъ головы часть, также руку, часть спины, бедра кусочки и другихъ частицъ не мало; собираетъ тѣло сына, мясо къ мясу прилагаетъ, кость прикладываетъ къ кости, члены всѣ соединяетъ, жилы связываетъ крѣпко, говоритъ слова такія:

— О, Суонетарь благая, что прядешь чудесно жилы, принеси сюда, молю я, связку жилъ своихъ чудесныхъ, чтобъ связать могла я жилы въ этихъ ранахъ, въ этихъ щеляхъ, что́ зіяютъ такъ ужасно. Если ты помочь не мо-

жешь—есть на воздухѣ дѣвица въ мѣдной лодкѣ, цвѣтомъ алой. Ты спустись сюда, о дѣва, проплыви по этимъ жиламъ, по пустымъ костямъ, по щелямъ. Положи на мѣсто жилы, какъ онѣ лежали прежде, надвяжи всѣ сухожилья и заставь ихъ снова биться. Если ты помочь не можешь,— я молю тебя, создатель! Запряги коней ретивыхъ, прокатись въ чудесныхъ санкахъ по костямъ, по этимъ членамъ, по всѣмъ порваннымъ здѣсь жиламъ, прикрѣпи на кости мясо и свяжи всѣ жилы крѣпко. Тамъ, гдѣ мясо обнажилось—вырости дай новой кожѣ; тѣ мѣста, гдѣ мало крови—кровью новою наполни, гдѣ разбиты были кости— дай тамъ вырости имъ снова, тамъ гдѣ мясо отставало—прикрѣпи его покрѣпче, какъ оно лежало прежде. Къ кости кость и къ мясу мясо, члены съ членами свяжи ты.

Собираетъ, составляетъ мать сыночка дорогого, чтобъ зажилъ онъ жизнью прежней, видъ имѣлъ такой, какъ раньше. Вотъ она скрѣпила жилы, всѣ концы перевязала; но сынокъ лежитъ недвижно, и уста его безмолвны.

Призадумалась старушка, молвила слова такія:

— Гдѣ достану я лѣкарство, гдѣ добуду капли меда, чтобъ могла бы сына смазать, чтобъ несчастный ожилъ снова, чтобъ уста заговорили, снова пѣсни распѣвали? Птичка, бархатная пчелка, ты цвѣтовъ лѣсныхъ царица, полети за медомъ сладкимъ, принеси мнѣ сокъ душистый изъ Метсолы той чудесной, изъ прилежной Тапіолы; ты добудь его съ цвѣточковъ, изъ побѣговъ травъ душистыхъ, чтобъ смягчить страданья сына, исцѣлить его всѣ раны!

Пчелка, быстренькая птичка, полетѣла, запорхала къ той прилежной Тапіолѣ, на лугахъ сосетъ цвѣточки, язычкомъ медъ сладкій варитъ изъ цвѣточковъ благовонныхъ, изо ста былинокъ нѣжныхъ. Полетѣла, за-

жужжала и спѣшитъ она обратно,—крылышки полны сотами, перышки всѣ—сладкимъ медомъ.

Мать-старушка принимаетъ мазь цѣлебную у пчелки, смазываетъ раны сына, лѣчитъ дитятко усердно; но не дѣйствуетъ лѣкарство, и уста безмолвны сына.

Молвитъ снова мать-старушка:

— Пчелка, птичка дорогая, ты лети въ края другіе, тамъ, за моремъ за девятымъ, ты спустись на чудный островъ, на медовыя поляны. Тамъ найдешь ты медъ цѣлебный, мазь чудесную достанешь, что́ скрѣпляетъ быстро жилы, члены всѣ врачуетъ скоро. Принеси мнѣ этой мази, это чудное лѣкарство, чтобъ смягчить страданья сына, исцѣлить его всѣ раны.

Пчелка, бархатная пташка, снова быстро запорхала, понеслась на легкихъ крыльяхъ, за девять морей далекихъ, на десятое на море. День, другой летитъ и третій, въ камышахъ не отдыхаетъ, не садится на листочки, мчится къ острову на морѣ, въ край, богатый сладкимъ медомъ, къ огненному водопаду, ко святой рѣчной стремнинѣ. Тамъ въ то время медъ сбирали, мази разныя варили въ крошечныхъ сосудцахъ мѣдныхъ, въ глиняныхъ горшечкахъ малыхъ. Пчелка, быстренькая пташка, собрала тамъ разной мази и жужжа назадъ ужъ мчится, изъ всѣхъ силъ спѣшитъ обратно, въ лапкахъ чашечекъ шесть держитъ, а на спинкѣ семь скорлупокъ, полныхъ мазью той цѣлебной, тѣмъ чудеснымъ сильнымъ средствомъ.

Мать-старушка мажетъ сына, всѣ испытываетъ мази, девять мазей испытала, восемь разныхъ средствъ чудесныхъ. Не приносятъ пользы мази,—сынъ ея лежитъ недвижно.

Призадумалась старушка и слова такія молвитъ:

— Пчелка, бархатная пташка, въ третій разъ ты въ

путь отправься къ небесамъ высокимъ, свѣтлымъ; за девятое мчись небо, тамъ найдешь ты меду много, сотовъ сладкихъ есть тамъ вдоволь: самъ творецъ лѣчилъ тѣмъ медомъ, онъ дѣтей своихъ имъ мазалъ. Обмакни ты въ медъ тотъ крылья, опусти пушокъ свой въ соты, принеси на крыльяхъ меду, на пушкѣ своемъ ту сладость, чтобъ смягчить страданья сына, исцѣлить его всѣ раны.

Пчелка, умная та пташка, молвила слова такія:

— Какъ мнѣ до небесъ подняться, гдѣ мнѣ силъ набраться, слабой?

Молвитъ такъ ей мать-старушка:

— Ты легко туда слетаешь, зажужжишь наверхъ прекрасно, надъ луною, ниже солнца, мимо яркихъ звѣздъ небесныхъ. Въ первый день, тамъ пролетая, ты виски луны обвѣешь, на другой—парить ты будешь близъ Медвѣдицы прекрасной, а на третій день ты будешь въ томъ краю ужъ проноситься, гдѣ семь звѣздъ сіяютъ ясныхъ. Тамъ тебѣ ужъ близко будетъ, путь останется недальній до священныхъ тѣхъ чертоговъ, гдѣ царитъ творецъ небесный.

Поднялася съ травки пчелка, зажужжала, зашумѣла, выше мѣсяца взлетаетъ, крылышкомъ задѣла солнце и Медвѣдицу большую, звѣздочекъ семи коснулась. Вотъ небесъ она достигла, въ божьи погреба спустилась, гдѣ готовились лѣкарства, гдѣ варилися всѣ мази въ золотыхъ котлахъ, кувшинахъ. Пчелка, легкая летунья, много меду понабрала, мазью чудной запаслася и жужжитъ уже обратно, ужъ назадъ она слетаетъ, сто рожковъ приноситъ въ лапкахъ, тысячу сосудцевъ разныхъ, полныхъ тѣмъ цѣлебнымъ медомъ, той чудесной нѣжной мазью.

Мать отвѣдала той мази, на языкъ кладетъ поспѣшно, говоритъ слова такія:

— Вотъ чудесное лѣкарство, неизмѣнное то средство, чѣмъ творецъ всевышній лѣчитъ, исцѣляетъ всѣ страданья!

И поспѣшно мать-старушка натираетъ мазью сына, мажетъ сломанныя кости и оторванные члены, мажетъ сверху, мажетъ снизу, говоритъ слова такія:

— Ты возстань отъ сна, сынъ милый, пробудися снова къ жизни отъ страданій тѣхъ ужасныхъ, что́ тебя, сынокъ, постигли въ семъ въ ужасномъ мрачномъ мѣстѣ!

И проснулся Лемминкайненъ, пробудился отъ дремоты, ужъ языкъ зашевелился, молвилъ онъ слова такія:

— Видно крѣпко я заснулъ тутъ, спалъ лѣнтяемъ очень долго.

Говоритъ тутъ мать-старушка, молвила такое слово:

— Спалъ бы ты здѣсь очень долго и лежалъ бы ты здѣсь вѣчно, безъ меня, сынокъ несчастный, безъ меня, своей родимой. Но скажи, сынокъ мой бѣдный, назови мнѣ, чтобъ я знала, кто тебя послалъ въ Маналу, сбросилъ въ мертвую Туони?

Молвилъ юный Лемминкайненъ, такъ онъ матери отвѣтилъ:

— Жалкій тотъ пастухъ Похьолы, тотъ слѣпецъ страны полночной, онъ послалъ меня въ Маналу, онъ столкнулъ меня въ Туони. Изъ рѣки змѣю онъ вынулъ и пронзилъ меня ехидной. Я-жъ не зналъ всѣхъ мукъ змѣиныхъ, всѣхъ заклятій для ехидны.

Молвитъ мать-старушка сыну:

— О ты, сынъ мой неразумный! Ты хотѣлъ заклясть лапландцевъ, мыслилъ сокрушить ихъ пѣньемъ, а не зналъ тѣхъ заклинаній, что́ отъ яда змѣй спасаютъ! Вотъ змѣи происхожденье: родилась она въ стремнинѣ, вышла изъ мозговъ утиныхъ, изъ мозговъ прибрежной чайки;

Сьейятерь плевала въ воду, по волнамъ пускала слюни, тамъ вода ихъ растянула, размягчило ихъ тамъ вѣтромъ, колыхало дуновеньемъ; волны ихъ снесли къ прибрежью, выбросилъ приливъ на сушу.

Вотъ качаетъ мать сыночка, возвращаетъ снова къ жизни, чтобы сталъ, какъ былъ и прежде, чтобъ красивѣй былъ, чѣмъ раньше, а потомъ его спросила, что́ ему недоставало.

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Многаго недостаетъ мнѣ: тамъ еще блуждаетъ сердце, тамъ еще витаютъ думы, у дѣвицы въ Саріолѣ, у прекраснокудрой дѣвы; но хозяйка Похіолы дать мнѣ дочь свою не хочетъ, если птицу не убью я, лебедя не принесу ей изъ рѣки Туони мрачной, изъ священной сей пучины.

Лемминкайнену мать молвитъ, говоритъ слова такія:

— Лебедей оставь въ покоѣ, пусть плывутъ тутъ на свободѣ по рѣкѣ Туони мрачной, по волнамъ ея огнистымъ. Ты вернися въ край родимый вмѣстѣ съ матерью своею и судьбѣ будь благодаренъ, восхвали творца святого, что послалъ тебѣ онъ помощь, что тебя вернулъ онъ къ жизни изъ пучинъ Туони черныхъ, изъ страны Маналы злобной. Въ этомъ богъ помогъ мнѣ только, онъ, благой, послалъ мнѣ силы!

Всталъ веселый Лемминкайненъ и пошелъ онъ въ край родимый, вмѣстѣ съ матерью родною.

Оставляю тутъ я Кауко, Лемминкайнена младого, прекращу о немъ я пѣсню, по иной пойду тропинкѣ, о другомъ спою героѣ.

Руна XVI.

Вейнемейненъ въ царствѣ мертвыхъ.

Старый вѣрный Вейнемейненъ, вѣковѣчный заклинатель, порѣшилъ построить лодку, сколотить задумалъ судно на мыскѣ туманномъ, низкомъ, на томъ островѣ лѣсистомъ; но досокъ недоставало, не хватало лишь деревьевъ. Кто-жъ ему достанетъ доски, кто же дерево доставитъ?

Пеллервойненъ, сынъ поляны, Сампса, юный сильный мальчикъ, онъ идетъ искать деревья, за досками въ лѣсъ уходитъ. Вотъ пошелъ онъ по дорогѣ на востокъ, гдѣ лѣсъ виднѣлся, черезъ двѣ горы прошелъ онъ и идетъ уже чрезъ третью: на плечѣ топоръ изъ злата, топорище все изъ мѣди. Видитъ онъ, стоитъ осина, вышиною въ три сажени, и свалить ее онъ хочетъ, топоромъ срубить собрался.

Но осина молвитъ слово, говоритъ ему поспѣшно:

— Отъ меня тебѣ что́ нужно, что́ срубить меня ты хочешь?

Молвитъ Сампса такъ осинѣ:

— Ты нужна для лодки новой, для пѣвца, что́ судно строитъ.

Стовѣтвистая осина такъ разумно отвѣчаетъ:

— Будетъ течь, потонетъ лодка, коль построишь изъ осины; пустоты во мнѣ не мало: въ это лѣто ужъ три раза черви сердце мнѣ точили и протачивали корни.

Юный Сампса Пеллервойненъ дальше въ лѣсъ идетъ тропинкой, къ сѣверу шаги направилъ; тамъ онъ ель большую встрѣтилъ, ель высокую въ шесть саженъ.

Топоромъ онъ ель ударилъ, молвилъ самъ слова такія:

— Елка, ты година-ль на лодку, Вейнемейнену на судно?

Отвѣчаетъ ель та громко:

— Изъ меня не выйдетъ лодка, судна съ ребрами не будетъ, я совсѣмъ уже зачахла: трижды этимъ лѣтомъ воронъ вилъ гнѣздо въ моей вершинѣ, трижды тамъ ужъ выводила малыхъ птенчиковъ ворона.

Юный Сампса Пеллервойненъ дальше въ лѣсъ побрелъ дремучій, къ югу онъ шаги направилъ, повстрѣчалъ тамъ дубъ огромный, въ девять саженъ толщиною.

Вопрошаетъ онъ у дуба:

— Ты, быть можетъ, дубъ прекрасный, годенъ для ладьи военной, какъ мать-дерево на судно?

Дубъ разумно отвѣчаетъ, молвитъ онъ такое слово:

— Дерева во мнѣ довольно, чтобъ служить основой лодки; крѣпокъ я и безъ изъяна, пустоты въ себѣ не чаю: вотъ ужъ трижды этимъ лѣтомъ, самой жаркою порою, солнце вкругъ меня ходило, и блестѣлъ въ вершинѣ мѣсяцъ, на вѣтвяхъ кукушки пѣли, птички тутъ же отдыхали!

Юный Сампса Пеллервойненъ снялъ съ плеча то-

поръ свой острый, съ силой дубъ могучій рубитъ, валитъ дерево на землю; отрубилъ его вершину, разрубилъ и стволъ огромный, нарубилъ для дна полосокъ и другихъ досокъ безъ счету, на ладью для пѣснопѣвца, для военной новой лодки.

Старый вѣрный Вейнемейненъ, вѣковѣчный пѣснопѣвецъ, лодку строить сталъ заклятьемъ, челнъ сбивать лишь пѣснопѣньемъ изъ досокъ большого дуба, изъ кусочковъ того древа. Пѣсню спѣлъ — и дно составилъ, спѣлъ еще—бока поднялись, третью спѣлъ — и появились вдругъ уключины для веселъ, тотчасъ ребра укрѣпились и сплотились сторонами. Лодка ужъ почти готова; не хватало трехъ словечекъ, чтобы сдѣлать въ лодкѣ рейки, чтобъ корму и носъ окончить, чтобъ борта съ боковъ придѣлать.

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Горе, бѣдному, мнѣ, горе! Не спустить мнѣ въ море лодки, не спустить мнѣ судна въ волны!

Призадумался мужъ мудрый, гдѣ найти ему три слова, вѣщія тѣ заклинанья—не въ мозгахъ ли лебединыхъ, не въ гусиныхъ ли лопаткахъ? И пошелъ онъ за словами, лебедей убилъ не мало, и гусей большое стадо, но въ нихъ не нашелъ ни слова.

И задумался онъ снова: „не найду-ль я тѣ три слова въ языкахъ оленей лѣтнихъ, иль въ зубахъ у бѣлой бѣлки?“ Вѣщихъ словъ искать пошелъ онъ, добывать себѣ заклятья; перебилъ стада оленей, настрѣлялъ безъ счета бѣлокъ, много словъ нашелъ онъ разныхъ, но не тѣ, какія нужно.

Призадумался мужъ мудрый: „сотни вѣщихъ словъ навѣрно я найду въ Туони царствѣ, въ мрачныхъ Маналы чертогахъ“. И пошелъ онъ за словами въ

царство мрачное Туони; шелъ кустарникомъ недѣлю, шелъ черемухой другую, можжевельникомъ шелъ третью, — наконецъ ужъ показался островъ Маналы угрюмой, поднялись холмы Туони.

Старый вѣрный Вейнемейненъ громкимъ голосомъ взываетъ у пучины Туонелы, у глубокихъ водъ Маналы:

— Вышли челнъ мнѣ, дочь Туони, дай паромъ, дитя Маналы, чтобъ чрезъ рѣку перейти мнѣ, чрезъ проливъ мнѣ перебраться!

Въ это время дочь Туони, дѣва юная Маналы, платья мыла, полоскала на рѣкѣ Туони черной и, увидѣвъ пѣснопѣвца, слово молвила такое:

— Лодку вышлю я немедля, если скажешь мнѣ причину, почему пришелъ въ Маналу не похищенный болѣзнью, не сраженный грозной смертью?

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ:

— Взялъ меня сюда Туони, Мана самъ унесъ изъ міра.

Возражаетъ дочь Туони, малорослая дѣвица:

— Ты неправду говоришь мнѣ: еслибъ взялъ тебя Туони, если бъ Мана взялъ изъ міра, онъ бы самъ пришелъ съ тобою, на себѣ тебя тащилъ бы, на тебя надѣлъ бы шапку съ рукавицами своими. Молви правду, Вейнемейненъ, ты зачѣмъ пришелъ въ Маналу?

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ:

— Мечъ меня сюда забросилъ, сталь низринула въ Маналу.

Говоритъ ему дочь Маны, малорослая дѣвица:

— Узнаю лгуна я сразу: еслибъ мечъ тебя забросилъ, сталь низринула въ Маналу, то текла бы кровь по платью, разливалась бы ручьями. Молви правду, Вейнемейненъ, что́ влекло тебя въ Маналу?

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ:

— Принесенъ я моремъ въ Ману, занесенъ сюда волнами.

Говоритъ ему дочь Маны:

— Вижу, что солгалъ ты снова: еслибъ принесенъ былъ моремъ иль волной сюда въ Маналу, то вода текла-бъ по платью и ручьемъ съ тебя стекала. Сущую скажи мнѣ правду, ты зачѣмъ пришелъ въ Маналу?

Попытался Вейнемейненъ ей сказать опять неправду:

— Взялъ огонь меня въ Маналу, пламя принесло къ Туони.

Говоритъ ему дочь Маны:

— Я лгуна насквозь вѣдь вижу: коль огонь тебя схватилъ бы, принесло-бъ въ Маналу пламя, то ты былъ бы предо мною съ опаленными кудрями, съ обожженной бородою. О ты, старый Вейнемейненъ, я тебѣ не вышлю лодки, коль не скажешь ты мнѣ правды: для чего пришелъ въ Маналу не похищенный болѣзнью, не сраженный грозной смертью?

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Надъ тобою пошутилъ я, но теперь тебѣ признаюсь, для чего пришелъ въ Маналу: дѣлалъ новую я лодку, пѣснопѣньемъ лодку строилъ; пѣлъ я день, другой день пѣлъ я, но на третій день сломались санки пѣсенъ тѣхъ чудесныхъ, я сломалъ полозья пѣсни и теперь пришелъ въ Туони, чтобъ достать себѣ буравчикъ, починить тѣ санки пѣсенъ, сдѣлать новые полозья. Такъ пришли-жъ паромъ оттуда, чтобъ рѣку я перешелъ бы, по заливу перебрался.

Зажурила дочь Туони, забранила дѣва Маны:

— О ты, глупый, неразумный! Безъ причины, безъ болѣзни ты пришелъ сюда въ Маналу! Лучше-бъ ты

домой вернулся, въ край родной бы возвратился; многіе сюда приходятъ, но немногіе уходятъ.

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Знаютъ страхъ однѣ лишь бабы, но не мужъ хотя бы слабый. Вышли лодку, дочь Туони, дай паромъ, дитя Маналы!

Ѣдетъ дочь Туони съ лодкой, Вейнемейнена сажаетъ, черезъ рѣку перевозитъ, говоритъ слова такія:

— О ты, мудрый Вейнемейненъ! Ты живой сюда явился, въ Ману прибылъ не умершій!

Вотъ хозяйка Туонетарь принесла въ сосудѣ пиво, молвила такое слово:

— Выпей, старый Вейнемейненъ!

Смотритъ Вейнемейненъ въ кружку, видитъ тамъ лягушки скачутъ, черви ползаютъ по краю, говоритъ слова такія:

— Не затѣмъ сюда пришелъ я, чтобы пить изъ кружекъ Маны: тонутъ пьяницы отъ пива, гибнутъ всѣ хмельные люди.

Молвитъ такъ хозяйка Маны:

— О ты, старый Вейнемейненъ, ты зачѣмъ пришелъ въ Маналу, прежде чѣмъ былъ позванъ Маной, чѣмъ позвалъ тебя Туони?

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ:

— Дома суднышко я строилъ, лодку новую готовилъ, не хватало трехъ словечекъ, чтобъ корму и носъ окончить, чтобъ съ боковъ борта придѣлать; не нашелъ я ихъ на свѣтѣ и пришелъ теперь къ Маналу, чтобъ достать три эти слова, выучить заклятья эти!

Но хозяйка Туонелы говоритъ слова такія:

— Словъ не дастъ тебѣ Туони, Манала не дастъ заклятій. Никогда тебѣ отсюда въ домъ родной ужъ не вернуться, не видать родного края.

II Туонелы хозяйка усыпляетъ тамъ героя, отдохнуть кладетъ пришельца на постель изъ шкуръ звѣриныхъ; и заснулъ тамъ Вейнемейненъ, погрузился въ сонъ глубокій, нераздѣвшись растянулся.

Тамъ жила одна старуха съ шаткой челюстью отвислой, прясть она умѣла нитки изъ желѣза и изъ мѣди. Спряла сѣть она въ сто саженъ, сѣтку въ тысячу саженей, въ ночь единую на камнѣ среди черныхъ водъ Туони. Жилъ тамъ и старикъ трехпалый, плелъ онъ сѣти изъ желѣза, плелъ искусно и изъ мѣди; сплелъ онъ сѣть длиной въ сто саженъ, сѣтку въ тысячу саженей, въ ту же ночь, на томъ же камнѣ. Эти сѣти сынъ Туони, съ крючьями замѣсто пальцевъ, по рѣкѣ Туони ставитъ, разставляетъ наискось ихъ, вдоль и поперекъ ихъ ставитъ, чтобъ не убѣжалъ бы Вейно изъ жилищъ Туони мрачныхъ.

Вотъ проснулся Вейнемейненъ и слова такія молвилъ.

— Видно, здѣсь грозитъ бѣда мнѣ, настаетъ мой день несчастный, въ этомъ царствѣ Туонелы, въ этихъ мрачныхъ избахъ Маны!

Онъ поспѣшно видъ мѣняетъ, весь становится онъ чернымъ и спѣшитъ къ рѣкѣ украдкой, къ тростнику бѣжитъ осокой, червякомъ ползетъ желѣзнымъ, извивается змѣею чрезъ потоки Туонелы, чрезъ разставленныя сѣти.

Сынъ Туони вышелъ рано, осмотрѣть пошелъ онъ сѣти, въ нихъ нашелъ форелей сотни, мелкой рыбы много тысячъ, не поймалъ онъ только старца, Вейнемейнена сѣдого.

Перебрался Вейнемейненъ, переплылъ рѣку счастливо и такія рѣчи молвилъ:

— Запрети ты, боже добрый, всѣмъ спускаться своевольно въ царство мрачное Туони. Многіе туда приходятъ, но немногіе уходятъ.

А затѣмъ онъ молвилъ слово молодому поколѣнью:

— Никогда, о дѣти міра, ближняго не обижайте, не вредите неповиннымъ,—кара ждетъ всѣхъ тѣхъ виновныхъ въ темномъ царствѣ Туонелы; тамъ всѣмъ злымъ готово ложе, уготованы мученья, на утесахъ раскаленныхъ, подъ змѣинымъ покрываломъ.

Руна XVII.

Вейнемейненъ въ утробѣ Випунена.

Не нашелъ трехъ словъ тѣхъ вѣщихъ въ царствѣ Маны Вейнемейненъ и задумался съ заботой, гдѣ добыть ему заклятья.

Вотъ пастухъ съ нимъ повстрѣчался и слова такія молвитъ:

— Сотни словъ найти ты можешь, пѣсенъ тысячу услышишь въ чревѣ мужа-великана,—Випуненомъ онъ зовется. Есть къ нему одна дорога, лишь одна ведетъ тропинка; та дорога не изъ лучшихъ, но и не совсѣмъ худая. Часть пути пройти придется по концамъ иголокъ женскихъ, а другую часть дороги—по мечамъ точенымъ, острымъ, третью часть—лишь по сѣкирамъ, топорамъ героевъ славныхъ.

Старый вѣрный Вейнемейненъ все-жъ рѣшилъ въ тотъ путь пуститься; къ кузнецу зашелъ сначала, тамъ слова такія молвилъ:

— О, кователь Ильмариненъ, выкуй обувь мнѣ стальную, рукавицы изъ желѣза и желѣзную кольчугу, сдѣ-

лай мнѣ рычагъ изъ стали и закуй его въ желѣзо; я хочу добыть заклятья въ чревѣ сильнаго героя, Випуненомъ что́ зовется.

Возражаетъ Ильмариненъ:

— Випуненъ давно ужъ умеръ, крѣпко спитъ Антеро старый; ужъ капкановъ онъ не ставитъ и сѣтей не разставляетъ; отъ него ты не добудешь ни единаго словечка.

Старый вѣрный Вейнемейненъ все-жъ туда идти рѣшился; въ первый день проходитъ быстро по концамъ иголокъ женскихъ, на другой идетъ онъ тихо по мечамъ точенымъ, острымъ, а на третій день проходитъ по сѣкирамъ богатырскимъ.

Випуненъ же, мощный старецъ, тотъ искусный пѣснопѣвецъ, почивалъ тамъ долго въ мирѣ съ вѣщей пѣснею своею, съ заклинаньями своими; на плечахъ росли осины, на вискахъ цвѣли березы, а ольха на подбородкѣ, въ бородѣ качались ивы, а на лбу огромномъ сосны, межъ зубовъ торчали ели.

Вотъ подходитъ Вейнемейненъ, обнажаетъ мечъ могучій, вырубать тотъ лѣсъ принялся: рубитъ онъ съ плечей осину, а съ висковъ и подбородка валитъ ольхи и березы, съ бороды, со лба срубаетъ ивы, сосны вѣковыя. Ломъ огромный онъ вбиваетъ въ Випуненовъ ротъ открытый, въ пасть-пучину великана, молвитъ самъ такое слово:

— Рабъ людской, возстань отъ дрёмы, сонъ покинь свой богатырскій!

Випуненъ, пѣвецъ тотъ славный, ото сна вдругъ пробудился, пораженный ломомъ острымъ; ломъ хватаетъ онъ зубами, яростно скрежещетъ ими, но прогрызть его не можетъ.

Въ это время Вейнемейненъ на краю стоялъ у зѣва;

вдругъ онъ какъ-то поскользнулся, въ пасть огромную свалился; Випуненъ, пѣвецъ могучій, ротъ разинулъ свой пошире, тотчасъ проглотилъ героя, цѣликомъ спустилъ чрезъ горло, а потомъ онъ такъ промолвилъ, произнесъ такое слово:

— Ѣлъ я многое бывало, и овецъ, и козъ глоталъ я, кабановъ, коровъ нестельныхъ, но такого еще въ жизни я не пробовалъ кусочка.

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Видно мнѣ грозитъ несчастье, ждетъ меня бѣда большая въ этомъ темномъ ложѣ Кальмы, въ этомъ мрачномъ склепѣ Хійси.

Призадумался тутъ старый, какъ бѣду избыть вѣрнѣе, — и снимаетъ съ чреселъ ножъ свой съ рукояткою красивой; изъ нея онъ лодку сдѣлалъ, выстроилъ челнокъ искусно и поплылъ себѣ на вёслахъ изъ одной кишки въ другую, по проходамъ тѣснымъ, узкимъ, по всѣмъ темнымъ закоулкамъ.

Но все то заботитъ мало великана Випунена. Видитъ это Вейнемейненъ, принялся ковать въ утробѣ: изъ рубашки сдѣлалъ кузню, рукава въ мѣхи наладилъ, свою шубу—въ поддувало, изъ штановъ онъ сдѣлалъ трубы, изъ чулковъ — отверстье печи; сталъ ковать онъ на колѣнѣ вмѣсто молота рукою. Вотъ куетъ онъ что́ есть мочи и колотитъ съ шумомъ страшнымъ, напролетъ и дни, и ночи въ животѣ у великана.

Не стерпѣлъ пѣвецъ могучій, молвилъ онъ слова такія:

— Изъ какихъ мужей ты родомъ, изъ числа какихъ героевъ? Я и прежде ѣлъ героевъ, проглотилъ ихъ много сотенъ, но такихъ, какъ ты, чудовищъ, никогда не приходилось! Мой языкъ изсохъ отъ жара, горло ѣдкимъ чадомъ полно. Ты изыди, нечестивый, выходи мучитель лютый, иль пожалуюсь старушкѣ, матери

твоей родимой; горевать бѣдняжка станетъ, опечалится старушка, что ведетъ себя сынъ дурно, что испортилось дитя такъ. И совсѣмъ не понимаю, какъ Хіиси мнѣ попался, какъ въ меня проникъ самъ Мана, чтобъ терзать меня и мучить? Если ты болѣзнь отъ бога, бичъ, ниспосланный всевышнимъ, я себя творцу ввѣряю, покорюсь я волѣ вышней: богъ не оставляетъ добрыхъ, храбрыхъ никогда не губитъ. Если же людьми ты посланъ, на мое мученье созданъ, я найду твое начало, отыщу происхожденье: появились въ свѣтъ мученья и страданья отъ заклятій сильныхъ злобныхъ чародѣевъ, на полянахъ у Маналы, изъ земли они явились, изъ жилищъ мужей умершихъ, изъ кремней, песковъ сыпучихъ, изъ болотъ и изъ потоковъ, изъ лѣсовъ и горъ Хіиси и изъ смрадныхъ норъ звѣриныхъ, съ поля битвы, кровь гдѣ льется, изъ морей, изъ глубей темныхъ, съ водопадовъ, безднъ ужасныхъ, изъ сѣдалища злыхъ духовъ! Выходи же, песъ Хіиси, выходи изъ чрева, извергъ, перестань терзать желудокъ, а не то—я женъ подземныхъ тотчасъ кликну на подмогу, позову себѣ на помощь силы свѣтлыя природы, мать воды, творенья дѣву, чтобъ чудовище изгнали, чтобъ мнѣ муки прекратили. Если-жъ то тебѣ не страшно, призову на помощь бога. Укко, богъ ты мой высокій, властелинъ земли и неба! Снизойди, тебя молю я, поспѣши ко мнѣ на помощь, изгони скорѣй изъ чрева вражью силу, духъ Хіиси!

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Жить мнѣ здѣсь совсѣмъ недурно, провожу я время славно, печенью твоей питаюсь, масло жиромъ замѣняю, легкія идутъ въ похлебку, саломъ вкусъ ей придаю я! Свою кузницу поставлю здѣсь поглубже въ мясо сердца и ковать сильнѣе буду до тѣхъ поръ, пока не скажешь, не повѣдаешь до слова, вѣщихъ

словъ и заклинаній. Не должны скрываться притчи, исчезать съ земли заклятья и по смерти чародѣевъ.

Випуненъ, пѣвецъ тотъ славный, старецъ съ грудью богатырской, что́ во рту скрывалъ заклятья, отворяетъ ящикъ пѣсенъ, ларчикъ съ вѣщими словами, чтобы пѣть временъ начало и вещей происхожденье; не поютъ ихъ вовсе дѣти, и не знаютъ ихъ герои въ эти времена плохія, въ это время вырожденья.

Вотъ запѣлъ пѣвецъ могучій пѣсни вѣщія въ порядкѣ, о временъ началѣ смутномъ, о вещей происхожденьи; пѣлъ, какъ волею всевышней воздухъ самъ собой родился, изъ него вода возникла, изъ воды земля явилась, изъ земли растенья вышли; пѣлъ, какъ созданъ мѣсяцъ ясный, какъ зажглось на небѣ солнце, какъ столбы вѣтровъ возникли, какъ явились въ небѣ звѣзды. Випуненъ пѣлъ очень мудро, и рѣкой лились могучей пѣсни съ вѣщими словами; словъ тѣхъ прежде не слыхали, не знавалъ никто изъ смертныхъ. Напролетъ и дни, и ночи онъ поетъ безъ перерыва, и внимаетъ пѣснѣ солнце, мѣсяцъ бѣгъ свой замедляетъ, затихаютъ волны въ морѣ, прекратилось рѣкъ теченье, водопадъ могучій Рутьи, всѣ потоки на Вуоксѣ вдругъ совсѣмъ остановились и недвижно стали слушать.

Старый вѣрный Вейнемейненъ, словъ наслушавшись тѣхъ вдоволь, понабравшись вѣщихъ притчей, порѣшилъ изъ чрева выйти, изъ желудка великана, и слова такія молвилъ:

— О ты, Випуненъ Антеро, ты открой свой ротъ широкій, разомкни пошире скулы, чтобъ изъ чрева я могъ выйти и на родину вернуться!

Молвитъ Випуненъ, пѣвецъ тотъ, говоритъ слова такія:

— Много въ жизни ѣлъ и пилъ я, тысячи глоталъ

предметовъ, но такихъ не приходилось, какъ ты, старый Вейнемейненъ. Ты въ меня проникъ искусно, и я радъ, что ты уходишь.

Випуненъ, пѣвецъ искусный, пасть широко открываетъ, скулы сильно пораздвинулъ, и поспѣшно Вейнемейненъ у него изъ чрева выпелъ, выскочилъ изъ пасти страшной, точно векша молодая, какъ боберъ съ златою грудью, и пошелъ домой довольный, къ кузнецу свернулъ дорогой.

Молвитъ старцу Ильмариненъ:

— Что-жъ, узналъ ли ты заклятья, вѣщихъ словъ добылъ ли вдоволь, чтобъ свою достроить лодку, чтобъ связать корму съ бортами?

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ:

— Сотни словъ себѣ я добылъ, тысячи узналъ заклятій; ихъ изъ тьмы на свѣтъ я вынесъ, добылъ всѣ изъ тайныхъ глубей.

Къ челноку подходитъ старецъ, къ лодкѣ, на землѣ лежавшей, скоро лодку ту достроилъ, носъ, корму совсѣмъ окончилъ, крѣпко ихъ скрѣпилъ бортами. Такъ лишь вѣщимъ пѣснопѣньемъ судно онъ себѣ построилъ, не дотронувшись рукою, топоромъ не прикоснувшись.

Руна XVIII.

Вейнемейненъ и Ильмаринен въ Похьолѣ.

Старый вѣрный Вейнемейненъ порѣшилъ въ Похьолу ѣхать, чтобъ дѣвицу тамъ посватать, дѣву съ русою косою; лодку онъ украсилъ краснымъ, носъ, корму покрылъ онъ златомъ, серебромъ борта отдѣлалъ. Только зорька занялася, лодку на воду спустилъ онъ по каткамъ еловымъ гладкимъ, мачту славную поставилъ, къ ней приладилъ парусъ красный, въ лодку новую усѣлся, чтобъ ее направить въ море, по волнамъ пуститься синимъ.

Но, садяся въ лодку, молвилъ, говорилъ слова такія:

— Укко, богъ высокій въ небѣ, ты сойди ко мнѣ на лодку, будь ты слабому защитой на водахъ обширныхъ этихъ, на морскихъ волнахъ широкихъ! Ты качай

челнокъ мой, вѣтеръ, вы гоните, волны, лодку, чтобы мнѣ не трогать вёселъ, не пѣнить мнѣ ими воду!

Анникки, младая дѣва, дочка сумерекъ и ночи, что́ съ зарей ужъ на работѣ, раньше дня всегда за дѣломъ, въ это время платья мыла и бѣлье ужъ полоскала на мысочкѣ средь тумана, на томъ островѣ лѣсистомъ. Вотъ она, прервавъ работу, осмотрѣлась, оглянулась, посмотрѣла вверхъ на небо, вдаль на море поглядѣла: въ вышинѣ сверкало солнце, а внизу блестѣли волны. Взоръ свой въ море устремила, повернулась прямо къ солнцу, видитъ: въ устьѣ рѣчки Вейно, на волнахъ чернѣетъ что-то.

И промолвила дѣвица:

— Что-то тамъ чернѣетъ въ морѣ, что-то тамъ въ волнахъ синѣетъ? Если это стадо утокъ, иль гусей большое стадо, пусть поднимутся повыше и летятъ наверхъ, за тучи. Если то лососье стадо, иль сплошная стая рыбокъ, пусть нырнетъ поглубже въ воду, пусть плыветъ не надъ водою. Если-жъ то подводный камень иль сучокъ простой на морѣ, пусть его вода покроетъ, захлестнетъ его волною.

Но челнокъ плыветъ все ближе, мчится лодка съ парусами вдоль мысочка средь тумана, мимо острова лѣсного.

Анникки, младая дѣва, въ точкѣ лодку ужъ узнала, молвила слова такія:

— Если братнина ты лодка, если ты челнокъ отцовскій, возвратись въ родную землю, повернись кормою къ морю, носъ направь на этотъ берегъ! Если-жъ ты челнокъ съ чужбины, то плыви подальше въ море, повернись ко мнѣ кормою!

Былъ челнокъ тотъ не съ чужбины, подплывалъ то Вейнемейненъ, плылъ онъ къ берегу поближе перемолвиться словечкомъ.

Молвитъ Анникки дѣвица, такъ его спросила дѣва:

— Ты куда плывешь, о Вейно, ты куда, другъ моря, ѣдешь?

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ:

— Ѣду я ловить лососокъ, что́ икру теперь ужъ мечутъ, тамъ, въ рѣкѣ Туони черной, межъ густыми камышами.

Молвитъ Анникки такъ старцу:

— Что́ ты пустяки болтаешь! Рыба нынче ужъ не мечетъ. Лавливалъ отецъ бывало на потокахъ быстрыхъ семгу, и всегда лежали въ лодкѣ невода, багры, веревки, — у тебя-жъ ладья пустая. Ты куда же, Вейнемейненъ, ѣдешь ты, Увантолайненъ?

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Пострѣлять гусей я ѣду въ тѣ далекіе проливы, гдѣ они всегда играютъ на глухомъ просторѣ моря.

Молвитъ Анникки дѣвица:

— Пустяки опять болтаешь, узнаю лгуна я сразу: выѣзжалъ отецъ мой прежде на охоту за гусями, былъ всегда лукъ наготовѣ и натянута тетива, и собаки въ лодкѣ были, чтобъ по берегу тамъ рыскать. Молви правду, Вейнемейненъ, ты куда собрался ѣхать?

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Что́ ты скажешь, если ѣду я теперь на бой жестокій, гдѣ сражаются герои, гдѣ потоками кровь льется?

Молвитъ Анникки дѣвица:

— Знаю я, какъ въ битву ходятъ; ѣздилъ и отецъ мой прежде на кровавый бой, на битву, гдѣ сражались все герои; сто мужей садились къ вёсламъ, тысячи стояли рядомъ, на носу лежали луки, на кормѣ мечи блестѣли. Ты скажи-ка лучше правду, ты куда, о Вейнемейненъ, легкій челнъ свой направляешь?

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Ты сойди-ка въ лодку, Анни, въ мой челнокъ войди, дѣвица, и скажу тогда я правду, правду сущую открою.

Отвѣчаетъ такъ дѣвица:

— Буря пусть въ челнокъ твой сядетъ, вихрь сойдетъ къ тебѣ на лодку. Если правду мнѣ не скажешь,

путь куда свой направляешь,—тотчасъ лодку опрокину кверху дномъ ее поставлю.

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Я шутилъ съ тобой немножко, но теперь открою правду: ѣду сватать я дѣвицу, что́ живетъ въ Похьолѣ дальней, гдѣ живутъ лишь людоѣды, гдѣ героевъ топятъ въ морѣ.

Анникки, младая дѣва, услыхавъ слова такія, подобрала быстро платье и бѣжать домой пустилась. Тамъ работалъ Ильмариненъ, вѣковѣчный тотъ кователь, изъ

желѣза дѣлалъ лавку, украшалъ ее всю златомъ; сажи съ локоть накопилось на главѣ его кудрявой, шея вся была покрыта углемъ въ сажень толщиною.

Дѣва въ кузницу вбѣжала, молвила слова такія:

— Братъ, кователь вѣковѣчный, скуй мнѣ челночекъ красивый, скуй мнѣ серьги, кольца, крестикъ, — вѣсть хорошую узнаешь.

Молвитъ такъ ей Ильмариненъ:

— Если вѣсть твоя пріятна, челночекъ тебѣ скую я, накую колецъ, сережекъ, головной уборъ красивый, если-жъ будетъ вѣсть дурная—поломаю украшенья, всѣ въ огонь ихъ снова брошу.

Молвитъ Анникки такъ брату, говоритъ слова такія:

— Братъ, кователь вѣковѣчный, ты давно ужъ собирался въ жены взять красу-дѣвицу, ту, что́ по сердцу пришлася. Дни и ночи ты въ работѣ, все куешь безъ перерыва, собираешься все ѣхать за невѣстою въ Похьолу; между тѣмъ туда ужъ ѣдетъ свататься къ твоей невѣстѣ женишокъ тебя ловчѣе. Ужъ за ней поѣхалъ Вейно моремъ въ лодкѣ золоченой, онъ плыветъ теперь въ Похьолу, чтобъ отнять твою невѣсту.

Растревожился кователь, кузнеца объяло горе, клещи онъ изъ рукъ роняетъ, молотъ падаетъ на землю.

Молвитъ онъ своей сестрицѣ:

— Анни, милая сестрица, челночекъ тебѣ скую я, накую колецъ, сережекъ, подпоясокъ золоченыхъ, истопи ты только баню и нагрѣй мнѣ домъ медовый: наколи лучинокъ тонкихъ, щелоку возьми немного, да золы подсыпь щепотку, чтобъ я голову могъ вымыть, тѣло выпарить получше отъ углей, отъ сажи черной, что́ съ зимы на мнѣ скопилась!

Анникки, краса-дѣвица, баню славно истопила мелкимъ хворостомъ, щепами, принесла съ рѣки ка-

меньевъ, накалила ихъ для пара, нарвала въ лѣсочкѣ вѣникъ изъ зеленыхъ, свѣжихъ вѣтокъ, вѣникъ выпарила медомъ, изъ мозговъ сварила мыло, съ простокваши—чистый щелокъ, чтобъ женихъ помылся лучше, тѣло до-чиста бы вымылъ. Въ это время Ильмариненъ наковалъ сестрѣ сережки, головной уборъ красивый, много разныхъ украшеній и приноситъ ихъ дѣвицѣ.

А ему сестрица молвитъ:

— Баню я ужъ истопила, вѣникъ выпарила медомъ, мойся, парься сколько хочешь, лей тамъ воду не жалѣя, чтобъ какъ снѣгъ лицо блестѣло, волоса какъ ленъ бѣлѣли.

Вотъ кователь Ильмариненъ въ банѣ выкупался славно, до-бѣла все тѣло вымылъ. И горятъ огнемъ ужъ очи, какъ яйцо бѣлѣетъ шея, весь блеститъ онъ чистотою. Вышелъ онъ изъ бани жаркой, входитъ въ горницу къ сестрицѣ, тамъ едва его узнали—такъ румяны были щеки, такъ прекрасенъ сталъ лицомъ онъ.

Говоритъ кузнецъ сестрицѣ:

— Дай мнѣ платье поновѣе, полотняную рубашку, чтобы могъ я нарядиться, женихомъ смотрѣлъ приличнымъ!

Анни, добрая сестрица, тотчасъ сбѣгала за платьемъ, принесла ему рубашку, шаровары, поясъ, куртку, нарядила его въ шубу, въ шапку новую одѣла.

Пріодѣлся Ильмариненъ и слугѣ онъ такъ промолвилъ:

— Запряги коня мнѣ въ сани, ѣду я сейчасъ въ Похьолу.

Говоритъ ему слуга тотъ:

— Шесть коней у насъ прекрасныхъ, всѣ овса наѣлись вволю, такъ какого же запрячь мнѣ?

Отвѣчаетъ Ильмариненъ:

— Въ сани лучшаго впряги ты, пусть пойдетъ хотя-бъ буланый; посади и шесть кукушекъ, семь красивыхъ синихъ пташекъ, на дугѣ чтобъ куковали, свои пѣсни распѣвали, чтобъ дѣвицы любовались. Принеси и мѣхъ медвѣжій, чтобъ сидѣть я могъ удобно, захвати тюленью шкуру, чтобы полостью служила.

И запрягъ слуга проворный тотчасъ жеребца лихого въ раззолоченныя сани, посадилъ и шесть кукушекъ, чтобъ дорогой распѣвали; онъ принесъ и мѣхъ медвѣжій, чтобъ сидѣлъ на немъ хозяинъ, захватилъ тюленью шкуру, чтобы полостью служила.

Вотъ кователь Ильмариненъ къ Укко въ небѣ обратился, громовержца такъ онъ проситъ:

— Укко, свѣжій снѣгъ пошли мнѣ, хлопьями покрой дорогу, чтобъ катились быстро сани, чтобъ они по снѣгу мчались.

И усыпалъ Укко снѣгомъ, хлопьями поля, дорогу; тотчасъ сѣлъ кователь въ сани, намоталъ на руки вожжи, самъ слова такія молвилъ:

— Счастье, опустись на вожжи, чтобы вожжи не порвались; Укко, ты спустися въ санки, чтобы сани не сломались! Ну, бѣги впередъ, буланый, мчись быстрѣе, желтогривый!

И помчался конь дорогой, по холмамъ, пескамъ прибрежнымъ, скачетъ день, другой день скачетъ, наконецъ уже на третій Вейнемейнена догналъ онъ.

Приподнялся Ильмариненъ, говоритъ слова такія:

— О ты, старый Вейнемейненъ, сговоримся-ка съ тобою, чтобъ не сватать дѣву силой, за себя не брать насильно, чтобъ пошла бы вольной волей, мужа выбрала-бъ по сердцу.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Самъ того я не желаю, чтобы брать дѣвицу си-

лой, за себя ее неволить; пусть беретъ по нраву мужа, вольной волей выбираетъ.

Вотъ своимъ путемъ-дорогой ѣдетъ каждый изъ нихъ дальше: лодка съ шумомъ мчится моремъ, подъ конемъ дрожитъ дорога.

Времени прошло немного, какъ затявкалъ песъ дворовый у воротъ Похьолы мрачной и ворчитъ сначала тихо, тявкаетъ себѣ негромко.

Молвитъ Похьолы хозяинъ:

— Выдь-ка, дочка, посмотри-ка, что́ тамъ сѣрый песъ все лаетъ, тявкаетъ все подворотный?

Отвѣчаетъ такъ дѣвица:

— Безъ того мнѣ дѣла много: присмотрѣть за хлѣвомъ нужно, постеречь нашъ скотъ на полѣ, помолоть муки для хлѣба, пропустить ее чрезъ сито,—жерновъ же у насъ тяжелый, силъ и такъ мнѣ не хватаетъ.

Песъ все тявкаетъ сердито, сѣрый все ворчитъ тамъ злобно.

Молвитъ Похьолы хозяинъ:

— Ты пойди, взгляни, старуха, что́ нашъ сѣрый песъ все́ лаетъ, тявкаетъ все подворотный?

Но въ отвѣтъ старуха молвитъ:

— Неохота выходить мнѣ, безъ того не мало дѣла: надо сладить мнѣ съ хозяйствомъ, да обѣдъ на всѣхъ сготовить, замѣсить мнѣ надо тѣсто, въ печку хлѣбъ садить ужъ время, хлѣбъ великъ, а печь мнѣ нужно, я и такъ уже устала.

Молвитъ Похьолы хозяинъ:

— Вѣчно бабы суетятся, вѣчно дѣвушки хлопочутъ, жарясь день-деньской у печки, иль валяясь на постели. Ты иди, сынокъ, взгляни-ка.

Но сынокъ въ отвѣтъ такъ молвитъ:

— Некогда мнѣ, дѣла много: наточить топоръ мнѣ

надо, расколоть тутъ пень дубовый, наколоть и дровъ не мало,—врядъ ли силъ на все мнѣ хватитъ.

Песъ дворовый громче лаетъ, выть принялся подворотный, на краю поляны сидя и хвостомъ виляя тихо.

Молвитъ Похьолы хозяинъ:

— Не напрасно-жъ песъ нашъ воетъ и рычитъ все подворотный, не на сосны же онъ лаетъ, не ворчитъ же безъ причины.

Самъ пошелъ онъ поразвѣдать, перешелъ свой дворъ широкій и пошелъ къ опушкѣ лѣса, въ самый дальній край поляны. Видитъ: песъ на море лаетъ, что́ синѣетъ недалеко. Посмотрѣлъ туда хозяинъ и тотчасъ узналъ причину, почему такъ лаялъ сѣрый, завывалъ такъ подворотный. Смотритъ: въ морѣ лодка мчится, разукрашена богато, а вдоль берега несутся раззолоченныя сани.

Вотъ хозяинъ на Похьолѣ входитъ въ горницу поспѣшно, говоритъ слова такія:

— Ѣдутъ гости къ намъ съ чужбины: по заливу мчится лодка, разукрашена богато, а по берегу несутся раззолоченныя сани.

Молвитъ Похьолы хозяйка:

— Какъ же намъ узнать скорѣе, съ чѣмъ къ намъ ѣдутъ чужеземцы? Дочка, дитятко родное, положи въ огонь рябины, украшенье всѣхъ деревьевъ: коль съ нея кровь капать будетъ, то идутъ на насъ войною, коль закапаетъ водица, будемъ дольше жить мы въ мирѣ.

Дѣва стройная Похьолы, эта скромная дѣвица, на огонь кладетъ рябину, подожгла красу деревьевъ: потекла не кровь оттуда, полилася не водица, а закапалъ медъ душистый,—сладкій сокъ дала рябина.

Изъ угла Суваккo молвитъ, молвитъ старая съ постели:

— Коль съ рябины медъ закаплетъ, сладкій сокъ

течетъ изъ древа, это значитъ: гости ѣдутъ, женихи прибудутъ скоро!

Вышла Похьолы хозяйка вмѣстѣ съ дочкой и старухой, черезъ дворъ онѣ проходятъ и спѣшатъ къ полянѣ дальней; повернули взоры къ солнцу, видятъ: мчится къ нимъ корабликъ, разукрашенный богато, у руля сидитъ мужъ сильный, старецъ мощный сѣдовласый; вдоль же берега несутся раззолоченныя сани; на дугѣ сидятъ кукушки, пѣсни громко распѣваютъ, а въ саняхъ сидитъ мужъ юный, правитъ лошадью буланой.

Тутъ хозяйка на Похьолѣ дочкѣ рѣчь такую молвитъ:

— Если оба эти мужа ѣдутъ, чтобъ тебя посватать,—за кого-бъ пошла ты замужъ, для кого-бъ ты быть хотѣла дорогой подругой въ жизни? Тотъ, что́ въ лодкѣ къ намъ несется, въ челнокѣ богатомъ, красномъ, то самъ старый Вейнемейненъ; онъ везетъ сюда богатство и сокровища большія. Тотъ, который въ санкахъ мчится, вдоль прибрежья къ намъ несется, то кователь Ильмаринен; но съ пустыми онъ руками, и въ саняхъ лишь обѣщанья. Какъ войдутъ они въ покои, поднеси тому ты меду, кого мужемъ избираешь. Коль меня послушать хочешь, Вейнемейнена возьми ты, будешь жить ты съ нимъ богато, чашей полной домъ твой будетъ.

Молвитъ матери разумно дѣва юная Похьолы:

— О ты, мать моя родная, что́ любя меня вскормила! Я не выберу богатства, мнѣ сокровища не нужны; мужа статнаго хочу я, чтобъ лицомъ красивъ былъ, тѣломъ. И досель вѣдь не водилось, чтобъ дѣвицъ бы продавали! Безъ богатствъ и безъ сокровищъ къ Ильмаринену пойду я, что́ намъ выковалъ здѣсь Сампо, крышку пеструю чеканилъ.

Молвитъ Похьолы хозяйка:

— Ахъ ты, глупенькій ребенокъ! Ильмаринена берешь ты, чтобъ бѣлье стирать тамъ вѣчно, съ головы смывать все сажу.

Отвѣчаетъ такъ ей дочка:

— Не возьму въ мужья я Вейно, не хочу возиться съ старымъ, мнѣ хлопотъ съ нимъ будетъ много, съ старикомъ скучать я буду.

Вотъ пріѣхалъ Вейнемейненъ, первымъ прибылъ онъ въ Похьолу, челнъ свой на катки поставилъ, самъ пошелъ поспѣшно къ дому, у порога сталъ и молвитъ:

— Хочешь ли, краса дѣвица, быть женой моей, подругой и всю жизнь дѣлить со мною, быть мнѣ курочкой любимой?

Говоритъ поспѣшно дѣва:

— А ты лодку мнѣ построилъ, сколотилъ мнѣ челнъ красивый изъ кусочковъ веретенца, изъ обломковъ моей шпульки?

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ:

— Лодку крѣпкую я сдѣлалъ, челнъ прекрасный я построилъ, чтобъ надеженъ былъ онъ въ бурю, не боялся-бъ непогоды, быстро бы скользилъ по морю, какъ пузырь бы поднимался, какъ кувшинка бы качался на волнахъ, покрытыхъ пѣной.

Дочь прекрасная Похьолы такъ ему на это молвитъ:

— Не люблю я мужа съ моря, что́ всегда средь волнъ блуждаетъ: бури умъ лишь помрачаютъ, вѣтры мозгъ лишь разслабляютъ. Не пойду я за тобою, не хочу я быть до гроба спутницей сѣдому мужу, старцу дряхлому опорой.

Руна XIX.

Ильмаринен выполняет три задачи.

Вслѣдъ за старцемъ входитъ скоро самъ кователь Ильмаринен, и ему тотчасъ подносятъ стопу съ сладкимъ, крѣпкимъ медомъ.

Молвитъ слово Ильмаринен, говоритъ такія рѣчи:

— Никогда, покуда живъ я, и пока сіяетъ мѣсяцъ, не дотронусь я до меду раньше, чѣмъ увижу дѣву, что́ плѣнила мое сердце.

Молвитъ Похьолы хозяйка:

— Все невѣста не готова, въ путь еще не собралася, ножки все еще разуты. Будетъ дѣвушка готова, въ путь тогда лишь соберется, какъ поляну змѣй ты вспашешь, землю тамъ ты такъ разроешь, чтобъ сошникъ стоялъ недвижно, не дрожалъ бы колъ древесный. Поле то пахалъ самъ Хійси, бороздилъ его самъ Лемпо мѣднымъ сошникомъ богатымъ, плугомъ огненнымъ, желѣзнымъ; мой сынокъ никакъ не можетъ взбороздить и половины.

Вотъ кователь Ильмариненъ къ дочкѣ въ горницу приходитъ, говоритъ слова такія:

— Дѣва сумерекъ и ночи, помнишь ли былое время, какъ ковалъ я вамъ здѣсь Сампо, какъ чеканилъ я вамъ крышку? Ты тогда дала мнѣ клятву передъ всемогущимъ богомъ быть мнѣ спутницею въ жизни, быть мнѣ курочкой любимой. Мать тебя отдать не хочетъ, мнѣ она ужъ отказала, если не вспашу я поле, поле полное змѣями.

Помогла ему невѣста, подаетъ совѣтъ хорошій:

— О кузнецъ ты, Ильмариненъ, вѣковѣчный ты кователь! Выкуй ты сошникъ изъ злата, серебромъ укрась красиво и тогда поляну вспашешь, поле, полное змѣями.

Вотъ кователь Ильмариненъ набросалъ въ горнило злата, положилъ сребра не мало и сковалъ сошникъ прекрасный; скоро сдѣлалъ онъ и обувь изъ желѣза и изъ мѣди, поясъ взялъ изъ крѣпкой стали, рукавицы и рубаху выковалъ себѣ стальныя, сдѣлалъ огненную лошадь и пошелъ пахать то поле. Видитъ тьму головъ змѣиныхъ, что́ кишатъ въ травѣ съ шипѣньемъ, и слова такія молвитъ:

Змѣи, созданныя богомъ! Кто велѣлъ поднять вамъ пасти, кто васъ выслалъ, приказалъ вамъ головы держать высоко? Прочь скорѣй съ моей дороги, уползайте въ жнивье, въ травы, скройтесь въ лѣсъ, болота, ямы! Если-жъ вы еще оттуда шеи поднимать начнете, размозжитъ главы вамъ Укко, раздробитъ стрѣлой стальною и желѣзными ключами.

Онъ пошелъ змѣинымъ полемъ, взбороздилъ притонъ ехидны, поднялъ змѣй, ехиднъ сохою, взрылъ все поле острымъ плугомъ и сказалъ, придя обратно:

— Я вспахалъ съ змѣями поле, взбороздилъ притонъ

ехидны,—такъ отдай мнѣ дочь, старуха, уступи теперь невѣсту.

Молвитъ Похьолы хозяйка, говоритъ слова такія:

— Лишь тогда отдамъ я дочку, уступлю тебѣ дѣвицу, коль медвѣдя Маны словишь, коль Туони волка схватишь въ черной рощѣ на Маналѣ, въ царствѣ мерт-

выхъ у Туони; сотни ужъ мужей ходили все охотиться за звѣремъ, но никто́ не возвращался.

Вотъ кователь Ильмариненъ входитъ въ горницу къ дѣвицѣ, говоритъ слова такія:

— Мнѣ еще есть порученье: долженъ изловить я волка и медвѣдя у Туони, что́ въ лѣсахъ Туони ходятъ, въ черныхъ рощахъ Маны бродятъ.

Снова дѣва выручаетъ, подаетъ совѣтъ невѣста:

— О кузнецъ ты, Ильмариненъ, вѣковѣчный ты ко-

ватель! Выкуй ты узду стальную, недоуздочекъ желѣзный, посреди рѣки на камнѣ, въ пѣнѣ трехъ потоковъ бурныхъ.

И кузнецъ тотъ Ильмариненъ, вѣковѣчный тотъ кователь, выковалъ узду стальную, недоуздочекъ желѣзный, посреди рѣки на камнѣ, въ пѣнѣ трехъ потоковъ бурныхъ, и ловить пошелъ онъ звѣря, самъ слова такія молвилъ:

— Терхенетерь, дочь тумановъ! Ты просѣй туманы ситомъ, пеленой окутай мѣсто, гдѣ блуждаетъ волкъ съ медвѣдемъ, чтобы шагъ мой не слыхали, отъ меня не убѣжали!

Вотъ взнуздалъ онъ скоро волка, цѣпь накинулъ на медвѣдя, на полянахъ у Маналы, въ глубинѣ лѣсовъ дремучихъ, и приводитъ ихъ къ хозяйкѣ, самъ слова такія молвитъ:

— Я привелъ тебѣ медвѣдя, я связалъ въ Маналѣ волка, такъ отдай же дочь, старуха, уступи теперь невѣсту.

Молвитъ Похьолы хозяйка, говоритъ слова такія:

— Лишь тогда отдамъ я дочку, мою уточку родную, коль ты щуку мнѣ поймаешь, рыбу хищную изловишь изъ рѣки Туони черной, изъ глубокихъ водъ Маналы; но сѣтей чтобъ ты не ставилъ, неводовъ не разставлялъ бы. Сотни ужъ мужей ходили къ той рѣкѣ за этой щукой, но никто не возвратился.

Призадумался кузнецъ тутъ и пошелъ опять къ невѣстѣ, тамъ слова такія молвилъ:

— Мнѣ еще есть порученье, тяжелѣе прежнихъ будетъ: изловить я долженъ щуку, рыбу хищную доставить изъ рѣки Туони черной, изъ глубокихъ водъ Маналы, и безъ невода, безъ сѣти, безъ снарядовъ рыболовныхъ.

Помогла ему дѣвица, подала совѣтъ хорошій:

— О, кователь Ильмариненъ, перестань грустить напрасно: изъ огня орла ты выкуй, птицу огненную сдѣлай—онъ тебѣ поймаетъ щуку, рыбу хищную притащитъ изъ рѣки Туони черной, изъ глубокихъ водъ Маналы.

И кузнецъ тотъ Ильмариненъ, вѣковѣчный тотъ кователь, изъ огня сковалъ орлицу, птицу огненную сдѣлалъ, когти ей сковалъ изъ стали, изъ каленаго желѣза, къ крыльямъ онъ борты приладилъ, на спинѣ орла усѣлся и совѣтъ такой далъ птицѣ, рѣчь орлу такую молвилъ:

— Ты лети, орелъ прекрасный, мчись къ рѣкѣ Туони мрачной, къ чернымъ водамъ на Маналѣ, тамъ поймай мнѣ щуку Маны, рыбу хищную добудь мнѣ.

Полетѣлъ орелъ прекрасный, мчится огненная птица чтобъ поймать большую щуку, рыбу съ страшными зубами изъ рѣки Туони черной, изъ пучинъ нѣмой Маналы; волочитъ крыло по морю, а другимъ мететъ онъ тучи, въ море когти запускаетъ, клювъ свой точитъ на утесахъ. Прилетѣлъ кузнецъ къ быстринѣ и идетъ рѣкою черной, сторожитъ съ орломъ онъ щуку, рыбу съ страшными зубами.

Вдругъ чудовище явилось изъ пучинъ Туони мрачныхъ, Ильмаринена хватаетъ... Подоспѣлъ орелъ на помощь и свернулъ онъ звѣрю шею, сбросилъ въ мрачную пучину и забилъ глубоко въ тину.

Поднялась Туони щука, изъ воды ползетъ песъ хищный; щука та не изъ великихъ, но и тоже не изъ малыхъ: былъ языкъ ея широкій — въ двѣ сѣкиры вмѣстѣ взятыхъ, зубы — съ рукоятку грабель, пасть, какъ три ручья широка, ширина спины въ семь лодокъ. Вотъ плыветъ она все ближе, пасть огромную открыла,

кузнеца схватить хотѣла. Но орелъ стрѣлой спустился, быстро на нее слетаетъ; не изъ очень онъ великихъ, но и тоже не изъ малыхъ: клювъ его длиной сто саженъ, зѣвъ широкъ какъ шесть потоковъ, и языкъ въ шесть копій длинныхъ, когти же въ пять косъ длиною.

Запустилъ орелъ глубоко когти въ мясо страшной щуки; но ко дну она ныряетъ, тащитъ птицу за собою. Выпустилъ орелъ добычу, поднялся высоко къ тучамъ, полеталъ, остановился, вдругорядъ стрѣлой спустился, когти вновь свои вонзаетъ въ плечи чудища рѣчного; съ чешуи-жъ скользнули когти, какъ съ стальной скалы блестящей, и сорвался хищникъ снова, въ глубь рѣки ныряетъ быстро; но бока его ужъ въ ранахъ, на плечахъ большія щели. Вотъ паритъ орелъ ужъ снова надъ рѣкой Туони черной, крылья пламенемъ сверкаютъ, а глаза метаютъ искры. Въ третій разъ стрѣлой спустился, когти въ щуку запускаетъ, наконецъ съ борьбою страшной тащитъ чудище морское изъ бездонной водной глуби. Такъ поймалъ орелъ могучій щуку страшную Туони на потокѣ царства мертвыхъ, на водахъ глубокихъ Маны. Послѣ той борьбы жестокой межъ орломъ и страшной щукой, вся рѣка была покрыта чешуей огромной рыбы, воздухъ же кругомъ далеко полонъ былъ орлиныхъ перьевъ. Потащилъ орелъ добычу, рыбу съ крѣпкой чешуею на огромный дубъ зеленый, ель столѣтнюю густую; началъ пробовать тамъ рыбу, брюхо разрывать когтями, клювомъ грудь ей всю разрѣзалъ, оторвалъ главу отъ тѣла.,

Молвитъ такъ орлу кователь:

— Что́ ты дѣлаешь, негодный, и какая же ты птица если рыбы ужъ отвѣдалъ, разорвалъ все брюхо щукѣ, растерзалъ ей грудь когтями, оторвалъ главу отъ тѣла?

Но орелъ съ желѣзнымъ клювомъ улетаетъ быстро

дальше, поднялся высоко къ небу и на край садится тучи. Туча гнется, туча стонетъ, покривились своды неба, Укко лукъ переломился, на лунѣ рога сломались.

Вотъ приноситъ Ильмариненъ голову Туони щуки тещѣ будущей въ подарокъ, говоритъ слова такія:

— Я вспахалъ съ змѣями поле, взбороздилъ притонъ ехидны, я поймалъ Туони волка и взнуздалъ медвѣдя Маны, а теперь принесъ и щуку изъ потока царства мертвыхъ, изъ рѣки Туони черной, — такъ отдашь ли ты мнѣ дочку, подаришь ли мнѣ невѣсту?

Но хозяйка на Похьолѣ молвила такое слово:

— Все же ты неладно сдѣлалъ, что ей голову отрѣзалъ, распоролъ всю грудь у рыбы, мяса щуки той отвѣдалъ.

Молвилъ такъ ей Ильмариненъ:

— Даже съ лучшихъ мѣстъ добыча не бываетъ безъ изъяна, я-жъ поймалъ ее въ Маналѣ, добылъ изъ рѣки Туони. Ну, теперь готова-ль дѣва та, что̀ ты мнѣ обѣщала?

— Да, теперь готова дѣва, дочку я тебѣ вручаю, пусть она твоею будетъ вѣрной спутницею въ жизни, пусть твоей подругой будетъ, курочкой твоей любимой.

На полу сидѣлъ ребенокъ, съ полу такъ запѣлъ малютка:

— Прибылъ къ намъ орелъ съ востока, изъ-за тучъ примчался ястребъ: онъ крыломъ касался тучи, а другимъ сметалъ онъ волны, клювомъ задѣвалъ за небо, хвостъ же по морю влачился. Полеталъ онъ, осмотрѣлся и летитъ къ мужей жилищамъ, тамъ стучитъ о кровлю клювомъ,—но тамъ кровли изъ желѣза, и влетѣть туда не могъ онъ. Поднялся, поосмотрѣлся и летитъ въ жилища женщинъ и стучитъ тамъ клювомъ сильнымъ,—но изъ мѣди кровли

женщинъ, и попасть онъ къ нимъ не можетъ. Снова онъ наверхъ поднялся, полеталъ, поосмотрѣлся и слетѣлъ на теремъ къ дѣвамъ, тамъ стучитъ огромнымъ клювомъ,—изо льна дѣвичья кровля, къ нимъ влетѣть ему не трудно. Вотъ къ трубѣ слетѣлъ онъ дымной, тамъ съ окна сорвалъ онъ доску, видитъ: въ теремѣ дѣвицы, а межъ нихъ одна всѣхъ лучше, дѣва съ чудною косою; онъ себѣ и выбралъ пташку, что́ прекраснѣй всѣхъ была тамъ. Такъ нашелъ орелъ дорогу къ терему красы-дѣвицы, такъ провѣдалъ иноземецъ уголокъ, гдѣ выростала дѣва краше всѣхъ на свѣтѣ. То случилось раннимъ утромъ, какъ впервой онъ видѣлъ дѣву, изъ трубы крутилась сажа, съ дома дѣвы той прекрасной; тамъ сама она молола, терла жерновомъ прилежно; какъ кукушки пѣлъ тотъ жерновъ, точно утки пѣли брусья, какъ сверчки трещало сито, и какъ жемчугъ сами камни. Онъ въ другой разъ видѣлъ дѣву, какъ бродилъ однажды полемъ: на полянѣ была дѣва, въ котелкѣ варила краски. Въ третій разъ онъ видѣлъ дѣву подъ окномъ самой дѣвицы: тамъ челнокъ скользилъ такъ быстро, точно въ камняхъ горностайка, шумъ отъ берда раздавался, точно дятловъ стукъ въ деревьяхъ, а навой леталъ такъ скоро, точно бѣлочка средь вѣтокъ.

Молвитъ Похьолы хозяйка, говоритъ слова такія:

— Я-ль тебѣ не говорила, дочка милая, родная: ты въ лѣсу не пой такъ часто, не ходи пѣть пѣсни въ поле, не кажи ты ручекъ бѣлыхъ, шеи снѣжной, лебединой, не хвалися стройнымъ станомъ и красой своей дѣвичьей. Все-то лѣто я твердила, всю-то зиму говорила, не построить ли намъ домикъ, теремъ съ крашенымъ окошкомъ, чтобъ тебя никто не видѣлъ, о тебѣ бы не провѣдалъ. Тамъ жила бы ты спокойно,

занялась дѣвичьимъ дѣломъ, не могли-бъ тебя провѣдать женихи Суоми дальней.

Съ полу такъ ребенокъ молвилъ, двухнедѣльный тотъ малютка:

— Легче въ домѣ спрятать лошадь, жеребца съ хорошей гривой, чѣмъ укрыть отъ лишнихъ взоровъ, скрыть отъ жениховъ дѣвицу. Хоть построй изъ камня замокъ посреди морей глубокихъ, такъ и тамъ не скроешь дѣвы, не упрячешь ты голубки, чтобъ ее не отыскали, женихи чтобъ не явились.

Старый вѣрный Вейнемейненъ грустно голову повѣсилъ и, собравшись въ путь обратный, онъ слова такія молвилъ:

— Я напрасно время тратилъ и теперь лишь спохватился, что лишь въ годы молодые нужно свататься къ дѣвицѣ, смолоду о свадьбѣ думать. Лишь брюзга, воркунъ несносный, кается въ женитьбѣ ранней, въ томъ, что юнымъ обзавелся и женою, и хозяйствомъ.

И тогда же Вейнемейненъ положилъ запретъ всѣмъ старцамъ, чтобъ не сватали дѣвъ юныхъ, не женились стариками, чтобъ не плыли бы упрямо, чтобъ не ѣхали упорно свататься за юной дѣвой, коль есть женихи младые.

Руна XX.

Свадьба въ Похьолѣ.

Вотъ теперь настало время пѣсню спѣть о свадьбѣ славной, о пирушкѣ на Похьолѣ, о попойкѣ чародѣевъ. Долго къ свадьбѣ снаряжались, собирали все запасы въ домѣ Похьолы хозяйки, матери невѣсты юной. Чѣмъ они тамъ запаслися къ долгой свадебной пирушкѣ, угощать чѣмъ собралися всю толпу гостей прибывшихъ?

Росъ въ Карелiи быкъ славный, жирный волъ былъ тамъ откормленъ; былъ онъ не совсѣмъ изъ малыхъ, но и то-жъ не изъ великихъ, какъ другой теленокъ всякiй: хвостъ у Тавастовъ влачился, голова была у Кеми, вышиной рога въ сто саженъ, морда чуть не вдвое больше, — лишь въ недѣлю успѣвала ласка обѣжать вкругъ шеи, только въ день могла касатка съ рога долетѣть до рога, да и то спѣшить ей надо, на пути не отдыхая; бѣлкѣ-жъ нужно было мѣсяцъ, чтобъ съ плеча къ хвосту добраться. Этого быка Суоми въ

Похьолу вели карелы: сто мужей рога держали, тысяча тянули морду; быкъ идетъ путемъ-дорогой, ужъ подходитъ къ Саріолѣ, ѣстъ траву у водъ болотныхъ, тучъ касается спиною. Привели быка въ Похьолу; но мясникъ не находился ни среди сыновъ Похьолы, ни среди гостей прибывшихъ.

Прибылъ, наконецъ, къ нимъ старецъ, Вирокиннасъ отъ кареловъ, молвилъ онъ слова такія:

— Погоди-ка, быкъ упрямый, вотъ сейчасъ возьму дубину, раскрою твой черепъ толстый, и не станешь ты ужъ больше упираться мордой сильной на поляхъ Похіолы, при заливѣ Саріолы.

Вотъ старикъ досталъ дубину и къ быку подходитъ смѣло; но тряхнулъ быкъ головою, злобный взглядъ на старца бросилъ, и бѣжалъ старикъ со страху, скрылся на соснѣ высокой.

Мясника другого ищутъ, чтобъ быка зарѣзалъ къ свадьбѣ, ищутъ и въ землѣ кареловъ, и въ большой странѣ Суоми, и въ странѣ спокойной русской, и въ землѣ отважныхъ шведовъ, и въ Лапландіи обширной, ищутъ также въ царствѣ мертвыхъ, ищутъ всюду — не находятъ. Наконецъ искать принялись мясника среди потоковъ, средь обширной водъ равнины.

И поднялся мужъ изъ моря, богатырь изъ волнъ глубокихъ, не совсѣмъ онъ изъ великихъ, но нельзя назвать и малымъ: спать онъ могъ подъ скорлупою, а подъ ситомъ встать свободно. Но кулакъ его желѣзный, самъ же черенъ какъ желѣзо, шлемъ на немъ — утесъ огромный, скалы были башмаками; золотой въ рукѣ былъ ножикъ съ мѣдной гладкой рукояткой. Увидалъ мясникъ добычу, ножъ быку вонзаетъ въ шею, пригибаетъ на колѣни и съ удара на земь валитъ.

Что-жъ, и много ли тамъ мяса отъ того быка достали? Нѣтъ, не то, чтобъ очень много: только сто ушатовъ мяса, колбасу длиной въ сто саженъ, крови добыли семь лодокъ, жиру собрали шесть лодокъ, чтобъ въ Похьолѣ справить свадьбу, пиръ устроить въ Саріолѣ.

Вотъ хозяйка на Похьолѣ все хлопочетъ, суетится, вдругъ подумала и мыслитъ:

— Какъ же я сготовлю пиво, какъ сварю напитокъ славный для гостей, что́ собрался, что́ пріѣхали на свадьбу? Пиво какъ сварить не знаю, ни его начала тоже.

На печи лежалъ тамъ старецъ, молвилъ старый такъ съ лежанки:

— Пиво родится изъ хмеля, изъ ячменя возникаетъ; но нужны огонь съ водою, чтобъ добыть напитокъ славный. Хмель родился отъ гуляки, былъ малюткой брошенъ въ землю на краю ручья Калевы; стебелекъ тамъ скоро вышелъ, деревцомъ онъ въ высь поднялся,

потянулся тамъ къ вершинѣ. Но ячмень посѣянъ старцемъ, старцемъ счастья въ полѣ Осмо; тамъ онъ славно уродился, въ вышину разросся скоро.

«Мало времени проходитъ, хмель въ лѣсу шумѣть ужъ началъ, зашепталъ ячмень на полѣ, забурлилъ ручей Калевы: «Ну, когда же мы сойдемся, встрѣтимся всѣ трое вмѣстѣ? Врозь вѣдь жить ужъ очень скучно, веселѣй втроемъ намъ будетъ».

«Осмотарь, что́ пиво варитъ, дѣва, что́ готовитъ брагу, за зерномъ выходитъ въ поле: съ ячменя беретъ шесть зеренъ, съ хмеля семь концовъ срываетъ, а воды льетъ восемь ложекъ, на огонь котлы тамъ ставитъ, чтобы смѣсь на немъ вскипѣла. Вотъ сварила дѣва пиво; но бродить оно не хочетъ, и задумалась тутъ дѣва, молвила слова такія: «Что́ сюда прибавить надо, что́ подбавить къ этой смѣси, чтобы пиво забродило, чтобъ поспѣло молодое?» Увидала дѣва щепку, щепку съ поля поднимаетъ, потираетъ себѣ руки, третъ ихъ по обоимъ бедрамъ, — и внезапно передъ нею векша бѣлая явилась.

„Такъ сказала она векшѣ, такъ совѣтовала крошкѣ:

„— Векша, ты вершинъ сестрица, цвѣтъ холмовъ, звѣрекъ веселый, ты бѣги къ Метсолѣ нѣжной, къ той разумной Тапіолѣ, полѣзай тамъ на деревья, лишь орлу не попадися, принеси сосновыхъ иголъ, тонкихъ ниточекъ еловыхъ и подай мнѣ прямо въ руки, дай для пива дочкѣ Осмо!

„Векша быстро побѣжала, машетъ хвостикомъ пушистымъ, и бѣжитъ она дорогой, темными бѣжитъ лѣсами, наконецъ ужъ прибѣгаетъ къ той Метсолѣ-Тапіолѣ. Видитъ: три сосны лѣсныя, славныя четыре елки; на сосну вбѣжала быстро, набрала сосновыхъ иголъ, тонкихъ ниточекъ еловыхъ, спрятала ихъ подъ ког-

тями, принесла ихъ въ руки дѣвѣ, на ладонь ей положила. Дѣва бросила ихъ въ пиво, положила въ молодое; но бродить не хочетъ пиво, не шипитъ напитокъ славный.

„И задумалась тутъ дѣва: «что́ еще сюда прибавить, чтобы пиво забродило, чтобъ поспѣло молодое?» У котловъ она хлопочетъ, видитъ тонкую лучинку, поднимаетъ ее съ полу, потираетъ себѣ руки, третъ ихъ по обоимъ бедрамъ, — и внезапно передъ нею вышла бурая куница.

„Говоритъ она куницѣ, молвитъ такъ той златогрудой:

„— Птичка милая, куница, ты красотка съ цѣннымъ мѣхомъ, ты бѣги въ медвѣжьи норы, гдѣ живутъ лѣсные звѣри, собери тамъ въ лапки дрожжи, почерпни тамъ ножкой пѣны и подай мнѣ прямо въ руки, дай для пива дочкѣ Осмо!

„Побѣжала въ путь далекій златогрудая куница и бѣжитъ она дорогой, рѣки всѣ переплываетъ, все спѣшитъ къ звѣринымъ норамъ, къ ворчунамъ медвѣдямъ злобнымъ; въ пѣнѣ вся медвѣжья морда, дрожжи льютъ съ медвѣжьей пасти. И куница тутъ проворно лапкой пѣну собираетъ, дрожжи собрала когтями, принесла ихъ въ руки дѣвѣ, на ладонь ей положила. Дѣва бросила ихъ въ пиво, положила въ молодое, но бродить не хочетъ пиво, не шипитъ напитокъ славный.

„Снова думаетъ тутъ дѣва: „что-жъ еще сюда прибавить, чтобы пиво забродило, чтобъ поспѣло молодое?“ У котловъ тѣхъ все хлопочетъ, увидала вдругъ стручечекъ, тотчасъ съ пола поднимаетъ, руки тихо потираетъ, третъ ихъ по обоимъ бедрамъ,—и внезапно вылетаетъ пчелка, бархатная птичка.

„Такъ сказала она птичкѣ, такъ совѣтовала пчелкѣ:

— „Пчелка, быстренькая птичка, луговыхъ цвѣтовъ

царица, ты лети на островъ дальній, на утесъ на синемъ морѣ: тамъ дѣвица почиваетъ, среди травъ медовыхъ дремлетъ; вся одежда на дѣвицѣ сплошь усыпана цвѣтами. Принеси на крыльяхъ соты, сокъ изъ тѣхъ цвѣточныхъ чашекъ и подай мнѣ прямо въ руки, дай для пива дочкѣ Осмо!

„Пчелка, быстренькая птичка, полетѣла въ путь далекій и спѣшитъ, не отдыхая, къ острову на синемъ морѣ. Вотъ спустилась ужъ на островъ, видитъ: дѣва тихо дремлетъ, вся усыпана цвѣтами, на лужайкѣ безъ названья, у полей, богатыхъ медомъ. Пчелка въ крылья медъ собрала, въ сладость перья погрузила, принесла медъ въ руки дѣвѣ, на ладони ей сложила. Дѣва медъ бросаетъ въ пиво, положила въ молодое. Пиво скоро забродило, поднялся напитокъ славный на днѣ новаго сосуда, въ томъ березовомъ ушатѣ. Вотъ запѣнилось то пиво, поднялось до самыхъ ручекъ, черезъ край уже стекаетъ, по землѣ разлиться хочетъ. Времени проходитъ мало, протекло одно мгновенье, къ брагѣ ужъ бѣгутъ герои, впереди всѣхъ Лемминкайненъ; пьянъ напился скоро Кауко, охмелѣлъ веселый Ати отъ напитка дочки Осмо, браги дочери Калевы.

„Молвитъ Осмотарь съ заботой, говоритъ слова такія:

„— Горе мнѣ, дѣвицѣ бѣдной, не удался мой напитокъ, дурно я сварила пиво, черезъ край оно стекаетъ, по землѣ разлиться хочетъ.

„Слышитъ дроздъ слова дѣвицы и запѣлъ такъ краснохвостый:

„— Нѣтъ, напитокъ твой недуренъ, пиво сварено на славу, надо лишь разлить по бочкамъ и поставить брагу въ погребъ“.

— Вотъ какъ пиво появилось, какъ возникъ напитокъ славный, оттого его и хвалятъ, хорошо прозвали пиво,

что его начало славно, что мужамъ оно пріятно, что смѣяться нудитъ женщинъ, что въ мужахъ веселье будитъ, храбрымъ радость доставляетъ, лишь глупцовъ на ссоры гонитъ.

Вотъ хозяйка на Похьолѣ, разузнавъ начало пива, налила воды въ ушатецъ, долила до половины, ячменю вложила вдоволь, хмелю всыпала довольно, принялась готовить пиво. Цѣлый мѣсяцъ грѣютъ камни, кипятятъ все лѣто воду, на дрова всѣ рощи рубятъ, осушаютъ всѣ колодцы. Порѣдѣли тамъ деревья, стали высыхать колодцы,—все истратили на пиво, на великій пиръ въ Похьолѣ, для гостей, прибывшихъ къ свадьбѣ. Дымъ густой тамъ поднимался отъ огня при варкѣ пива, надъ Похьолой всей онъ стлался, затемнилъ страну кареловъ. Смотритъ весь народъ на небо, смотритъ въ высь съ недоумѣньемъ: „И откуда дымъ тотъ взялся, что́ застлалъ собой все небо? При войнѣ всегда дымъ гуще, при кострѣ пастушьемъ меньше?»

Вотъ случилось, что мать Ати вышла рано на источникъ принести водицы свѣжей, увидала: клубы дыма поднимаются въ Похьолѣ, молвила слова такія:

— Это дымъ войны навѣрно, пламя отъ поджоговъ вражьихъ.

Самъ же Ати Лемминкайненъ небо все окинулъ взглядомъ и въ раздумьи молвилъ слово:

— Какъ бы мнѣ развѣдать точно, что́ за дымъ плыветъ по небу: можетъ, это дымъ военный, пламя отъ поджоговъ вражьихъ?

И слѣдитъ за дымомъ Кауко, мѣстомъ, гдѣ онъ поднимался, видитъ, дымъ былъ не военный, исходилъ отъ варки пива, отъ огня большого стлался у пролива Саріолы. Смотритъ Кауко, усмѣхнулся, покосился въ ту сторонку, дымъ откуда поднимался, молвилъ самъ слова такія:

— Теща славная въ Похьолѣ, ты хорошая хозяйка! Ты вари получше пиво, да сготовь его побольше, чтобы гости угостились, раньше всѣхъ же Лемминкайненъ, на его же свадьбѣ славной съ дочерью твоей прекрасной.

Вотъ сготовили ужъ пиво, ужъ сварилось молодое, отнесли его на погребъ, подъ землей, чтобъ полежало во дубовыхъ бочкахъ крѣпкихъ, тамъ за кранами изъ мѣди. И хозяйка на Похьолѣ блюда разныя готовитъ, всѣ котлы клокочатъ шумно, всѣ шипятъ тамъ сковородки. Напекла большіе хлѣбы, каши много наварила, чтобъ кормить гостей прибывшихъ, напитать толпу большую на пиру Похьолы долгомъ, на пирушкѣ въ Саріолѣ.

Мало времени проходитъ, миновало лишь мгновенье, и шумитъ ужъ пиво въ бочкѣ, молвитъ въ погребѣ за краномъ:

— Ужъ пора меня бы выпить, знать теперь приспѣло время, чтобъ меня съ почетомъ славить, чтобъ мужей хвалу мнѣ слушать.

Вотъ пѣвца повсюду ищутъ, чтобъ силенъ былъ въ пѣснопѣньи, чтобъ искусно пѣлъ онъ руны, чтобъ хвалебную спѣлъ пѣсню. Принесли въ пѣвцы лососку, взяли щуку, чтобъ пропѣла; но лососки пѣть не могутъ, щуки также не умѣютъ,—жабры кривы у лосося, а у щуки зубы рѣдки.

Вотъ опять пѣвца все ищутъ, чтобы звучно пѣлъ онъ пѣсни. Привели въ пѣвцы мальчишку, чтобы пѣсни пѣлъ искусно; но мальчишечье ли дѣло пѣсни пѣть мужамъ достойнымъ, — языки ребятъ кривые, корень языка согнутый.

Взбушевало пиво въ бочкѣ, молвитъ съ сердцемъ молодое:

— Коль пѣвецъ не будетъ найденъ, и пѣвецъ искусный, мощный, я всѣ обручи сломаю, разобью я дно у бочки!

Вотъ хозяйка на Похьолѣ созываетъ всѣхъ на свадьбу, шлетъ гонцовъ она повсюду, приглашаетъ старыхъ, малыхъ, молвитъ такъ своей служанкѣ:

— Слушай, милая дѣвица, ты, что въ дѣлѣ такъ проворна, созови народъ на свадьбу, созывай мужей толпами, всѣхъ зови: слѣпыхъ и бѣдныхъ, всѣхъ калѣкъ, хромыхъ, безногихъ. Привези слѣпыхъ на лодкахъ, на коняхъ пришли безногихъ, на саняхъ вези увѣчныхъ. Созови народъ Похьолы, пригласи народъ Калевы, Вейнемейнена сѣдого, что знатокъ великій въ пѣньи, не зови сюда лишь Ати, обойди ты Каукомьели.

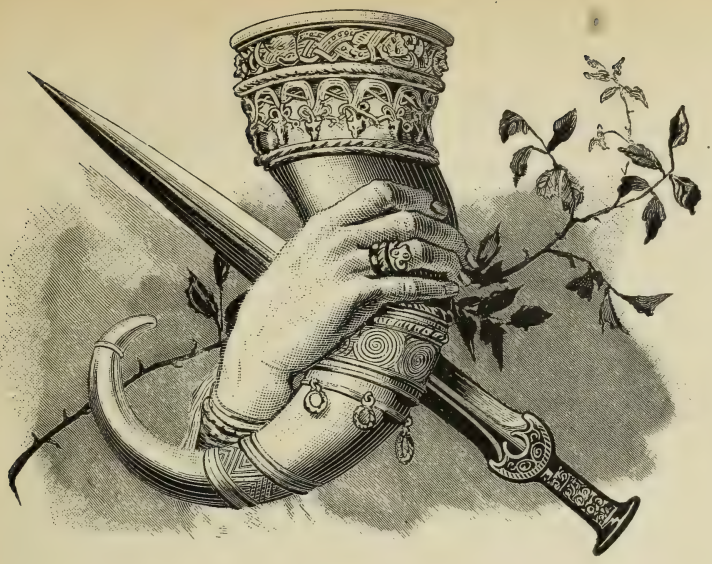
Но дѣвица ей сказала, молвила такое слово:

— Отчего-жъ не звать мнѣ Кауко, не позвать на свадьбу Ати?

Отвѣчаетъ ей хозяйка, говоритъ слова такія:

— Не зови сюда ты Кауко; онъ вездѣ всегда несносенъ: онъ сейчасъ затѣетъ ссору, пиръ веселый намъ разстроитъ, осмѣетъ дѣвицъ невинныхъ, разозлитъ гостей веселыхъ.

Вотъ спѣшитъ служанка всюду, созываетъ всѣхъ на свадьбу; созвала народъ Похьолы, позвала народъ Калевы, не позвала только Кауко, Ати лишь не пригласила.

Руна XXI.

Свадебный пиръ.

Вотъ хозяйка на Похьолѣ все хлопочетъ по хозяйству; вдругъ съ прибрежья шумъ раздался, конскій топотъ, скрипъ полозьевъ. Повернулась она къ солнцу, устремила взглядъ на западъ и задумалась съ тревогой:

— Что́ за люди сюда ѣдутъ, тамъ по берегу? О, горе! Неужели это войско?

И подходитъ ближе къ брегу, зорко смотритъ въ даль съ тревогой, видитъ: то совсѣмъ не войско, то женихъ съ гостями ѣдетъ.

Тутъ хозяйка на Похьолѣ зятя тотчасъ же признала, молвила слова такія:

— А я думала, что буря кучу дровъ тамъ повалила, что бушуютъ волны моря, что шумятъ съ прибрежья

камни. Но не море тамъ бушуетъ, то не камни тамъ грохочутъ, то мой зять съ гостями ѣдетъ, съ провожатыми къ намъ прибылъ. И признать не трудно зятя, я его признала сразу. Зять въ толпѣ всегда замѣтенъ, какъ черемуха въ кусточкахъ, точно дубъ средь мелкихъ елей, словно мѣсяцъ средь созвѣздій.

Шумъ по улицѣ всей слышенъ, раздается скрипъ полозьевъ, зять во дворъ въѣзжаетъ быстро съ провожатыми своими.

Молвитъ Похьолы хозяйка:

— Ну, вы, дѣти и герои, вы скорѣй встрѣчайте зятя! Ты, батракъ мой расторопный, принимай коня у зятя, распряги его скорѣе, отъ шлеи избавь богатой, отъ ремней, дуги ветельной. Отведи ты лошадь зятя на прекрасный мягкій выгонъ, напои коня лихого свѣжей ключевой водицей, а потомъ поставь ужъ въ стойло прямо къ яслямъ золоченымъ, накорми зерномъ отборнымъ, яровой пшеницей, рожью. Не забудь коня почистить щеткой, что̀ изъ рыбьей кости, и покрой ты лошадь зятя златотканною попоной, серебристымъ одѣяломъ. Вы же, мальчики-цыплята, въ горницу ведите зятя, подъ высокія стропила; шапки вы свои снимайте, тотчасъ сбросьте рукавицы! Посмотрю теперь на зятя, какъ-то онъ пройдетъ въ покои, если мы дверей не снимемъ, косяковъ не отодвинемъ, перекладинъ не поднимемъ, а пороги не понизимъ? Не проходитъ зять въ покои, не пройти златому гостю, онъ вѣдь головою выше. Эй, снимите-ка всѣ двери, косяки поотодвиньте, перекладины повысьте, а пороги опустите!

Вотъ женихъ въ покои входитъ, говоритъ слова такія:

— Боже, ты пошли здоровье подъ высокія стропила, въ это славное жилище!

Молвитъ такъ въ отвѣтъ хозяйка:

— Будь и ты здоровъ, зять милый, что войти не погнушался въ эту бѣдную лачужку! — Эй, наймичка изъ деревни, принеси скорѣе свѣчку, чтобъ я зятя посмотрѣла, жениху въ глаза взглянула: каріе они иль сини, иль какъ ленъ совсѣмъ ужъ бѣлы?

Принесла огня служанка, свѣчку бѣлую изъ воска, освѣтила теща зятя и въ глаза ему взглянула:

— Узнаю я очи зятя; и совсѣмъ они не красны и не сѣры и не бѣлы, а блестятъ какъ пѣна моря, какъ фіалки они сини, какъ камышъ они прекрасны. Ну, вы, мальчики-цыплята, вы теперь ведите зятя на почетное на мѣсто, чтобъ къ стѣнѣ спиной сидѣлъ онъ, а лицомъ къ гостямъ любезнымъ.

И хозяйка угощаетъ, потчуетъ гостей радушно, больше-жъ всѣхъ все кормитъ зятя. Подана на столъ свинина, блюда съ семгою прекрасной, столъ весь яствами заставленъ, чтобы гости угощались, больше всѣхъ же зять любезный.

Вотъ хозяйка на Похьолѣ молвитъ дѣвушкѣ-служанкѣ:

— Принеси-ка пива въ кружкѣ, въ кружкѣ съ ручками двойными, въ угощенье приглашеннымъ, прежде прочихъ же для зятя.

Принесла служанка кружку, чтобъ ходила въ круговую, съ пивомъ пѣннымъ чтобъ гуляла, хмель чтобъ по усамъ струился, пѣна по брадамъ стекала у гостей тѣхъ именитыхъ, прежде прочихъ же у зятя. Прежде всѣхъ попала кружка къ Вейнемейнену сѣдому.

Взялъ онъ пиво раньше прочихъ, говоритъ слова такія:

— Пиво, лучшій изъ напитковъ! Пить тебя не слѣдъ въ молчаньи: возбуди мужей ты къ пѣснямъ, чтобъ

изъ устъ златыхъ лилися! Вѣдь хозяева дивятся, и хозяйка молвить можетъ: „вѣрно всѣ пѣвцы испѣлись, языки у нихъ засохли, иль сварила дурно пиво, что пѣвцы сидятъ въ молчаньи, не поютъ златые гости". Кто же здѣсь затянетъ пѣсню на пиру честномъ Похьолы?

На полу сидѣлъ ребенокъ, молвилъ съ полу такъ малютка:

— Коль никто здѣсь пѣть не хочетъ, мужи всѣ сидятъ въ молчаньи, не хотятъ начать веселье, я тогда спою здѣсь пѣсню, я ребенокъ, слабый, хилый, чтобъ почтить сей день веселый, восхвалить прекрасный вечеръ!

Но съ печи такъ молвилъ старецъ:

— Не дѣтей то дѣло пѣнье, пустяки они лепечутъ, въ пѣсняхъ дѣвушекъ нѣтъ правды; пусть споетъ пѣвецъ искусный, тотъ, чье мѣсто на скамейкѣ!

И промолвилъ Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Есть ли здѣсь межъ молодежью, кто-бъ со мной сложилъ бы руки, пѣсню радости запѣлъ бы и воспѣлъ бы день сей славный, вечеръ пѣсней бы прославилъ?

Говоритъ на печкѣ старый:

— Былъ пѣвцомъ я прежде первымъ въ сихъ краяхъ родныхъ Похьолы: славился мой сильный голосъ, славились мои напѣвы; какъ рѣка они лилися, какъ потокъ они шумѣли; но прошло уже то время, надорвался звучный голосъ, онъ теперь какъ лодка въ камняхъ, точно грабли между пнями.

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Коль никто здѣсь не найдется, кто-бъ зачалъ со мною пѣсню, то одинъ ужъ пѣть я стану, пропою одинъ всѣ пѣсни. Я пѣвцомъ не даромъ созданъ и рожденъ для пѣснопѣнья, знаю, какъ зачать мнѣ пѣсню, знаю, какъ слагать мнѣ руны.

Старый вѣрный Вейнемейненъ, пѣсенъ вѣчная опора, началъ радостное дѣло, приступилъ онъ къ пѣснопѣнью, и на радость полилася пѣсня звучными волнами. Пѣлъ онъ мудро и искусно, словъ прекрасныхъ зналъ онъ столько, вѣдалъ столько дивныхъ пѣсенъ, что скорѣе-бъ истощились камни среди скалъ высокихъ или цвѣтъ въ водѣ цвѣтущей. Долго пѣлъ такъ Вейнемейненъ, пѣлъ онъ вечеру на радость, такъ что женщины смѣялись, всѣ мужчины веселились, слушали и поражались при напѣвахъ сихъ могучихъ.

Молвилъ старый Вейнемейненъ, какъ окончилъ пѣснопѣнье:

— Какъ пѣвецъ вѣдь я ничтоженъ, заклинатель я изъ слабыхъ. Если-бъ пѣть хотѣлъ создатель, говорить слова устами, онъ могуче пѣлъ бы пѣсни, мощныя-бъ творилъ заклятья: обратилъ бы въ медъ все море, весь песокъ—въ горохъ красивый, хрящъ морской — въ хорошій солодъ, камни солью бы онъ сдѣлалъ, рощи — въ черноземъ прекрасный, темный лѣсъ — въ поля съ пшеницей, горы — въ сладкія лепешки. Отъ его отъ словъ могучихъ на дворѣ бы здѣсь явились тысячи коровъ прекрасныхъ, лошадей, овецъ отборныхъ. Онъ своимъ бы пѣснопѣньемъ въ мигъ единый сотворилъ бы для хозяина мѣхъ рысій, плащъ прекрасный для хозяйки, башмаки для дочекъ юныхъ, сыновьямъ же по рубахѣ. Ты пошли всегда, о боже, сдѣлай такъ, творецъ всесильный, чтобы здѣсь всегда такъ жили, чтобы такъ довольны были, какъ теперь на этой свадьбѣ, на пиру большомъ Похьолы! Пусть рѣкою льется пиво, пусть течетъ здѣсь медъ потокомъ въ этихъ горницахъ Похьолы, въ этихъ избахъ Саріолы; чтобы днемъ здѣсь распѣвали, вечерами веселились, здѣсь пока живетъ хозяинъ и пока жива хозяйка! Боже, ты воздай имъ

щедро, чтобъ нашли они награду: за столомъ хозяинъ добрый, а хозяюшка въ амбарѣ, сыновья въ сѣтяхъ, на ловлѣ, дочки за своимъ поставомъ, чтобъ никто не сѣтовалъ бы на сей пиръ столь долгій, шумный, на веселую пирушку.

Руна XXII.

Свадебныя причитанья.

Какъ ужъ справили всю свадьбу, вволю тамъ попировали, говоритъ такъ теща зятю, Ильмаринену такъ молвитъ:

— Что-жъ сидишь, высокородный, медлишь что, страны украса? Иль сидишь отцу въ угоду, или матери въ утѣху? Не сиди отцу въ угоду и ни матери въ утѣху, а сиди отрадой дѣвѣ и сіяй женѣ красоткѣ! Женишокъ, ты ждалъ ужъ долго, такъ пожди еще немного, не собрался другъ твой милый, не готова дорогая, лишь одинъ рукавъ надѣла, а другой еще пустѣетъ, лишь одну обула ногу, а другая не обута. Женишокъ, ужъ ждалъ ты долго, ждалъ жену, не утомился; ну, теперь она готова, собралась твоя красотка.

„Выйди, купленная дѣва, слѣдуй, проданная пташка, настаетъ ужъ часъ разлуки, вотъ онъ, кто тебя увозитъ, за тобой кто выйдетъ въ двери. Конь ужъ удила

кусаетъ, сани дѣву ожидаютъ! Такъ будь счастлива, дѣвица, и садись скорѣе въ сани, что́ умчатъ тебя далеко отъ родной семьи, отъ дома. Слишкомъ ты поторопилась, скоро протянула руку, приняла подарокъ цѣнный, обручальное колечко! Каяться весь вѣкъ свой будешь, слезъ прольешь ты много въ жизни, что отцовскій домъ бросаешь, край родной свой покидаешь. Здѣсь жила ты безъ заботы, не имѣла здѣсь печали, какъ цвѣтокъ росла ты нѣжный, словно ягодка на волѣ. Горе все ты отдавала елямъ, соснамъ да березамъ, здѣсь какъ бабочка порхала, ягодкой цвѣла на полѣ. Въ домъ чужой теперь ты ѣдешь, тамъ чужихъ людей ты встрѣтишь, мать тебя тамъ ждетъ другая, все тебѣ тамъ чуждо будетъ: тамъ рожки гудятъ иначе, дверь скрипитъ тамъ по иному, и иначе створки ходятъ. Тамъ дверей ты не отворишь, какъ къ тому тамъ всѣ привыкли, тамъ ты печи не истопишь, какъ того хотятъ тамъ мужи. Иль ты думала, дѣвица, провести тамъ только ночку, поутру-жъ домой вернуться? Не на ночку и не на двѣ домъ родной ты покидаешь, а на мѣсяцы, на годы, навсегда мать оставляешь!“

Дѣва бѣдная вздыхаетъ, тяжело у ней на сердцѣ, слезы очи ей туманятъ, молвитъ такъ она печально:

— Такъ я думала, гадала, такъ казалось мнѣ, бѣдняжкѣ, что я все еще ребенокъ, подъ родной пока я кровлей, и тогда дѣвицей буду, какъ невѣстою я стану, вотъ чего я ожидала, все желала подростая. И исполнились надежды, наступилъ ужъ часъ разлуки. Но теперь сама не знаю, отчего мнѣ грустно стало, отчего такъ тяжко сердцу покидать родную кровлю, гдѣ жила я такъ счастливо, провела златое дѣтство.

Говоритъ старушка дѣвѣ, старая служанка въ домѣ:

— Ну, вотъ видишь ли, дѣвица, помнишь, что́ я го-

ворила, сотни разъ тебѣ твердила: «женихомъ ты не любуйся, не гляди ему ты въ очи, не внимай ты льстивой рѣчи. Хоть его пріятны рѣчи, хоть глаза его прекрасны, все-жъ въ устахъ сидитъ самъ Лемпо, а въ глазахъ укрылся Хійси. Я такой совѣтъ давала, такъ всѣмъ дѣвамъ говорила: коль женихъ придетъ къ дѣвицѣ, или къ ней зашлетъ онъ сватовъ, женихамъ такъ слѣдъ отвѣтить, говорить слова такія: «Никогда не соглашусь я съ матушкой родной разстаться, чтобъ женой въ чужбину ѣхать, быть тамъ всѣмъ рабой послушной. Мнѣ и нравъ мой не позволитъ быть рабой, жить въ подчиненьи: коль мнѣ здѣсь кто слово скажетъ, тотчасъ два ему отвѣчу; кто меня лишь пальцемъ тронетъ, прогоню того съ позоромъ». Это все ты позабыла, словъ моихъ ты не слыхала. Ты сама въ огонь стремишься и спѣшишь къ лисицѣ въ сани, въ лапы сильныя медвѣдя, чтобъ тебя увезъ отсюда. Тамъ слугой ты будешь вѣчной и рабыней у свекрови; тяжело тебѣ тамъ будетъ; тамъ ужъ куплены поводья, цѣпи рабскія готовы для тебя, несчастной дѣвы. Слишкомъ скоро ты узнаешь рядъ тяжелыхъ испытаній: свекра взглядъ, что́ ножъ точеный, а языкъ свекрови жесткій, рѣчи деверя холодны, спесью дышетъ рѣчь золовки. Слушай, слушай же, дѣвица, что́ тебѣ хочу сказать я: какъ цвѣтокъ росла ты дома, мѣсяцемъ отцу была ты, солнцемъ мать тебя все звала, блескомъ волнъ — родимый братецъ, а сестра—платочкомъ свѣтлымъ. Тамъ же будетъ мать чужая, отъ нея не жди ты ласки, будешь дрянью слыть у свекра и неряхой у свекрови, назоветъ полѣномъ деверь и чудовищемъ золовка. Ты тогда была-бъ хорошей, ты тогда слыла-бъ пріятной, еслибъ ты, какъ паръ, всходила, точно дымъ легка была бы, какъ листочекъ бы порхала и быстра была-бъ какъ искра.

— О, сестрица дорогая! Батюшку ты промѣняла на суроваго на свекра, промѣняла мать родную на свекровь лихую, злую, братца добраго смѣнила гордымъ деверемъ спесивымъ, а сестрицу промѣняла на насмѣшливыхъ золовокъ; эти свѣтлыя озера промѣняла ты на лужи, рощи чудныя смѣняла на болота и пустыни. Иль ты думала, сестрица, что ужъ кончились заботы, что настали дни златые, время отдыха, веселья? Нѣтъ, теперь-то наступаютъ дни печали и заботы, съ головнымъ платкомъ явились горе, слезы, трудъ тяжелый. Каково жить дѣвѣ дома? При отцѣ живетъ такъ дѣва, какъ король свободный въ замкѣ,—лишь меча недостаетъ ей; но при мужѣ ей живется, точно плѣннику въ Россіи, только стражи не хватаетъ. Плачь, дѣвица, плачь сильнѣе! Пусть рѣкою слезы льются, всѣ полы пусть заливаютъ. Все же слезъ прольешь ты меньше, чѣмъ когда домой вернешься, старика отца увидишь безъ дыханья, безъ движенья, мать старушку потеряешь, брата и сестрицъ всѣхъ нѣжныхъ!

Тяжело вздохнула дѣва, грусть-тоска ее объяла, стала горькія лить слезы, молвила слова такія:

— О, вы, милыя сестрицы, вы, друзья златого дѣтства, что́ росли со мною вмѣстѣ, слушайте, что́ вамъ скажу я: я не вѣдаю, не знаю, что́ со мной теперь вдругъ сталось, отчего печаль на сердцѣ и отколь кручина злая! Я ждала иного въ жизни, я надѣялась, гадала, что кукушкой буду кликать по холмамъ, зеленымъ рощамъ, какъ настанетъ это время, какъ просватана я буду. Не кукушечкой я ѣду, чтобъ въ зеленыхъ рощахъ кликать, уточкой скорѣй кажусь я, что́ одна средь волнъ блуждаетъ. О отецъ, о мать родная! вы куда-жъ меня ушлете, отсылаете бѣдняжку, что тоска мнѣ сердце гложетъ, мучаетъ кручина злая? Можетъ, кто-нибудь

мнѣ скажетъ: «ну, какая-жъ у дѣвицы можетъ быть печаль, забота!» Люди добрые, такъ знайте, у меня заботъ побольше, чѣмъ камней на днѣ стремнины, чѣмъ въ сухихъ степяхъ былинокъ. Даже лошадь не смогла бы, не свезла бы тѣ заботы, чтобъ дуга не задрожала, чтобъ хомутъ не разорвался.

На полу сидѣлъ малютка, онъ запѣлъ слова такія:

— Что ты плачешь такъ, дѣвица, ты о чемъ тоскуешь горько? Ты оставь конямъ печали, имъ отдай свою кручину, головы у нихъ большія, да и силъ у нихъ побольше. Не въ болото вѣдь ты ѣдешь, не ведутъ тебя въ трясину: отъ равнины сей отцовской ѣдешь ты къ полямъ богатымъ, изъ жилья, гдѣ вдоволь пива, ѣдешь въ домъ, гдѣ больше пива. Ты взгляни немного вправо, кто стоитъ съ тобою рядомъ: мужъ, защитникъ твой вѣрнѣйшій, неизмѣнный спутникъ въ жизни. Мужъ хорошъ, и конь прекрасенъ, на дугѣ порхаютъ птички, золотистыя кукушки. Полно плакать, дорогая, проливать напрасно слезы! Будешь жить теперь не хуже, заживешь ты лучшей жизнью вмѣстѣ съ этимъ землепашцемъ и усерднымъ рыболовомъ и охотникомъ отважнымъ. Мужъ тебѣ достался рѣдкій, изъ героевъ самый лучшій; у него стада большія, всѣ поля покрыты хлѣбомъ, и запасовъ вдоволь всякихъ, денегъ столько, какъ каменьевъ.

Руна XXIII.

Наставленія невѣстѣ.

Вотъ учить невѣсту стали, вразумлять какъ жить ей съ мужемъ. Кто-жъ на путь ее наставитъ, умудритъ младую дѣву? Осмотарь, та дочь Калевы, вразумлять невѣсту стала, какъ прожить ей лучше съ мужемъ, какъ понравиться свекрови.

Молвитъ такъ дѣвицѣ юной, говоритъ слова такія:

— Ты послушай-ка, дѣвица, выслушай совѣтъ мой добрый: домъ родной ты покидаешь, гдѣ жила такъ беззаботно, въ домъ чужой теперь ты вступишь, гдѣ порядки все иные; не берись тамъ зря за дѣло, раньше обо всемъ подумай; тамъ тебѣ ужъ не придется пѣсни пѣть да веселиться и гулять въ зеленыхъ рощахъ.

Уходя теперь отсюда, ты возьми съ собой, что́ хочешь, но забудь три вещи дома: сны, что́ днемъ ты здѣсь видала, ласки матери любимой и кадушки съ свѣжимъ масломъ. Все съ собой возьми, что́ хочешь, лишь оставь мѣшокъ со снами, здѣшнимъ дѣвушкамъ отдай ихъ, пѣсни всѣ оставь на лавкѣ, шалость брось теперь метелкѣ, лѣнь всю побросай ты на полъ, иль отдай своей подружкѣ, чтобъ снесла ее въ кустарникъ, выбросила вмѣстѣ съ соромъ.

„Къ нравамъ новымъ пріучайся, прежнія забудь привычки: позабудь отцовы ласки, ласки матери и брата, будь довольна лаской свекра, лаской деверя, свекрови; кланяйся имъ всѣмъ пониже, словъ хорошихъ не жалѣй тамъ. Сохраняй всегда ты въ жизни добродѣтель, непорочность; нравы добрые — опора, твердая семьи основа. Свекоръ пусть медвѣдемъ будетъ, а свекровь волчицей въ домѣ, деверь хоть змѣей коварной, а золовка клиномъ въ домѣ, — всѣмъ воздай имъ честь какъ надо, кланяйся имъ въ ноги ниже, чѣмъ то дѣлала ты прежде передъ матерью родною, предъ отцомъ своимъ любимымъ.

„Запасись умомъ, терпѣньемъ, будь всегда благоразумна, пріучися зорко видѣть, вздуть огонь въ остывшей печкѣ, по утрамъ имѣй слухъ острый, чтобъ поднять всѣхъ съ пѣтухами, стариковъ лишь не буди ты. Коль пѣтухъ кричать забудетъ, выходи почаще въ сѣни посмотрѣть на мѣсяцъ ясный: глядя на него узнаешь, не пора ли подниматься. Если время, вздуй огонь ты, поищи его средь пепла; коль его тамъ не добудешь, разбуди тогда ты мужа, молви такъ ему покорно: „дай огня мнѣ, свѣтикъ ясный!“; а затѣмъ въ хлѣвъ поспѣши ты, накорми коровъ досыта, всыпь конямъ овса побольше, приготовь телятамъ пойло и

поставь корыто свиньямъ. Какъ скотину всю накормишь, поспѣши домой оттуда, можетъ, тамъ малютка плачетъ, онъ сказать не можетъ, бѣдный, ѣсть ли хочетъ иль озябъ онъ. Какъ ребенка успокоишь, подмети ты полъ почище, всѣ столы, скамейки вымой, обмети всѣ стѣны дома, вытри тряпкою сырою, чтобы пыль не разнеслася.

„Слушай, что́ еще скажу я: ты всегда ходи опрятной, чтобъ твой мужъ не заворчалъ бы, ко всему, какъ мышь, будь чуткой, бѣгай быстро, точно заяцъ, да смотри себѣ подъ ноги, чтобъ нигдѣ ты не упала. Какъ вернется съ поля деверь, иль изъ кладовой золовка, иль съ работы мужъ твой милый, принеси съ водою чашу, полотенце, что́ почище, и, пониже поклонившись, предложи имъ освѣжиться. Коль свекровь свою завидишь, что́ идетъ съ мукою къ дому, ты бѣги скорѣй навстрѣчу, поклонися ей пониже и снеси муку въ покои.

„Коль случится, что не знаешь, за какое дѣло взяться, подойди тогда къ свекрови и смиренно ей промолви: „Ахъ, свекровь моя родная, мнѣ какую взять работу, мнѣ за что́ теперь приняться?» И свекровь тебѣ отвѣтитъ: „Намели муки помельче, принеси водицы свѣжей, замѣси покруче тѣсто, принеси сухихъ полѣньевъ, истопи пожарче печку, испеки потомъ ты хлѣба, всю посуду вымой чище, перетри всѣ чашки, кружки“.

„И узнавъ, что́ дѣлать надо, ты примись скорѣй за дѣло, чтобъ свекровь была довольна, и за заданной работой не шуми ты понапрасну, чтобъ свекровь не стала думать, что шумишь ты тамъ отъ злости. За водой когда пойдешь ты, у ключа не мѣшкай долго, чтобъ свекровь не стала думать, что любуешься собою, глядя въ ручеекъ прозрачный. За дровами какъ пой-

дешь ты, не швыряй полѣнья шумно, набери охапку тихо, чтобъ свекровь не стала думать, что шумишь ты тамъ съ досады. Какъ пойдешь ты въ кладовую, тамъ не оставайся долго, чтобъ свекровь не стала думать, что муку чужимъ даришь тамъ, даромъ раздаешь сосѣдкамъ. Послѣ завтрака, обѣда, мой посуду всю почище, убирай на мѣсто ложки, чтобъ собака или кошка на полъ ихъ бы не стащили, не сломали-бъ ребятишки: дѣтокъ вѣдь повсюду много, поиграть малютки любятъ.

„Какъ настанетъ время мыться, баню вытопить придется, принеси воды побольше, вѣниковъ нарѣжь зеленыхъ, выпарь въ банѣ ихъ получше; но не мѣшкай въ банѣ долго, чтобъ свекровь не стала думать, что тамъ нѣжиться ты стала, на полкѣ тамъ развалилась. И когда тамъ все сготовишь, свекру такъ тогда промолви: „Слушай, свекоръ мой любезный, баню я ужъ истопила, чанъ наполнила водою, вѣникъ выпарила свѣжій; ты пойди помойся, свекоръ, обливайся сколько хочешь, я сама прибавлю жару, помогу тебѣ, коль надо“. Какъ работы всѣ покончишь, цринимайся прясть прилежно, шерсть крути ты послабѣе, нитки же льняныя круче, намотай въ клубокъ покрѣпче, намотай ихъ на воробы, а потомъ навей на вьюшки, да натки всѣмъ суконъ разныхъ на кафтаны и на платья.

„Ты послушай-ка, дѣвица, что́ еще тебѣ скажу я: какъ варить ты будешь пиво, солодъ ты впередъ отвѣдай и ячмень попробуй тоже; коль они пригодны будутъ, солодъ сѣчкою мѣшай ты, поворачивай ладонью. Въ баню заходи почаще, чтобъ не портился заторъ тамъ, чтобы какъ-нибудь на солодъ кошка спать не улеглася.

„Если къ вамъ придетъ кто въ гости, не сердися ты на гостя; домъ хорошій припасаетъ яства разныя для

гостя: части лучшія отъ мяса, пироги и все другое. Усади за столъ ты гостя, угощай его усердно, не жалѣй и словъ хорошихъ, чтобъ доволенъ онъ остался; а какъ станетъ уходить онъ, проводи его до двери, но не уходи съ нимъ дальше, чтобъ не гнѣвался мужъ милый.

„Коль въ село идти захочешь, повидать своихъ сосѣдей, рѣчь разумную веди тамъ; не кори свой домъ предъ всѣми, не брани своей свекрови. Если женщины тамъ спросятъ: „Что свекровь даетъ ли масла, какъ давала мать родная?“ — ты не вздумай имъ отвѣтить: „нѣтъ, она скупа на масло“, а скажи: „даетъ мнѣ вдоволь“, — хоть за зиму всю, быть можетъ, ты совсѣмъ не ѣла масла.

„Слушай, что́ еще скажу я: домъ родной ты покидаешь, въ домъ другой теперь ты вступишь; не забудь же мать родную, огорчить не смѣй старушку! Вѣдь она тебя вскормила, ночи напролетъ не спала, даже ѣсть позабывала, какъ тебя, свою малютку, нѣжно няньчила-качала. Если мать свою забудешь, огорчишь свою родную, кара ждетъ тебя въ Маналѣ, муки страшныя въ Туони. Скажутъ тамъ Туони дѣвы: „ты забыла мать родную, огорчила дорогую, что́ ночей и дней не спала и тебя, любя, вскормила, такъ страдай же здѣсь въ Маналѣ, по дѣломъ тебѣ и мука“.

На полу въ избѣ сидѣла нищенка одна, старушка, молвитъ такъ она невѣстѣ, говоритъ слова такія:

— Пѣлъ пѣтухъ своей подружкѣ, пѣлъ сынъ курицы красоткѣ, пѣла въ Пасху и ворона, каркала весною ранней. Запою и я ужъ пѣсню, пусть они на время смолкнутъ, есть у нихъ у всѣхъ подружки, другъ сердечный въ домѣ тепломъ; я же, бѣдная, блуждаю безъ любви и безъ пріюта. Слушай, юная дѣвица:

какъ придешь теперь въ домъ мужа, ты его не слѣдуй нраву, какъ я, бѣдная, когда-то нраву мужа потакала, все въ глаза ему смотрѣла.

„Я росла, какъ цвѣтикъ въ полѣ, выросла красой-дѣвицей. Мать, отецъ меня ласкали, звали уточкой любимой, братецъ — птичкою веселой, зябликомъ звала сестрица. Точно пташка я порхала по полямъ и по долинамъ, въ рощахъ пѣсни распѣвала, веселилась и играла. Но такъ созданы дѣвицы, такъ ужъ вынянчены дочки, чтобъ потомъ рабой быть мужа, быть служанкою свекрови.

„Вотъ и я пошла въ чужбину и женой вошла въ домъ мужа. Раньше мнѣ наговорили, что иду я въ домъ богатый, буду жить въ шести покояхъ, что добромъ полны амбары, вдоль ручья поля съ ячменемъ, пашни всѣ покрыты хлѣбомъ, а поля овсомъ отборнымъ. И повѣрила я сказкамъ, согласилась выйти замужъ и послѣдовала съ мужемъ. Вмѣсто тѣхъ шести покоевъ, увидала я лачужку, что́ держалась на подпоркахъ; рощи всѣ тамъ были жестки, всѣ кусточки непривѣтны, всѣ тропы полны заботы, всѣ лѣса смотрѣли злобно, закрома всѣ были пусты.

„Я о томъ не горевала, домогалась я лишь чести, быть любимой я хотѣла. Какъ явилась я въ домъ мужа, такъ тотчасъ взялась работать, набрала для печки щепокъ и, внося ихъ въ домъ поспѣшно, стукнулась вдругъ лбомъ о двери. Вмѣсто слова сожалѣнья, на меня взглянули злобно, свекоръ встрѣтилъ браннымъ словомъ, а свекровь ехиднымъ смѣхомъ.

„Я о томъ не горевала и снискать старалась ласку, угодить тамъ всѣмъ хотѣла и вела себя смиренно. Бѣгала какъ заяцъ быстрый, точно горностай проворный, спать ложилась очень поздно, а вставала на раз-

свѣтѣ; но я чести не дождалась, слова ласки не снискала, хоть ворочала бы горы и въ куски рубила скалы. Ту муку, что́ я молола, поѣдалъ съ свекровью свекоръ, за столомъ своимъ усѣвшись, я-жъ муку лишь съ соромъ ѣла, въ уголку за печкой сидя. Часто мнѣ тамъ приходилось для себя печь хлѣбъ изъ моха, запивать одной водою; рыбу ту лишь ѣсть случалось, что́ сама поймать успѣла. Лѣтомъ жала я колосья, молотила ихъ зимою, и всегда свекровь давала мнѣ тяжелое трепало, цѣпъ и вилы подлиннѣе. Никогда никто не думалъ, что не въ моготу мнѣ, слабой, такъ работать черезъ силу: устаютъ вѣдь и герои, вѣдь и лошади слабѣютъ.

„Такъ я, бѣдная, трудилась, градомъ потъ съ меня катился, за любовь меня ругали, имя честное пятнали; но я все переносила, прожила-бъ съ свекровью дольше, помогала бы старухѣ, еслибъ мужъ меня любилъ бы; но онъ въ волка обратился, лютымъ сдѣлался медвѣдемъ. Я совсѣмъ упала духомъ, стала плакать неутѣшно и, въ чуланѣ темномъ сидя, вспоминала дни былые, какъ свѣтло жилось мнѣ дѣвой подъ родной отцовской кровлей. Горевала я тамъ долго, причитала со слезами: „Ахъ, зачѣмъ я вышла замужъ за такого звѣря мужа, отдала меня родная въ лапы лютаго медвѣдя! Вѣдь годилась я другому, мужу лучшему, чѣмъ этотъ, у кого и домъ побольше, да и дворъ длиннѣй и шире. Но попала я, бѣдняжка, въ когти этого урода: носъ его, какъ клювъ вороній, ротъ зубастый, какъ у волка, тѣло все, какъ у медвѣдя“.

„Такъ я плакала, вздыхала, причитала со слезами. Тѣ слова мой мужъ услышалъ, въ гнѣвѣ онъ вбѣжалъ въ чуланчикъ, волоса стояли дыбомъ, страшно онъ вращалъ глазами, бить меня онъ началъ палкой и

избилъ до полусмерти. А когда насталъ ужъ вечеръ, я вошла въ избу на отдыхъ; чрезъ порогъ едва-жъ ступила, какъ меня съ кнутомъ мужъ встрѣтилъ, снова бить сталъ безъ пощады. Я отъ мужа побѣжала, онъ же бросился за мною, въ волоса мои вцѣпился, вырвалъ клочьями со злобой, разбросалъ ихъ всѣ на вѣтеръ. Долго на дворѣ я ждала, что заснетъ мужъ иль утихнетъ; но онъ все не унимался, продолжалъ тамъ бѣсноваться. Наконецъ я зябнуть стала, у забора сидя ночью, долго думала, гадала, про себя такъ порѣшила: „Нѣтъ, не въ моготу терпѣть мнѣ, выносить и гнѣвъ, и злобу въ этомъ домѣ злого мужа, въ логовищѣ здѣсь у Лемпо".

„И простилась я съ тѣмъ домомъ, и покинула я мужа, побрела къ роднымъ предѣламъ, ко двору родного брата. Но лишь я туда явилась, мнѣ закаркали вороны:

„—Нѣтъ тебѣ теперь здѣсь мѣста, нѣтъ на родинѣ пріюта!.

„Я рѣчамъ тѣмъ не внимала, подошла я къ дому брата, мнѣ ворота заскрипѣли, всѣ поля тамъ зашептали:

„—Ты зачѣмъ домой вернулась, что́ ты хочешь здѣсь развѣдать? Твой отецъ давно ужъ умеръ, нѣтъ въ живыхъ твоей родимой, братъ родной тебѣ чужимъ сталъ, взялъ жену онъ не изъ добрыхъ.

„Я рѣчамъ тѣмъ не внимала, на порогъ ступила дома и взялась за ручку двери,—холодна была та ручка. Я вошла въ покои брата, у дверей остановилась. Въ горницѣ была хозяйка,—на меня взглянула гордо и руки не протянула; я была горда на столько-жъ и здороваться не стала. Я дотронулась до печки, — холодна была та печка; протянула руки къ углямъ, — угли тѣ

безъ жару были. Братецъ мой лежалъ на лавкѣ, растянувшись возлѣ печки.

„Не узналъ меня мой братецъ, молвилъ мнѣ такое слово:

„—Кто ты и отколь явилась?

„Я въ отвѣтъ ему сказала:

„—Ты ужель меня не знаешь, не узналъ родной сестрицы?

„Братъ всплакнулъ, меня узнавши, прошепталъ своей любезной:

„— Накорми мою сестрицу.

„Но жена взглянула косо, принесла мнѣ щей холодныхъ; жиръ съ нихъ слизанъ былъ собакой,—эти щи собаки ѣли.

„Говоритъ женѣ мой братецъ:

„—Угости-ка гостью пивомъ!

„Но жена взглянула косо, принесла воды мнѣ грязной, въ чемъ лицо свое умыла, въ коей руки полоскала.

„Я тогда ушла отъ брата, вышла изъ родного дома и пошла блуждать по свѣту, подходить къ чужимъ порогамъ да кормиться подаяньемъ. Часто-часто мнѣ случалось слышать много словъ жестокихъ и лишь рѣдко приходилось, чтобъ меня кто пожалѣлъ бы, слово ласковое молвилъ и подвелъ бы къ печкѣ теплой, чтобъ съ мороза я погрѣлась иль съ дождя сушила платье. Никогда, въ дѣвицахъ бывши, я не думала, не ждала, что меня судьба ждетъ злая, что такое горе будетъ.

Руна XXIV.

Совѣты жениху.—Отъѣздъ невѣсты.

Вотъ дѣвицу вразумили, ужъ невѣсту научили, такъ пора сказать и слово жениху дѣвицы юной:

— Дорогой женихъ, мой братецъ, слушай что́ тебѣ скажу я о твоей голубкѣ милой, этой пташечкѣ любимой. Будь судьбой своей доволенъ, а отца и мать родную всей душой благодари ты за прекрасную невѣсту. Посмотри-ка на красотку, что́ стоитъ съ тобою рядомъ! Вѣдь тебѣ ее отдали, чтобы былъ ты ей опорой, чтобъ ее ласкалъ, лелѣялъ, охранялъ бы отъ обиды. Молотить она умѣетъ, ситъ и стираетъ быстро и валять сукно умѣетъ да и ткетъ, прядетъ искусно.

„Женишокъ, мой милый братецъ, ты косу скуй поострѣе, ручку къ той косѣ придѣлай, а какъ солнце засіяетъ, ты на лугъ сведи дѣвицу и смотри какъ подъ

косою зашумитъ трава сухая. Какъ косить покончитъ дѣва, ты подай ей въ руки бердо, посади за станъ дѣвицу, и увидишь какъ усердно зашумитъ оно у дѣвы, застучитъ на всю деревню. Это всѣ сейчасъ замѣтятъ, спросятъ всѣ твои сосѣдки: „Кто же ткетъ тамъ такъ усердно?“ Ты же съ гордостью отвѣть имъ: „это ткетъ моя красотка, то шумитъ моя златая“.

„Женишокъ, молодчикъ милый, какъ поѣдешь ты отсюда въ край родной съ синичкой милой, не вози ты эту птичку по ухабамъ и сугробамъ, чтобъ не выпала изъ санокъ, о каменья не ушиблась. Вѣдь ее въ отцовскомъ домѣ не возили по ухабамъ, изъ саней не выроняли, чтобъ о камни не разбилась. Какъ домой ты съ ней пріѣдешь, не давай ее въ обиду, чтобъ въ углахъ она сидѣла, въ сторонѣ отъ всѣхъ скрывалась. Вѣдь она въ отцовскомъ домѣ все сидѣла у окошка, по доскамъ ходила среднимъ, вечеромъ отцу на радость, утромъ матери въ утѣху.

„Слушай, что́ еще скажу я: никогда въ теченьи жизни не води свою голубку къ ступкѣ съ жесткой древесиной, чтобъ кору она толкла въ ней, чтобы хлѣбъ печь изъ соломы и мѣсить съ корой еловой. Никогда въ отцовскомъ домѣ птичкѣ этой не случалось хлѣбы печь изъ древесины и мѣсить съ корой еловой. Ты сведи свою голубку на поля съ обильной жатвой, гдѣ амбары были-бъ полны рожью, ячменемъ хорошимъ, чтобъ могла твоя синичка печь тебѣ большіе хлѣбы и варить получше пиво.

„Дорогой женихъ, мой братецъ, береги свою красотку, эту курочку златую, чтобы слезъ она не знала. Коль соскучится дѣвица, затоскуетъ тамъ голубка, запряги гнѣдого въ сани, привези къ отцу дѣвицу, къ матери родной въ покои. Никогда не обращайся съ

этой бѣленькою птичкой, какъ съ наемною служанкой, предъ которой на запорѣ держатъ погреба, амбары. Никогда въ отцовскомъ домѣ, ни у матушки родимой съ нею такъ не обращались, какъ съ прислужницей наемной; для нея всегда открыты были погреба, амбары, въ нихъ она хлѣба держала, яйца, молоко хранила, утромъ погребъ отпирала, на ночь снова запирала.

„Женишокъ, молодчикъ милый, изъ мужей цвѣтущій отпрыскъ! Коль съ женой ты ласковъ будешь, будешь ласково и принятъ, какъ пріѣдешь въ гости къ тестю, какъ въ домъ тещи ты прибудешь. Здѣсь тебя накормятъ славно, угостятъ тебя на славу, распрягутъ твою лошадку и дадутъ овса ей вволю. Никогда дѣвицу эту не кори обиднымъ словомъ, будто родъ ея незнатенъ и родня не такъ обширна. Знатенъ родъ у этой дѣвы, и родня у ней большая: коль бобовъ посѣять мѣру, по бобу получитъ каждый, если мѣру льну посѣять, будетъ каждому по ниткѣ.

„Никогда, женихъ, мой братецъ, ты не вздумай бить дѣвицу иль учить ременной плеткой. Вѣдь ее въ отцовскомъ домѣ никогда никто не трогалъ, какъ слугу не били плеткой и до слезъ не доводили. Будь, напротивъ, ей опорой и защитою надежной, чтобъ свекровь и старый свекоръ не обидѣли красотки, чтобъ сердить не смѣли гости, не бранили бы сосѣди. Коль къ тебѣ родня пристанетъ, чтобъ жену самъ проучилъ ты, ты не бей своей голубки, не наказывай касатки, за которою три года сватался ты непрерывно. Ты учи свою голубку, какъ наединѣ съ ней будешь, чтобъ сосѣди не видали. Первый годъ учи словами, а другой учи глазами, третій топай лишь ногою. Если это не поможетъ, ты сорви тогда тростинку, пригрози ей хворостинкой, но не бей ее ремнями, не сѣки ее ты розгой. Если этого

ей мало, слушаться она не будетъ, принеси изъ лѣсу розгу, отломи съ березы вѣтку, принеси домой подъ шубой, чтобъ того никто не видѣлъ, и грози тогда ей розгой и стыди ее словами.

„Если это не поможетъ, слушаться она не станетъ, ну, тогда учи ужъ розгой, постегай, но втихомолку, чтобъ сосѣди не видали, чтобы крика не слыхали. Ты согрѣй ей только плечи, постегай слегка лишь спину, головы же не касайся, чтобъ слѣдовъ никто не видѣлъ, чтобъ лицо безъ пятенъ было. Вѣдь иначе то замѣтятъ тесть и теща и сосѣди, будутъ всѣ тогда смѣяться: „видно въ битвѣ побывала, иль ужъ волкъ ее не рвалъ ли, иль медвѣдь ее не мялъ ли? Видно волкомъ да медвѣдемъ былъ самъ муженекъ любезный!“

На печи лежалъ тамъ нищій, наверху тамъ грѣлся старый, молвилъ съ печи такъ беззубый, шамкаетъ слова такія:

— Никогда ты, мужъ несчастный, потакать женѣ не вздумай, какъ бывало я то дѣлалъ! О своемъ радѣлъ я домѣ, припасалъ всего я вдоволь, хлѣбъ и мясо, масло, пиво, рыбу всякую, наряды; но женѣ все было мало, все была мной недовольна. Лишь домой я возвращался, какъ она меня встрѣчала и упреками, и бранью, въ волоса мои вцѣплялась, называла дармоѣдомъ, иль полѣномъ да болваномъ. Но ее смирилъ я скоро, срѣзалъ вѣтку отъ березы, проучилъ ее порядкомъ; пѣсню пѣть другую стала: бросилась ко мнѣ на шею, муженькомъ назвала милымъ, своимъ яблочкомъ прекраснымъ“.

Тяжело вздохнула дѣва, залилась слезами горько, молвила слова такія:

— Вотъ пришла пора разстаться мнѣ съ роднымъ, отцовскимъ домомъ, съ дорогими мнѣ мѣстами, гдѣ

росла я вольной пташкой, провела всѣ годы дѣтства, гдѣ не знала я заботы, гдѣ не вѣдала печали. Раньше я не помышляла никогда о томъ, что́ будетъ, что настанетъ часъ разлуки, и придется мнѣ проститься съ этимъ лѣсомъ, рощей, полемъ. Какъ воздать мнѣ при разлукѣ за любовь моей родимой, за добро отцу родному, за любовь за ласку братца и моей сестрицы милой? Батюшкѣ за все спасибо, за добро, за всѣ заботы. Да и матушкѣ спасибо, что меня, дитя, качала, молокомъ своимъ вскормила. Да и вамъ спасибо, братецъ и сестрица дорогіе, за любовь, за ласку вашу. Всѣмъ сердечное спасибо, всѣмъ роднымъ, подругамъ, слугамъ, съ кѣмъ досель жила я вмѣстѣ, съ кѣмъ росла въ родномъ я домѣ. Не горюй, отецъ родимый, не горюй ты, мать родная, не горюйте вы, родные, обо мнѣ вы не печальтесь, что иду въ страну чужую. Вѣдь и тамъ сіяетъ солнце, свѣтитъ въ небѣ мѣсяцъ ясный и мерцаютъ тѣ же звѣзды. Я должна теперь разстаться съ дорогимъ роднымъ жилищемъ, этотъ лугъ должна покинуть, эти ясныя поляны, эту рощу, лѣсъ, дубраву и песчаный этотъ берегъ. Ужъ не я — другіе будутъ по полямъ гулять по этимъ, отдыхать подъ сѣнью рощи и бродить здѣсь по дубравамъ.

„Если я когда вернуся изъ чужбины въ край родимый — мать, отецъ ужъ не услышатъ, какъ рыдать надъ ними буду, причитать надъ ихъ могилой. Всѣмъ я здѣсь чужая буду, и никто въ родномъ семъ мѣстѣ не признаетъ ужъ дѣвицу,—развѣ жердочка на полѣ, да въ заборѣ перевязки, что́ я дѣвочкой воткнула, что́ ребенкомъ завязала. Вотъ коровушка, быть можетъ, что́ поила я такъ часто, можетъ, та еще признаетъ, что изъ этого я дома, да любимый конь отцовскій, что́ изъ рукъ всегда кормила, да у братца вотъ

собачка, вѣрный спутникъ мой всегдашній съ дѣтства ранняго златого.

„Ты прощай, мое жилище, домъ родной съ досчатой кровлей, вы прощайте, наши сѣни, со своимъ досчатымъ поломъ, ты прощай, нашъ дворъ широкій, что́ рябинами усаженъ! Хорошо бы къ вамъ вернуться, возвратиться изъ чужбины! Всѣмъ поклонъ шлю на прощанье: лѣсу, ягодкамъ, цвѣточкамъ, вамъ, всѣмъ рощицамъ, полянамъ, вамъ, озера съ островами, вамъ, холмы, овраги, кручи!“

Вотъ кователь Ильмариненъ усадилъ дѣвицу въ сани и, коня кнутомъ ударивъ, молвилъ самъ слова такія:

— Ну, прощайте вы, поляны, берегъ моря и озера, всѣ вы сосенки младыя, великаны всѣ лѣсные, можжевельникъ у колодца, вы всѣ ягодки, былинки, кустики и корни сосенъ!

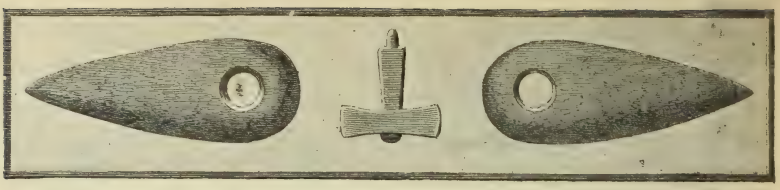
Выѣзжаетъ Ильмариненъ со двора Похьолы мрачной; дѣти всѣ тамъ зашумѣли, пѣсню вслѣдъ такую спѣли:

„Птица черная летѣла, изъ-за лѣса къ намъ спѣшила, уточку взяла отсюда, нашу ягодку сманила, нашу рыбочку поймала, наше яблочко уноситъ. Кто теперь сведетъ насъ къ морю, кто къ ручью сведетъ напиться? Будутъ здѣсь стоять отнынѣ безъ воды всѣ эти ведра, некому теперь здѣсь будетъ полъ мести и мыть посуду“.

Вотъ кователь Ильмариненъ въ край родной спѣшитъ съ женою, и несется конь прекрасный, мчится быстро по дорогѣ, по прибрежью, вдоль залива. Скачетъ день, другой и третій; мужъ одной рукою правитъ, а другой жену онъ держитъ, ногу свѣсивши наружу, а другую скрывъ подъ полость. Конь бѣжитъ,

шумятъ полозья, путь становится короче; наконецъ на третьи сутки, какъ садиться стало солнце, домъ кузнецъ вдали замѣтилъ, увидалъ родную кровлю. Дымъ столбомъ тамъ поднимался, полосой вился веселой и, поднявшись черной тучей, въ облакахъ терялся синихъ.

Руна XXV.

Пиръ у Ильмаринена.

Молодыхъ давно тамъ ждали, на дорогу все смотрѣли: что-жъ не ѣдутъ молодые, поѣзжанъ совсѣмъ не видно? Глядя изъ окна, старуха всѣ глаза ужъ проглядѣла; у воротъ, все поджидая, молодежь стоять устала; за стѣною дома стоя, ребятишки всѣ озябли; на прибрежьи въ ожиданьи люди всѣ стоптали обувь.

Наконецъ, лишь занялася зорька утренняя въ небѣ, какъ по лѣсу шумъ разнесся, громкій скрипъ саней раздался.

Локка, добрая хозяйка, дочь прекрасная Калевы, молвила слова такія:

— Это, вѣрно, сани брата! Наконецъ-то онъ вернулся съ дѣвой юной изъ Похьолы, въ край родной съ чужбины дальней!

Вотъ подъѣхалъ Ильмариненъ къ своему родному

дому, что́ отецъ еще построилъ. На дугѣ его красивой громко рябчики щебечутъ, кличутъ весело кукушки, по оглоблямъ, по кленовымъ, бѣлки рѣзвыя все скачутъ.

Локка, добрая хозяйка, дочь прекрасная Калевы, молвила слова такія:

— Люди ждутъ все новолунья, молодежь ждетъ только солнца, дѣти ягодъ ждутъ на полѣ, а вода — смоленой лодки. Я же все ждала лишь брата, брата съ юною женою. Утромъ, вечеромъ смотрѣла, лишь о немъ весь день гадала, гдѣ такъ долго онъ остался. Все ждала да поджидала, ужъ не ѣдутъ ли тамъ сани, не скрипятъ ли по дорогѣ. Наконецъ-то онъ вернулся вмѣстѣ съ дѣвой молодою!

„Женишокъ, мой милый братецъ, распряги коня скорѣе, отведи свою лошадку на знакомый лугъ зеленый, дай овса большую мѣру, а затѣмъ приди съ поклономъ, поклонись здѣсь всѣмъ знакомымъ. Какъ покончишь всѣ поклоны, разскажи, намъ всѣмъ повѣдай, хорошо ли ты доѣхалъ, какъ былъ принятъ тестемъ, тещей, и добромъ ли взялъ дѣвицу, иль жену ты силой добылъ? Но я вижу безъ разспросовъ, путь счастливый совершилъ ты, добылъ уточку златую. Вотъ сидитъ она съ тобою и блеститъ тебѣ подъ пару!

„Ну, слѣзай съ саней, красотка, поднимись скорѣй съ сидѣнья и пройди шажкомъ утинымъ черезъ ровныя поляны, черезъ дворъ твоей свекрови, къ дому, что́ построилъ свекоръ. Тамъ ступи ногою въ сѣни, а потомъ войди въ покои подъ прекрасныя стропила, подъ новешенькую кровлю. Ужъ не дальше, какъ зимою и прошедшимъ этимъ лѣтомъ полъ трещалъ здѣсь, какъ бы знавши, что по немъ пройдется кто-то, рады были всѣ окошки, что подъ ними кто-то сядетъ, двери сами отворялись, и порогъ все опускался, опускался

амбары, ждавши юную хозяйку, даже новыя стропила книзу медленно погнулись, ждавши платьевъ молодицы.

„Ужъ послѣднею зимою и прошедшимъ этимъ лѣтомъ наша улица скорбѣла, что нейдетъ по ней молодка; подходилъ загонъ ужъ ближе къ той, что́ смотритъ за загономъ, да и хлѣвъ ужъ приближался для утенка молодого. Ужъ весь день, всѣ сутки эти все мычитъ-зоветъ корова ту, что́ дастъ травы ей свѣжей, ржетъ-зоветъ ту жеребенокъ, кто его накормитъ сѣномъ, блеетъ все о той ягненокъ, кто кормить его тутъ будетъ. Весь-то день, всѣ сутки эти у окошка были старцы, дѣти юныя по взморью быстро бѣгали, рѣзвились, женщины всѣ суетились, всѣ хозяюшку-невѣсту съ нетерпѣньемъ поджидали.

„Славься, домъ, съ своимъ обильемъ, славьтесь вы, герои дома, весь народъ, что́ въ этомъ домѣ, славьтесь, гости дорогіе! Никогда здѣсь не бывало поѣзжанъ такихъ, какъ эти, иль гостей такихъ богатыхъ!

„Женишокъ, мой милый братецъ, ты откинь платокъ изъ шелка, покажи ты намъ куницу, что́ пять лѣтъ уже ты сваталъ, восемь лѣтъ ужъ любовался! Ту ли ты привезъ съ собою, ту ли чудную кукушку ты привезъ съ чужбины дальней, что́ тебѣ такъ полюбилась? Но я вижу безъ разспросовъ, что́ желанную привезъ ты, что отростокъ добылъ чудный отъ зеленаго кусточка!

„Ты, красотка дорогая, ты у батюшки родного прослыла хорошей дочкой, будь же и теперь хорошей здѣсь при мужѣ намъ невѣсткой! Не тоскуй и не печалься, вѣдь привезъ тебя твой милый не въ болото, не въ трясину: ты пришла съ страны богатой въ землю, что́ еще богаче, ты жила, гдѣ много пива, здѣсь же, пива будетъ больше. Вотъ о чемъ спросить хотѣла я тебя, красотка наша: на пути сюда видала-ль ты боль-

шія скирды хлѣба, груды ржи запасъ огромный? Это все твое, красотка, тѣ поля вспахалъ твой милый, онъ ихъ боронилъ, засѣялъ.

„Слушай же, краса-дѣвица, что́ еще тебѣ промолвлю: коль съумѣла къ намъ пріѣхать, такъ съумѣй же здѣсь ужиться. Будешь жить ты здѣсь привольно: масломъ, молокомъ и прочимъ, всѣмъ хозяйствомъ симъ обильнымъ ты одна здѣсь вѣдать будешь. Баня здѣсь у насъ просторна, длинны всѣ въ избѣ скамейки, здѣсь хозяинъ — что отецъ твой, точно мать тебѣ — хозяйка, сыновья же — точно братцы, дочь ихъ — что твоя сестрица.

„Коль придетъ тебѣ охота рыбки свѣженькой отвѣдать, иль полакомиться дичью, не у деверя проси ихъ и не къ свекру обращайся, а проси ты ихъ у мужа. Въ семъ большомъ лѣсу дремучемъ ни единаго нѣтъ звѣря, нѣтъ здѣсь ни единой птицы, въ морѣ ни одной нѣтъ рыбы, чтобъ не могъ поймать твой милый, муженекъ не изловилъ бы!

„Хорошо здѣсь будетъ дѣвѣ, здѣсь голубкѣ жить прекрасно; жерновъ ей вертѣть не надо, въ ступкѣ ей толочь не нужно: здѣсь водой пшеницу мелятъ, жернова потокъ здѣсь вертитъ, рѣчка здѣсь посуду моетъ, волны начисто смываютъ. Славься ты, село златое, ты, клочокъ земли прекрасный! Дернъ внизу, поля же выше, посреди лежитъ деревня, подъ деревней берегъ моря, гдѣ плескаться любятъ утки, гдѣ рѣзвиться любятъ птицы!“

Вотъ гостей всѣхъ угостили, накормили вдоволь мясомъ и прекраснымъ свѣжимъ хлѣбомъ, напоили ячнымъ пивомъ, молодымъ напиткомъ вкуснымъ. Было тутъ всего довольно на лоткахъ, на красныхъ блюдахъ: пироги да короваи, масло свѣжее для хлѣба,

блюда разныя изъ рыбы, лещъ, сиги и лососина. Пиво безъ конца лилося черезъ кранъ изъ бочки въ стопы, чтобъ смочить гостямъ всѣмъ губы, чтобъ понудить всѣхъ къ веселью.

Кто споетъ теперь здѣсь пѣсню, кто сей пиръ прославитъ славный? Старый вѣрный Вейнемейненъ, вѣковѣчный пѣснопѣвецъ, пѣсню тотчасъ зачинаетъ, молвитъ самъ слова такія:

— Начинать ли пѣснопѣнье, приступить ли къ пѣнью пѣсенъ? Лишь пѣвецъ спѣть можетъ пѣсню, и кукуетъ лишь кукушка. Вѣдь поютъ же всѣ лапландцы, сидя у огня толпою, мяса лосьяго наѣвшись и запивъ его водицей. Отчего же мнѣ не пѣть бы и не пѣть бы нашимъ дѣтямъ, сидя подъ прекрасной кровлей, хлѣба свѣжаго наѣвшись, пива славнаго напившись? Жить здѣсь весело мужчинамъ, да и женщинамъ пріятно, пива-меду здѣсь довольно, рыбы всякой тоже вдоволь водится въ проливахъ здѣшнихъ. Здѣсь всѣмъ весело живется, нѣтъ заботы, нѣтъ печали, сколько мы бы здѣсь ни ѣли, сколько-бъ пива мы ни пили, пища здѣсь не истощится, бочки съ пивомъ не изсякнутъ, живъ пока хозяинъ добрый и пока жива хозяйка.

„Такъ кого-жъ сначала славить? Не хозяина-ль сначала, а потомъ уже хозяйку? Въ старину всегда, бывало, славили того сначала, кто построилъ домъ и службы, выбралъ мѣсто для жилища, для строенья лѣсъ доставилъ, сколотилъ избу изъ бревенъ. Домъ сей выстроенъ прекрасно, на сухомъ высокомъ мѣстѣ, сто мужей надъ нимъ трудились, возводя постройку эту. И тогда хозяинъ добрый потрудился здѣсь не мало: вѣдь случалося нерѣдко, что съ зарей онъ поднимался и, промывъ глаза росою, вѣткою лишь причесавшись, ужъ спѣшилъ, чтобъ домъ достроить. Оттого хозяинъ

добрый могъ теперь друзей созвать всѣхъ, и пѣвцовъ, что́ здѣсь собрались, размѣстилися по лавкамъ, и народъ весь говорливый, что́ шумитъ здѣсь и смѣется возлѣ стѣнъ, у оконъ сидя, по двору бродя толпою и гуляя тамъ по взморью.

„Вотъ хозяина пославивъ, буду славить я хозяйку, что́ сготовила всѣ яства, столъ заставила ѣдою, напекла большихъ намъ хлѣбовъ, наварила вкусной каши, все своими лишь руками, все десяткомъ быстрыхъ пальцевъ. И спеклись отлично хлѣбы, угостились всѣ прекрасно и свининою съ избыткомъ, пирогами со сметаной. Всѣ ножи-то тутъ погнулись, лезвея всѣ притупились, какъ лососей разрѣзали, щучьи головы рубили. Часто добрая хозяйка поднималася съ зарею, чтобъ для свадьбы все устроить, яства разныя сготовить, лучшій хмель собрать и солодъ, чтобъ сварить побольше пива для гостей всѣхъ приглашенныхъ. Такъ-то добрая хозяйка наготовила съ избыткомъ всякой всячины не мало и сварила вдоволь пива, наварила молодого, всѣхъ на славу угостила.

„Ужъ хозяйкѣ спѣлъ я славу, такъ пора пославить свата. Кто же былъ при этомъ сватомъ, свадьбу славную устроилъ? То былъ сватъ изъ самыхъ лучшихъ, сватъ счастливый и хорошій. Важно сватъ принарядился: и кафтанъ на немъ суконный, и сидитъ на немъ въ обтяжку, до земли хватаютъ полы, по песку ихъ сватъ волочитъ. Хорошо нашъ сватъ одѣлся, славная на немъ рубаха, что́ дочь мѣсяца соткала, а сшивала дѣва солнца. Да и поясъ свата славный, дочерью луны онъ сотканъ, какъ огня еще не знали, какъ еще скрывалось пламя. На ногахъ чулки у свата всѣ-то сотканы изъ шелку, на чулкахъ такіе-жъ банты, точно золотомъ покрыты, словно серебромъ прошиты. Башмаки на немъ

красивы, точно лебеди на рѣчкѣ, точно гуси на полянахъ, перелетные въ лѣсочкѣ. Да и съ виду сватъ прекрасенъ, съ золотистыми кудрями, борода въ косичкахъ свѣтлыхъ, голова въ высокой шапкѣ, что́ до тучи поднялася и видна повыше лѣса.

„Свата добраго прославивъ, надо славить и подружку. Гдѣ-жъ нашли подружку эту, гдѣ счастливую сыскали? Не изъ странъ она далекихъ, не изъ-за моря подружка: здѣсь росла у насъ брусничка, здѣсь цвѣла та земляничка, травка нѣжная на полѣ, золотой въ лѣсу цвѣточекъ,—вотъ откуда та подружка, гдѣ счастливая сыскалась. Ротикъ у подружки нашей, что́ челнокъ Суоми ткацкій, блещутъ глазки молодые, точно звѣзды въ синемъ небѣ, нѣжно свѣтятся височки, точно блескъ луны на морѣ. И нарядъ подружки славный: золотая цѣпь на шеѣ, голова въ златомъ уборѣ, руки въ золотыхъ запястьяхъ, пальцы въ золотыхъ колечкахъ, на вискахъ златыя бляшки, а въ ушахъ златыя серьги. Какъ блеснулъ ея налобникъ, думалъ я, луна сіяетъ, какъ блеснули украшенья, думалъ я, что свѣтитъ солнце, какъ платокъ ея завѣялъ, — мнѣ казалось, судно мчится.

„Вотъ прославилъ я подружку, а теперь гостей прославлю: гости все народъ прекрасный, старики разумны, мудры, молодые всѣ пріятны. Никогда здѣсь не бывало, никогда здѣсь и не будетъ поѣзжанъ такихъ прекрасныхъ! Всѣ они принарядились, точно лѣсъ, когда онъ зрѣетъ, точно зорька въ ясномъ небѣ. Рода славнаго всѣ гости, всѣ богаты, тароваты, серебра скопили много, припасли не мало злата“.

Старый вѣрный Вейнемейненъ, вѣковѣчный пѣснопѣвецъ, тутъ со всѣми распростился и къ себѣ домой поѣхалъ. По дорогѣ пѣлъ онъ пѣсни, пѣлъ искусно и

съ умѣньемъ, спѣлъ одну, потомъ другую, а какъ третью пѣснь запѣлъ онъ, зацѣпилъ о камень полозъ, брусъ о пень переломился, развалились сани старца, поломалися полозья.

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Нѣтъ ли здѣсь средь молодежи или между стариками, кто-бъ сходилъ въ Туони царство и буравъ бы взялъ у Маны, чтобъ я могъ построить сани, сдѣлать новые полозья?

Отвѣчаютъ молодые, говорятъ сѣдые старцы:

— Среди здѣшней молодежи, да и между стариками врядъ ли смѣльчака найдешь ты, кто-бъ теперь пойти рѣшился въ царство мрачное Туони, чтобъ буравъ достать у Маны.

Старый вѣрный Вейнемейненъ, самъ пошелъ въ жилище Маны, въ царство, мрачное Туони, добылъ тамъ буравъ отъ Маны и вернулся невредимый. Вотъ запѣлъ опять онъ пѣсню, и тотчасъ возникла роща, въ рощѣ славный лѣсъ дубовый, стройныя цвѣли рябины. Онъ изъ нихъ построилъ сани, сдѣлалъ новые полозья, въ сани впрягъ коня гнѣдого и на родину поѣхалъ. Безъ кнута бѣжитъ конь рѣзвый къ дому средь полей знакомыхъ, и пріѣхалъ Вейнемейненъ скоро къ собственнымъ воротамъ, прибылъ къ своему порогу.

Руна XXVI.

Лемминкайненъ опять въ Похьолѣ.

Ати жилъ у мыса Кауко, что́ при бухтѣ Каукомьели; тамъ на островѣ пахалъ онъ, бороздилъ свои поляны. Слухъ у Ати былъ хорошій, ухо чуткое имѣлъ онъ. Вотъ однажды шумъ онъ слышитъ, конскій топотъ на прибрежьи, стукъ полозьевъ на полянѣ, и возникла въ немъ догадка, и подумалъ тотчасъ Ати, что въ Похьолѣ пиръ справляютъ, празднуютъ тамъ тайно свадьбу. Обозлился Лемминкайненъ, бросилъ онъ пахать поляну и спѣшитъ онъ прямо къ дому, къ матери своей любимой.

Прибѣжалъ домой и молвитъ:

— Ну, ты, мать моя родная, накорми меня скорѣе, я совсѣмъ проголодался; истопи потомъ мнѣ баню, чтобъ я могъ омыться чисто и красивымъ стать героемъ.

Мать-старушка торопливо столъ уставила ѣдою и сама пошла готовить, истопить для сына баню. Вотъ веселый Лемминкайненъ утолилъ поспѣшно голодъ, вымылъ начисто все тѣло, такъ что шея заблестѣла, голова-жъ его могла бы бѣлизной со льномъ поспорить.

Вотъ пришелъ изъ бани Ати, говоритъ слова такія:

— Мать, ты добрая старушка! Ты сходи теперь въ чуланъ нашъ, принеси кафтанъ мой новый да красивую рубаху, чтобъ я могъ принарядиться, пріодѣться понарядней.

Но тутъ мать его спросила, начала разспросъ старушка:

— Ты куда, сынокъ, собрался: поохотиться-ль за рысью, иль убить ты лося хочешь, иль ловить ты будешь бѣлокъ?

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Дорогая мать родная! Не за рысью, не за лосемъ я теперь идти сбираюсь; я пойду на пиръ въ Похьолу, что́ отъ насъ справляютъ тайно. Принеси кафтанъ мой новый, дай мнѣ лучшую рубаху, чтобъ на свадьбу я одѣлся, могъ на пиръ большой явиться.

Мать удерживаетъ сына, и жена все мужа проситъ; молвитъ такъ старушка сыну:

— Не ходи ты, сынъ мой милый, на большой тотъ пиръ Похьолы. Вѣдь тебя не приглашали, будешь тамъ ты гость незваный.

Но веселый Лемминкайненъ молвитъ такъ въ отвѣтъ старушкѣ:

— Гость дрянной идетъ по зову, а хорошій гость — безъ зова. Вотъ меня кто приглашаетъ, кто зоветъ на пиръ въ Похьолу: мечъ мой огненный, надежный, эта сталь, что́ искры мечетъ!

Мать же сына не пускаетъ, удержать его все хочетъ:

— Не ходи, сыночекъ милый, не ходи на пиръ въ Похьолу; путь туда весь заколдованъ, полонъ ужасовъ различныхъ: трижды смерть грозитъ тамъ мужу, трижды ждетъ его тамъ гибель!

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Старымъ смерть повсюду снится и мерещится погибель. Мужъ же смерти не боится, онъ опасность презираетъ. Но скажи-ка мнѣ, однако, назови мнѣ ту опасность, что́ въ пути могу я встрѣтить?

Молвитъ сыну мать-старушка:

— Коль поѣдешь ты въ Похьолу, преградитъ тебѣ дорогу огненный потокъ сначала; въ немъ все огненныя скалы; выше нихъ пылаетъ холмикъ, стережетъ на немъ дорогу огненный орелъ огромный; по ночамъ онъ клювъ свой точитъ, днемъ же когти заостряетъ, чтобъ терзать пришельцевъ дерзкихъ, тѣхъ, кто подойдетъ къ потоку.

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Бабамъ смерть къ лицу такая, но никакъ ужъ не герою. Съ чарами я справлюсь скоро: вѣщими создамъ словами изъ ольхи коня и мужа, чтобъ орлу навстрѣчу ѣхалъ; самъ же уткой обращуся и нырну глубоко въ волны подъ орлиными когтями. Ну, повѣдай же, родная, и другую мнѣ опасность.

Молвитъ мать-старушка сыну:

— Ждетъ тебя бѣда лихая снова на другое утро: какъ проѣдешь ты немного, пропасть огненную встрѣтишь, что́ лежитъ среди дороги, протянувшись вдоль къ востоку и на западъ безконечно. Пропасть глыбами полна вся, раскаленными камнями. Сотни, тысячи героевъ пропасть перейти пытались, всѣ остались тамъ съ мечами, всѣ до одного погибли.

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Смерть такая не для мужа, не къ лицу она герою; мнѣ исходъ найти не трудно: я создамъ изъ снѣга мужа и вгоню его въ то пламя, въ самую средину жара; самъ сторонкой проберуся, черезъ пропасть перепрыгну, — и огонь кудрей не тронетъ, бороды не обожжетъ онъ. Назови-ка, мать родная, мнѣ теперь опасность третью.

И сказала мать-старушка:

— Какъ проѣдешь часть дороги, черезъ день пути ты будешь ужъ на самомъ узкомъ мѣстѣ, у воротъ Похьолы мрачной; въ темнотѣ тамъ волкъ блуждаетъ, бродитъ тамъ медвѣдь огромный. Сотни, тысячи героевъ ужъ они тамъ растерзали, и съ тобою беззащитнымъ совладать легко имъ будетъ.

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Пусть тотъ волкъ съ медвѣдемъ вмѣстѣ рвутъ

ягнятъ, овецъ терзаютъ, но не мужа, хоть изъ слабыхъ, не героя, хоть худого. У меня есть чудный поясъ, есть на мнѣ героевъ пряжка, чтобъ избѣгнуть пасти волка и чудовища Унтамо. Съ волкомъ и медвѣдемъ скоро я управиться съумѣю: чарами я цѣпь надѣну на медвѣдя и на волка, раскрошу ихъ на кусочки и тогда пройду свободно.

Молвитъ мать-старушка сыну:

— Это все въ пути лишь будетъ; но когда придешь въ Похьолу, чары встрѣтишь тамъ похуже: у воротъ самой Похьолы частоколъ стоитъ желѣзный, что́ до самыхъ тучъ хватаетъ, колья сплетены змѣями; всѣ онѣ шипятъ зловѣще, машутъ съ злобою хвостами, грозно пасти ихъ раскрыты. По землѣ ползутъ ехидны, держатъ вверхъ языкъ шипящій, на хвостахъ своихъ качаясь. Но одна, страшнѣе прочихъ, тамъ лежитъ при самомъ входѣ; та змѣя — бревна длиннѣе, толщиной съ большую балку, — свой языкъ поднявши кверху, все шипитъ и, пасть разинувъ, ждетъ тебя, мой сынъ несчастный!

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Дѣтямъ смерть къ лицу такая, но никакъ ужъ не герою. Я не слабъ вѣдь въ заклинаньяхъ, ими усмирялъ я пламя, ими-жъ змѣй сгоню оттуда. Пропахалъ же я когда-то поле, полное змѣями, и убилъ ехиднъ я сотни, только голыми руками! Нѣтъ, не бойся, мать родная, не ввалюсь я въ зѣвъ змѣиный. Самъ давить тѣхъ змѣй я буду, растопчу ехиднъ тѣхъ злобныхъ, чарами сгоню съ дороги и свободно проберусь я въ ту избу, что́ на Похьолѣ.

Молвитъ мать-старушка сыну:

— Не ходи туда, сыночекъ, не ходи въ избу Похьолы. Всѣ лапландцы тамъ въ оружьѣ, всѣ съ мечами,

топорами; во хмелю они жестоки, въ мигъ тебя тамъ заколдуютъ на клинкахъ своихъ огнистыхъ. Посильнѣй тебя тамъ гибли, похрабрѣй отъ чаръ скончались.

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Вѣдь бывалъ же я и прежде въ избахъ тѣхъ на Саріолѣ, и не могъ со мною сладить ни единый тамъ лапландецъ. Самъ ихъ всѣхъ я заколдую, разрублю ихъ всѣхъ въ кусочки.

Молвитъ мать-старушка сыну:

— О ты, бѣдный мой, злосчастный, хвалишься ты тѣмъ, что́ было. Правда, пробылъ ты тамъ долго, въ избахъ тѣхъ на Саріолѣ, тамъ въ рѣкѣ Туони плавалъ, по быстринамъ всѣмъ носился, весь потокъ измѣрилъ Маны и доселѣ все бы плавалъ тамъ безъ матери несчастной. Помни, что́ тебѣ скажу я: какъ прибудешь ты въ Похьолу, кольевъ полный дворъ увидишь и на каждомъ черепъ мужа. Колъ одинъ лишь тамъ не занятъ для того, чтобъ мѣсто было головѣ твоей, сыночекъ.

— Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Этимъ трусовъ лишь пугаютъ, не героевъ закаленныхъ. Дай мнѣ, матушка, кольчугу, принеси вооруженье, самъ достану мечъ отцовскій, что́ достался мнѣ въ наслѣдство; долго въ холодѣ лежалъ онъ, долго былъ въ укромномъ мѣстѣ, слезъ не мало тамъ онъ пролилъ, лежа въ темнотѣ, безъ дѣла.

Вотъ приноситъ мать оружье, самъ беретъ онъ мечъ отцовскій и такое слово молвитъ:

— Нѣтъ во всей Похьолѣ мужа, кто-бъ свой мечъ помѣрялъ съ этимъ!

Со стѣны онъ лукъ снимаетъ, говоритъ слова такія:

— Въ томъ признаю я героя изъ живущихъ на

Похьолѣ, кто согнетъ мой лукъ надежный, тетиву его натянетъ!

Вотъ веселый Лемминкайненъ ужъ совсѣмъ вооружился, мечъ свой къ поясу привѣсилъ и слугѣ промолвилъ слово:

— Рабъ мой, купленный за деньги! Запряги коня скорѣе, чтобъ я могъ поспѣть на свадьбу, гдѣ пируетъ стая Лемпо.

Побѣжалъ слуга послушный, чтобъ исполнить приказанье, и запрягъ коня лихого, цвѣта огненнаго, въ сани.

Вотъ выходитъ Лемминкайненъ, слѣдомъ мать идетъ за сыномъ, подаетъ совѣтъ родному:

— Слушай, дитятко, что́ молвлю: какъ пріѣдешь ты въ Похьолу, не садись сидѣньемъ цѣлымъ, выступай не полнымъ шагомъ; чары всей до дна не пей тамъ, выпей только половину, а другую дай тому тамъ, кто окажется всѣхъ хуже: въ чашѣ черви копошатся, ползаютъ на днѣ ехидны. Лишь тогда ты мужемъ будешь, станешь истиннымъ героемъ и пройдешь тамъ невредимо чрезъ толпу героевъ страшныхъ и лапландскихъ чародѣевъ.

Вотъ веселый Лемминкайненъ въ сани сѣлъ, хорошей плеткой онъ стегнулъ коня лихого, и понесся конь стрѣлою, шумно вдаль понесъ героя. Лишь немного онъ отъѣхалъ, часъ всего въ пути онъ пробылъ, какъ передъ конемъ ретивымъ стая глухарей взвилася и поспѣшно отлетѣла, потерявъ тамъ на дорогѣ перьевъ нѣсколько отъ крыльевъ. Поднялъ перья Лемминкайненъ и въ карманъ себѣ ихъ спряталъ, чтобъ имѣть на всякій случай. Лишь проѣхалъ онъ немного, вдругъ заржалъ среди дороги конь его и сталъ на мѣстѣ. Приподнялся Лемминкайненъ, смотритъ онъ впередъ и видитъ, что сбылись слова ста-

рушки, вышло такъ, какъ мать сказала: путь ему тутъ преграждаетъ огненный потокъ огромный; въ немъ же огненныя скалы, пламенный надъ ними холмикъ, на холмѣ-жъ горитъ орелъ тотъ, что́ дорогу охраняетъ; пышетъ пламенемъ онъ страшнымъ, такъ и бьетъ огонь изъ глотки, мечутъ перья пламя, искры.

Лемминкайнена завидя, закричалъ ему онъ громко:

— Ты куда же ѣдешь, Кауко, держишь путь свой, Лемминкайненъ?

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Ѣду я на пиръ въ Похьолу, что́ тамъ правятъ втихомолку. Ты посторонись немного, отойди, орелъ, съ дороги, дай ты путнику проѣхать, Лемминкайнену тѣмъ болѣ, чтобъ онъ могъ, хотя сторонкой, чрезъ потокъ сей перебраться.

Но орелъ ему отвѣтилъ, крикнулъ огненною глоткой:

— Дамъ я путнику дорогу, Лемминкайнену тѣмъ болѣ: пусть пройдетъ моей онъ глоткой, чрезъ нее свой путь направитъ на ту вѣчную пирушку, что́ продлится безконечно.

Лемминкайненъ же нисколько этихъ словъ не испугался; онъ полѣзъ въ карманъ поспѣшно, вынулъ найденныя перья, смялъ ихъ въ мелкіе комочки и межъ пальцами потеръ ихъ: вдругъ изъ нихъ возникли птицы, стая глухарей явилась, въ пасть орлу онъ ихъ направилъ, бросилъ въ огненное горло; такъ онъ первую опасность миновалъ благополучно.

Вотъ хлестнулъ коня онъ плеткой, и помчался конь ретивый, поскакалъ жеребчикъ славный отъ опаснаго потока. Лишь немного онъ проѣхалъ, конь заржалъ вдругъ средь дороги и съ испугу сталъ на мѣстѣ. Приподнялся Лемминкайненъ, смотритъ онъ впередъ и видитъ, что сбылись слова старушки, вышло

такъ, какъ мать сказала, — видитъ: огненная пропасть растянулася къ востоку, безъ конца ушла на западъ, вся полна камней каленыхъ, глыбъ пылающихъ огромныхъ.

Удалой же Лемминкайненъ не тревожится нимало, онъ съ мольбой взываетъ къ Укко:

— Укко, ты мой богъ высокій, нашъ отецъ благой небесный! Тучу съ сѣвера пошли ты, съ юга, запада, востока и со всѣхъ концовъ небесныхъ, пусть ударятся краями, чтобъ пошелъ здѣсь снѣгъ саженный на пылающія скалы и на огненныя глыбы.

Укко, богъ благой небесный, тучи шлетъ ему на помощь изо всѣхъ концовъ небесныхъ; и ударились тѣ тучи съ громомъ грознымъ другъ о друга; повалилъ вдругъ снѣгъ саженный на пылающія скалы и на огненныя глыбы, пропасть быстро всю заполнилъ, мигомъ озерко явилось, гдѣ плескались тихо волны. Вѣщимъ словомъ, пѣснопѣньемъ Лемминкайненъ мостъ построилъ черезъ озеро, чрезъ пропасть; такъ избавился вторично отъ опасности, отъ смерти.

Вотъ хлестнулъ коня онъ плеткой, хлопнулъ кнутикомъ жемчужнымъ, и помчался конь прекрасный, скачетъ дальше по дорогѣ. Проскакалъ такъ конь ужъ съ милю, пробѣжалъ онъ такъ другую, вдругъ совсѣмъ остановился, сталъ какъ вкопанный на мѣстѣ. Самъ веселый Лемминкайненъ вышелъ изъ саней и видитъ: въ самомъ въѣздѣ на Похьолу волкъ огромный скалитъ зубы, рядомъ съ нимъ медвѣдь свирѣпый. Не смутился Лемминкайненъ, въ свой карманъ тотчасъ полѣзъ онъ, вынулъ клокъ овечьей шерсти и тереть межъ пальцевъ началъ. Вотъ потеръ, въ комочки дунулъ, и изъ шерсти той явилось стадо цѣлое овечекъ, много козликовъ игривыхъ. Волкъ бросается на стадо,

вмѣстѣ съ нимъ медвѣдь свирѣпый, самъ веселый Лемминкайненъ скачетъ дальше по дорогѣ.

Лишь проѣхалъ онъ немного, какъ на дворъ Похьолы прибылъ, видитъ тамъ заборъ желѣзный, въ землю вкопанъ на сто саженъ, въ высь на тысячу поднялся; жерди замѣняютъ копья, связкой служатъ имъ ехидны, змѣи, ящерицы, гады. Всѣ шипятъ они со свистомъ, головы наверхъ поднявши, а хвосты мотая снизу.

Призадумался тутъ Кауко и промолвилъ такъ съ заботой:

— Вышло такъ, какъ мать сказала, какъ твердила мнѣ старушка: это вѣдь заборъ тотъ самый, что́ съ земли идетъ до неба; змѣи ползаютъ глубоко, а заборъ-то врытъ поглубже, высоко летаютъ птицы, а заборъ повыше будетъ.

Все-жъ веселый Лемминкайненъ изъ бѣды той извернулся: вынулъ онъ свой ножъ изъ ноженъ, смѣло бросился къ оградѣ, сталъ качать заборъ змѣиный, сталъ ломать ограду эту, разломалъ ее на части межъ пятью ея жердями, межъ семью ея колами, и опять поѣхалъ дальше, къ самымъ избамъ на Похьолѣ. На пути, предъ воротами, змѣй стоглазый растянулся, толще, чѣмъ бревно большое, подлиннѣй столба любого, жалъ до тысячи имѣлъ онъ, языки съ копье длиною, зубы—какъ зубцы у грабель, ширина спины въ семь лодокъ. Не посмѣлъ веселый Ати тѣмъ путемъ проѣхать прямо, мимо той змѣи стоглазой, и промолвилъ Лемминкайненъ, чаровать онъ началъ змѣя:

— Ты змѣя, земли отродье, цвѣта чернаго Туони, что́ всегда ползешь по травамъ, средь ко́реньевъ злого Лемпо! Кто тебя оттуда выслалъ, чтобы здѣсь могла ты ползать, извиваться средь дороги? Кто велѣлъ тебѣ съ шипѣньемъ открывать свой зѣвъ противный? Вѣрно

мать твоя, отецъ твой, иль сестра, иль братъ твой старшій? Пасть закрой, свернись клубочкомъ, дай ты путнику дорогу, иль уйди совсѣмъ отсюда, удались въ кустарникъ, верескъ, иль во мху сыромъ сокройся, головой подъ дернъ уткнися, заползи въ свое жилище. Коль ты голову поднимешь, размозжитъ ее самъ Укко острою стрѣлой стальною, градомъ какъ желѣзо крѣпкимъ!"

Такъ промолвилъ Лемминкайненъ; но змѣя ему не внемлетъ, снова страшно зашипѣла, зѣвъ раскрыла, поднялася и грозитъ схватить ужъ Кауко. Вспомнилъ Лемминкайненъ слово, слово древности глубокой, что́ отъ матери онъ слышалъ, отъ родимой научился, и змѣѣ промолвилъ грозно:

— Коль ты этому не внемлешь, отойти съ пути не хочешь, отыщу я тварь ту злую, отъ которой родилась ты, и тогда отъ боли вспухнешь и раздуешься ты съ гору, а потомъ и лопнешь скоро, разорвешься на три части. Знаю я происхожденье, знаю гадины начало:

„Въ воду Сьюйятерь плевала, и слюна ея качалась на волнахъ порывомъ вѣтра. Шесть иль семь ужъ лѣтъ носилась та слюна средь волнъ блестящихъ; растянули ее волны, солнце тамъ ее пригрѣло, придало слюнѣ той гибкость, а потомъ прибой могучій выбросилъ ее на берегъ.

„Вотъ три дочери творенья на морской явились берегъ, тамъ слюну ту увидали, молвили такое слово:

„— Коль творецъ слюнѣ-бъ далъ душу и открылъ бы ей глаза онъ,—что́ бы вышло изъ слюны той, изъ отбросовъ тѣхъ негодныхъ?

„Слышитъ Укко эти рѣчи, говоритъ слова такія:

„— Отъ отбросовъ тѣхъ негодныхъ, отъ слюны

той зло лишь выйдетъ, если душу я вложу въ нихъ, если имъ дарую зрѣнье".

„Слышитъ Хійси эти рѣчи, зло всегда готовъ онъ сдѣлать, самъ къ творенью приступаетъ, въ ту слюну влагаетъ душу, и изъ той слюны негодной вышла черная ехидна. Жаромъ отъ углей Хіиси жизнь ехидны зародилась; Сьюйятерь дала ей сердце, мозгъ взяла изъ пѣны моря, изъ пучины водопада чувства той

змѣи явились, голова образовалась изъ бобовыхъ, круглыхъ зеренъ, злобные глаза ехидны зародились въ зернахъ Лемпо, а листы березы Лемпо дали уши ей, негодной. Сьюйятерь дала ей пряжку,—ртомъ змѣи та пряжка стала, языкомъ копье служило, что́ ей отдалъ Кейталайненъ. Изъ чего-жъ у злобной зубы? Съ усиковъ зерна Туони.—А откуда десны злыя? Съ злоб-

ныхъ десенъ дщери Кальмы.—Обгорѣлый столбъ Хіиси сталъ спиною у ехидны. Изъ чего же хвостъ явился? То косу свою далъ лѣшій.—А отколь явилось чрево? То Туони далъ свой поясъ. Вотъ отколь твое начало, вотъ отколь ты появилась! Ты уйди теперь съ дороги, пропусти впередъ героя, ѣдетъ онъ на пиръ Похьолы, на обѣдъ веселый ѣдетъ".

И свивается ехидна, уползаетъ змѣй стоглазый, и проѣхалъ Лемминкайненъ по дорогѣ безъ опаски ко двору самой Похьолы, гдѣ справляли пиръ веселый.

Руна XXVII.

Споръ Лемминкайнена съ Похьолайненомъ.

Вотъ пріѣхалъ Лемминкайненъ ужъ на шумный пиръ Похьолы, изъ саней своихъ онъ вышелъ и въ избу вошелъ онъ смѣло; затрещали половицы, покачнулся полъ сосновый отъ той поступи могучей, отъ шаговъ тѣхъ богатырскихъ.

Тутъ веселый Лемминкайненъ говоритъ слова такія:

— Ну, здорово, вотъ и я здѣсь! Эй, хозяинъ на Похьолѣ! Нѣтъ ли у тебя въ запасѣ ячменя на кормъ лошадкѣ, мнѣ же пива молодого?

А хозяинъ Похіолы, на концѣ стола сидѣвшій, гостю молвитъ рѣчь такую:

— Можетъ, у меня нашлось бы для твоей лошадки мѣсто, для тебя нашлось бы тоже, еслибъ ты вошелъ пристоїно, у порога подождалъ бы, гдѣ котелъ виситъ на крюкѣ.

Вспыхнулъ гнѣвомъ Лемминкаїненъ, головой встряхнулъ кудрявой, молвилъ самъ слова такія:

— Пусть въ дверяхъ самъ Лемпо станетъ да тамъ пачкается въ сажѣ! Никогда отецъ мой прежде не стоялъ тамъ у порога, всюду мѣсто находилъ онъ, стойло для коня въ конюшнѣ, для людей покоі просторный, рукавицамъ чистый уголъ, гвозди, гдѣ-бъ могъ вѣшать обувь, стѣны, чтобъ мечи повѣсить. Отчего же мнѣ нѣтъ мѣста, какъ ему бывало прежде?

Онъ въ избу подальше входитъ, у конца стола усѣлся на краю скамьи сосновой, — та скамья подъ нимъ погнулась—и оттуда молвилъ слово:

— Развѣ здѣсь я гость нежданый, что мнѣ пива не предложатъ, что меня не угощаютъ?

Молвитъ такъ въ отвѣтъ хозяйка:

— О ты, юный Лемминкайненъ, ты пришелъ сюда не гостемъ; зло ты сдѣлать замышляешь, гибели моей ты ищешь! Не готовъ ячмень для пива, не испекся хлѣбъ пшеничный, не сварилось наше мясо. Ты вчера-бъ сюда пріѣхалъ, иль пріѣхалъ бы хоть завтра!

Пуще злится Лемминкайненъ, — даже ротъ перекосило,—такъ хозяйкѣ говоритъ онъ:

— Такъ вы кушанье ужъ съѣли, ужъ окончили пирушку, выпили весь медъ, все пиво и убрали даже кружки? Ну, ты, Похьолы хозяйка, длиннозубая старуха, ужъ устроила ты свадьбу, по собачьи всѣхъ созвала! Напекла ты много хлѣба, вдоволь пива наварила, вся-

кій сбродъ къ себѣ созвала, бѣдняковъ и всѣхъ убогихъ, обо мнѣ лишь позабыла. Видно, гость я не желанный, что мнѣ пива не подносятъ, предо мной котла не ставятъ со свининой въ десять фунтовъ, послѣ долгой той дороги.

Ильпотарь, хозяйка дома, молвила слова такія:

— Эй, ты, дѣвочка-служанка! Принеси сюда съѣстного, да подай-ка гостю пива!

Вотъ явилася служанка, судомойка на Похьолѣ, собрала въ котелъ объѣдки: рыбьи головы да кости, стебли вялые отъ рѣпы, да сухія корки хлѣба, ставитъ весь котелъ предъ гостемъ и приноситъ въ кружкѣ пива, пива сквернаго, дрянного, говоритъ слова такія:

— Если мужъ ты настоящій, такъ до дна все пиво выпей.

Взялъ ту кружку Лемминкайненъ, посмотрѣлъ на дно сосуда,—тамъ все змѣи копошатся, да кишатъ ехидны злыя, по краямъ темнѣютъ черви.

Обозлился Лемминкайненъ и такое слово молвилъ:

— Чтобъ того, кто далъ мнѣ кружку, взялъ самъ Мана въ царство мертвыхъ раньше, чѣмъ зайдетъ здѣсь солнце, раньше, чѣмъ здѣсь выйдетъ мѣсяцъ. О, негодное ты пиво, ты совсѣмъ ужъ осрамилось и дряннымъ напиткомъ стало! Все-жъ я выпью это пиво, только дрянь словлю сначала, выброшу ее на землю лѣвымъ пальцемъ безыименнымъ.

Опустилъ въ карманъ онъ руку и досталъ крючокъ удильный, въ пиво онъ его закинулъ, сталъ удить крючкомъ изъ кружки: на крючокъ попались змѣи, и ехидны, и лягушки, всѣхъ онъ выловилъ изъ пива, побросалъ все это на полъ, вынулъ острый ножъ изъ ноженъ, змѣямъ головы отрѣзалъ, отрубилъ ехиднамъ шеи и до дна все пиво выпилъ, молвилъ самъ такое слово:

— Видно, я здѣсь гость случайный, что мнѣ мало дали пива и не подали такого, чтобы было пить пріятно, что меня не накормили, не зарѣзали барана и быка мнѣ не убили?

Молвитъ Похьолы хозяинъ:

— Ты зачѣмъ, скажи, пріѣхалъ, коль тебя сюда не звали?

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ, говоритъ слова такія:

— Званый гость хорошъ бываетъ, но незваный гость получше. Слушай, Похьолы хозяинъ, дай мнѣ выпить хоть за плату, дай мнѣ пива хоть за деньги!

Тутъ хозяинъ на Похьолѣ обозлился, взбѣленился, сколдовалъ прудокъ глубокій на полу предъ самымъ Кауко и такое слово молвилъ:

— Вотъ прудокъ, пей сколько хочешь, похлебай воды здѣсь вволю.

Не трусливъ былъ Лемминкайненъ, молвилъ онъ такое слово:

— Не теленокъ я хвостатый и не быкъ рогатый тоже, чтобъ мнѣ мутную пить воду, чтобъ лакать изъ лужи грязной.

Самъ онъ началъ пѣснопѣнье, приступилъ самъ къ чародѣйству, предъ прудомъ быка поставилъ; быкъ, съ рогами золотыми, вылакалъ до дна всю лужу.

Тутъ хозяинъ на Похьолѣ волка вызвалъ чародѣйствомъ, чтобъ быка онъ растерзалъ бы; но веселый Лемминкайненъ вызвалъ бѣленькаго зайца, чтобъ онъ по полу бы прыгалъ передъ самой пастью волка.

Долговязый похьоланецъ вызвалъ злобную собаку, чтобъ она загрызла зайца, растерзала бы косого; но веселый Лемминкайненъ вызвалъ маленькую бѣлку, чтобъ та прыгала по балкамъ, отвлекала бы собаку.

Тутъ хозяинъ на Похьолѣ вызвалъ желтую куницу, чтобы та загнала бѣлку на высокія стропила; но весе-

лый Лемминкайненъ вызвалъ бурую лисицу, чтобъ куницу растерзала, чтобъ ее она загрызла.

Долговязый похьоланецъ вызвалъ курочку поспѣшно, чтобъ та бѣгала, летала передъ пастью той лисицы; но веселый Лемминкайненъ вызвалъ ястреба словами, чтобъ ту курицу убилъ онъ, растерзалъ ее когтями.

Видитъ Похьолы хозяинъ, что ему не сладить съ гостемъ, говоритъ слова такія:

— Пиръ не въ пиръ у насъ здѣсь будетъ, коль гостей мы не убавимъ. Некогда съ тобой возиться, уходи-ка гость незваный, по добру да по здорову, убирайся-ка съ пирушки, ты, отродье злое Хійси, уходи отсель подальше, воротись домой, негодный!

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ, молвитъ онъ такое слово:

— Даже мужъ, хотя-бъ изъ слабыхъ, никогда то не позволитъ, чтобъ его такъ прогоняли, чтобы такъ сгоняли съ мѣста.

Тутъ хозяинъ на Похьолѣ со стѣны свой мечъ хватаетъ, говоритъ слова такія:

— Если-жъ такъ, Каукомьели, будемъ мѣряться мечами, испытаемъ силу стали, чей клинокъ получше будетъ: мой иль твой, Каукомьели?

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Мой клинокъ почти негоденъ, весь иззубренъ черепами, на костяхъ онъ иступился! Но коль ты того желаешь, коль ты гостя такъ встрѣчаешь,—что-жъ, помѣримся мечами и посмотримъ чей мечъ лучше. Мой отецъ, бывало, прежде смѣло мѣрился мечами, такъ неужто уже въ сынѣ родъ совсѣмъ перемѣнился!

Вынулъ онъ свой мечъ надежный изъ ножонъ, покрытыхъ шерстью; принялися оба мѣрить, сравнивать мечи стальные, — оказался подлиннѣе мечъ хозяина Похьолы.

И сказалъ тутъ Лемминкайненъ, молвилъ такъ онъ похьоланцу:

— Такъ какъ мечъ твой подлиннѣе, пусть ударъ твой первый будетъ.

Нападаетъ похьоланецъ, сыплетъ яростно удары, мѣтитъ въ голову онъ Кауко, но никакъ попасть не можетъ, попадаетъ все въ стропила, рубитъ все по связкамъ балокъ, скоро изрубилъ стропила, исщепалъ у балокъ связки.

И промолвилъ Лемминкайненъ, говоритъ слова такія:

— Въ чемъ стропила виноваты, въ чемъ здѣсь балки согрѣшили, что мечомъ ты въ нихъ все мѣтишь и съ плеча ихъ рубишь въ щепки? Слушай, Похьолы хозяинъ, тѣсно здѣсь въ избѣ намъ биться, здѣсь намъ женщины мѣшаютъ, мы испачкаемъ избу всю, новый полъ зальемъ весь кровью; выйдемъ-ка на дворъ съ тобою, иль сразимся въ чистомъ полѣ. На дворѣ и кровь краснѣе, на снѣгу еще красивѣй!

Вотъ они на дворъ выходятъ, тамъ нашли коровью шкуру, на дворѣ же разложили и на шкуру стали оба.

Молвитъ юный Лемминкайненъ:

— Ты послушай, сынъ Похьолы! У тебя клинокъ длиннѣе, мечъ твой много поострѣе, бей же имъ вѣрнѣй и раньше, чѣмъ простишься съ этимъ свѣтомъ; бей сильнѣе, сынъ Похьолы!

И ударилъ похьоланецъ, разъ, другой ударилъ съ силой, въ третій разъ хватилъ сильнѣе, но все мимо, и не могъ онъ даже оцарапать Ати.

Молвитъ юный Лемминкайненъ:

— Ну, довольно, ужъ давно вѣдь очередь моя настала.

Но хозяинъ на Похьолѣ ужъ не слушаетъ словъ

Ати, рубитъ онъ съ ожесточеньемъ, но попасть не можетъ въ Ати.

Засверкалъ клинокъ прекрасный, запылалъ въ рукахъ у Ати; искры сыплются и блещутъ, отражаются на шеѣ сына сумрачной Похьолы.

И промолвилъ Лемминкайненъ:

— Эй, хозяинъ на Похьолѣ! Глянь на шею—вся въ крови ужъ, точно зоренька алѣетъ!

Вотъ хозяинъ на Похьолѣ опускаетъ очи, смотритъ, вправду-ль онъ ужъ въ шею раненъ; въ ту-жъ минуту Каукомьели мечъ сверкающій свой поднялъ, изловчился и ударилъ, — голова тотчасъ скатилась съ плечъ на землю на сырую, точно съ стебля сбитый колосъ, точно съ дерева тетерька, пораженная стрѣлою.

На дворѣ столбы стояли, кольевъ сто тамъ находилось, всѣ покрыты черепами, всѣ усажены главами, лишь одинъ былъ тамъ не занятъ. Вотъ веселый Лемминкайненъ поднялъ голову изъ грязи, насадилъ на колъ тотъ черепъ, на конецъ кола пустого, а потомъ въ избу вернулся, молвилъ тамъ слова такія:

— Дай-ка мнѣ воды, дѣвчонка, чтобъ я до-чиста могъ вымыть окровавленныя руки; это — кровь отъ злого мужа, кровь хозяина дрянного.

Обозлилась тутъ хозяйка, взбѣленилась не на шутку, начинаетъ заклинанья. И отъ тѣхъ заклятій грозныхъ тотчасъ сто мужей явились, вышли тысячи съ мечами Лемминкайнену на гибель. И увидѣлъ тутъ ужъ Ати, что пора ему убраться по добру да по здорову съ пира шумнаго Похьолы, съ пира той толпы несмѣтной.

Руна XXVIII.

Бѣгство Лемминкайнена.

Вотъ веселый Лемминкайненъ изъ избы бѣжитъ какъ вихорь, чтобъ спастись отъ нападенья, чтобъ избавиться отъ смерти. Выбѣжавъ на дворъ просторный, онъ коня повсюду ищетъ; но коня нигдѣ не видно,—только пень торчитъ тамъ въ полѣ, только кустикъ на пригоркѣ. Что́ тутъ дѣлать, что́ придумать и на что́ теперь рѣшиться, чтобъ волосъ не потерять бы, головы чтобъ не лишиться?

Изъ деревни шумъ ужъ слышенъ, блескъ оружія ужъ виденъ; долженъ былъ тутъ Лемминкайненъ поспѣшить домой убраться. И не думая тутъ долго, онъ въ орла преобразился, полетѣлъ за тучи къ небу; но тамъ солнце жгло нещадно, и палилъ главу тамъ мѣсяцъ.

И взмолился Лемминкайненъ, обратился въ высь съ мольбою:

— Укко, богъ благой и добрый, ты, что́ небомъ управляешь! Ты пошли на небо тучки, скрой меня среди тумановъ, чтобы могъ я безопасно къ матери родной вернуться.

Онъ летитъ поспѣшно дальше, оглянулся вдругъ и видитъ: мчится слѣдомъ сѣрый ястребъ, и глаза его сверкаютъ, какъ глаза у похьоланца, у хозяина Похьолы.

И промолвилъ сѣрый ястребъ:

— Эй ты, Ати Лемминкайненъ! Помнишь ли ты нашу битву, какъ сразились мы съ тобою?

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Слушай, ястребокъ красивый! Ты домой вернися лучше, улетай въ свою Похьолу да повѣдай тамъ какъ трудно растерзать орла на небѣ.

И летитъ онъ спѣшно дальше, къ дому матери любимой; на лицѣ его кручина, озабоченъ онъ не мало.

Вышла мать ему навстрѣчу, какъ спустился онъ у дома, и поспѣшно такъ спросила:

— Ты скажи, сынокъ мой младшій, изъ дѣтей моихъ сильнѣйшій, отчего такой ты мрачный воротился изъ Похьолы? Или кружкой ты обиженъ на пиру Похьолы мрачной? Если такъ, возьми другую, лучшую возьми ты кружку, что́ въ войнѣ отецъ твой добылъ, что́ принесъ онъ съ поля битвы.

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Былъ бы я обиженъ кружкой, самъ хозяина-бъ обидѣлъ, проучилъ мужей хоть сотню.

Молвитъ сыну мать-старушка:

— Такъ зачѣмъ такой ты мрачный? Иль твой конь тамъ опозоренъ, иль была тамъ лошадь лучше? Если конь твой былъ изъ худшихъ, такъ купи себѣ получше, на отцовское богатство, что́ тебѣ отецъ оставилъ.

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Мать родная, дорогая! Былъ бы конь мой опозоренъ, самъ бы всѣхъ тамъ опозорилъ, ѣздоковъ всѣхъ самыхъ сильныхъ вмѣстѣ съ лучшими конями!

Молвитъ мать-старушка сыну:

— Отчего-жъ съ печальнымъ видомъ, на лицѣ съ кручиной тяжкой ты вернулся изъ Похьолы? Иль смѣялись тамъ дѣвицы, насмѣхались надъ тобою?

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Мать родная, дорогая! Еслибъ женщины иль дѣвы насмѣялись надо мною, самъ ихъ всѣхъ я осмѣялъ бы, хоть бы тысяча была ихъ.

Молвитъ сыну мать-старушка:

— Что-жъ съ тобой, сынокъ, тамъ было? Иль въ пути что́ приключилось, какъ отсель туда ты ѣхалъ? Можетъ, много ты покушалъ, или лишнее тамъ выпилъ, иль дурные сны ты видѣлъ?

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Это бабье дѣло думать да гадать о снахъ пустячныхъ; я-жъ отлично помню сонъ свой. Мать родная, дорогая, наложи въ мѣшокъ съѣстного, не забудь вложить и соли: долженъ сынъ бѣжать отселѣ, домъ родной сейчасъ покинуть. На меня мечи ужъ точатъ, вражьи копья заостряютъ.

Мать его тотчасъ спросила:

— Что́-жъ случилось тамъ такое, что грозитъ тебѣ погибель?

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Вышелъ споръ у насъ кровавый тамъ съ хозяиномъ Похьолы, и убилъ я похьоланца; а теперь идетъ войною на меня ужъ вся Похьола, я одинъ, а ихъ тамъ много.

Молвитъ сыну мать-старушка:

— Вышло такъ, какъ я сказала: не давала я совѣта,

отговаривала ѣхать на пирушку въ Саріолу; но ты словъ моихъ не слушалъ. Еслибъ дома ты остался, жилъ бы ты доселѣ мирно возлѣ матери любимой, не явилось бы причины воевать съ тобой Похьолѣ. Но куда-жъ бѣжать ты хочешь, чтобъ спастись отъ лютой мести?

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Самъ не знаю, дорогая, гдѣ надежнѣй мнѣ укрыться. Укажи ты мнѣ мѣстечко, посовѣтуй мнѣ, родная?

Молвитъ мать-старушка сыну, говоритъ слова такія:

— Ужъ не знаю, что́ придумать, гдѣ укрыть тебя сыночекъ; если въ елку превратишься, можжевельникомъ ты станешь, то и тамъ тебя ждетъ гибель, можетъ тамъ бѣда настигнуть: часто елочки лѣсныя вырубаютъ на лучину, и нерѣдко можжевельникъ служитъ изгородью въ полѣ. Если ты березой будешь, иль ольхою станешь въ рощѣ, то и тамъ погибнуть можешь, тамъ бѣда тебя настигнетъ: вѣдь березу очень часто рубятъ на дрова, полѣнья, а ольху въ зеленой рощѣ вырубаютъ для пожога. Коль ты ягодкою станешь, земляникою лѣсною иль черникою на полѣ, то и тамъ ты встрѣтить можешь злое горе, злую гибель: тамъ сорвутъ тебя дѣвицы, тамъ отыщутъ молодицы. Коль ты щукой въ морѣ станешь, иль сигомъ въ рѣкѣ ты будешь, то и тамъ погибнуть можешь, тамъ бѣда тебя настигнетъ: рыбаки закинутъ сѣти и тебя поймаютъ скоро. Коль въ лѣсу ты будешь волкомъ иль медвѣдемъ обратишься, то и тамъ тебя ждеть гибель, можетъ тамъ бѣда настигнуть: въ лѣсъ охотники вѣдь ходятъ, съ копьями и топорами, чтобъ охотиться на волка, чтобъ медвѣдей бить тамъ бурыхъ.

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ, говоритъ слова такія:

— Знаю самъ мѣста несчастья, тѣ мѣста, гдѣ гибель скрыта. Лучше мнѣ скажи, родная, гдѣ мнѣ отъ бѣды укрыться, гдѣ искать въ бѣдѣ спасенья?

Молвитъ сыну мать-старушка, говоритъ слова такія:

— Слушай, сынъ мой, назову я безопасное мѣстечко, гдѣ ты можешь схорониться, избѣжать судьбы злосчастной. Знаю я такое мѣсто, гдѣ спокойно жизнь проходитъ, безъ вражды и безъ раздоровъ. Дай мнѣ искреннюю клятву, что лѣтъ шестьдесятъ не будешь обнажать ты мечъ отцовскій ни для злата, ни для славы.

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Я клянусь тебѣ, родная, что ни въ первый годъ не буду, даже во второй не стану я стремиться въ пылъ сраженья. У меня вѣдь ранъ не мало, плечи, грудь въ глубокихъ ранахъ съ прежнихъ битвъ и состязаній.

Молвитъ мать-старушка сыну, говоритъ слова такія:

— Такъ возьми ты челнъ отцовскій и плыви скорѣй отсюда! Проплывешь морей ты девять, полъ-десятаго промчишься и увидишь островъ въ морѣ, гдѣ отецъ твой тожъ, бывало, находилъ пріютъ въ невзгодѣ, отъ враговъ своихъ спасался, отъ кровавой шумной битвы; прожилъ тамъ онъ безопасно, время тамъ провелъ онъ славно. Годъ и два ты тамъ скрывайся, а на третій годъ вернися къ дорогой избѣ отцовской, на родное побережье.

Руна XXIX.

Лемминкайненъ на чужбинѣ.

Вотъ веселый Лемминкайненъ, молодецъ тотъ Каукомьели, на два года взялъ запасовъ: масла, соли и свинины, и спѣшитъ онъ домъ оставить, родину свою покинуть, чтобъ укрыться отъ несчастья, — молвитъ самъ слова такія:

— Уѣзжаю я отсюда, года на три, можетъ, на пять

домъ родной я покидаю. Истребятъ поля здѣсь змѣи, въ рощѣ рыси заведутся, лоси всѣ поля истопчатъ, разведутся гуси въ полѣ. Ты прощай, о мать родная! Какъ придетъ народъ Похьолы и меня искать здѣсь станетъ, ты скажи имъ, что уѣхалъ, удалился я отсюда, снявши передъ тѣмъ здѣсь жатву.

Такъ промолвивъ, Каукомьели выкатилъ корабликъ въ море, натянулъ свой парусъ бѣлый, самъ за руль надежный взялся и такое слово молвилъ:

— Ты надуй мой парусъ, вѣтеръ, челнъ гони впередъ быстрѣе на тотъ островъ безъ названья, на мысокъ тотъ безыменный!

Закачалъ тутъ лодку вѣтеръ, по волнамъ погналъ бурливымъ. Мѣсяцъ, два качалась лодка по равнинѣ водъ широкихъ, а на третій показался островокъ давно желанный.

На мыскѣ тамъ дѣвы были, вдаль на море все смотрѣли: та ждала отца родного, а другая брата ждала, третья жениха встрѣчала, поджидала больше прочихъ. Увидали въ морѣ лодку, что́ какъ облако бѣлѣла между небомъ и водою, и подумали дѣвицы, молвили такое слово:

— Что́ за чудо тамъ на морѣ, что́ за вещь видна въ волнахъ тамъ? Если здѣшній ты корабликъ, поверни сюда скорѣе и плыви на островъ прямо, чтобъ намъ новости повѣдать, какъ живетъ народъ приморскій, миръ ли тамъ теперь повсюду, или бой кипитъ кровавый?

Вѣтеръ быстро гонитъ лодку, волны мчатъ ее на островъ; Лемминкайненъ направляетъ свой корабликъ на мысочекъ, гдѣ собралися дѣвицы.

Вотъ присталъ ужъ онъ къ мысочку, лодку къ берегу причалилъ, молвилъ самъ слова такія:

— Нѣтъ ли здѣсь сухого мѣста, гдѣ-бъ я могъ поставить лодку?

Молвили ему дѣвицы, такъ въ отвѣтъ ему сказали:

— Мѣста здѣсь у насъ не мало, гдѣ втащить ты можешь лодку. И катковъ у насъ здѣсь много, пристаней весь берегъ полонъ: хоть бы сотни лодокъ были, хоть бы тысячу привелъ ты.

Тутъ веселый Лемминкайненъ лодку на катки поставилъ, вытащилъ челнокъ на берегъ, молвилъ самъ слова такія:

— Нѣтъ ли здѣсь у васъ мѣстечка, гдѣ-бъ укрыться могъ мужъ слабый отъ войны, кровавой сѣчи?

Молвили ему дѣвицы, такъ въ отвѣтъ ему сказали:

— Мѣстъ на островѣ не мало, чтобы слабаго скрыть мужа: много замковъ здѣсь найдется и дворовъ

просторныхъ много, хоть бы сто мужей приплыли, хоть бы тысяча явилась.

Молвитъ юный Лемминкайненъ, говоритъ слова такія:

— Нѣтъ ли здѣсь у васъ мѣстечка, иль земли въ лѣсу клочочекъ, чтобъ я могъ срубить подъ пашню, распахать бы могъ здѣсь поле?

Молвятъ красныя дѣвицы, такъ красотки отвѣчаютъ:

— Нѣтъ, здѣсь нѣтъ такого мѣста, нѣтъ и въ кадку шириною, нѣтъ здѣсь въ пядь земли свободной, гдѣ-бъ ты лѣсъ срубилъ подъ пашню, для себя вспахалъ бы поле: вся земля здѣсь, лѣсъ и пашни, всѣ поляны и долины размежеваны издавна; подѣлилъ же землю жребій.

Молвитъ юный Лемминкайненъ, говоритъ слова такія:

— Нѣтъ ли здѣсь у васъ хоть мѣста, гдѣ-бъ я могъ свои спѣть пѣсни, гдѣ-бъ я началъ пѣснопѣнье? На устахъ слова ужъ таютъ, проступаютъ черезъ зубы.

И красавицы дѣвицы такъ въ отвѣтъ ему сказали:

— Мѣстъ на островѣ не мало, гдѣ свои пѣть можешь пѣсни, гдѣ играть ты можешь въ рощѣ, гдѣ плясать ты можешь въ полѣ.

Вотъ веселый Лемминкайненъ началъ пѣть искусно пѣсни. Спѣлъ одну, потомъ другую: на дворѣ вдругъ появились, выросли тотчасъ рябины, на полянкѣ же дубочки, со широкими вѣтвями, въ вѣтвяхъ листики златые, а на вѣткахъ по кукушкѣ. Начали кукушки кликать: полилось изъ клюва злато, съ языка все мѣдь стекала, серебро къ землѣ струилось,—и блестящей пеленою всѣ покрылися холмочки, нарядилися пригорки. Дальше пѣлъ все Лемминкайненъ, дѣлалъ пѣньемъ заклинанья, превращалъ песокъ онъ въ жемчугъ, блескъ камнямъ давалъ особый, красный цвѣтъ деревьямъ всякимъ, а цвѣтамъ—блескъ золотистый. Пѣлъ онъ дальше заклинанья, и отъ вѣщихъ словъ героя

тамъ колодецъ вдругъ явился, съ золотой чудесной крышкой, а на крышкѣ той былъ ковшикъ, чтобъ могли воды напиться молодцы и молодицы, чтобъ могли свои мыть очи тамъ всѣ красныя дѣвицы. На поляхъ пруды явились, на прудахъ тѣхъ стаи утокъ съ золотистыми главами, съ серебристыми щеками.

Дѣвы острова дивились тѣмъ напѣвамъ богатырскимъ, тѣмъ могучимъ заклинаньямъ.

Говоритъ имъ Лемминкайненъ, молвитъ имъ красавецъ Кауко:

— Я бы лучше спѣлъ вамъ пѣсню, пѣснь прекрасную бы началъ, если-бъ я сидѣлъ подъ кровлей, за столомъ въ избѣ просторной. Коль въ избу не пригласите, подъ стропила не введете, брошу я заклятья въ рощу, покидаю въ лѣсъ всѣ пѣсни.

Говорятъ ему дѣвицы, дѣвы красныя такъ молвятъ:

— Избъ у насъ просторныхъ много, всѣ дворы у насъ удобны, можешь ты въ избу любую перенесть свои всѣ пѣсни.

И въ избу вошелъ тутъ Ати, за дубовый столъ усѣлся, началъ снова пѣснопѣнье: вѣщимъ словомъ, мудрой пѣсней, столъ онъ весь уставилъ пивомъ, сладкимъ медомъ, свѣжимъ масломъ и свининою прекрасной, чтобы до-сыта покушать, чтобы вдоволь выпить пива. И заважничалъ тутъ Ати: не хотѣлъ онъ ѣсть иначе, какъ, чтобъ золотой былъ ножикъ, ножъ съ серебряною ручкой. Ножъ такой напѣлъ онъ скоро, до-сыта всего наѣлся и напился пива вдоволь.

И пошелъ ходить тутъ Ати изъ деревни да въ деревню, краснымъ дѣвицамъ на радость, молодицамъ на отраду. Зажилъ весело тамъ Ати, сдѣлался любимцемъ общимъ, и съ утра до поздней ночи проводилъ онъ время въ пѣсняхъ, въ шумныхъ играхъ и въ весельи

въ томъ кругу дѣвицъ прекрасныхъ, средь тѣхъ молодицъ веселыхъ.

Наконецъ пора настала возвратиться въ край родимый, и пошелъ тутъ Лемминкайненъ, чтобъ еще денекъ послѣдній провести въ кругу веселомъ, спѣть тамъ пѣсню и другую, краснымъ дѣвицамъ на радость, молодицамъ на усладу. Но дорогою узналъ онъ, на пути провѣдалъ скоро, что той ночью воротились мужи всѣ домой, на островъ, что они полны всѣ злобы къ чужеземцу, что́ явился къ нимъ непрошеный на островъ, и теперь мечи ужъ точатъ, погубить его желаютъ.

Повернулъ тутъ Лемминкайненъ и пошелъ къ своей онъ лодкѣ; но на мѣстѣ, гдѣ втащилъ онъ, гдѣ свою поставилъ лодку, лишь золы лежала куча, пыль лишь черная вилася. Видитъ Ати, дѣло плохо, что грозитъ ему несчастье; хочетъ новый челнъ онъ сдѣлать, лодку новую построить, но нигдѣ не видитъ лѣса, ни досокъ для лодки новой. Наконецъ нашелъ онъ щепки, пять обломковъ веретенца, шесть осколковъ отъ катушки. Онъ изъ нихъ построилъ лодку, сколотилъ себѣ челнъ новый и, спустивъ его на волны, молвилъ самъ слова такія:

— Какъ пузырь плыви, челнокъ мой, какъ кувшинка ты качайся по равнинѣ водъ глубокихъ! Дай три перышка, орелъ, мнѣ, ты же, воронъ, два пера дай, пусть защитой лодкѣ будутъ, утлому челну бортами.

Вотъ къ рулю садится Ати, поднимаетъ легкій парусъ и въ печали покидаетъ островокъ тотъ безыменный, гдѣ провелъ такъ славно время. Тотчасъ вѣтерокъ поднялся, зашумѣли въ морѣ волны и челнокъ погнали утлый по равнинѣ необъятной. А на берегу бѣдняжки, дѣвы красныя стояли, горько плакали, жа-

лѣли, что такъ скоро ихъ покинулъ чародѣй, пѣвецъ искусный, развеселый Лемминкайненъ.

Сожалѣлъ и Лемминкайненъ, что пришлось ему такъ скоро островъ тотъ покинуть славный. Грустный ѣдетъ онъ все дальше по равнинѣ водъ широкихъ, ѣдетъ день и два онъ ѣдетъ; но на третій день поднялся, зашумѣлъ вдругъ сильный вѣтеръ, поднялась съ востока

буря и челнокъ разбила утлый, лодку ветхую сломала. И упалъ тутъ Лемминкайненъ, въ волны темныя свалился; но нисколько не теряясь, плыть впередъ онъ бодро началъ, загребать руками воду. День и ночь плыветъ онъ дальше, всѣ онъ силы напрягаетъ, видитъ— тучка небольшая передъ нимъ вдали темнѣетъ: стала тучка та землею, обратилася въ мысочекъ. Вотъ подплылъ онъ, сталъ на берегъ, видитъ дворъ вблизи ши-

рокій и вошелъ въ избу онъ смѣло; тамъ пекла хозяйка хлѣбы, дочки же мѣсили тѣсто.

Молвитъ имъ красавецъ Кауко, говоритъ слова такія:

— О ты, добрая хозяйка! Если-бъ вѣдала ты только голодъ мой, мою невзгоду, ты въ чуланъ бы побѣжала, принесла-бъ свинины, пива, накормила бы героя. Вѣдь я дни и ночи плавалъ по равнинѣ водъ широкихъ, мнѣ лишь вѣтеръ былъ опорой, волны лишь пріютомъ были.

Поспѣшила тутъ хозяйка, побѣжала въ свой чуланчикъ, принесла оттуда масла, пива жбанчикъ и свинины и досыта накормила незнакомца молодого, а потомъ, какъ отдохнулъ онъ, подвела ему челнъ новый, Ати челнъ тотъ подарила, чтобъ онъ могъ домой доѣхать, родины своей достигнуть.

Вотъ вернулся Лемминкайненъ въ край родной, къ родному дому, видитъ вновь знакомый берегъ, пристань, острова, проливы, видитъ сосенки и ели на холмахъ и на пригоркахъ, лишь избы своей не видитъ, лишь родной не видитъ кровли. Гдѣ изба стояла прежде, разрослась уже тамъ роща, дворъ заросъ еловымъ лѣсомъ, можжевельникомъ колодецъ.

И промолвилъ Лемминкайненъ:

— Въ этой рощѣ я рѣзвился, по утесамъ этимъ ползалъ, на лужку здѣсь забавлялся и по пашнѣ этой бѣгалъ! Кто же домъ мой снесъ отсюда, кто сравнялъ его съ землею? Сожжена родная кровля, пепелъ весь развѣянъ вѣтромъ!

И заплакалъ Лемминкайненъ, плачетъ день и два все плачетъ, но не объ избѣ льетъ слезы, не по дому онъ тоскуетъ, плачетъ онъ о той, кто жилъ тамъ, о своей родной старушкѣ, матери своей любимой.

Видитъ онъ: орелъ спустился, на скалѣ усѣлся ближней, и къ орлу онъ обратился:

— Ты скажи, орелъ, повѣдай, не видалъ ли ты родимой, дорогой моей старушки?

Но орелъ не могъ повѣдать, ничего сказать не могъ онъ; зналъ лишь, что враги тутъ были, что съ мечомъ, огнемъ явились, все сожгли здѣсь, всѣхъ убили.

И промолвилъ Лемминкайненъ:

— Дорогая мать, родная! Видно нѣтъ тебя въ живыхъ ужъ, пепломъ твое тѣло стало, и растутъ ужъ сосны, ивы надъ твоимъ несчастнымъ прахомъ. Вотъ что, глупый, я надѣлалъ, вотъ мнѣ, бѣдному, возмездье, все за то, что тамъ, въ Похьолѣ, мечъ свой кровью обагрилъ я! На весь родъ бѣду навлекъ я, мать родную погубилъ я!

Смотритъ онъ кругомъ повсюду, вдругъ онъ слѣдъ замѣтилъ легкій, на травѣ едва помятой и пошелъ тѣмъ слѣдомъ дальше, что́ велъ въ лѣсъ едва замѣтно. Мили двѣ прошелъ онъ лѣсомъ, какъ среди дремучей чащи видитъ: малая избушка пріютилась тамъ въ ущельѣ, межъ двухъ сѣрыхъ скалъ огромныхъ, а надъ ней нависли сосны. Подошелъ туда онъ ближе, увидалъ въ окнѣ старушку, мать любимую, родную.

И возрадовался Ати, молвилъ съ радостью великой:

— О ты, матушка драгая! Ты жива еще, родная! Думалъ я, тебя не стало, что убита ты врагами! Я ужъ выплакалъ всѣ очи, о твоей горюя смерти.

Молвитъ мать-старушка сыну:

— Я жива еще, какъ видишь. Чтобъ спасти себя отъ смерти, я должна была покинуть домъ родной и здѣсь укрыться. Какъ пришелъ народъ Похьолы, сталъ у насъ онъ жечь и рѣзать, превратилъ всѣ избы въ пепелъ, службы всѣ сравнялъ съ землею.

Молвилъ такъ ей Лемминкайненъ:

— Полно горевать, родная, позабудь свои печали. Я жилище вновь построю — лучше прежняго домъ новый, а потомъ пойду въ Похьолу, изведу все племя Лемпо.

Говоритъ старушка сыну:

— Долго-жъ тамъ ты оставался, долго прожилъ на чужбинѣ, на мыскѣ томъ безыменномъ.

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Тамъ мнѣ хорошо жилося, славно время проводилъ я: тамъ деревья съ краснымъ блескомъ, всѣ поля тамъ голубыя, серебромъ сверкаютъ елки, всѣ цвѣточки блещутъ златомъ, горки и холмы изъ меду, скалы изъ яицъ куриныхъ; тамъ сочится медъ изъ вѣтокъ, молоко стекаетъ съ елей, изъ жердей же льется пиво.

Руна XXX.

Лемминкайненъ снова ѣдетъ въ Похьолу.

Вотъ однажды раннимъ утромъ, только зорька занялася, вышелъ Ати на прибрежье, гдѣ была для лодокъ пристань.

Вдругъ онъ съ лодки стонъ услышалъ,—горько плакалъ челнъ досчатый:

— Долго-ль буду я, несчастный, здѣсь лежать, на солнцѣ сохнуть? Ати матери далъ слово долго на войну не ѣхать, чтобъ искать войною злата, добывать сребро въ сраженьи.

Тутъ веселый Лемминкайненъ хлопнулъ лодку рукавицей, молвилъ самъ слова такія:

— Не печалься, челнъ сосновый! На войну пойдешь ты скоро, вкусишь снова медъ сраженья. Можетъ, даже послѣзавтра будешь ты гребцами полонъ.

Вотъ онъ къ матери подходитъ, говоритъ слова такія:

— Ты не плачь, моя родная, не горюй, моя старушка, коль отсюда я уѣду, вновь пойду на поле битвы. Я надумалъ, мать родная, истребить народъ Похьолы, отомстить всему ихъ роду!

Запрещаетъ мать-старушка, отговариваетъ сына:

— Не ходи, сынокъ, въ Похьолу, не сражайся съ тѣмъ народомъ, гибель ждетъ тебя тамъ всюду, не минуешь ты тамъ смерти.

Горя мало Каукомьели, онъ не слушаетъ старушки, говоритъ слова такія:

— Гдѣ-бъ еще бойца найти мнѣ, чтобъ мнѣ былъ въ бою подмогой. Тьера молодецъ отважный, спутникъ вѣрный былъ Куура, я возьму его съ собою, онъ поможетъ мнѣ въ сраженьи.

И въ село уходитъ Ати, тамъ въ избу онъ входитъ Тьеры, говоритъ слова такія:

— Тьера, вѣрный мой товарищъ! Помнишь ли ты дни былые, какъ ходили мы на битву, какъ въ бою враговъ косили? Вѣдь въ то время мы съ тобою исходили селъ не мало, въ селахъ избъ по десять было, и героевъ въ каждой десять, и вѣдь всѣхъ мы истребили, вѣдь никто насъ не осилилъ!

У окна отецъ Тіеры надъ копьемъ своимъ возился, на порогѣ же чулана мать сбивала шумно масло; у воротъ же братъ работалъ, сани новыя онъ дѣлалъ, на плоту стояли сестры, мыли тамъ, бѣлье стирали.

И промолвили всѣ сразу:

— Не до битвъ теперь ужъ Тьерѣ, воевать ему не время: онъ недавно лишь женился, не успѣлъ хозяйства справить.

Слышитъ Тьера эти рѣчи, лежа на печи нагрѣтой, тотчасъ тамъ обулъ онъ ногу, на полу обулъ другую, опоясался мечомъ онъ, застегнулся ужъ въ воротахъ.

Вотъ схватилъ копье Тіера и потрясъ его онъ грозно, а затѣмъ пошелъ поспѣшно вслѣдъ за вѣрнымъ другомъ Ати. Тутъ веселый Лемминкайненъ тотчасъ челнъ спустилъ свой въ воду и поѣхалъ вмѣстѣ съ Тьерой въ море дальнее Похьолы.

То провѣдала тамъ Лоухи, и навстрѣчу посылаетъ, шлетъ на нихъ морозъ ужасный, молвитъ рѣчь сама такую:

— Ты, морозецъ, мой сыночекъ, что́ сызмала мной воспитанъ, ты ступай, куда пошлю я, и приказъ мой тамъ исполни: заморозь въ открытомъ морѣ, посреди пучинъ глубокихъ лодку вмѣстѣ съ дерзкимъ Ати, чтобъ не могъ оттуда выйти, коль его не отпущу я, коль сама не дамъ свободы.

И морозъ, сынъ злого рода, мальчикъ съ нравами худыми, посѣшилъ приказъ исполнить и пошелъ немедля къ морю. На пути туда сорвалъ онъ зелень всю

со всѣхъ деревьевъ, съ травъ всѣхъ поснималъ волокна. Наконецъ достигъ онъ цѣли, подошелъ къ прибрежью моря; тамъ онъ ночью заморозилъ всѣ озера, бухты, рѣки и сковалъ весь берегъ крѣпко, но пока не тронулъ моря, не сковалъ тамъ волнъ могучихъ. Но второй ужъ ночью дерзко сталъ онъ дальше пробираться, и забылъ весь стыдъ, всю совѣсть, сталъ расти съ ужасной силой и все сплошь морозить началъ, холодить все безъ разбора: ледъ онъ сдѣлалъ толще локтя, снѣгу навалилъ сугробы, заморозилъ крѣпко лодку, среди волнъ челнокъ у Ати. И хотѣлъ схватить онъ Ати, заморозить среди моря, ужъ за пальцы рукъ онъ взялся, сталъ до ногъ ужъ добираться.

Разсердился Лемминкайненъ, обозлился не на шутку, сталъ толкать морозъ онъ въ пламя, гнать его въ огонь горнила, а потомъ морозъ схватилъ онъ, крѣпко сжалъ его руками и слова такія молвилъ:

— Ты, морозъ, зимы отродье! Рукъ и ногъ ты не зноби мнѣ и ушей не смѣй касаться, головы не смѣй морозить! У тебя и такъ есть дѣло, можешь все другое портить, но лишь тѣла не касайся, лишь людей оставь въ покоѣ; ты морозь себѣ, сколь хочешь, камни, землю, и деревья, облупи березы, сосны, но людской не трогай кожи! Если-жъ бо́льшаго ты хочешь, такъ морозь еще другое: раскаленные утесы, глыбы, огненныя скалы, горы, полныя желѣзомъ; заморозь ты водопады, обуздай рѣку Вуоксу, бѣшеный потокъ Иматры!

„Знаю я твое начало и твое происхожденье: ивою рожденъ былъ холодъ, а морозъ—березой бѣлой, позади избы Похьолы, отъ отца лихого, злого и отъ матери негодной. Кто-жъ вскормилъ морозъ на ивахъ, кто вспоилъ погоду злую, если мать была безъ груди, если мать та не имѣла молока въ себѣ нисколько?

Тамъ морозъ вскормили змѣи, тамъ его вспоили гады, буря грозная качала, страшный вѣтеръ въ злобномъ воѣ пѣлъ ему свои напѣвы посреди трясинъ зыбучихъ, на болотахъ вѣчно топкихъ. Выросъ мальчикъ съ нравомъ злобнымъ, никуда онъ не годился, потому его прозвали, стали называть морозомъ. Сталъ скитаться онъ повсюду, межъ заборами бродилъ онъ иль въ сухихъ кустахъ скрывался, лѣтомъ прятался въ колодцы, а зимой гудѣлъ онъ въ полѣ, бушевалъ въ поляхъ и рощахъ и трещалъ въ березахъ, соснахъ, а съ деревъ срывалъ всѣ листья, обиралъ цвѣточки съ поля и щипалъ кору деревьевъ.

„Если-жъ ты не перестанешь рукъ и ногъ моихъ морозить, прогоню тебя отсюда, загоню въ горнило Хійси; тамъ управятся съ тобою, будетъ мять тебя кузнецъ тамъ, молотомъ ковать тяжелымъ. Коль тебя то не пугаетъ, знаю я другое мѣсто: ротъ твой я направлю къ лѣту, поверну къ теплу языкъ твой и не выйдешь ты отсюда, если самъ не отпущу я».

Тутъ морозъ, бѣду замѣтивъ, сталъ ужъ самъ просить пощады и слова такія молвилъ:

— Такъ давай мириться будемъ и дадимъ другъ другу слово, что отнынѣ мы не станемъ обижать одинъ другого.

Согласился Лемминкайненъ, челнъ тотчасъ во льду оставилъ, самъ пошелъ по глади моря, а за нимъ товарищъ Тьера. День, другой идетъ ужъ Ати, по льду гладкому ступаетъ, наконецъ уже на третій показалась деревушка на мыскѣ пустынномъ, голомъ.

Вотъ достигъ деревни Ати, въ ветхую избенку входитъ, говоритъ слова такія:

— Нѣтъ ли мяса здѣсь иль рыбы для героевъ двухъ голодныхъ, для усталыхъ отъ дороги?

Но во всей той деревушкѣ не нашлось ни рыбъ, ни мяса, чтобы накормить голодныхъ.

И промолвилъ Лемминкайненъ тутъ съ досады злое слово:

— Пусть сгоритъ берлога эта, пусть ее затопитъ море!

Онъ пошелъ оттуда дальше, въ лѣсъ шаги свои направилъ, по невѣдомымъ тропинкамъ, черезъ дебри и пустыни. Забрались они въ глушь лѣса, долго въ чащѣ тамъ блуждали; но пути не находили, чтобы выбраться оттуда.

И промолвилъ Лемминкайненъ:

— О ты, Тьера, другъ мой вѣрный, мы зашли съ тобой далеко, заблудились въ этихъ дебряхъ!

Такъ ему отвѣтилъ Тьера:

— Намъ грозитъ здѣсь месть лихая, гибель ждетъ насъ здѣсь несчастныхъ. Для того-ль мы шли въ Похьолу, чтобъ погибнуть здѣсь напрасно, въ этихъ дебряхъ непролазныхъ? И растащутъ наши трупы скоро во́роны на части, когти въ насъ свои запустятъ и напьются нашей крови. И не будетъ знать родная, не узнаетъ мать бѣдняжка, гдѣ сынокъ ея остался, гдѣ погибъ ея родимый,—на зыбучихъ ли болотахъ, иль среди кровавой сѣчи, на равнинѣ водъ глубокихъ, иль въ лѣсу дремучемъ дальнемъ.

Утѣшаетъ Лемминкайненъ, говоритъ слова такія:

— Полно, другъ мой, не печалься! Нѣтъ такого чародѣя, чтобъ насъ могъ сгубить такъ скоро, чтобъ погибли мы въ дорогѣ. Пусть ихъ колдовство и чары на самихъ ихъ обратятся и на весь ихъ родъ и племя.

И веселый Лемминкайненъ изъ бѣды коней двухъ сдѣлалъ, черныхъ жеребцовъ изъ скорби, а узду изъ дней тяжелыхъ, сѣдла изъ кручины-горя, а потомъ въ

сѣдло вскочилъ онъ и поѣхалъ тихимъ шагомъ. Вслѣдъ за нимъ поѣхалъ Тьера; ѣдутъ оба взморьемъ къ дому, ѣдутъ къ матери любимой, тяжело ступаютъ кони, по песку едва шагаютъ.

Оставляю я тутъ Кауко, пѣснь о немъ я прекращаю; Тьеру я домой направилъ, пусть на родину вернется. Самъ же пѣснь спою другую, по иной пойду тропинкѣ.

Руна XXXI.

Куллерво.

Выкормила мать цыплятокъ, лебедей взростила стаю, привела цыплятъ къ насѣсти, лебедей въ рѣку пустила. Прилетѣлъ орелъ, разсѣялъ, разогналъ цыплятъ всѣхъ ястребъ, одного умчалъ въ Карьялу, а другого снесъ въ Россію, третьяго оставилъ дома. Тотъ, кого онъ снесъ въ Россію, выросъ тамъ, завелъ торговлю; тотъ же, что́ попалъ въ Карьялу, называться сталъ Калерво, третій, что́ остался дома, прозывался Унтамойненъ; выросъ онъ отцу на горе, матери родной въ заботу.

Вотъ однажды Унтамойненъ свои сѣти тамъ закинулъ, гдѣ ловилъ всегда Калерво на своемъ владѣньи давнемъ. Увидалъ Калерво сѣти, всю собралъ оттуда рыбу и унесъ ее съ собою. Обозлился Унтамойненъ, кулаки онъ въ ходъ пускаетъ и въ борьбу вступаетъ съ

братомъ за ничтожную рыбешку. Долго бились братья съ злобой, наконецъ ужъ разошлися, не осиливши другъ друга.

Времени прошло немного, два-три дня лишь миновало, сѣетъ свой овесъ Калерво за избою у Унтамо. Тамъ овца Унтамо жадно съѣла весь овесъ Калерво, а злой песъ за ней погнался, разорвалъ овцу Унтамо. Сталъ грозить тутъ Унтамойненъ, угрожать родному брату, и поклялся уничтожить, извести весь родъ Калерво, превратить жилища въ пепелъ. Всѣмъ мужамъ мечи онъ роздалъ, юнымъ топоры и копья и пошелъ войной на брата.

Юная жена Калерво у окна была въ то время, на дорогу вдаль смотрѣла, молвила слова такія:

— То не дымъ ли тамъ поднялся, или туча грозовая на краю поляны дальней, на концѣ дороги новой?

Нѣтъ, то не былъ дымъ иль туча: то шли воины Унтамо, шли войною на Калерво. Вотъ нагрянули всѣ сразу, съ топорами и мечами, всѣхъ до одного убили, извели весь родъ Калерво, все сожгли тамъ безъ пощады и весь дворъ съ землей сравняли. Пощадили лишь молодку, юную жену Калерво, увели ее съ собою, чтобъ имъ избы подметала, чтобъ рабой была имъ вѣчной.

Времени прошло немного, и у ней родился мальчикъ. Мать дала малюткѣ имя, назвала его Куллерво, а Унтамо назвалъ: храбрымъ; положили въ колыбельку и качать усердно стали. Вотъ качается сиротка, повѣваетъ волосами, день, другой его качаютъ; но на третій день внезапно онъ брыкаться началъ въ люлькѣ, сбросилъ тамъ съ себя свивальникъ и пополз на одѣяло, а потомъ сломалъ и люльку и порвалъ тамъ всѣ пеленки. Обѣщаетъ быть сиротка молодцомъ не за-

урядным, и ужъ видитъ Унтамойненъ, что, какъ выростетъ малютка, поумнѣетъ и окрѣпнетъ, будетъ рабъ ему онъ славный, молодецъ, какихъ немного и средь тысячи не сыщешь.

Мѣсяцъ, два растетъ сиротка; но насталъ какъ третій мѣсяцъ, сталъ раздумывать малютка и слова такія молвилъ:

— Только-бъ вырости, окрѣпнуть, силъ побольше бы набраться... Отомщу за смерть отца я, расплачусь за скорбь родимой!

Слышитъ эту рѣчь Унтамо и съ заботой въ сердцѣ молвитъ:

— Онъ семью мою погубитъ, будетъ онъ вторымъ Калерво!

Призадумались тутъ мужи, стали женщины гадать тутъ, какъ бы злого мальчугана имъ куда-нибудь упрятать иль совсѣмъ бы сжить со свѣта. Погадавъ и пораздумавъ, тотчасъ въ бочку посадили, спрятали его въ боченокъ, отнесли ребенка къ морю, бросили его тамъ въ воду. Черезъ два-три дня приходятъ посмотрѣть, что́ съ нимъ тамъ сталось, утонулъ, погибъ ли мальчикъ? Но не утонулъ Куллерво, не погибъ сиротка въ морѣ, онъ ужъ выползъ изъ боченка, на волнѣ большой усѣлся, ловитъ удочкою рыбу, измѣряетъ дно морское.

Призадумался Унтамо: какъ ему сгубить ребенка, какъ бы сжить его со свѣта? Тутъ же слугамъ приказалъ онъ навалить костеръ огромный, чтобы сжечь на немъ Куллерво. Вотъ собрали дровъ смолистыхъ, сотни саженей березы, тысячу саней бересты и зажгли костеръ огромный, а когда онъ разгорѣлся, бросили въ огонь ребенка, въ самую средину жара. День и два тамъ жгутъ Куллерво, жгутъ и третій день ребенка.

Наконецъ пришли и видятъ: до колѣнъ зарылся мальчикъ въ самую средину жара, кочергой сгребаетъ угли, увеличиваетъ пламя; но кудрей огонь не тронулъ и пушка не опалилъ онъ.

Молвитъ съ злостью Унтамойненъ:

— Что-жъ мнѣ дѣлать съ мальчуганомъ, какъ я отъ него избавлюсь?

И надумался Унтамо: приказалъ его повѣсить, вздернуть на сучокъ дубовый. Вотъ прошло три дня, три ночи, и слугу шлетъ Унтомайненъ посмотрѣть, погибъ ли мальчикъ, умеръ ли въ лѣсу на дубѣ.

Но слуга вернулся скоро и слова сказалъ такія:

— Живъ на деревѣ Куллерво, не погибъ на дубѣ мальчикъ: всю кору разрисовалъ онъ, прутикомъ мужей тамъ чертитъ и все съ копьями, съ мечами.

Что́ могъ сдѣлать Унтамойненъ съ злополучнымъ тѣмъ ребенкомъ? Сколько онъ тамъ ни пытался, все не могъ сгубить ребенка, сжить не могъ его со свѣта. Наконецъ ужъ Унтамойненъ и усталъ губить Куллерво и рѣшилъ его оставить, воспитать себѣ слугою.

И сказалъ ему Унтамо, молвилъ такъ онъ мальчугану:

— Будешь скроменъ и послушенъ, можешь здѣсь остаться въ домѣ, батракомъ служить, работать; будешь получать и плату, по заслугамъ лишь, конечно, поясокъ тамъ, что-ль, красивый, иль ударъ, коль нужно, въ ухо.

Какъ подросъ еще Куллерво, поднялся на пядень выше, поручилъ ему Унтамо няньчить своего ребенка, далъ укачивать малютку и слова такія молвилъ:

— Ты за нимъ смотри усердно, накорми его, коль плачетъ, да и самъ поѣшь съ нимъ вмѣстѣ, а въ рѣкѣ стирай пеленки, мой тамъ платьице дитяти!

Няньчитъ день, другой, Куллерво, а на третій день сломалъ онъ у малютки обѣ ручки, выкололъ ребенку глазки, доконалъ совсѣмъ дитятю и въ рѣку пеленки бросилъ, сжегъ до тла всю колыбельку.

Размышляетъ Унтамойненъ:

— Нѣтъ, совсѣмъ онъ не годится, за дѣтьми ходить не можетъ. Но какую-жъ бы работу для него теперь придумать? Можетъ, лѣсъ рубить съумѣетъ?

И послалъ его Унтамо вырубить лѣсокъ подъ пашню.

Молвитъ про себя Куллерво:

— Вотъ теперь я стану мужемъ, какъ топоръ дадутъ мнѣ въ руки, шестерыхъ мужей, пожалуй, я тогда ужъ стоить буду.

Къ кузнецу пошелъ Куллерво тамъ слова такія молвилъ:

— Слушай, братецъ, скуй топоръ мнѣ, скуй сѣкиру какъ для мужа, въ лѣсъ иду я на порубку, буду тамъ рубить березы.

И сковалъ кузнецъ сѣкиру, выковалъ топоръ по мужу. Отточилъ его Куллерво, самъ придѣлалъ топорище, а потомъ и въ лѣсъ собрался, строевыхъ искать деревьевъ, для большихъ и толстыхъ балокъ. Рубитъ онъ въ лѣсу деревья, валятся стволы съ удара, вѣковыя все деревья, тѣ-жъ, что̀ были тамъ потоньше, падали и съ полъ-удара.

Пять иль шесть деревъ свалилъ онъ и слова такія молвилъ:

— Пусть самъ Лемпо лѣсъ здѣсь рубитъ, пусть работаетъ самъ Хійси!

И, воткнувъ топоръ въ колоду, закричалъ въ лѣсу онъ зычно, огласилъ дубраву свистомъ:

— Пусть весь лѣсъ падетъ до мѣста, до котораго здѣсь слышенъ будетъ голосъ мой и свистъ мой! Ни-

когда пускай не выйдетъ ни единый злакъ иль стебель тамъ, гдѣ рубитъ сынъ Калерво, гдѣ подѣлалъ новь Куллерво! Если поле здѣсь засѣютъ, и на немъ тутъ выйдутъ всходы, пусть они не колосятся, ни одинъ не зрѣетъ колосъ!

Вотъ приходитъ Унтамойненъ посмотрѣть какъ лѣсъ тотъ срубленъ, какъ батракъ работалъ новый. Не годилась вся порубка, не годна она для нови.

Размышляетъ Унтамойненъ:

— И на это онъ не годенъ, строевой мнѣ лѣсъ испортилъ, лучшія срубилъ деревья. Ужъ теперь и самъ не знаю, что́ бы дать ему такое? Пусть плетни хоть заплетаетъ.

И работнику велѣлъ онъ заплести плетень вкругъ дома. Вотъ Куллерво началъ строить, заплетать плетень огромный, вырубилъ для кольевъ сосны, все деревья вѣковыя, а для связки этихъ кольевъ взялъ огромныя рябины и плетень сплошной построилъ, безъ воротъ и безъ калитки, самъ слова такія молвилъ:

— Кто летать не можетъ птицей, не имѣетъ пары крыльевъ, тотъ плетень не переступитъ, что́ построилъ сынъ Калерво.

Вотъ приходитъ Унтамойненъ посмотрѣть плетень тотъ новый, что́ построилъ тутъ Куллерво; видитъ: сплошь плетень весь сдѣланъ, нѣтъ въ немъ выхода иль входа, глубоко онъ въ землю вкопанъ, въ высь до облаковъ поднялся, и промолвилъ онъ съ досадой:

— Онъ плетень сплошной построилъ и довелъ его до неба, нѣтъ въ немъ выхода иль входа, не пройдешь сюда, не выйдешь. Но на что́-жъ батракъ мой годенъ, и куда его приставить. Можетъ, рожь онъ мнѣ смолотитъ?

И Куллерво приказалъ онъ смолотить всю рожь въ

овинѣ. Сталъ работать тамъ Куллерво, молотить ту рожь принялся, зерна въ пыль всѣ обратилъ онъ, а солому всю въ мякину. Вотъ туда пришелъ хозяинъ, посмотрѣть какъ тамъ молотитъ, какъ работаетъ Куллерво, видитъ: рожь лежитъ тамъ пылью, а солома вся мякиной.

Разсердился Унтамойненъ и слова такія молвилъ:

— Никуда батракъ не годенъ! Что́ ни дамъ ему работать, все всегда онъ мнѣ испортитъ. Отвезу его въ Россію иль продамъ его въ Карьялу кузнецу тамъ что-ль какому, чтобъ тамъ молотомъ работалъ.

И отвезъ тогда Унтамо своего раба въ Карьялу; батрака купилъ кузнецъ тамъ, тотъ кователь Ильмариненъ. Заплатилъ кузнецъ не мало: два котла ненужныхъ, ржавыхъ, три обломка крючьевъ старыхъ, косъ, мотыкъ пять-шесть негодныхъ далъ онъ за раба дряннаго, за работника плохого.

Руна XXXII.

Заговоръ для стадъ.

Вотъ Куллерво, сынъ Калерво, юноша въ чулочкахъ синихъ, къ кузнецу пришелъ въ жилище и тотчасъ работы проситъ, у хозяина на вечеръ, у хозяюшки на утро:

— За какую здѣсь работу я у васъ приняться долженъ?

Размышлять хозяйка стала, чѣмъ занять раба плохого и какую дать работу? И рѣшилася хозяйка въ пастухи его приставить, чтобъ стада онъ сторожилъ бы. Вотъ надменная хозяйка, злобная та кузнечиха, стала пастуху печь хлѣбецъ, хлѣбъ спекла ему не тонкій,— былъ тотъ хлѣбъ съ овсянымъ низомъ и съ пшеничною верхушкой, а въ его срединѣ—камень. Смазавъ хлѣбецъ жидкимъ масломъ, пастуху тотъ хлѣбъ вручила, молвила слова такія:

— Этотъ хлѣбъ тогда лишь ѣшь ты, какъ загонишь въ лѣсъ все стадо.

Ильмаринена хозяйка свое стадо выпускаетъ, говоритъ слова такія и такія рѣчи молвитъ:

— Въ лѣсъ я стадо выпускаю, всѣхъ коровъ моихъ молочныхъ, чтобы жиру набрался на полянахъ съ травкой сочной, на долинахъ и въ оврагахъ, на холмахъ, въ тѣнистыхъ рощахъ, въ золотыхъ лѣсахъ сосновыхъ и въ серебряныхъ дубравахъ Защити ты ихъ, о Укко, огради отъ всякихъ бѣдствій; какъ хранилъ ты ихъ здѣсь дома, такъ храни ихъ на свободѣ, чтобъ бѣда ихъ не постигла, чтобъ несчастье не случилось! Коль пастухъ или пастушка, сторожить небрежно станутъ, пастухомъ назначь ты иву, иль ольху поставь имъ стражемъ. Коль ольха смотрѣть не будетъ, сторожить не станетъ ива, ты пошли тогда, о боже, лучшихъ дочерей творенья, пусть онѣ хранятъ все стадо, защищаютъ отъ несчастья!

„Вы, богини всѣ лѣсныя, вы, всѣ дочери деревьевъ, вы стада мои блюдите, вы храните ихъ все лѣто, лѣсъ покуда зеленѣетъ и шумитъ листва въ деревьяхъ. Ты, дочь лѣта, дѣва юга, мать великая природы, разверни свой плащъ чудесный и накрой мои стада имъ, чтобы имъ не повредили вѣтеръ, дождь и непогода. Охраняй ихъ отъ несчастья, загради имъ путь въ болота, во всѣ зыбкія трясины, во всѣ бурные потоки. Съ высоты небесъ возьми ты тотъ рожокъ, что медомъ полонъ, и труби въ него сильнѣе чтобъ украсились долины, зацвѣли поля и рощи, оживилися дубравы. Корму дай стадамъ побольше, и насыть моихъ рогатыхъ травкою, питьемъ медовымъ. На лугу ключи златые ты моимъ стадамъ повырой, пусть стада изъ нихъ напьются, чтобъ изъ вымени рогатыхъ сладкій медъ ручьемъ струился, молоко рѣкой лилося.

„Мьеликки, хозяйка лѣса, Теллерво, ты дѣва Тапіо,

златокудрая дочь лѣта, вы, хранительницы стада, вышлите рабынь послушныхъ, всѣхъ своихъ служанокъ лучшихъ, чтобъ онѣ въ теченье лѣта за моимъ смотрѣли стадомъ, берегли коровокъ милыхъ средь прекрасной Тапіолы, средь разумной той Метсолы! Чтобъ коровушекъ ласкали, нѣжной гладили рукою, чтобы шерсть у нихъ лоснилась и блестѣла какъ у рыси иль какъ чешуя у рыбы. Но когда смеркаться станетъ, солнце скроется за лѣсомъ и въ тиши привѣтъ вечерній запоютъ пѣвцы лѣсные, вы стадамъ тогда скажите: „Ну вы, дойныя, пора вамъ молоко снести хозяйкѣ; здѣсь въ лѣсу бродить вамъ страшно, а домой, какъ вы вернетесь, разведетъ огонь хозяйка, и заснете вы тамъ сладко, на травѣ медвяной, сочной, на полянѣ, полной ягодъ.

„Ты, сынъ Тапіо, Нійрикки! Ты, сынъ лѣса въ курткѣ синей, настели сосновыхъ кольевъ по трясинамъ, зыбкимъ топямъ, наведи чрезъ рвы мосточки и гони ты двухкопытныхъ, приведи домой рогатыхъ, чтобъ онѣ не вязли въ топяхъ, не погибли бы въ трясинахъ. Коль тебя не будутъ слушать, къ ночи къ дому не вернутся, срѣжь березовую вѣтку или розгу изъ рябины и гони домой все стадо, погони рогатыхъ къ дому.

„Отсо, яблочко дубравы, что́ всегда до меда лакомъ, сговоримся-ка съ тобою, учинимъ-ка мировую; обѣщай, что ты не тронешь, рвать коровъ моихъ не будешь этимъ теплымъ долгимъ лѣтомъ. Какъ заслышишь колокольчикъ иль рожокъ пастушій близко, ты прилягъ скорѣй на кочкѣ, головой въ траву уткнися, иль бѣги оттуда въ чащу, въ глушь лѣсную заберися, чтобъ тебѣ совсѣмъ не слышать, какъ идутъ мои коровы. Если стадо будетъ въ полѣ, ты бѣги скорѣй къ бо-

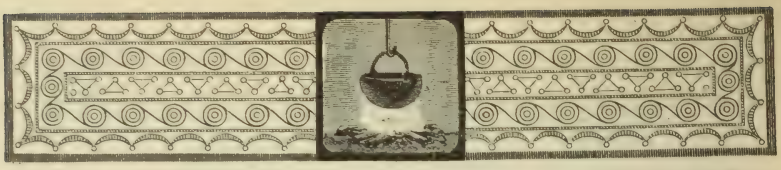
лоту, коль оно по топямъ бродитъ, ты спѣши въ лѣсу укрыться, коль въ лѣсу пасется стадо, уходи оттуда въ поле и къ нему не приближайся, а ходи вокругъ, сторонкой, шерстянымъ катись клубочкомъ, когти въ шерсть упрячь подальше, зубы скрой поглубже въ десны, чтобъ коровушки съ испугу въ стороны не разбѣжались. Ты оставь въ покоѣ стадо, не посмѣй коровокъ трогать своей лапою широкой. Пусть онѣ себѣ гуляютъ по полямъ и по болотамъ, по лѣснымъ тропинкамъ тихимъ, щиплятъ травку съ сочнымъ медомъ. Вспомни, какъ тогда ты клялся при потокѣ бурномъ Маны, предъ творцомъ всесильнымъ нашимъ! Тамъ тебѣ вѣдь разрѣшили подходить лишь трижды въ лѣто къ мѣсту, гдѣ звенитъ бубенчикъ, гдѣ гуляетъ мирно стадо. Если злость тебя охватитъ, страсть зубами овладѣетъ, обрати на лѣсъ всю злобу, на осины, ели, сосны! Тамъ грызи стволы гнилые, вырывай всѣ пни съ корнями, выворачивай всѣ кочки. Если пищи ты захочешь, если голодъ станетъ мучить, то грибовъ поѣшь тамъ вволю, поищи кореньевъ вкусныхъ. А какъ забродитъ въ Метсолѣ медъ въ кадушкахъ благовонныхъ на пригоркахъ золотистыхъ, на холмахъ тѣхъ серебристыхъ, ты тамъ до́-сыта наѣшься, утоляй тамъ вволю жажду, не убавится тамъ пища, не изсякнетъ тамъ напитокъ.

„Укко, ты мой богъ небесный, коль грозитъ опасность стаду, зачаруй моихъ коровокъ, преврати ихъ всѣхъ въ деревья, обрати все стадо въ скалы, чтобъ медвѣдь ихъ не замѣтилъ, какъ бродить вблизи онъ станетъ. Куйппана, ты царь дубравы, успокой моихъ рогатыхъ, дай въ лѣсу пастись имъ мирно, псовъ своихъ держи ты крѣпко, не давай имъ злымъ свободы, заложи совсѣмъ имъ ноздри, чтобъ они не услыхали, не пронюхали бы стада, завяжи глаза имъ шолкомъ, завяжи имъ плотно

уши, чтобъ не видѣть имъ, не слышать, какъ вокругъ нихъ бродитъ стадо. Если это не поможетъ, псовъ своихъ вгони въ пещеры, посади ихъ тамъ на цѣпи и свяжи ремнями крѣпко, чтобъ бѣды не натворили, чтобъ не сдѣлали злодѣйства. Если-жъ это не поможетъ, я найду на нихъ управу. О ты, Укко, богъ мой добрый, ты защитникъ нашъ надежный! Сдѣлай узы изъ рябины для тупыхъ тѣхъ мордъ звѣриныхъ; коль тѣ узы будутъ слабы, скуй намордники изъ мѣди; если-жъ слабъ намордникъ мѣдный, выкуй имъ узду изъ стали; коль узда та разорвется, ты продѣнь имъ жердь златую чрезъ зубастыя ихъ морды и закуй концы покрѣпче, чтобы пасть ихъ не раскрылась, чтобъ не ляскали зубами!“

Испросивъ такъ милость стаду у лѣсныхъ владыкъ, владычицъ, Ильмаринена хозяйка выпустила скотъ изъ хлѣва и на пастбище пустила, слѣдомъ пастуха послала, чтобы рабъ слѣдилъ за стадомъ.

Руна XXXIII.

Куллерво мститъ хозяйкѣ.

Сынъ Калерво, тотъ Куллерво положилъ свой хлѣбъ въ котомку и погналъ болотомъ стадо, самъ пошелъ за нимъ онъ лугомъ и слова такія молвилъ:

— Горе, бѣдному мнѣ, горе! И куда теперь попалъ я? Дали дѣло мнѣ лѣнтяевъ, сторожить хвосты бычачьи, за телятами таскаться, пробираться по болотамъ да другимъ дорогамъ грязнымъ.

Вотъ на кочкѣ онъ усѣлся, тамъ, гдѣ солнце больше грѣло, затянулъ уныло пѣсню и пропѣлъ слова такія:

„— Ты свѣти мнѣ, божье солнце, сиротинушку пригрѣй ты; кузнецу же не свѣти ты, кузнечихѣ же подавно! Ей и такъ живется славно, ѣстъ себѣ все хлѣбъ пшеничный, лакомится пирогами, мажетъ корку свѣжимъ масломъ; пастуху-жъ даетъ хлѣбъ черствый, гложетъ онъ сухую корку, ѣстъ онъ хлѣбъ съ корой

сосновой, да съ соломой и мякиной, воду черпаетъ лукошкомъ изъ трясины мутной, зыбкой. Скройся солнышко-пшеничка, мчись быстрѣе, божье время, опустись за лѣсъ сосновый, спрячься за ольховой рощей, пастуха домой пошли ты, чтобы тамъ онъ ѣлъ хлѣбъ съ масломъ и жевалъ пирогъ горячій".

Но въ то время, какъ Куллеро пѣлъ въ лѣсочкѣ эту пѣсню, Ильмаринена хозяйка хлѣбъ спекла и съ масломъ съѣла, пирогами закусила; пастуху сварила кашки, развела ее водицей, щей оставила холодныхъ, гдѣ ужъ жиръ собака съѣла, весь ужъ черная слизала.

Вотъ запѣла съ вѣтки птичка, зачирикала малютка:

— Пастуху поѣсть бы время, сиротѣ пора обѣдать.

Видитъ тутъ пастухъ-сиротка, что стоитъ высоко солнце, и слова такія молвитъ:

— Да, ужъ время и поѣсть мнѣ, ужъ пора мнѣ пообѣдать.

Вотъ коровъ согналъ онъ въ кучу, на лужку чтобъ отдохнули, самъ усѣлся на пригоркѣ, на зеленой, свѣжей травкѣ, вынулъ изъ котомки хлѣбецъ, осмотрѣлъ его и молвилъ:

— Хлѣбъ иной хорошъ лишь съ виду, но спеченъ бываетъ часто изъ соломы и мякины.

Изъ ноженъ онъ ножъ свой вынулъ, чтобы хлѣбецъ тотъ разрѣзать, лезвеё уперлось въ камень, ножикъ на́-двое сломался.

Видитъ пастушокъ-сиротка, что сломалъ свой ножъ хорошій, и заплакалъ онъ тутъ горько, самъ слова такія молвилъ:

— Дорожилъ ножемъ я этимъ, какъ сокровищемъ единымъ, что́ отецъ мнѣ мой оставилъ, подарилъ на память старый! Вотъ сломался онъ о камень, что́ вло-

жила въ хлѣбъ хозяйка, что́ спекла та злая баба. Какъ же мнѣ отомстить негодной за ея насмѣшку злую, за ея коварство, злобу?

Каркаетъ съ сосны ворона, кличетъ воронъ съ ближней вѣтки:

— Бѣдный мальчикъ, сынъ Калерво, перестань грустить и плакать; ты сорви въ лѣсочкѣ вѣтку, отломи сучекъ еловый, загони коровъ въ трясину, погони ихъ всѣхъ въ болото, медвѣдямъ дай половину, а волкамъ отдай другую. Какъ съѣдятъ они все стадо, ты волковъ тѣхъ и медвѣдей обрати въ коровокъ пестрыхъ и гони домой къ хозяйкѣ, точно стадо, скотъ рогатый. Такъ отплатишь ты хозяйкѣ, такъ отмстишь ей за коварство.

И промолвилъ такъ Куллерво:

— Погоди, блудница Хійси, разсчитаюсь я съ тобою! О ножѣ теперь я плачу, ты же плакать будешь больше, какъ коровъ доить захочешь!

И, сломивъ сучокъ въ лѣсочкѣ, онъ загналъ въ трясину стадо, всѣхъ коровъ загналъ въ болото, медвѣдямъ далъ половину, а волкамъ другую отдалъ, а потомъ звѣрей тѣхъ злобныхъ обратилъ въ коровокъ дойныхъ, въ стадо пестрое рогатыхъ.

Солнце близилось къ закату, наступалъ ужъ часъ вечерній, время, чтобъ доить коровокъ. Вотъ пастухъ негодный, злобный медвѣдей, волковъ сгоняетъ, гонитъ къ дому свое стадо, медвѣдямъ своимъ такъ молвитъ, учитъ такъ волковъ тѣхъ сѣрыхъ:

— Рвите вы хозяйкѣ бедра, рвите икры, ноги, руки, какъ она смотрѣть васъ выйдетъ, какъ доить она васъ станетъ.

Онъ рожокъ себѣ устроилъ изъ бедра, коровьей кости, дудку изъ роговъ бычачьихъ, затрубилъ въ ро-

жокъ тотъ громко трижды на концѣ прогона, шесть разъ передъ самымъ домомъ.

Ильмаринена хозяйка ужъ давно ждетъ не дождется съ поля молока парного, масла лѣтняго изъ сливокъ. Слышитъ вдругъ рожокъ съ болота, звуки громкіе съ поляны и слова такія молвитъ:

— Слава вышнему на небѣ! Рогъ звучитъ — вернулось стадо. Но откуда взялъ батракъ мой тотъ рожокъ

неугомонный? Взялъ откуда онъ ту дудку? Для чего трубитъ такъ громко, что въ ушахъ мнѣ даже больно, голова трещитъ отъ шума?

Молвитъ такъ ей сынъ Калерво, говоритъ слова такія:

— Я рожокъ нашелъ въ трясинѣ, добылъ дудку изъ болота. Стадо все стоитъ въ прогонѣ, всѣ коровы въ загородкѣ; разведи огонь скорѣе, поспѣши доить коровокъ!

Ильмаринена хозяйка позвала доить старуху:

— Подь-ка, старая, подой ихъ, позаботься о коров-

кахъ! Мнѣ самой теперь не время, помѣсить мнѣ надо тѣсто.

Но пастухъ, тотъ сынъ Калерво, молвилъ ей слова такія:

— Всюду добрыя хозяйки подоятъ коровокъ сами, сами за скотомъ присмотрятъ!

Ильмаринена хозяйка тутъ сама огонь разводитъ и доить идетъ коровокъ. Оглядѣла скотъ рогатый, обвела глазами стадо, говоритъ слова такія:

— Хороши коровки съ виду, шерсть лоснится какъ у рыси, вымя толстое раздуто, переполнены соски всѣ.

Вотъ доить она собралась и съ подойникомъ присѣла, потянула разъ, другой разъ, но какъ въ третій попыталась,—волкъ, медвѣдь въ нее вцѣпились, стали рвать и грызть хозяйку, такъ что кости захрустѣли.

Завопила тутъ хозяйка:

— Что́ ты, злой пастухъ, надѣлалъ: ты привелъ волковъ изъ лѣса, медвѣдей пригналъ ты къ дому!

Отвѣчаетъ ей Куллерво:

— Какъ пастухъ, я сдѣлалъ дурно, ты же, какъ моя хозяйка, поступила такъ же дурно, что мнѣ въ хлѣбъ вложила камень, запекла булыжникъ крѣпкій; я свой ножъ сломалъ о камень, ножъ, что́ мнѣ отецъ оставилъ.

Молвитъ и вопитъ хозяйка:

— О, пастухъ, пастухъ мой милый, измѣни свои заклятья и избавь меня отъ смерти, отъ зубовъ ужасныхъ волчьихъ, отъ когтистыхъ лапъ медвѣжьихъ. Дамъ тебѣ рубахъ хорошихъ, подарю и шароваровъ, угощу пшеничнымъ хлѣбомъ, молокомъ парнымъ и масломъ; годъ не будешь ты работать, даже два кормиться даромъ! О, избавь меня скорѣе, прекрати мои страданья, иль умру я лютой смертью, отъ зубовъ погибну страшныхъ!

Отвѣчаетъ ей Куллерво:

— Коль умрешь, такъ умирай ужъ; коль погибнешь—погибай ужъ! Мѣста мертвецамъ довольно у Туони подъ землею.

И взмолилася хозяйка:

— О ты, Укко, богъ высокій! Натяни свой лукъ могучій, наложи стрѣлу изъ мѣди, пусть пронзитъ стрѣла Куллерво, поразитъ Калерво сына!

Но Куллерво, сынъ Калерво, самъ слова такія молвилъ:

— О ты, Укко, богъ высокій! Не меня рази стрѣлою, порази хозяйку злую за ея коварство, злобу!

Такъ погибла та красотка, кузнеца жена младая, та, которую такъ долго, лѣтъ пять-шесть искали, ждали, Ильмаринену на радость, кузнецу на честь и славу.

Руна XXXIV.

Куллерво находитъ своихъ родителей.

Вотъ Куллерво, сынъ Калерво, юноша въ чулочкахъ синихъ, кузнеца рѣшилъ покинуть, Ильмаринена оставить, раньше чѣмъ кузнецъ узнаетъ о погибели супруги и въ своемъ великомъ горѣ мстить не вздумаетъ жестоко. Весело онъ шелъ оттуда, затрубилъ въ лѣсу въ рожокъ свой, заигралъ на новой пашнѣ, такъ что дрогнули болота, отозвался долъ широкій на игру Калерво сына, на рожокъ Куллерво злого. Услыхалъ кузнецъ тѣ звуки, бросилъ въ сторону свой молотъ, вышелъ на свой дворъ широкій, видитъ, что жена погибла, на землѣ лежитъ недвижна. Кузнеца объяло горе, тяжело заныло сердце; напролетъ всю ночь онъ плакалъ, проливалъ рѣкою слезы, на душѣ его лежала скорбь-тоска темнѣе дегтя, а печаль чернѣе сажи.

Дальше все идетъ Куллерво, по глухимъ мѣстамъ блуждаетъ, день идетъ дремучимъ лѣсомъ, чащей тем-

ною Хіиси, а когда совсѣмъ стемнѣло, онъ присѣлъ въ лѣсу на кочкѣ.

Вотъ сидитъ сиротка грустно, размышляетъ такъ съ печалью:

— Кто родилъ меня, бѣдняжку, произвелъ на свѣтъ сей божій, чтобъ блуждалъ я дни и ночи подъ открытымъ небомъ только? Всякъ куда-нибудь путь держитъ: или къ родинѣ любимой, или въ домъ родной, отцовскій; мнѣ же родиною служитъ лѣсъ глухой иль холмъ песчаный, очагомъ—лишь вѣтеръ божій, баней—тучки дождевыя. Никогда, о боже добрый, не твори дѣтей сиротокъ, чтобъ безъ матери остались, безъ отца скитались въ свѣтѣ, какъ меня ты, боже, создалъ, сотворилъ меня, сиротку, точно чайку среди моря, точно утку средь утесовъ! Свѣтитъ ласточкѣ вѣдь солнце, воробью сіяетъ тоже, веселитъ всѣхъ птицъ воздушныхъ, только мнѣ оно не свѣтитъ, мнѣ оно лишь не сіяетъ. Я отца лишился въ дѣтствѣ, матери не зналъ малюткой, и отецъ и мать въ могилѣ, весь нашъ родъ погибъ безслѣдно; мнѣ оставили въ наслѣдство башмаки лишь ледяные, да чулочки снѣговые и пустили на дорожку, гололедицу, тропинку, на зыбучій топкій мостикъ, чтобъ свалился я въ болото, утонулъ въ трясинѣ топкой. Но теперь ужъ я не стану, не хочу тонуть въ болотѣ: двѣ руки вѣдь мнѣ остались, пять паръ пальцевъ я имѣю, всѣми шевелю свободно!

И надумалъ тутъ Куллерво, въ головѣ засѣла дума, ко двору идти Унтамо, чтобъ отмстить за смерть родного, за печаль своей родимой, за все зло, что́ самъ терпѣлъ онъ,—и промолвилъ такъ Куллерво:

— Погоди же, Унтамойненъ, рода моего убійца, скоро я къ тебѣ явлюся, разорю твое жилище и сожгу до тла весь дворъ твой.

Вотъ встрѣчаетъ онъ старушку, мать лѣсную въ синемъ платьѣ; молвитъ такъ ему старушка, говоритъ слова такія:

— Ты куда идешь, Куллерво, ты куда теперь путь держишь?

Отвѣчаетъ ей Куллерво:

— Я теперь идти надумалъ въ край далекій на чужбину, къ Унтамойнену въ селенье, отомстить чтобъ за убійство, за отца, за мать родную, разорить его жилище, сжечь до тла, сравнять съ землею.

Молвитъ такъ ему старушка, говоритъ слова такія:

— Не погибъ еще весь родъ твой, не убитъ еще Калерво, живъ пока еще отецъ твой и здорова мать родная.

— Такъ скажи ты мнѣ, старушка, мнѣ повѣдай, дорогая, гдѣ теперь живетъ отецъ мой, проживаетъ мать родная?

— Вотъ гдѣ проживаетъ нынѣ твой отецъ и мать родная: близъ границъ лапландскихъ дальнихъ, на морскомъ прибрежьи рыбномъ.

— Ты повѣдай мнѣ, старушка, ты скажи мнѣ, дорогая, какъ бы мнѣ туда добраться, какъ найти туда дорогу?

— Путь легко туда найдешь ты, сбиться трудно тутъ съ дороги: ты иди все вдоль опушки, слѣдуй прямо все вдоль рѣчки; такъ пройди ты день, другой день, даже третій день пройди такъ, а потомъ сверни на сѣверъ; на пути тамъ встрѣтишь гору и пройдешь ея подножьемъ, обогни ту гору слѣва и увидишь справа рѣчку. Какъ пройдешь вдоль этой рѣчки, къ тремъ придешь тогда порогамъ; тамъ мысокъ увидишь длинный, на мыскѣ избу рыбачью,—въ ней-то и живетъ доселѣ твой отецъ и мать родная, и при нихъ твои сестрицы, двѣ красивыя дѣвицы.

Вотъ Куллерво, сынъ Калерво, и пошелъ путемъ-дорогой, два, три дня онъ шелъ все прямо, а потомъ свернулъ на сѣверъ, встрѣтилъ на пути тамъ гору, обогнулъ ту гору слѣва, подошелъ къ порогамъ бурнымъ, вышелъ на мысокъ отлогій, видитъ тамъ рыбачья хата, ветхая стоитъ избушка.

Вотъ вошелъ онъ въ ту избушку; но его тамъ не узнали, молвили слова такія:

— Ты сюда откуда прибылъ, изъ какой семьи ты будешь?

— Вы не узнаете сына, дѣтище свое родное? Вѣдь меня отъ васъ когда-то увели Унтамо мужи: былъ тогда я въ пядень ростомъ и не выше веретенца.

Говоритъ тутъ мать-старушка, молвитъ такъ его родная:

— О, сынокъ мой бѣдный, милый, ты, моя златая пряжка! Такъ ты живъ, мой ненаглядный, не погибъ тогда малюткой! Я-жъ тебя считала мертвымъ и оплакивала горько. Было у меня два сына, да красавицы двѣ дочки, и изъ нихъ я потеряла старшихъ двухъ, сынка и дочку: на войнѣ погибъ сынъ старшій, безъ вѣсти пропала дочка; вотъ сынокъ ужъ воротился, не вернулась только дочка.

Вопрошаетъ такъ Куллерво, спрашиваетъ мать родную:

— Ты скажи-ка, дорогая, какъ сестра моя погибла?

Отвѣчаетъ мать-старушка, говоритъ слова такія:

— Въ лѣсъ пошла твоя сестрица, подъ гору сбирать малину, и съ тѣхъ поръ не возвращалась, безъ вѣсти совсѣмъ пропала. Въ лѣсъ пошла я за бѣдняжкой, тамъ искала дочку долго: рыскала въ лѣсу медвѣдемъ, выдрой быстрой мчалась въ рощѣ, день и два ее искала, а на третій день ужъ къ ночи поднялася я

на гору, стала звать оттуда дочку: „Гдѣ ты, яблочко златое, воротись домой скорѣе!“ Долго такъ звала я дочку, долго кликала напрасно. Дали мнѣ отвѣтъ лишь горы, отвѣчала такъ дубрава: „Перестань искать ты дочку, не шуми въ лѣсу такъ громко: никогда дочь не вернется къ своей матери въ жилище, къ своему отцу на пристань“.

Руна XXXV.

Куллерво находитъ сестру.

Вотъ Куллерво, сынъ Калерво, юноша въ чулочкахъ синихъ, съ той поры живетъ спокойно подъ родной отцовской кровлей. Но умнѣй не сталъ онъ дома, не набрался тамъ разсудка, ибо раньше, съ малыхъ лѣтъ ужъ былъ воспитанъ очень дурно, росъ безъ всякаго присмотра.

Началъ юноша работать, разставлять въ заливѣ сѣти, такъ съ весломъ въ рукахъ онъ молвитъ, говоритъ слова такія:

— Что-жъ, тянуть мнѣ изъ всей силы и грести изо всей мочи, иль тащить сѣть мѣрно, ровно и грести въ полъ-силы только?

Молвитъ такъ съ кормы неводчикъ, говоритъ слова такія:

— Ну, тяни изо всей силы и греби изо всей мочи,

не сломаешь же ты лодку и бортовъ свернуть не сможешь.

Сталъ грести Куллерво съ силой, сильно приналегъ на весла, вывернулъ борта у лодки, ребра въ лодкѣ исковеркалъ.

Вышелъ посмотрѣть Калерво и слова такія молвилъ:

— Нѣтъ, грести ты не умѣешь, всѣ борта сломалъ у лодки да и ребра исковеркалъ. Загоняй-ка рыбу въ неводъ, можетъ, это ты съумѣешь.

Началъ гнать Куллерво рыбу, загонять ее сталъ въ неводъ, говоритъ слова такія:

— Гнать ли рыбу всею силой, со всего-ль плеча гнать въ неводъ, иль работать лишь въ полъ-силы, гнать ее неспѣшно въ сѣти?

Отвѣчаетъ такъ неводчикъ:

— То была бы не работа, еслибъ гнать ты сталъ въ полъ-силы, не съ всего плеча работалъ!

Началъ гнать Куллерво рыбу, со всего плеча работать, превратилъ въ кисель всю воду, растрепалъ весь неводъ въ паклю, смялъ, разбилъ всю рыбу въ кашу.

Вышелъ посмотрѣть Калерво и слова такія молвилъ:

— Не умѣешь ты гнать рыбу, растрепалъ весь неводъ въ паклю, поплавки разбилъ въ кусочки, превратилъ всѣ клинья въ щепки. Поѣзжай, свези-ка подать, заплати налогъ за землю; можетъ, ты на то годишься, поумнѣй исполнишь это.

Вотъ Куллерво, сынъ Калерво, юноша въ чулочкахъ синихъ, подать ту отвезъ исправно, уплатилъ налогъ плодами и, усѣвшись въ свои сани, въ путь отправился обратный. Съ шумомъ ѣдетъ онъ дорогой, быстро мчатся санки къ дому, по равнинамъ Калевалы, невоздѣланнымъ полянамъ. Вотъ встрѣчаетъ онъ дѣ-

вицу златокудрую на лыжахъ на равнинахъ тѣхъ обширныхъ, невоздѣланныхъ полянахъ.

Придержалъ коня Куллерво, улыбнулся той дѣвицѣ и слова такія молвилъ:

— Ты садись, дѣвица, въ сани, отдохни со мною рядомъ.

Дѣва мимо пронеслася, на бѣгу ему такъ молвитъ:

— Смерть пусть сядетъ въ твои сани, отдохнетъ болѣзнь съ тобою!

Ѣдетъ дальше сынъ Калерво, мчится быстро по дорогѣ, и скрипятъ, шумятъ полозья по равнинѣ водъ зеркальныхъ, на широкомъ полѣ моря. Снова дѣва повстрѣчалась, дѣва въ башмачкахъ красивыхъ, на равнинѣ водъ зеркальныхъ, на широкомъ полѣ моря.

Придержалъ коня Куллерво, улыбнулся покрасивѣй и промолвилъ такъ дѣвицѣ:

— Сядь ко мнѣ, красотка, въ сани, прокатись, краса, со мною.

Забранилася тутъ дѣва, дѣва въ обуви красивой:

— Пусть сидитъ съ тобой Туони, пусть прокатится самъ Мана.

Ѣдетъ дальше сынъ Калерво, мчится быстро по дорогѣ, и скрипятъ, шумятъ полозья, по степямъ Похьолы мрачной. Повстрѣчалась снова дѣва въ оловянномъ украшеньи на степяхъ Похьолы мрачной, на лапландскихъ тѣхъ предѣлахъ.

Придержалъ коня Куллерво, улыбнулся покрасивѣй и слова такія молвитъ:

— Ты садись, дѣвица, въ сани, отдохни со мною рядомъ, сладкихъ яблочковъ получишь, погрызешь орѣшковъ вкусныхъ.

Отвѣчаетъ ему дѣва въ оловянномъ украшеньи:

— Мнѣ плевать на эти сани, ты противенъ мнѣ, негодный!

Тутъ Куллерво, сынъ Калерво, подхватилъ дѣвицу силой, усадилъ ее на сани, отпустить ее не хочетъ.

Говоритъ въ сердцахъ дѣвица, молвитъ такъ ему со злобой:

— Отпусти меня, негодный, иль я сани разломаю, разобью салазки въ щепки.

Но Куллерво, сынъ Калерво, держитъ силою дѣвицу, отпустить не хочетъ дѣву.

Наконецъ изъ рукъ Куллерво дѣва вырвалась насильно, подбѣжала къ водопаду, безднѣ огненной, кипящей, и, бросаясь въ ту пучину, молвила слова такія:

— Погибаетъ дочь Калерво, ищетъ смерти отъ позора!

Такъ погибла та дѣвица въ глубинѣ пучины темной, тамъ нашла себѣ миръ вѣчный, обрѣла покой въ той безднѣ.

Плачетъ горько сынъ Калерво, слезы льетъ и причитаетъ:

— О, несчастный, что́ я сдѣлалъ, погубилъ сестру родную! О, отецъ, о, мать родная, вы зачѣмъ меня вскормили? Лучше было бы мнѣ вовсе свѣта божьяго не видѣть, не рости и не родиться!

Онъ хомутъ, ремни разрѣзалъ, на коня вскочилъ поспѣшно и спѣшитъ домой дорогой, скачетъ къ матери родимой. Времени прошло немного, какъ ужъ къ дому онъ подъѣхалъ, ко двору отца родного и слова такія молвитъ:

— О ты, мать моя родная, еслибъ вѣдала ты, знала, что́ надѣлалъ я, несчастный, ты меня бы, дорогая, только я на свѣтъ родился, въ дымной банѣ задушила-бъ, иль въ корытѣ-бъ утопила!

Мать его тотчасъ спросила:

— Что́ съ тобой, сынокъ, случилось, что́ за чудо

приключилось? Прискакалъ какъ бы отъ Маны, вышелъ точно отъ Туони?

Отвѣчаетъ ей Куллерво:

Точно, приключилось чудо, совершилъ я злодѣянье: погубилъ вѣдь я сестрицу, чрезъ меня она погибла. Какъ я выплатилъ оброкъ весь, отдалъ всю сполна тамъ подать, повстрѣчалась мнѣ дѣвица; пригласилъ ее я въ сани; но она не захотѣла, и тогда ее насильно посадилъ я на сидѣнье. Долго рвалася дѣвица, отпустить себя просила, наконецъ съ саней сбѣжала, подбѣжала къ водопаду и погибла въ безднѣ темной. Ужъ не знаю я, несчастный, гдѣ искать теперь мнѣ смерти: въ пасти ли волчицы жадной, въ зѣвѣ-ль дикаго медвѣдя, или у кита во чревѣ, иль въ зубахъ свирѣпой щуки?

Отвѣчаетъ мать-старушка:

— Не ищи, сынокъ мой, смерти въ пасти тѣхъ звѣрей свирѣпыхъ. Велика страна Суоми, широки границы Саво, чтобъ преступнаго скрыть мужа, чтобъ укрыть тамъ преступленье. Лѣтъ пять-шесть ты тамъ скрывайся, даже девять лѣтъ останься, время скорбь твою залѣчитъ, возвратятъ тебѣ миръ годы.

Но Куллерво, сынъ Калерво, говоритъ слова такія:

— Не пойду къ границамъ Саво, чтобъ укрыть тамъ свой проступокъ. Я пойду навстрѣчу смерти, подойду къ воротамъ Кальмы, на поля кровавой сѣчи, гдѣ съ мечемъ герои гибнутъ. Живъ еще мой врагъ Унтамо, не погибъ еще, презрѣнный, неотмщенными остались — скорбь отца, печаль родимой и все зло, что̀ мнѣ онъ сдѣлалъ.

Руна XXXVI.

Смерть Куллерво.

Вотъ Куллерво, сынъ Калерво, юноша въ чулочкахъ синихъ, собираться сталъ на битву, сталъ готовиться онъ къ бою, точитъ мечъ онъ свой широкій, точитъ онъ копье тупое.

Молвитъ мать ему родная:

— Не ходи, сынокъ, на битву, въ бой кровавый не стремися. Кто упорно лѣзетъ въ битву, самъ тамъ скоро погибаетъ.

Отвѣчаетъ такъ Куллерво, говоритъ сынокъ старушкѣ:

— Не умру я на болотѣ, не погибну на полянѣ, тамъ, гдѣ во́роны летаютъ и гдѣ водятся воро́ны. Я умру на полѣ брани; тамъ, подъ звукъ мечей и копій, умирать пріятно мужу, тамъ онъ гибнетъ смертью быстрой, умираетъ безъ болѣзни.

Молвитъ мать сыночку слово:

— Если ты въ бою погибнешь, кто-жъ отцу опорой будетъ?

Отвѣчаетъ такъ Куллерво:

— Пусть умретъ въ прогонѣ старый, на дворѣ падетъ безъ жизни.

— Кто-жъ при матери-то будетъ, кто останется при старой?

— Пусть во хлѣвѣ задохнется, умираетъ на соломѣ.

— Кто-жъ защитой будетъ брату, коль бѣда его постигнетъ?

— Пусть въ дубравѣ онъ погибнетъ, иль умретъ на пашнѣ дальней.

— Кто-жъ тогда твою сестрицу будетъ утѣшать въ несчастьи?

— Пусть въ рѣкѣ она утонетъ, иль погибнетъ хоть въ колодцѣ.

Вотъ Куллерво, сынъ Калерво, уходить спѣшитъ изъ дома и отцу онъ молвитъ слово:

— Ну, прощай, отецъ мой добрый! Будешь ли о сынѣ плакать, коль услышишь, что я умеръ?

Такъ отецъ промолвилъ сыну:

— О тебѣ не стану плакать, коль услышу, что ты сгинулъ: у меня другой сынъ будетъ, поумнѣй тебя, получше.

Молвитъ такъ отцу Куллерво:

— Горевать и я не стану, если ты погибнешь въ битвѣ, я легко отца такого смастерить себѣ съумѣю: голову возьму изъ камня, ротъ изъ глины, глазъ изъ клюквы, бороду изъ стеблей жесткихъ, ноги сдѣлаю изъ ивы, мясо съ пня возьму гнилого.

Говоритъ потомъ онъ брату:

— Ну, прощай, мой милый братецъ! Будешь ли о братѣ плакать, коль узнаешь, что я умеръ?

Братъ ему въ отвѣтъ такъ молвилъ:

— О тебѣ не стану плакать, коль услышу, что ты сгинулъ: у меня другой братъ будетъ, поумнѣй тебя, получше.

Говоритъ Куллерво брату:

— Горевать и я не стану, коль узнаю, что ты умеръ, я легко такого брата смастерить себѣ съумѣю: сдѣлаю главу изъ камня, ротъ изъ глины, глазъ изъ клюквы, волоса изъ стеблей жесткихъ, ноги сдѣлаю изъ ивы, мясо съ пня возьму гнилого.

Онъ потомъ сестрѣ промолвилъ:

— Ну, прощай, сестра родная! Будешь ли о братѣ плакать, коль узнаешь, что я умеръ?

Отвѣчаетъ такъ сестрица:

— О тебѣ не стану плакать, коль услышу, что ты сгинулъ: у меня другой братъ будетъ, поумнѣй тебя, получше.

Говоритъ сестрѣ Куллерво:

— Горевать и я не стану о твоей узнавши смерти, я легко сестру такую смастерить себѣ съумѣю: сдѣлаю главу изъ камня, ротъ изъ глины, глазъ изъ клюквы, волоса изъ стеблей жесткихъ, уши изъ большихъ кувшинокъ, тѣло изъ вѣтвей кленовыхъ.

Тутъ онъ матери промолвилъ:

— Мать родная, дорогая, что́ меня любя вскормила! Будешь ли о сынѣ плакать, коль узнаешь, что я умеръ?

Отвѣчаетъ мать-старушка, говоритъ слова такія:

— Ты не вѣдаешь, сыночекъ, сердца матери не знаешь! Горько, горько я заплачу, какъ узнаю, что ты умеръ. Всю избу залью слезами, буду плакать я повсюду, и въ овинѣ, и въ хлѣву-то, и на улицѣ поплачу; снѣгъ отъ слезъ моихъ растаетъ, вся земля совсѣмъ размякнетъ, травка выступитъ наружу и на ней ручьи

польются. Коль устану громко плакать, я поплачу въ банѣ тихо, тамъ залью весь полъ и лавки я потокомъ слезъ горючихъ.

Вотъ Куллерво, сынъ Калерво, юноша въ чулочкахъ синихъ, весело пошелъ изъ дому; шелъ полями, по болотамъ, все въ рожокъ трубилъ свой громко; слѣдомъ вѣсть его настигла, вѣсть печальная изъ дома:

— Дома твой отецъ скончался, отошелъ ужъ въ вѣчность старецъ; воротись домой скорѣе, чтобъ похоронить родного.

Отвѣчаетъ такъ Куллерво:

— Коль скончался, такъ скончался; дома тамъ найдется лошадь, чтобъ стащить его въ могилу, опустить на лоно Кальмы.

Онъ идетъ, трубитъ, ликуя, по болотамъ по полянамъ; слѣдомъ вѣсть его настигла, вѣсть печальная изъ дома:

— Братецъ твой тамъ дома умеръ, твой родимый тамъ скончался; воротись домой скорѣе, чтобъ похоронить тамъ брата.

Отвѣчаетъ такъ Куллерво:

— Коль скончался, такъ скончался; жеребецъ найдется дома, чтобъ свезти его въ могилу, опустить на лоно Кальмы.

Онъ идетъ, трубитъ, ликуя, по болотамъ и дубравамъ; слѣдомъ вѣсть его настигла, вѣсть печальная изъ дома:

— Умерла твоя сестрица, дочь родимой ужъ скончалась; воротись домой скорѣе хоронить свою сестрицу.

Отвѣчаетъ такъ Куллерво:

— Коль скончалась, такъ скончалась; тамъ найдется вѣдь кобыла, чтобъ стащить ее въ могилу, опустить на лоно Кальмы.

Онъ идетъ, трубитъ, ликуя, по лугамъ и по полянамъ; слѣдомъ вѣсть его настигла, вѣсть печальная изъ дома:

— Мать твоя скончалась дома, добрая твоя старушка; воротись домой скорѣе хоронить свою родную.

Сынъ Калерво, тотъ Куллерво, говоритъ слова такія:

— Горе, горе, сиротѣ мнѣ! Ужъ скончалася родная, что́ меня, любя, вскормила, молокомъ своимъ вспоила. Не пришлося, сиротѣ мнѣ, быть при ней, глаза закрыть ей. Можетъ, съ холоду бѣдняжка или съ голоду скончалась! Вы покойницу обмойте благовонною водою, въ шолкъ родимую одѣньте, въ бѣлый саванъ полотняный, а потомъ со скорбнымъ пѣньемъ, съ горькимъ воплемъ и слезами отвезите на могилу, опустите въ лоно Кальмы. Мнѣ нельзя еще вернуться: живъ еще мой врагъ Унтамо!

Онъ идетъ, трубитъ, ликуя, по пути въ страну Унтамо, говоритъ слова такія:

— О ты, Укко, богъ высокій, ты пошли мнѣ мечъ хорошій, подари клинокъ мнѣ лучшій, чтобъ съ толпой могъ цѣлой биться, одолѣлъ враговъ бы сотню!

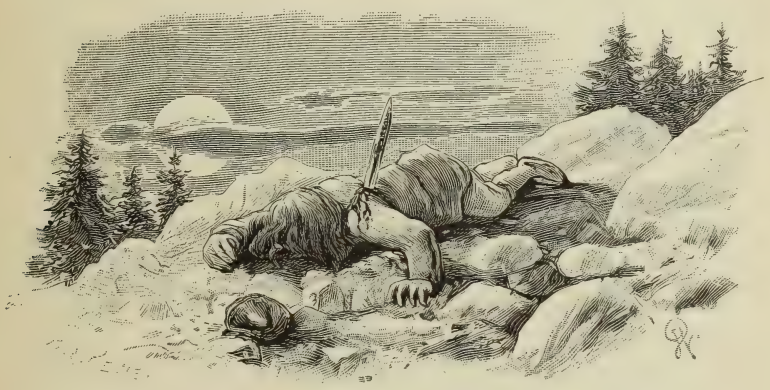
И такой онъ мечъ находитъ, достаетъ клинокъ отличный. Весь народъ сразилъ мечомъ онъ, истребилъ весь родъ Унтамо, сжегъ до тла тамъ всѣ жилища, обратилъ всѣ избы въ пепелъ, камни лишь въ печахъ оставилъ, да рябину у забора.

Вотъ Куллерво, сынъ Калерво, повернулъ обратно къ дому, къ хижинѣ отца родного, на отцовскія поляны. Но избу пустой нашелъ онъ, и вошелъ какъ бы въ пустыню: тамъ его никто не встрѣтилъ и никто руки не подалъ. Протянулъ къ шестку онъ руку, тамъ гдѣ уголья остыли, и онъ тотчасъ убѣдился, что ужъ мать его скончалась. Онъ дотронулся до печи, печь холодной оказалась, и онъ тотчасъ убѣдился, что отецъ

его скончался. Оглянулъ онъ полъ въ избушкѣ, не метенъ былъ полъ, не вымытъ, и онъ тотчасъ убѣдился, что сестра его скончалась. Заглянулъ потомъ на пристань: лодокъ тамъ не видно было, и онъ тотчасъ убѣдился, что и братъ его скончался.

Началъ онъ тутъ горько плакать; день и два онъ такъ проплакалъ и слова такія молвилъ:

— О мать, добрая, родная! Что-жъ оставила ты сыну, какъ жила ты въ этомъ мірѣ? Но меня ужъ ты

не слышишь, хоть я плачу на могилѣ, что́ тебѣ закрыла очи, что́ тебѣ прикрыла темя!

Мать въ могилѣ пробудилась, такъ изъ гроба сыну молвитъ:

— Черный песъ тебѣ остался, чтобъ ходить съ нимъ на охоту. Ты возьми съ собой собаку и отправься въ лѣсъ подальше, по ту сторону дубравы, гдѣ живутъ лѣсныя дѣвы, дѣвы синія бываютъ. Тамъ ищи ты пропитанья, тамъ проси себѣ добычи!

Вотъ Куллерво, сынъ Калерво, въ лѣсъ отправился съ собакой; шелъ онъ лѣсомъ тѣмъ не долго, гущу

лишь прошелъ лѣсную, тамъ прошелъ еще немного, и пришелъ къ рѣкѣ той страшной, къ той пучинѣ водопада, гдѣ сестра его погибла. Плакалъ тамъ и лугъ зеленый, разносился стонъ по рощѣ, горевали всѣ былинки, плавали въ слезахъ цвѣточки, все горюя о дѣвицѣ, все тоскуя о погибшей.

Сынъ Калерво, тотъ Куллерво, выхватилъ свой мечъ изъ ноженъ, сталъ разглядывать клинокъ свой, точно угадать желая, иль спросить его сбираясь: хочешь ли теперь, мечъ добрый, напитаться мясомъ грѣшнымъ и напиться грѣшной крови?

Понялъ мечъ тѣ мысли мужа, угадалъ его желанье, отвѣчалъ слова такія:

— Отчего-жъ не пожелать мнѣ напитаться грѣшнымъ мясомъ и напиться грѣшной крови; ѣлъ же мясо я невинныхъ, пилъ же кровь не у преступныхъ.

Сынъ Калерво, тотъ Куллерво, юноша въ чулочкахъ синихъ, рукояткой мечъ воткнулъ свой, глубоко воткнулъ подъ землю, остріе на грудь направилъ и на мечъ свой повалился. Такъ скончался сынъ Калерво, такъ погибъ Куллерво юный, такова была кончина, смерть несчастнаго героя.

Какъ услышалъ Вейнемейненъ, что погибъ герой злой смертью, что скончался такъ Куллерво, онъ слова такія молвилъ:

— Вы, грядущіе потомки, поколѣнье, что́ взростаетъ, никогда не отдавайте вы дѣтей на воспитанье людямъ глупымъ, неразумнымъ: коль дитя не такъ качаютъ и не няньчатъ такъ, какъ надо, то оно не выйдетъ умнымъ, разумъ мужа не получитъ, хоть бы выросло съ годами, хоть окрѣпло бы всѣмъ тѣломъ.

Руна XXXVII.

Ильмаринен̈ъ куетъ себѣ жену изъ золота.

Дни и ночи Ильмаринен̈ъ все тоскуетъ, плачетъ горько по женѣ своей погибшей; ночью глазъ сомкнуть не можетъ, днемъ не ѣстъ, не пьетъ бѣдняга, молотъ свой совсѣмъ забросилъ, и ужъ мѣсяцъ какъ не слышно въ кузницѣ его кованья.

Молвитъ съ горя Ильмаринен̈ъ:

— Горе мнѣ теперь, бѣднягѣ! Какъ я жить отнынѣ стану? Ночью глазъ я не смыкаю, днемъ кручина сердце давитъ. Нѣтъ жены моей прекрасной, нѣтъ голубки чернокудрой.

Все тоскуетъ Ильмаринен̈ъ, безъ жены старѣетъ милой; мѣсяцъ, два и три проплакалъ, наконецъ собралъ изъ моря груду серебра и злата, навалилъ деревьевъ кучу, въ угли скоро превратилъ ихъ, наложилъ въ свое горнило.

Вотъ онъ взялъ сребро и злато, всѣ куски въ горнило бросилъ, раздувать мѣхи приставилъ слугъ, работниковъ наемныхъ. Раздуваютъ слуги пламя и мѣха качаютъ сильно; въ то же время Ильмариненъ угли въ кучу всѣ сгребаетъ, чтобъ изъ серебра, изъ злата выковать себѣ невѣсту. Слуги слабо раздуваютъ, пламя вздуть сильнѣй не могутъ, и кователь Ильмариненъ, самъ тогда къ мѣхамъ подходитъ: вотъ качнулъ онъ разъ, другой разъ, въ третій разъ качнулъ сильнѣе, заглянулъ потомъ въ горнило, смотритъ, что въ огнѣ тамъ вышло? Видитъ: тамъ барашекъ вышелъ, изъ огня овца явилась, шерстка вся изъ мѣди, злата, серебромъ руно сверкаетъ.

Рады всѣ такой овечкѣ, но не радъ самъ Ильмариненъ, молвитъ онъ съ большой досадой:

— Волкъ овцу желать лишь можетъ, я-жъ жену хотѣлъ изъ злата, изъ сребра желалъ подругу.

И кователь Ильмариненъ вновь овцу въ горнило бросилъ, злата, серебра прибавилъ, слугъ къ мѣхамъ приставилъ снова. Раздуваютъ слуги пламя и мѣха качаютъ сильно, самъ кователь Ильмариненъ угли въ кучу всѣ сгребаетъ, чтобъ изъ серебра, изъ злата выковать себѣ невѣсту. Слуги слабо раздуваютъ, пламя вздуть сильнѣй не могутъ, и кователь Ильмариненъ самъ тогда къ мѣхамъ подходитъ: вотъ качнулъ онъ разъ, другой разъ, въ третій разъ качнулъ сильнѣе, заглянулъ потомъ въ горнило, смотритъ, что въ огнѣ тамъ вышло? Видитъ: выбѣжалъ жеребчикъ, вышелъ онъ на край горнила, вышелъ съ гривой золотою, съ головою серебристой.

Рады всѣ коню такому, но не радъ самъ Ильмариненъ; молвитъ снова онъ съ досадой:

— Волкъ коня желать лишь можетъ; я-жъ хотѣлъ жену изъ злата, изъ сребра желалъ подругу.

И кователь Ильмариненъ, вновь коня въ горнило бросилъ, злата, серебра прибавилъ, слугъ къ мѣхамъ приставилъ снова. Раздуваютъ слуги пламя и мѣхи качаютъ сильно, самъ кователь Ильмариненъ угли въ кучу всѣ сгребаетъ, чтобъ изъ серебра, изъ злата выковать себѣ невѣсту. Слуги слабо раздуваютъ, пламя вздуть сильнѣй не могутъ, и кователь Ильмариненъ самъ тогда къ мѣхамъ подходитъ: вотъ качнулъ онъ разъ, другой разъ, въ третій разъ качнулъ сильнѣе, заглянулъ потомъ въ горнило, смотритъ что́ въ огнѣ тамъ вышло? Видитъ изъ горна выходитъ златокудрая дѣвица, съ стройнымъ и прекраснымъ станомъ и съ серебряной головкой. Испугались всѣ той куклы, лишь кузнецъ не испугался; сталъ работать онъ усердно напролетъ и дни и ночи надъ невѣстой золотою, выковалъ ей ноги, руки; но ходить не могутъ ноги, руки были неподвижны. Выковалъ онъ дѣвѣ уши; но они еще не слышатъ; сдѣлалъ ей красивый ротикъ, выковалъ ей ясны очи; но уста еще безмолвны и глаза совсѣмъ безъ жизни.

И промолвилъ Ильмариненъ, глядя на свою работу:

— Хороша была-бъ невѣста, дѣва славная была бы, еслибъ слова даръ имѣла и была бы какъ живая.

И отнесъ кузнецъ дѣвицу на пуховыя подушки, а потомъ напарилъ баню и тамъ дочиста обмылся отъ нагара золотого. Къ ночи онъ запасся вдоволь одѣялами, платками, взялъ два-три медвѣжьихъ мѣха и накрылся ими плотно. Но заснуть кузнецъ не можетъ, вѣетъ холодомъ отъ дѣвы, стужею несетъ ужасной, бокъ его обледенѣлъ весь и закоченѣлъ какъ камень.

И промолвилъ Ильмариненъ:

— Мнѣ жены такой не нужно; отвезу ее въ Вей-

ноле, Вейнемейнену въ подруги, пусть ему женою будетъ, уточкой его любимой.

И повезъ туда онъ дѣву, тамъ слова такія молвилъ:

— О ты, старый Вейнемейненъ! Я привезъ тебѣ дѣвицу, эту юную красотку: ротъ у ней не изъ широкихъ, щеки также не изъ толстыхъ.

Молвилъ старый Вейнемейненъ, увидавъ златую куклу:

— Ты зачѣмъ привезъ мнѣ, братецъ, это пугало златое?

Отвѣчаетъ Ильмариненъ:

— Чтобъ тебѣ не скучно было, я привезъ тебѣ красотку, чтобъ была твоей женою.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— О, кузнецъ, мой братъ любимый, брось въ горнило эту дѣву, да накуй вещей ты разныхъ, иль свези ее въ Россію, или къ нѣмцамъ заграницу, пусть тамъ изъ-за дѣвы спорятъ, другъ у друга отбиваютъ. Роду нашему негоже, да и мнѣ ужъ непристойно на златой женѣ жениться, жить съ серебряной подругой.

И совѣтъ далъ Вейнемейненъ, запретилъ любимецъ моря поколѣньямъ всѣмъ грядущимъ преклоняться передъ златомъ, иль за серебромъ гоняться, и слова такія молвилъ:

— Вы, грядущіе потомки, поколѣнье, что́ взростаетъ, вы послушайтесь совѣта: никогда въ теченье жизни и, пока сіяетъ мѣсяцъ, вы не сватайте невѣсту изъ серебра, изъ злата дѣву,—вѣетъ холодомъ отъ злата, отъ серебра несетъ морозомъ.

Руна XXXVIII.

Ильмаринен ѣдетъ снова въ Похьолу.

Вотъ кователь Ильмаринен золотую куклу эту, изъ сребра невѣсту бросилъ, заложилъ лошадку въ сани, самъ усѣлся поудобнѣй и поѣхалъ вновь въ Похьолу, чтобъ себѣ невѣсту сватать, дочь вторую старой Лоухи. День, другой въ пути онъ пробылъ, а на третій день ужъ прибылъ онъ и въ самую Похьолу.

Лоухи, Похьолы хозяйка, на дворѣ его встрѣчаетъ, начинаетъ тутъ разспросы: какъ живется дочкѣ милой, хорошо ли ей жить съ мужемъ и свекровь довольна-ль ею?

Но кователь Ильмаринен голову склонилъ печально, и слова такія молвилъ:

— Ты не спрашивай ужъ, теща, какъ твоей живется дочкѣ, хорошо-ль ей жить со мною! Умерла уже бѣдняжка и въ землѣ сырой зарыта. Я къ тебѣ теперь

пріѣхалъ, чтобъ дочь младшую посватать. Дай мнѣ, теща, дочь вторую, отпусти со мной дѣвицу; пусть сестру свою замѣнитъ, будетъ мнѣ женою милой.

Молвитъ Похьолы хозяйка, говоритъ слова такія:

— Ахъ, какъ сдѣлала я дурно, что тебѣ вручила дочку, отдала дитя родное! Въ цвѣтѣ лѣтъ она погибла, точно въ лютой пасти волка, въ лапахъ дикаго медвѣдя! Не отдамъ тебѣ я дочки, за тебя не выдамъ младшей, чтобъ смывать съ тебя тамъ сажу, очищать тебя отъ гари. Лучше брошу я бѣдняжку, дитятко свое родное въ глубь пучины водопада, въ зѣвъ ужасной щуки Маны!

Тутъ кователь Ильмаринен головой поникъ печально, но потомъ тряхнулъ кудрями и, въ избу войдя поспѣшно, тамъ слова такія молвилъ:

— Ты пойди ко мнѣ, дѣвица, въ домъ своей родной сестрицы, будешь тамъ варить мнѣ пиво, печь большіе хлѣбы съ медомъ.

На полу сидѣлъ ребенокъ и запѣлъ тутъ такъ малютка:

— Убирайся, гость незваный, уходи скорѣй отсюда. Ты, какъ въ прошлый разъ явился, намъ надѣлалъ много горя. Слушай, милая сестрица! Женихомъ симъ не прельщайся, не смотри ему въ уста ты, не любуйся стройнымъ станомъ: у него вѣдь волчьи зубы, когти отъ лисицы хитрой, лапы дикаго медвѣдя.

И промолвила дѣвица, такъ кователю сказала:

— Не пойду къ тебѣ, негодный; ты убилъ мою сестрицу, погубилъ жену младую и меня ты такъ же сгубишь, если я пойду съ тобою. Мужа лучшаго я стою, выберу себѣ я друга постатнѣй, чѣмъ ты, негодный, и поѣду въ лучшихъ санкахъ къ дому, что́ побольше будетъ, ко двору, что́ будетъ лучше, а не къ кузницѣ убогой, не къ двору дурного мужа.

Разсердился Ильмариненъ, ротъ скривилъ съ большой досады, подбѣжалъ, схватилъ дѣвицу, вынесъ изъ избы поспѣшно, бросилъ дѣву въ свои сани и во весь опоръ помчался съ нею къ родинѣ далекой.

Дѣва горько плакать стала, молвила слова такія:

— Бѣдную меня увозятъ на зыбучія болота, тамъ съ печали я погибну, тамъ ждетъ смерть меня лихая! О, кователь Ильмариненъ, коль меня ты не отпустишь, разобью твои я сани, разломаю ихъ ногами.

Отвѣчаетъ Ильмариненъ:

— Сани крѣпко я построилъ, ихъ бока обилъ желѣзомъ, чтобы ихъ не поломала своимъ топаньемъ красотка.

Плачетъ бѣдная дѣвица и, ломая съ горя руки, говоритъ слова такія:

— Коль меня ты не отпустишь, обращусь тогда я въ рыбу и сигомъ въ волнахъ укроюсь.

Отвѣчаетъ Ильмариненъ:

— Отъ меня тамъ не уйдешь ты, я пущусь въ догонку щукой.

Плачетъ бѣдная дѣвица, говоритъ слова такія:

— Коль меня ты не отпустишь, убѣгу я въ лѣсъ дремучій, обращусь тамъ въ горностая.

Отвѣчаетъ Ильмариненъ:

— Отъ меня тамъ не уйдешь ты, я пущусь въ догонку выдрой.

Плачетъ бѣдная дѣвица, говоритъ слова такія:

— Коль меня ты не отпустишь, обращусь я въ жаворонка, скроюсь отъ тебя за тучи.

Отвѣчаетъ Ильмариненъ:

— Отъ меня тамъ не уйдешь ты, я орломъ помчусь въ догонку.

Ѣдетъ дальше Ильмариненъ. Вдругъ, въ испугѣ, стала лошадь фыркать и прясти ушами.

Снѣгъ окинувъ зоркимъ взглядомъ, дѣва видитъ слѣдъ какой-то и такое слово молвитъ:

— Кто бѣжалъ здѣсь по дорогѣ?

Отвѣчаетъ Ильмариненъ:

— То былъ заяцъ длинноухій.

Тяжело вздохнула дѣва и промолвила сквозь слезы:

— Горе бѣдной мнѣ дѣвицѣ! Я счастливѣе была бы, если убѣжать могла бы вмѣстѣ съ зайцемъ длинноухимъ, чѣмъ съ немилымъ оставаться на сидѣньи на помятомъ: волоса у зайца мягче, да и ротъ его красивѣй.

Самъ кователь Ильмариненъ хмурится, кусаетъ губы и коня сильнѣе гонитъ. Но, проѣхавъ лишь немного, конь опять зафыркалъ громко и въ испугѣ сталъ на мѣстѣ.

Видитъ дѣва слѣдъ по снѣгу и у кузнеца спросила:

— Кто бѣжалъ здѣсь по дорогѣ?

Отвѣчаетъ Ильмариненъ:

— Тутъ лисица пробѣжала.

Дѣва вновь вздохнула тяжко и промолвила сквозь слезы:

— Горе, бѣдной мнѣ дѣвицѣ! Я счастливѣе была бы, еслибъ ѣхала съ лисичкой, а не съ женихомъ немилымъ на сидѣньи этомъ смятомъ: волоса лисички мягче, да и ротъ ея красивѣй.

Самъ кователь Ильмариненъ хмурится, кусаетъ губы и коня сильнѣе гонитъ. Но, проѣхавъ лишь немного конь опять зафыркалъ въ страхѣ, сталъ какъ вкопаный на мѣстѣ.

Видитъ дѣва слѣдъ по снѣгу и у кузнеца спросила:

— Кто бѣжалъ тутъ по дорогѣ?

Отвѣчаетъ Ильмариненъ:

— Пробѣжалъ тутъ волкъ дорогой.

Дѣва вновь вздохнула тяжко и промолвила сквозь слезы:

— Горе бѣдной мнѣ дѣвицѣ! Я счастливѣе была бы, еслибъ съ волкомъ тѣмъ бѣжала, что́ лишь исподлобья смотритъ, воемъ дебри оглашаетъ, чѣмъ сидѣть въ саняхъ съ немилымъ на помятомъ семъ сидѣньи: волоса у волка мягче, да и ротъ его красивѣй.

Туть кователь Ильмариненъ снова брови гнѣвно хмуритъ, прикусилъ губу до крови и погналъ коня сильнѣе. Къ ночи онъ достигъ деревни, шумно улицей проѣхалъ и передъ избою крайней на ночлегъ остановился. Утомившись отъ дороги, крѣпкимъ сномъ заснулъ онъ скоро, а межъ тѣмъ жена младая насмѣялася жестоко надъ своимъ уснувшимъ мужемъ.

Какъ проснулся Ильмариненъ и провѣдалъ, что́ случилось, то тряхнулъ кудрями гнѣвно и слова такія молвилъ:

— Не начать ли мнѣ заклятья и не обратить ли дѣву въ звѣря дикаго лѣсного или въ чудище морское? Но коль въ лѣсъ ее пущу я, то звѣрей всѣхъ испугаю, коль пущу ее я въ море, рыбы въ страхѣ разбѣгутся. Будетъ лучше, коль я здѣсь же съ ней мечомъ своимъ покончу.

Слышитъ мечъ рѣшенье это и слова такія молвитъ:

— Не затѣмъ меня сковали, чтобъ губилъ я слабыхъ женщинъ, отнималъ бы жизнь безсильныхъ!

И кователь Ильмариненъ сталъ тогда творить заклятья, вѣщимъ словомъ, пѣснопѣньемъ обратилъ жену онъ въ чайку, чтобы прыгала по скаламъ, крикомъ берегъ оглашала и носилась надъ волнами у прибрежья въ непогоду.

И покончивъ пѣснопѣнье, въ сани снова онъ усѣлся,

голову склонилъ печально и поѣхалъ по дорогѣ, къ родинѣ своей обратно, на знакомыя равнины.

На пути его встрѣчаетъ старый вѣрный Вейнемейненъ и слова такія молвитъ:

— О ты, братъ мой, Ильмариненъ! Отчего такой печальный ты вернулся изъ Похьолы? Ты повѣдай-ка мнѣ, братецъ, хорошо-ль живетъ народъ тамъ?

Отвѣчаетъ Ильмариненъ:

— Жить въ Похьолѣ всѣмъ отлично! Тамъ имъ все вѣдь мелетъ Сампо, все шумитъ, качаясь, крышка, мелетъ день имъ для потребы, а другой день для продажи, третій день же для запаса! Да, живутъ въ Похьолѣ славно! Тамъ и пашутъ, тамъ и сѣютъ, урожай всегда большой тамъ всякихъ злаковъ и растеній; всѣ тамъ счастливы, довольны.

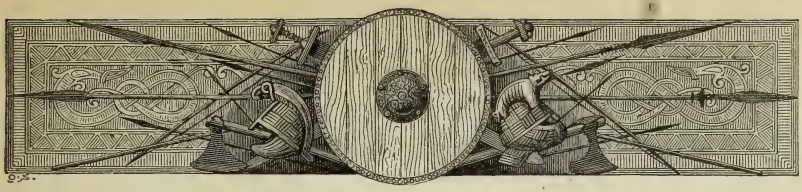
Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Братъ, кователь Ильмариненъ, гдѣ же ты жену оставилъ, ту красавицу дѣвицу, что одинъ домой пріѣхалъ, безъ супруги возвратился?

Отвѣчаетъ Ильмариненъ:

— Превратилъ жену я въ чайку, за ея коварство, злобу, и теперь она летаетъ по пустынному прибрежью, стонетъ и пищитъ на скалахъ, крикомъ берегъ оглашая.

Руна XXXIX.

Вейнемейненъ ѣдетъ добывать Сампо.

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Слушай, братъ мой, Ильмариненъ! Надо съѣздить намъ въ Похьолу, привезти оттуда Сампо съ пестрой крышкою чеканной.

Отвѣчаетъ Ильмариненъ, говоритъ слова такія:

— Намъ не взять оттуда Сампо, трудно вывезти ту крышку, изъ суровой той Похьолы, вѣчно мрачной Сариолы: Сампо спрятано въ Похьолѣ, скрыта пестрая та крышка въ каменной горѣ высокой, тамъ за девятью замками. И пустило корни Сампо въ глубину на девять саженъ, и изъ нихъ одинъ вросъ въ землю, а другой проникъ въ пучину, третій весь ушелъ подъ гору.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Братъ, кователь Ильмариненъ! Ѣхать все-жъ въ

Похьолу надо, чтобы Сампо взять оттуда: мы корабль построимъ крѣпкій, перетащимъ туда Сампо съ пестрой крышкою чеканной изъ скалы богатой мѣдью, изъ-за девяти запоровъ.

Отвѣчаетъ Ильмариненъ:

— Ѣхать сушей безопаснѣй; пусть самъ Лемпо ѣдетъ моремъ, тамъ корабль зальетъ волною, буря судно опрокинетъ, тамъ грести придется много, направлять корабль локтями.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Правда, путь вѣрнѣй по сушѣ, но зато и тяжелѣе и извилистѣй и дальше. Въ лодкѣ-жъ славно моремъ ѣхать, плавать въ челнокѣ пріятнѣй; вѣтры тамъ челнокъ качаютъ, волны мчатъ впередъ корабликъ. Но коль ты того желаешь, такъ отправимся по сушѣ. Только скуй мнѣ мечъ хорошій, сдѣлай мнѣ клинокъ огневый, чтобъ ту волчью сыть разсѣять, разогнать толпу, въ Похьолѣ, какъ отъ нихъ брать стану Сампо, уносить златую крышку.

Вотъ кователь Ильмариненъ набросалъ въ огонь желѣза, накидалъ въ горнило стали, злата горсть туда подкинулъ, серебра прибавилъ тоже, слугъ своихъ къ мѣхамъ приставилъ. Раздуваютъ пламя слуги, сильно тѣ мѣха качаютъ, и размякла сталь какъ тѣсто, кашей сдѣлалось желѣзо, серебро блеститъ какъ море, какъ волна сверкаетъ злато. И нагнулся Ильмариненъ, заглянулъ на дно горнила, видитъ, тамъ клинокъ явился, мечъ съ златою рукояткой. Изъ огня онъ смѣсь ту вынулъ, положилъ на наковальню, сталъ бить молотомъ тяжелымъ, сдѣлалъ мечъ такой, какъ нужно, выковалъ клинокъ отличный, златомъ, серебромъ отдѣлалъ.

Вотъ приходитъ Вейнемейненъ посмотрѣть на ту

работу, взялъ клинокъ прекрасный въ руки, осмотрѣлъ его съ вниманьемъ и такое слово молвилъ:

— По рукѣ-ль клинокъ сей будетъ, впору ли онъ будетъ мужу?

По рукѣ клинокъ тотъ вышелъ и пришелся впору мужу: на концѣ сіялъ тамъ мѣсяцъ, посреди сверкало солнце, рукоять была вся въ звѣздахъ, ржалъ на остріѣ

жеребчикъ, наверху сидѣлъ козленокъ, на ножнахъ собачка выла.

Мечъ онъ такъ и сякъ пытаетъ, рубитъ имъ утесъ желѣзный, говоритъ слова такія:

— Этимъ лезвеёмъ не трудно разрубить на части горы, разсѣкать утесы, скалы.

Самъ кователь Ильмариненъ говоритъ слова такія:

— Чѣмъ же я, несчастный, буду защищаться, прикрываться? Не въ броню ли мнѣ одѣться, сталью крѣпкою прикрыться? Быть въ бронѣ надежнѣй мужу, въ стали онъ сильнѣе будетъ.

Вотъ настало время ѣхать, наступилъ ужъ часъ отъѣзда, и пошелъ въ лѣсъ Вейнемейненъ, съ нимъ кователь Ильмариненъ, чтобы отыскать коня тамъ, лошадь съ гривой золотистой. Долго тамъ коня искали, наконецъ нашли въ дубравѣ и поѣхали прибрежьемъ, поскакали шумно дальше. Слышатъ вдругъ на взморьѣ стоны, плачъ донесся къ нимъ съ прибрежья.

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія

— Вѣрно тамъ дѣвица плачетъ, стонетъ дѣвушка бѣдняжка. Не подъѣхать ли намъ ближе, посмотрѣть, что́ тамъ случилось?

Вотъ они ко взморью ѣдутъ посмотрѣть, что́ тамъ случилось: то не дѣва тамъ стонала, тамъ не дѣвушка рыдала, то стоналъ челнокъ печально, лодка плакала тамъ съ горя.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Что́ ты стонешь челнъ сосновый, плачешь парусный корабликъ?

Отвѣчаетъ челнъ сосновый:

— Плачу здѣсь я, челнъ несчастный, судно бѣдное, горюю, что меня на сушѣ держатъ, не спускаютъ въ волны моря. При постройкѣ говорили, мнѣ все время напѣвали, что военной лодкой буду, стану плавать я на битву, привозить домой богатство, грузы цѣлые сокровищъ. Я-жъ доселѣ не былъ въ битвѣ, за добычей въ даль не плавалъ. А челны меня похуже часто въ бой веселый ходятъ, трижды въ годъ плывутъ на битву, возвращаются съ добычей. Я-жъ, сколоченный отлично, изъ досокъ сухихъ, прекрасныхъ, все валяюсь здѣсь на

щепкахъ, на каткахъ смоленыхъ этихъ. Подо мною копошатся черви, слизни земляные, на моей высокой мачтѣ птицы гадкія гнѣздятся, на бокахъ моихъ, на ребрахъ скачутъ, прыгаютъ лягушки. Было-бъ мнѣ, гораздо лучше, коль была-бъ я елью горной иль сосною на пригоркѣ, и тогда въ моей вершинѣ прыгали-бъ, скакали бѣлки, а внизу игралъ-бы пёсикъ.

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Ты не плачь, мой челнъ прекрасный, не горюй, корабликъ славный! Ты пойдешь на бой веселый, скоро поплывешь на битву. Коль хорошее ты судно, коль творецъ тебя построилъ, то спустись само ты въ воду, покатись само на волны, чтобъ тебя не нужно было сталкивать плечами въ воду, стаскивать руками въ море.

Отвѣчаетъ челнъ сосновый:

— Весь мой родъ, челны всѣ, лодки, никогда не сходятъ въ воду, коль ихъ не столкнутъ плечами, коль не стащутъ ихъ руками.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Коль тебя спущу я въ воду, поплывешь ли ты безъ веселъ, если будешь безъ руля ты, если вѣтеръ не подуетъ?

Отвѣчаетъ челнъ сосновый:

— Весь мой родъ, челны всѣ, лодки, съ мѣста трогаться не станутъ, коль имъ не помогутъ весла, вѣтеръ парусъ не надуетъ.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Поплывешь ли ты по морю, коль начнутъ работать весла, если руль тебя направитъ, паруса надуетъ вѣтеръ?

Отвѣчаетъ челнъ сосновый:

— Весь мой родъ, челны всѣ, лодки, по волнамъ

прекрасно ходятъ, коль имъ весла помогаютъ, если руль ихъ направляетъ, если въ парусъ вѣтеръ дуетъ.

Старый вѣрный Вейнемейненъ на пескѣ коня оставилъ, на сучокъ повѣсилъ поводъ, въ волны челнъ спускаетъ пѣньемъ, говоритъ слова такія:

— Судно съ ребрами кривыми, челнъ, сколоченный отлично! Такъ ли на ходу хорошъ ты, какъ хорошъ, челнокъ, ты съ виду?

Отвѣчаетъ челнъ сосновый:

— Плавать я могу отлично, мѣста есть на мнѣ довольно: сто мужей сѣсть къ весламъ могутъ, тысяча на дно, на лавки.

Началъ пѣть тутъ Вейнемейненъ, и отъ мощной вѣщей пѣсни челнъ наполнился народомъ: на одномъ боку усѣлись силачи-красавцы мужи, въ сапогахъ, въ стальномъ оружьи, на другомъ же размѣстились все красавицы-дѣвицы, въ пояскахъ блестящихъ мѣдныхъ, въ ожерельяхъ, кольцахъ, серьгахъ. Пѣлъ все дальше Вейнемейненъ, и на челнъ явились старцы, размѣстилъ на днѣ онъ старцевъ, посадилъ ихъ потѣснѣе.

Вотъ онъ самъ къ рулю садится, направляетъ судно въ море, и слова такія молвитъ:

— Мчись, мой челнъ, по синю-морю, по равнинѣ водъ широкихъ, какъ пузырь легко плыви тамъ, какъ цвѣточекъ тамъ качайся.

Къ весламъ онъ мужей приставилъ, дѣвъ оставилъ всѣхъ безъ дѣла. Мужи тѣ гребутъ усердно, но пути не убываетъ. Онъ дѣвицъ приставилъ къ весламъ, мужамъ далъ сидѣть безъ дѣла. Стали грести усердно дѣвы, а пути не убывало. Посадилъ онъ къ весламъ старцевъ, далъ младымъ сидѣть безъ дѣла. Старики гребутъ прилежно, но пути не убываетъ. Наконецъ самъ Ильмаринен сѣлъ на весла, сталъ работать, и по-

мчался челнъ сосновый, путь короче становился. Онъ сильнѣй налегъ на весла, и раздался визгъ уключинъ, стонъ отъ веселъ, скрипъ скамеекъ, и запѣлъ, челнокъ какъ лебедь, крикнула корма какъ воронъ. Самъ же старый Вейнемейненъ на кормѣ сидѣлъ на красной, онъ рулемъ спокойно правилъ, съ плескомъ мчался челнъ сосновый.

Вотъ мысочекъ показался, на мыскѣ томъ деревушка, жилъ тамъ Ати Лемминкайненъ, проживалъ тамъ Каукомьели. Горевалъ безъ рыбы Ати, плакалъ тамъ безъ хлѣба Кауко, на мыскѣ въ своей избушкѣ, гдѣ ему жилося плохо. Дѣлалъ онъ себѣ тамъ лодку, дно сколачивалъ усердно на голодномъ томъ мысочкѣ, въ той несчастной деревушкѣ. Слухъ у Ати былъ хорошій, зрѣнье и того получше; онъ взглянулъ на сѣверъ, западъ, обратилъ свой взоръ на солнце, видитъ радугу далеко, а вдали за нею тучку. Но не радуга была тамъ, и не тучка тамъ явилась, ѣхалъ челнъ тамъ быстроходный, мчалась лодка въ синемъ морѣ, на кормѣ сидѣлъ мужъ сильный и рулемъ искусно правилъ.

Молвилъ юный Лемминкайненъ:

— Этой лодки я не видѣлъ, судна славнаго не знаю, что́ несется изъ Суоми, руль направивши на западъ.

Крикнулъ зычно онъ той лодкѣ, закричалъ, что́ было мочи:

— Чей челнокъ плыветъ по морю, чей качается корабликъ?

Отвѣчаютъ мужи съ лодки, такъ кричатъ ему дѣвицы:

— Ты съ чужбины, что-ль, явился, что признать не можешь судна, что́ несется изъ Вейноле, не призналъ и рулевого и съ весломъ гребца-героя?

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Узнаю я рулевого и гребца призналъ я тоже: то вѣдь мудрый Вейнемейненъ и кователь Ильмариненъ. Вы куда теперь плывете, ѣдете куда, герои?

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Мы плывемъ теперь на сѣверъ, направляемся въ Похьолу, чтобъ добыть оттуда Сампо, крышку пеструю похитить изъ горы, богатой мѣдью, изъ утеса на Похьолѣ.

Молвитъ такъ имъ Лемминкайненъ:

— О ты, старый Вейнемейненъ! Такъ возьми меня съ собою, въ помощь третьимъ ужъ героемъ, коль ты хочешь взять тамъ Сампо, крышку пеструю похитить. За себя вѣдь постою я, коль дойдетъ до боя дѣло, рукъ своихъ не пожалѣю, поработаю плечами.

Старый вѣрный Вейнемейненъ изъявилъ свое согласье, и веселый Лемминкайненъ поспѣшилъ къ нему на судно, захватилъ досокъ для борта, притащилъ ихъ въ лодку старца.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Вѣдь у насъ досокъ довольно для бортовъ, коль нужно будетъ. Ты зачѣмъ же тащишь доски, коль борты ужъ есть на лодкѣ?

Отвѣчаетъ Лемминкайненъ:

— Взялъ ихъ я на всякій случай, про запасъ онѣ годятся. Тамъ на сѣверѣ частенько бури сильныя бываютъ, отъ бортовъ онѣ у лодокъ часто доски открываютъ.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Оттого-то я и сдѣлалъ на челнѣ борты стальные, чтобъ не повредилъ имъ вѣтеръ, буря лодку не сломала.

Руна XI.

Вейнемейненъ дѣлаетъ кантеле.

Старый вѣрный Вейнемейненъ въ море челнъ
опять направилъ отъ отлогаго мысочка, отъ
той жалкой деревушки; съ пѣньемъ по вол-
намъ онъ мчится, радостно плыветъ по морю.

А дѣвицы на прибрежьи, пѣснѣ радостной
внимая, удивляются и молвятъ:

— Что́ за чудные тамъ звуки раздаются въ синемъ морѣ? Никогда намъ не случалось слышать пѣсни лучше этой.

Старый вѣрный Вейнемейненъ по рѣкамъ плыветъ день первый, день второй все по болотамъ, третій—по стремнинамъ бурнымъ. Проѣзжая по стремнинамъ, огненнымъ водоворотамъ, тотъ веселый Лемминкайненъ вспомнилъ вѣщія заклятья и слова такія молвилъ:

— Не кипи, рѣка, не пѣнься, перестань вздыматься грозно! Дочь стремнины, дѣва пѣны, сядь на скалы

средь пучины, и хватай прибой руками, не пѣнилися чтобъ волны, чтобы брызгами своими насъ онѣ не обдавали! Ты же, старица рѣчная, что́ живешь подъ пѣной вѣчно, ты всплыви наверхъ на волны, подними свой станъ надъ пѣной и свяжи всю эту пѣну, стереги всѣ эти волны, чтобъ онѣ насъ не губили, чтобъ невинныхъ не топили. Вы, утесы средь пучины, скалы, смоченныя пѣной, вы нагнитесь, опуститесь, передъ лодкой нашей красной, дайте путь-дорогу лодкѣ, пропустите челнъ сосновый.

„Если этого все мало, помоги ты намъ, сынъ Каммо! Просверли здѣсь щель побольше, сдѣлай буравомъ отверстье въ томъ утесѣ, средь потока, въ томъ большомъ подводномъ камнѣ, чтобы лодка не разбилась, пронеслась надъ нимъ безвредно. Если этого все мало, помоги ты, водъ хозяинъ! Преврати въ мохъ скалы эти, а челнокъ въ пузырь отъ щуки, какъ помчится онъ чрезъ волны, чрезъ подводные утесы. Ты же, дѣва водопада, что́ живешь въ стремнинѣ этой, ты скрути шнурокъ помягче изъ льняныхъ клубочковъ синихъ, тотъ шнурочекъ растяни ты надъ пучиною опасной, чтобъ нашъ челнъ по ней пронесся, отыскалъ себѣ дорогу. Ты же, кормчая богиня, ты достань свой руль чудесный, проведи нашъ челнъ счастливо чрезъ заклятые потоки, мимо злобныхъ чародѣевъ. Если этого все мало, помощь вѣрную найду я. Укко, ты мой богъ высокій, проведи мечомъ ты лодку, челнъ направь клинкомъ могучимъ, чтобъ легко скользила лодка, мчался быстро челнъ сосновый!

Старый вѣрный Вейнемейненъ правитъ дальше по стремнинѣ, черезъ грозныя ущелья, черезъ бурные пороги, миновалъ счастливо скалы и подводные утесы. Но когда ужъ судно вышло на просторъ широкій моря,

челнъ тамъ вдругъ остановился, сталъ, какъ вкопаный, на мѣстѣ. Самъ кователь Ильмариненъ и веселый Лемминкайненъ нагибаютъ челнъ, качаютъ, съ мѣста сдвинуть все желаютъ; но не сходитъ челнъ сосновый, точно пригвожденъ онъ къ мѣсту.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Ты, веселый Лемминкайненъ, посмотри туда, нагнися, обо что́ челнъ зацѣпился и на что́ онъ наскочилъ тамъ, на просторѣ водъ широкихъ? Вѣрно онъ тамъ зацѣпился иль за вѣтку, иль за камень?

Вотъ веселый Лемминкайненъ смотритъ въ воду, внизъ подъ лодку, и слова такія молвитъ:

— Не на камень челнъ наѣхалъ, наскочилъ онъ не на вѣтку, на плечо наѣхалъ щуки, на бедро морской собаки.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Въ морѣ все возможно встрѣтить: вѣтки, камни, рыбъ различныхъ. Если челнъ нашъ остановленъ щукою, морской собакой, такъ убей мечомъ собаку, разруби ее на части.

Тутъ веселый Лемминкайненъ мечъ свой вытащилъ поспѣшно и ударилъ въ воду съ силой, но при этомъ покачнулся и съ челна свалился въ воду.

Самъ кователь Ильмариненъ тащитъ за волосы Кауко, вытащилъ его изъ моря и слова такія молвитъ:

— Нынѣ всѣ въ герои лѣзутъ, всѣ желаютъ быть мужами! И такихъ не только сотни, даже тысячи найдутся!

Взялъ кузнецъ клинокъ блестящій и ударилъ имъ подъ лодку, но въ куски мечъ разлетѣлся, и могучаго удара не почувствовала щука.

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Ну, плохіе-жъ вы герои! Въ васъ не только по-

ловины, даже трети нѣтъ героя! Настоящій мужъ разумный зря за дѣло не берется, а размыслитъ все сначала.

Самъ онъ мечъ свой вынимаетъ, тащитъ свой клинокъ блестящій и его вонзаетъ въ воду, съ края прямо въ глубь подъ лодку, въ ребра щуки той огромной, въ спину той морской собаки. Но засѣлъ клинокъ тамъ крѣпко, мечъ застрялъ въ зубахъ у щуки. Старый вѣрный Вейнемейненъ все же вытащилъ ту рыбу, поднялъ щуку надъ водою, но въ куски распалась рыба: хвостъ упалъ обратно въ море, голова осталась въ лодкѣ; лодка-жъ снова закачалась, поплыла опять свободно.

Старый вѣрный Вейнемейненъ лодку къ острову направилъ и слова такія молвилъ:

— Кто изъ юныхъ здѣсь иль старыхъ распластаетъ эту щуку, рыбу поровну раздѣлитъ, щучью голову разрѣжетъ?

Отвѣчаютъ тотчасъ мужи, говорятъ ему дѣвицы:

— У ловца сильнѣе руки, пальцы у него искуснѣй.

Старый вѣрный Вейнемейненъ изъ ножонъ досталъ свой ножикъ, распласталъ на части щуку, самъ слова такія молвилъ:

— Кто изъ дѣвъ здѣсь помоложе, пусть намъ сваритъ эту щуку, изготовитъ намъ на завтракъ.

Десять дѣвъ варить взялися, щуку ту на споръ готовить, и сварили эту рыбу на обѣдъ, на завтракъ, ужинъ, кости лишь отъ ней остались на скалѣ лежать въ разбросѣ.

Старый вѣрный Вейнемейненъ осмотрѣлъ всѣ эти кости и слова такія молвилъ:

— Что́ изъ нихъ могло бы выйти—изъ зубовъ огромной щуки и изъ челюстей широкихъ, коль ихъ положить въ горнило, дать кователю въ работу, что́ въ своемъ искусенъ дѣлѣ?

Отвѣчаетъ Ильмариненъ:

— Ничего изъ нихъ не выйдетъ, изъ костей негодныхъ этихъ.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Изъ костей негодныхъ этихъ выйдетъ кантеле, быть можетъ, коль нашелся бы кователь, что́ ковать умѣетъ арфы.

Не нашелся тамъ кователь, кто съумѣлъ бы сдѣлать арфу изъ костей огромной щуки. Принялся самъ Вейнемейненъ связывать, скрѣплять тѣ кости, онъ связалъ ихъ всѣ искусно, кантеле прекрасно сдѣлалъ, вещь на вѣчную всѣмъ радость. Изъ тѣхъ челюстей огромныхъ самый ящикъ онъ устроилъ, изъ зубовъ огромной щуки сдѣлалъ онъ колки для гусель, струны звучныя онъ добылъ изъ волосъ коня Хіиси. Кантеле совсѣмъ

готово, зазвучали дивно гусли, и собралися малютки, молодежь, мужи и старцы, дѣвы, женщины, старухи арфою полюбоваться, поглядѣть на эти гусли. Старый вѣрный Вейнемейненъ предложилъ всей молодежи, мужамъ, женщинамъ и старцамъ поиграть на этихъ гусляхъ, что́ изъ щуки смастерилъ онъ. Заиграли молодые, старцы, женщины и мужи; у младыхъ все пальцы гнулись, головы тряслись у старцевъ, но веселья не настало, звуки были все нестройны.

И промолвилъ Лемминкайненъ:

— Эхъ вы, глупые ребята, полоумныя дѣвицы, неумѣлый все народецъ! Не умѣете играть вы, не извлечь вамъ стройныхъ звуковъ. Мнѣ вы кантеле подайте, положите на колѣни.

Вотъ веселый Лемминкайненъ тотчасъ кантеле поставилъ на колѣни предъ собою, такъ и сякъ по струнамъ водитъ,—гусли все звучатъ нестройно, не даютъ отрады струны.

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Нѣтъ средь этой молодежи, ни средь взрослыхъ, ни средь старцевъ, кто-бъ сыгралъ на этихъ гусляхъ, могъ отрадные брать звуки. Нѣтъ ли тамъ кого въ Похьолѣ, кто-бъ на кантеле сыгралъ бы, кто-бъ извлекъ изъ гуслей радость, если ихъ послать въ Похьолу.

И отправилъ онъ въ Похьолу, отослалъ онъ въ Саріолу гусли чудныя изъ щуки. Молодежь играть тамъ стала, дѣвы, женщины и мужи, даже Похьолы хозяйка кантеле въ рукахъ вертѣла, нажимала, отпускала, жала пальцами усердно. Поиграли всѣ въ Похьолѣ, старые и молодые, не дала игра отрады, не звучали стройно гусли. Строя не было на гусляхъ, струны плакали, визжали и скрипѣли такъ несносно, что нельзя ихъ было слушать.

Спалъ въ углу слѣпой тамъ старецъ, онъ проснулся на лежанкѣ, заворчалъ на печкѣ лежа:

— Бросьте вы играть, шумѣть тамъ, слушать васъ невыносимо! Отъ игры несносной вашей голова трещитъ ужасно, скоро я совсѣмъ оглохну, сонъ надолго потеряю. Если кантеле Суоми не приноситъ намъ веселья иль сонъ сладкій не наводитъ, бросьте гусли вы въ пучину иль назадъ вы ихъ снесите, кантеле тому отдайте, кто ихъ сдѣлалъ, кто настроилъ.

Вдругъ со струнъ отвѣтъ раздался, зазвучали сами гусли:

— Не хотимъ тонуть мы въ морѣ, подъ волною темной скрыться; мы звучать прекрасно можемъ, коль играть самъ мастеръ будетъ!

И тѣ гусли осторожно отнесли и положили на колѣни пѣснопѣвца, Вейнемейнена сѣдого.

Руна XLI.

Вейнемейненъ играетъ на кантеле.

Старый вѣрный Вейнемейненъ, вѣковѣчный пѣснопѣвецъ, пальцы всѣ свои расправилъ, вымылъ два большіе пальца, на утесъ услады вышелъ, на скалу сѣлъ пѣснопѣнья, на вершинѣ золотистой, на холмѣ томъ серебристомъ.

Кантеле беретъ онъ въ руки, ставитъ гусли на колѣни и слова такія молвитъ:

— Всѣ сюда идите слушать, кто доселѣ рунъ не слышалъ, не внималъ отраднымъ звукамъ пѣсенъ чудныхъ, вѣковѣчныхъ.

Началъ старый Вейнемейненъ пальцами водить по струнамъ на томъ кантеле изъ кости, заскользили быстро пальцы, мѣрно двигались большіе. И настало ликованье и веселье и отрада отъ тѣхъ чудныхъ, нѣжныхъ звуковъ, отъ напѣвовъ тѣхъ искусныхъ, что́ неслись изъ щучьей кости и съ волосъ звенѣли конскихъ.

Вотъ играетъ Вейнемейненъ, и со всѣхъ сторонъ стремятся и спѣшатъ лѣсные звѣри, чтобъ игру послушать старца, подивиться чуднымъ звукамъ. Скачутъ бѣлочки цѣпляясь, съ вѣтки прыгаютъ на вѣтку, подбѣгаютъ горностаи и бѣгутъ съ поляны лоси, радуются даже рыси. Волкъ проснулся на болотѣ, поднялся медвѣдь въ дубравѣ, волкъ бѣжитъ туда болотомъ, а медвѣдь бѣжитъ дубравой и на изгородь усѣлся, повалилъ ее на землю, на сосну тогда взобрался, чтобъ оттоль игру послушать, подивиться звукамъ чуднымъ. Самъ хозяинъ на Метсолѣ, съ нимъ всѣ жители лѣсные, старцы, юноши и дѣвы, поднялись наверхъ на гору, а сама хозяйка лѣса синіе чулки одѣла, подвязала краснымъ бантомъ, прислонилася къ березѣ, на изгибъ ольхи вѣтвистой, чтобы кантеле послушать, чтобъ внимать той чудной пѣснѣ.

Даже стаи птицъ небесныхъ запорхали, понеслися, прилетѣли слушать старца, на игру ту подивиться. Вотъ орелъ въ гнѣздѣ услышалъ звуки нѣжные Суоми, онъ птенцовъ своихъ оставилъ, полетѣлъ героя слушать. Съ высоты спустился ястребъ, изъ-за тучъ орлы примчались, съ волнъ морскихъ поднялись утки, вышли лебеди изъ топей; всѣ лѣсныя щебетуньи, крошки зяблики, синички, стаи чижиковъ веселыхъ, съ ними жаворонки съ поля, всѣ туда гурьбой слетѣлись и съ веселымъ щебетаньемъ на плечи спустились къ старцу. Даже дочери творенья, тѣ воздушныя дѣвицы, стали слушать съ восхищеньемъ, какъ то кантеле звучало; и одна на сгибъ воздушный, на небесный сводъ усѣлась, а другая засіяла съ края облачка златого. Въ это время дѣва солнца и дочь мѣсяца сидѣли на лазурной красной тучкѣ, съ краю на небесномъ сводѣ, ткань вязали тамъ златую, ткань серебряную ткали.

Но лишь только услыхали звуки чудные отъ гусель, берда выпали внезапно, челночки изъ рукъ упали, порвалась златая нитка, оборвался шнуръ сребристый.

И въ водѣ, въ обширномъ морѣ, ни одной не оказалось даже малой рыбной стаи, чтобъ не поплыла послушать, подивиться звукамъ нѣжнымъ: подплывали ближе щуки, съ мелей семги собрались, приплыли сиги изъ глубей, окуни, ерши, плотички, всѣ у камышей столпились, чтобъ послушать тѣ напѣвы, подивиться пѣснѣ дивной. Ато, царь морей глубокихъ, съ тростниковой бородою, также выплылъ на поверхность, показался межъ кувшинокъ, слышитъ чудные тѣ звуки, говоритъ слова такія:

— Никогда, нигдѣ не слышалъ я такихъ напѣвовъ прежде, какъ всѣ руны, пѣсни эти, что́ играетъ Вейнемейненъ.

Сотко, дочери прибрежья, тростниковыя сестрицы, тамъ у берега сидѣли, волоса себѣ чесали, гладили златыя кудри, золотой, сребристой щеткой,—какъ услышали тѣ звуки, выронили щетку въ воду, гребень уронили въ море, расчесавъ лишь вполовину кудри длинныя, златыя. И сама царица моря, вся въ травѣ морской и въ тинѣ, поднялась со дна морского, показалась надъ волною, пробралась въ тростникъ украдкой прислонилась тамъ къ утесу, чтобъ прислушаться къ тѣмъ звукамъ, Вейнемейнена напѣвамъ. Звуки дивные неслися, стройно кантеле звучало, и вздремнула тамъ царица, въ сонъ глубокій погрузилась, наклонилась надъ скалою, надъ утесомъ тѣмъ прибрежнымъ.

Старый вѣрный Вейнемейненъ день играетъ, два играетъ, не нашлося тамъ героя, не было кругомъ ни мужа и ни женщины, ни старца и ни златокудрой дѣвы, кто-бъ отъ звуковъ тѣхъ не плакалъ, чье бы сердце

не смягчилось. Плачутъ юноши и старцы, плачутъ люди холостые, бородатые герои, плачутъ рѣзвые ребята, плачутъ жены и дѣвицы, плачутъ дѣвочки-малютки,— такъ лилися дивно звуки, такъ игралъ прекрасно старецъ. Плачетъ также Вейнемейненъ, катятся обильно слезы, какъ жемчужины сбѣгаютъ, покрупнѣй болотныхъ ягодъ, покруглѣй яицъ тетерки, больше головы касатки. И лились безъ перерыва и сбѣгали эти слезы по щекамъ сѣдого старца, а со щекъ на подбородокъ, съ подбородка же стремились по груди высокой старца, а съ груди катились дальше, ниспадали на колѣни, а съ колѣнъ уже катились на подъемъ ноги высокій, а оттуда покатились уже подъ ноги, на землю. И прозрачныя тѣ слезы покатились по прибрежью и скатилися всѣ въ море, скрылись въ глуби, въ черной тинѣ.

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Нѣтъ ли здѣсь средь молодежи, въ поколѣньи этомъ юномъ, кто-бъ собралъ мнѣ эти слезы, добылъ ихъ изъ волнъ прозрачныхъ?

Отвѣчаютъ молодые, говорятъ ему такъ старцы:

— Нѣту здѣсь межъ молодежью, не найдется никого здѣсь, кто-бъ собралъ тебѣ тѣ слезы, добылъ ихъ изъ волнъ прозрачныхъ.

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Кто мои достанетъ слезы, соберетъ всѣ эти капли, изъ глубокихъ волнъ прозрачныхъ, дамъ тому изъ шолка платье.

Подлетѣлъ, закаркавъ, во́ронъ; молвилъ птицѣ Вейнемейненъ:

— Принеси мои мнѣ слезы, собери изъ волнъ прозрачныхъ, дамъ тебѣ изъ перьевъ платье.

Не досталъ тѣхъ капель во́ронъ, слезъ изъ синихъ волнъ не добылъ.

Слышитъ утка эти рѣчи, сизокрылая подходитъ, молвитъ такъ ей Вейнемейненъ:

— Утка сизая, ты часто въ глуби моря клювомъ шаришь, собери мои мнѣ слезы изъ глубокихъ волнъ прозрачныхъ, дамъ тебѣ тогда награду, платье славное изъ перьевъ.

Утка къ морю поспѣшила собирать тѣ слезы старца изъ глубокихъ волнъ прозрачныхъ; собрала ихъ въ тинѣ черной, добыла тѣ слезы въ морѣ, принесла ихъ въ руки старца. Но тѣ слезы измѣнились, превратились всѣ чудесно въ чистый и блестящій жемчугъ, чтобъ царямъ быть украшеньемъ и отрадой сильнымъ міра.

Руна XLII.

Похищеніе Сампо.—Потеря кантеле.

Старый вѣрный Вейнемейненъ, вмѣстѣ съ нимъ же Ильмариненъ и веселый Лемминкайненъ, самъ красавецъ Каукомьели въ путь отправились далекій, по обширной водъ равнинѣ, по волнамъ широкимъ моря, къ тѣмъ селеніямъ холоднымъ, къ той Похьолѣ, вѣчно мрачной, храбрые гдѣ гибнутъ мужи, гдѣ герои въ морѣ тонутъ. Кто-жъ гребцомъ у нихъ на лодкѣ? Впереди былъ Ильмариненъ, гребъ онъ веслами большими, позади гребъ Лемминкайненъ, гребъ онъ веслами поменьше. Старый вѣрный Вейнемейненъ, на кормѣ рулемъ самъ правилъ, правилъ по простору моря къ вѣчно мрачной Похіолѣ, къ пристани уже знакомой.

Какъ пріѣхали въ Похьолу, путь окончили далекій, судно подняли на берегъ, вытащили челнъ смоленый по каткамъ, обитымъ мѣдью, по стальнымъ валькамъ блестящимъ.

Вотъ въ избу они приходятъ; тамъ же Похьолы хозяйка молвитъ имъ слова такія:

— Прибыли съ какой вы вѣстью, рѣчь держать о чемъ хотите?

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ:

— Рѣчь мы поведемъ о Сампо, о красивой пестрой крышкѣ; раздѣлить пришли мы Сампо, любоваться пестрой крышкой.

Но хозяйка на Похьолѣ имъ слова такія молвитъ:

— Не раздѣлишь куропатку, бѣлку на троихъ не дѣлятъ. Хорошо шумѣть здѣсь Сампо, и легко молоть здѣсь крышкѣ, что въ горѣ лежитъ Похьолы, въ нѣдрахъ мѣднаго утеса. Хорошо и мнѣ живется, какъ хозяйкѣ пестрой крышки.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Коль дѣлиться ты не хочешь, не отдашь намъ половину, мы тогда все Сампо можемъ унести насильно въ лодку.

Лоухи, Похьолы хозяйку, охватила злоба, ярость; весь народъ Похьолы мрачной созвала она на помощь, молодыхъ героевъ, сильныхъ, Вейнемейнену на гибель.

Старый вѣрный Вейнемейненъ тотчасъ кантеле взялъ въ руки, принялся играть на гусляхъ, извлекать оттуда звуки; всѣхъ тѣ звуки поразили, слушали, дивились люди, сразу всѣ повеселѣли, засмѣялись жены, дѣвы, прослезилися герои, на колѣни пали дѣти. Усыпилъ народъ весь старецъ, погрузилъ ихъ всѣхъ въ дремоту, ослабѣли всѣ, кто слушалъ, старцы, юноши заснули при игрѣ чудесной старца. Тотчасъ мудрый Вейнемейненъ, вѣковѣчный заклинатель, рыться сталъ въ своемъ карманѣ, кожаный досталъ мѣшочекъ, вынулъ стрѣлы сна оттуда, на глаза навелъ всѣмъ дрёму, заперъ плотно всѣмъ рѣсницы, погрузилъ всѣхъ въ сонъ глубокій, что-

бы всѣ проспали долго. Какъ заснулъ народъ Похьолы, онъ отправился за Сампо, за той пестрой дивной крышкой, что́ внутри горы хранилась, въ нѣдрахъ мѣднаго утеса, гдѣ замковъ висѣло девять, а съ засовомъ даже десять. Началъ старый Вейнемейненъ напѣвать тихонько

пѣсню передъ мѣднымъ тѣмъ утесомъ, передъ той скалой огромной, и тамъ тотчасъ задрожали, затрещали тѣ ворота. Смазалъ петли Ильмариненъ, чтобъ тѣ двери не скрипѣли, поднялъ онъ засовъ огромный, безъ труда замокъ тамъ отперъ, и легко открылись двери.

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Ты, веселый Лемминкайненъ, средь друзей моихъ всѣхъ выше, ты пойди, достань тамъ Сампо, вынеси оттуда крышку.

Вотъ веселый Лемминкайненъ, молодецъ тотъ Каукомьели, что̀ скоръ на руку былъ всюду, поспѣшилъ достать тамъ Сампо, крышку вынесть изъ утеса, и, входя туда, самъ молвилъ, на ходу такъ похвалялся:

— Родъ недаромъ мой отъ Укко, богатырь я не послѣдній, Сампо я собью ногою, пяткой выверну ту крышку!

Вотъ пытаетъ Лемминкайненъ сдвинуть, вывернуть то Сампо, обхватилъ его руками и ногой уперся въ землю; но стоитъ недвижно Сампо, не шевелится та крышка: Сампо корни запустило въ глубь земли на девять саженъ. Былъ въ Похьолѣ быкъ огромный, сильный, съ крѣпкими боками, каждый рогъ его былъ въ сажень, морда въ полторы сажени. Ати взялъ быка съ поляны, притащилъ и плугъ съ собою, выпахалъ у Сампо корни, всю опору пестрой крышки, и пошевельнулось Сампо, крышка чуточку нагнулась.

Старый вѣрный Вейнемейненъ, съ нимъ же вмѣстѣ Ильмариненъ и веселый Лемминкайненъ понесли большое Сампо изъ тѣхъ нѣдръ скалы Похьолы, изъ горы, богатой мѣдью, отнесли его на лодку, въ кораблѣ своемъ укрыли. Уложивъ то Сампо въ лодку, скрывъ въ ней пеструю ту крышку, мужи челнъ спустили въ воду, на просторъ широкій моря.

И спросилъ тутъ Ильмариненъ, молвилъ онъ слова такія:

— Повеземъ куда мы Сампо, отвеземъ куда мы крышку изъ Похьолы вѣчно мрачной, отъ людей коварныхъ, злобныхъ?

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ:

— Отвеземъ теперь мы Сампо съ пестрой крышкою чеканной на мысокъ туманный дальній, на лѣсистый островъ въ морѣ, гдѣ лежать оно спокойно навсегда остаться можетъ; тамъ, я знаю, есть мѣстечко, уголокъ земли остался, что̀ непочатъ и, нетронутъ, гдѣ съ мечами не ступали.

Старый вѣрный Вейнемейненъ повернулъ корабликъ въ море отъ суроваго прибрежья и, довольный и веселый, молвилъ самъ слова такія:

— Мчись на родину, корабликъ, повернись кормой къ Похьолѣ! Вѣтеръ, мчи мой челнъ быстрѣе, волны, понесите лодку, облегчите весламъ дѣло на морской равнинѣ этой, на просторѣ водъ широкихъ! Коль коротки весла лодки, коль гребцы совсѣмъ безсильны, кормчій слишкомъ слабъ на лодкѣ—дай твои намъ весла, Ато, подари, царь моря, лодку, самъ садись тогда у веселъ, чтобъ челнокъ бѣжалъ быстрѣе по волнамъ, покрытымъ пѣной.

Старый вѣрный Вейнемейненъ правитъ лодку дальше въ море, а кователь Ильмариненъ и веселый Лемминкайненъ въ лодкѣ той гребутъ усердно, дружно весла въ ходъ пускаютъ по равнинѣ водъ широкихъ, по волнамъ, шумящимъ бурно.

Молвитъ юный Лемминкайненъ:

— Прежде, помнится, имѣлись у гребцовъ вода для веселъ, у пѣвцовъ искусныхъ пѣсни, что-жъ у насъ сегодня тихо и не слышно пѣсенъ въ лодкѣ?

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ:

— Пѣть не слѣдъ въ открытомъ морѣ, зачинать не время пѣсни,—пѣнье лѣнь лишь вызываетъ, гресть гребцамъ мѣшать лишь будетъ; свѣтъ дневной исчезъ бы скоро, темнота бы насъ застигла на равнинѣ водъ широкихъ, среди волнъ, покрытыхъ пѣной.

Молвитъ юный Лемминкайненъ:

— Безъ того умчится время и исчезнетъ день прекрасный, смѣнитъ ночь его поспѣшно, и наступитъ быстро сумракъ, хоть бы ты не пѣлъ и вовсе, никогда не распѣвалъ бы.

Ѣдетъ старый Вейнемейненъ, по волнамъ несется шумнымъ, правитъ день и два онъ правитъ, наконецъ уже на третій вновь заговорилъ тутъ Ати и спросилъ его вторично:

— Отчего же, Вейнемейненъ, лучшій мужъ, ты пѣть не хочешь? Ты съумѣлъ добыть ужъ Сампо и съ пути съумѣлъ не сбиться!

Старый вѣрный Вейнемейненъ такъ разумно отвѣчаетъ:

— Рано зачинать намъ пѣсни, предаваться здѣсь веселью; лишь тогда запѣть мы можемъ, волю дать веселой пѣснѣ, какъ свои увидимъ двери, скрипъ воротъ своихъ услышимъ.

Молвитъ юный Лемминкайненъ:

— Еслибъ я сидѣлъ тамъ кормчимъ, во всю мочь запѣлъ бы пѣсню, хоть совсѣмъ бы неумѣло, хоть бы вышло и нескладно. Коль не хочешь ты спѣть пѣсню, самъ тогда я попытаюсь.

И веселый Лемминкайненъ, молодецъ тотъ Каукомьели, ротъ сложилъ, наладилъ звуки, загорланилъ, что есть мочи, голосомъ осипшимъ, грубымъ. Такъ поетъ веселый Ати, борода и ротъ трясутся, скулы движутся усердно. Шумъ нескладной этой пѣсни далеко разнесся моремъ, до шестой проникъ деревни, за седьмымъ былъ моремъ слышенъ.

Тамъ журавль сидѣлъ на кочкѣ, на болотистой лужайкѣ; на ногахъ считая когти, поднималъ онъ мѣрно ноги. Вдругъ онъ вздрогнулъ, испугался, пѣсню Кауко ту

заслышавъ, страшно крикнулъ тамъ съ испугу, полетѣлъ оттуда дальше, прямо къ Похьолѣ далекой; тамъ спустился на болото, крикнулъ снова изъ всей силы, разбудилъ народъ Похьолы, прервалъ сонъ людей тѣхъ злобныхъ. Лоухи, Похьолы хозяйка, поднялась отъ дрёмы долгой, поспѣшила въ хлѣвъ къ коровамъ, побѣжала и къ овину, осмотрѣла свое стадо, перечла снопы въ овинѣ: цѣлы были всѣ коровы, налицо снопы всѣ были.

Но къ скалѣ какъ подбѣжала, къ входу мѣднаго утеса, молвила слова такія:

— Горе, горе, мнѣ несчастной! Были здѣсь чужіе люди, всѣ замочки здѣсь сломали, отворили дверь твердыни, петли всѣ съ воротъ сорвали! Неужель пропало Сампо, крышка пестрая исчезла?..

Сампо тамъ не оказалось, крышка пестрая исчезла изъ скалы, богатой мѣдью, изъ-подъ девяти засововъ. Злится Похьолы хозяйка, овладѣла ею ярость, видитъ власть ея ослабла, и могущество исчезло,—дѣвѣ мрака такъ взмолилась:

— Дѣва мрака, дочь тумана! Ты просѣй туманъ чрезъ сито, разстели ты мглу погуще, ниспошли пары густые на всю водную пустыню, на просторъ широкій моря, чтобъ съ пути тамъ сбился Вейно, чтобъ застрялъ бы тамъ другъ моря! Если это не поможетъ, подними ты, Ику-Турсо, голову свою изъ моря, погуби мужей Калевы, утопи героевъ злобныхъ, принеси обратно Сампо, привези его въ Похьолу! Если это не поможетъ, я къ тебѣ взываю, Укко, ты мой богъ высокій въ небѣ, царь чертоговъ золотистыхъ! Вышли бурю, непогоду, подними всѣ вѣтры сразу противъ лодки той на морѣ, чтобъ съ пути тамъ сбился Вейно, чтобъ застрялъ бы тамъ другъ моря!

Дѣва мрака, дочь тумана надышала мглу на море, мракомъ волны тамъ покрыла, все окутала туманомъ, задержала старца въ морѣ; и застрялъ тамъ Вейнемейненъ, простоялъ три ночи кряду посреди морей глубокихъ.

Простоявъ три ночи кряду на обширной водъ равнинѣ, молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Даже мужъ совсѣмъ безсильный, изъ героевъ самый слабый, никогда во мглѣ не гибнетъ, средь тумана не потонетъ.

Онъ мечомъ ударилъ въ воду, погрузилъ клинокъ свой въ море, и съ меча медъ заструился, сладкій сокъ съ клинка закапалъ; поднялися испаренья и разсѣялись туманы, мгла исчезла сразу съ моря, взорамъ даль предстала ясно. Времени прошло немного, нѣсколько всего мгновеній, волны страшно вдругъ поднялись возлѣ борта самой лодки, окатили всѣхъ тамъ пѣной, заливать всю лодку стали. Испугался Ильмариненъ, поблѣднѣлъ совсѣмъ отъ страха и накрылся одѣяломъ, чтобы ничего не видѣть. Тотчасъ старый Вейнемейненъ устремилъ свой взглядъ на мѣсто, гдѣ вода мутилась сильно, видитъ чудище морское. Ику-Турсо показался у борта, у самой лодки, поднялъ голову изъ глуби, надъ волною клокотавшей.

Старый вѣрный Вейнемейненъ Турсо за уши хватаетъ, поднялъ чудище повыше и спросилъ его сурово:

— Ику-Турсо, ты сынъ старца! Ты зачѣмъ изъ глуби вышелъ, ты зачѣмъ изъ волнъ явился, предъ очами человѣка, предъ лицомъ Калевы сына?

Ику-Турсо, тотъ сынъ старца, не обрадовался встрѣчѣ, да и не совсѣмъ ужъ струсилъ, но отвѣта не далъ вовсе. Старый вѣрный Вейнемейненъ тутъ спросилъ его вторично, въ третій разъ спросилъ ужъ строго:

— Ику-Турсо, ты сынъ старца! Ты зачѣмъ изъ глуби вышелъ, ты зачѣмъ изъ волнъ поднялся?

Ику-Турсо, тотъ сынъ старца, на вопросъ тотъ троекратный наконецъ въ отвѣтъ промолвилъ:

— Я затѣмъ изъ глуби вышелъ, я затѣмъ изъ волнъ поднялся, что хотѣлъ весь родъ Калевы погубить на этомъ мѣстѣ, утопить въ морской пучинѣ и снести обратно Сампо. Коль меня ты въ глубь отпустишь, дашь пощаду, жизнь оставишь, вдругорядъ ужъ не явлюся предъ очами человѣка.

Старый вѣрный Вейнемейненъ отпустилъ въ пучину Турсо, самъ слова такія молвилъ:

— Ику-Турсо, ты сынъ старца! Никогда не смѣй ужъ больше подниматься ты изъ моря, никогда не смѣй являться предъ очами человѣка!

И съ тѣхъ поръ тотъ Ику-Турсо появляться ужъ не смѣетъ предъ очами человѣка, отъ сего дня и до вѣка, пока солнце, мѣсяцъ, воздухъ намъ дарятъ отраду, радость.

Старый вѣрный Вейнемейненъ правитъ лодкою все дальше. Времени прошло немного, нѣсколько всего мгновеній, выслалъ Укко, царь небесный, бурю, вихри имъ навстрѣчу. Загудѣла страшно буря, сильный вихрь поднялся сразу, съ запада бушуетъ сильно, съ юго-запада сильнѣе, завываетъ и съ востока, рѣжетъ съ сѣверо-востока, съ дикимъ воплемъ, съ злобнымъ воемъ страшно съ сѣвера взвываетъ. Онъ сорвалъ съ деревъ всѣ листья, снесъ у сосенъ, елей иглы, сорвалъ злаки и цвѣточки, взрылъ со дна морского тину, раскидалъ ее по морю. Дули вѣтры съ страшной злобой, захлестали волны лодку, унесли съ собою гусли, кантеле изъ щучьей кости, всѣмъ на радость у Велламо, на усладу царю Ато и всему его народу.

Плачетъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Такъ исчезли мои гусли, сгибла вся моя отрада! Никогда ужъ не придется, никогда въ теченьи жизни, мнѣ извлечь изъ гусель радость, пѣсни изъ той щучьей кости!

Самъ кователь Ильмариненъ, въ страхѣ весь, въ испугѣ сильномъ, говоритъ слова такія:

— Горе бѣдному мнѣ, горе, что отправился я моремъ, что поплылъ пустыней водной на доскахъ, на бревнахъ зыбкихъ! Видѣлъ я и раньше бури, и на сушѣ и на морѣ, но такой, какъ эта буря, видѣть мнѣ не довелося; только вѣтеръ мнѣ—защита, лишь въ волнахъ—мое спасенье.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Плакаться не слѣдъ на лодкѣ, горевать не должно въ морѣ: слезы горю не помогутъ, плачемъ вѣдь бѣды не сбудешь.

И затѣмъ ужъ Вейнемейненъ таковое слово молвилъ:

— Обуздай дѣтей, о море, чадъ своихъ игру смири ты, успокой, о Ато, волны, прикажи, Велламо, чадамъ, чтобъ мой челнъ не захлестнули, не вливались волны въ лодку. Поднимися буря къ небу, скройся тамъ, гдѣ родилась ты, и не опрокинь мнѣ лодку, не крути мой челнъ сосновый. Лучше опрокинь ты сосны, повали въ лѣсу деревья.

Самъ веселый Лемминкайненъ говоритъ слова такія:

— Прилети, орелъ, изъ Турьи, дай мнѣ перышки для лодки, ты дай три, да два дастъ воронъ, пусть челну защитой будутъ.

Онъ къ бокамъ придѣлалъ доски, сколотилъ борта повыше, чтобы волны не хлестали, лодку бы не заливали.

Руна XLIII.

Битва изъ-за Сампо.

Лоухи, Похьолы хозяйка, созвала народъ поспѣшно, раздала мечи и луки, снарядила челнъ военный; воиновъ посадила въ лодку, мужей съ луками, съ мечами. Утвердила мачту въ лодкѣ, подняла огромный парусъ и пустилась въ путь какъ туча, точно облако на небѣ, чтобъ добыть обратно Сампо, чтобъ отнять его у Вейно.

Старый вѣрный Вейнемейненъ правитъ лодкою на морѣ, говоритъ слова такія, молвитъ такъ съ кормы высокой:

— О ты, сынъ веселый Лемпи, что̀ друзей моихъ повыше, полѣзай наверхъ на мачту, осмотрись тамъ хорошенько, ясны ли границы неба, аль виднѣются тамъ тучки?

Влѣзъ веселый Лемминкайненъ, поднялся наверхъ на

мачту, смотритъ на востокъ, на западъ, посмотрѣлъ на югъ, на сѣверъ, смотритъ въ сторону Похьолы, говоритъ слова такія:

— Впереди свѣтло все, ясно, но за нами небо темно: поднялась вдали тамъ тучка, облачко идетъ съ заката.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Нѣтъ, неправда, то не тучка, то не облачко тамъ видно,—это парусная лодка. Посмотри-ка хорошенько.

Смотритъ зорко Лемминкайненъ, говоритъ слова такія:

— Островокъ вдали тамъ виденъ, какъ утесъ лѣсистый въ морѣ; сокола сидятъ на вѣткахъ, глухари на сучьяхъ видны.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Нѣтъ, неправда, то не островъ, то не соколы сидятъ тамъ, и не глухари тамъ видны: то народъ все изъ Похьолы. Посмотри-ка хорошенько.

Смотритъ зорко Лемминкайненъ, говоритъ слова такія:

— Мчится съ сѣвера тамъ лодка, сотня веселъ видны въ морѣ, сто мужей гребутъ усердно, тысяча сидятъ съ мечами.

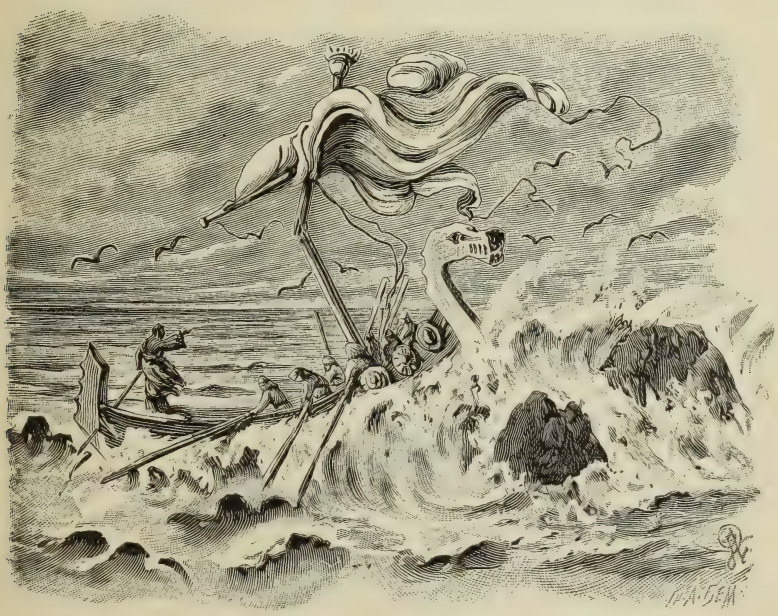
Старый вѣрный Вейнемейненъ убѣдился, что то правда, и слова такія молвилъ:

— Навались-ка, Ильмариненъ, и ты тоже, Лемминкайненъ, эй, гребите вы сильнѣе, чтобъ нашъ челнъ пошелъ быстрѣе, чтобъ отъ нихъ уйти могли мы!

Вотъ гребетъ самъ Ильмариненъ и веселый Лемминкайненъ, съ ними мужи всѣ на лодкѣ, стонутъ весла и правило, и уключины съ рябины, челнъ качается сосновый, носъ его визжитъ тюленемъ, а корма шумитъ стремниной; впереди вода клокочетъ, обдаетъ гребцовъ всѣхъ пѣной. Съ силою гребли герои, крѣпко налегли на весла; но уплыть не могъ челнъ быстрый, нагоняла ихъ та лодка, челнъ Похьолы съ парусами.

Видитъ старый Вейнемейненъ, что бѣдѣ быть неминучей, что грозитъ имъ всѣмъ несчастье, и полѣзъ въ мѣшочекъ съ трутомъ, вытащилъ кремень оттуда, оторвалъ кусочекъ трута, бросилъ за спину кремень тотъ, слѣва за плечо трутъ кинулъ и слова такія молвилъ:

— Пусть кремень скалою станетъ, будетъ камнемъ здѣсь подводнымъ, чтобъ на немъ Похьолы судно сто-

весельное погибло посреди буруновъ страшныхъ, среди грознаго прибоя.

И мгновенно подъ водою выросъ тамъ утесъ огромный, онъ длиною шелъ къ востоку, шириной лежалъ на сѣверъ.

Мчится слѣдомъ челнъ Похьолы, по волнамъ несется быстро и съ разбѣга налетаетъ на утесъ подвод-

ный этотъ. Раскололся челнъ Похьолы, лодка крѣпкая разбилась, мачта съ грохотомъ сломалась, паруса свалились въ воду, подхватилъ ихъ сильный вѣтеръ, раскидалъ по синю-морю.

Лоухи, Похьолы хозяйка, тотчасъ на утесъ спустилась, чтобы лодку сдвинуть съ мѣста, вновь спустить свой челнъ на волны; но поднять иль сдвинуть лодки не могла, какъ ни пыталась: ребра въ лодкѣ поломались, доски всѣ совсѣмъ разсѣлись.

Думала-гадала Лоухи, какъ бѣдѣ помочь великой,— и свой видъ вдругъ измѣнила, приняла другое тѣло: пять-шесть острыхъ косъ достала, ихъ взамѣнъ когтей одѣла, ребра въ крылья превратила, сдѣлала хвостомъ правило, сто мужей взяла на крылья, тысячу на хвостъ огромный. Распустила тотчасъ крылья, поднялась орломъ надъ моремъ, машетъ крыльями поспѣшно, чтобъ догнать сыновъ Калевы, облака крыломъ цѣпляетъ, по волнамъ влачитъ другое.

Вдругъ изъ волнъ творенья дѣва, мать воды такъ слово молвитъ:

— О ты, старый Вейнемейненъ, оглянись-ка ты немного, повернись лицомъ на западъ, взоры обрати на солнце!

Старый вѣрный Вейнемейненъ обратилъ свой взоръ на западъ, видитъ: Похьолы хозяйка страшной птицей вслѣдъ несется, съ виду кажется орлицей или ястребомъ огромнымъ. Вотъ настигла птица старца, опустилася на мачту, накренила страшно лодку, шумно хлынули въ челнъ волны.

Молвитъ въ страхѣ Ильмариненъ, проситъ такъ творца усердно:

— Защити, творецъ всесильный! Укко, богъ высокій въ небѣ! Дай мнѣ огненную шубу, дай изъ пламени

рубаху, чтобъ я биться могъ спокойно, подъ охраной ихъ сражаться!

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— О ты, Похьолы хозяйка! Намъ не раздѣлить ли Сампо на туманномъ томъ мысочкѣ, тамъ на островѣ лѣсистомъ?

Молвитъ Похьолы хозяйка:

— Не хочу дѣлить я Сампо, не хочу дѣлиться крышкой!

А сама хватаетъ Сампо, хочетъ вытащить изъ лодки; но веселый Лемминкайненъ быстро мечъ свой острый вынулъ, по когтямъ орла ударилъ, сталъ рубить по лапамъ птицу, говоритъ слова такія:

— Ну, валитеся оттуда, мужи жалкіе съ мечами, по сто съ крыльевъ этой птицы, а съ когтей такъ по десятку!

Молвитъ Похьолы хозяйка, говоритъ съ вершины мачты:

— О, веселый Лемминкайненъ, изъ героевъ самый жалкій! Обманулъ ты мать родную, ты солгалъ своей старухѣ, какъ сказалъ, что шестьдесятъ лѣтъ на войну ходить не будешь, ни для злата дорогого, ни для серебра чужого!

Видитъ старый Вейнемейненъ, что пора уже настала: вытащилъ изъ волнъ правило, руль дубовый изъ пучины, съ силой чудище ударилъ, раздробилъ орлу всѣ когти, лишь одинъ остался цѣлый, изъ когтей всѣхъ самый меньшій. И упали мужи въ море, всѣ они скатились въ волны, по сто съ крыльевъ этой птицы, тысяча — съ хвоста и тѣла; самъ орелъ свалился тоже, съ шумомъ грохнулся на судно, точно съ дерева тетерка, точно бѣлочка съ сучечка. Но, свалившись, птица тотчасъ ухватилася за Сампо, защѣпила крышку когтемъ, пота-

щила съ лодки въ воду, выбросила Сампо въ море, въ волны синія столкнула. Тамъ въ куски разбилось Сампо, тамъ сломалася та крышка, и ко дну пошли обломки, скрылись подъ волною синей,—и отъ тѣхъ обломковъ чудныхъ море вдругъ разбогатѣло, и, покуда надъ землею свѣтитъ въ небѣ мѣсяцъ ясный, не изсякнетъ то богатство, тѣ сокровища у Ато. Но другіе всѣ обломки, тѣ куски, что́ были меньше, на волнахъ заколыхались, закачались въ синемъ морѣ, вѣтеръ ихъ погналъ на берегъ, къ сушѣ принесло теченье.

Видитъ старый Вейнемейненъ, какъ прибой куски тѣ гонитъ, волны мчатъ къ прибрежью Сампо, и возликовалъ тутъ старецъ, молвитъ самъ слова такія:

— Вотъ изъ нихъ зерно возникнетъ, сѣмя счастья, благъ тѣхъ вѣчныхъ; будутъ пахоты, посѣвы, злаки зацвѣтутъ роскошно; заблеститъ отнынѣ мѣсяцъ, засіяетъ солнце счастья, озаритъ нашъ край прекрасный, всю обширную Суоми.

Молвитъ Похьолы хозяйка, говоритъ слова такія:

— Помѣшать я все-жъ съумѣю, у меня найдется средство противъ пашни и посѣвовъ, противъ стадъ и урожая, и сіять не будетъ мѣсяцъ, и сверкать не станетъ солнце: мѣсяцъ я запру въ утесѣ, солнце я запрячу въ гору, всѣ твои поля, посѣвы заморожу лютой стужей, забросаю крѣпкимъ градомъ; медвѣдей сгоню изъ лѣса, подниму всѣхъ косолапыхъ, чтобъ коровъ твоихъ терзали, чтобъ стада твои пожрали, весь народъ твой уничтожу, изведу все племя моромъ!

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Не боюсь я чаръ лапландскихъ, мнѣ онѣ совсѣмъ не страшны: надъ погодой богъ лишь властенъ, онъ блюдетъ ключи судьбины,—не чудовищу держать ихъ, не врагу судьбою править. Коль на бога я надѣюсь,

на творца я уповаю, сгонитъ онъ злодѣя съ поля, не допуститъ портить жатвы иль вредить, губить посѣвы. О ты, Похьолы хозяйка, ты запри въ утесъ злодѣевъ, спрячь въ горѣ враговъ всѣхъ злобныхъ, а не ясный свѣтлый мѣсяцъ и не солнце золотое; ты морозь свои посѣвы, градъ туда пошли ты крѣпкій, гдѣ твои пахали плуги, на поля твоей Похьолы; медвѣдей туда сгони ты, собери тамъ косолапыхъ, гдѣ твои стада гуляютъ, гдѣ стада Похьолы бродятъ!

Молвитъ Похьолы хозяйка:

— Власти я теперь лишилась, ослабѣла моя сила: мощь исчезла въ глуби моря, на куски разбилось Сампо.

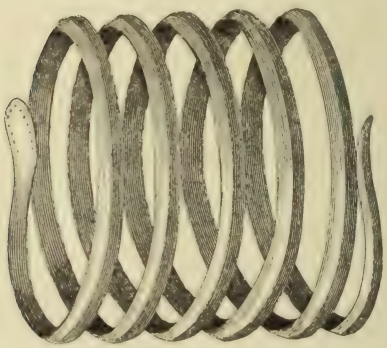
Съ горькимъ плачемъ, съ тяжкой скорбью Лоухи въ Похьолу вернулась, принесла съ собой отъ Сампо лишь осколочекъ ничтожный, — и съ тѣхъ поръ въ Похьолѣ бѣдность и всегда неурожаи.

Старый вѣрный Вейнемейненъ тотчасъ къ берегу причалилъ, тамъ собралъ осколки Сампо, всѣ обломки пестрой крышки, посадилъ ихъ на мысочкѣ, на томъ островкѣ лѣсистомъ, чтобъ росли и умножались, а потомъ зерномъ бы стали, ячменемъ для пива, браги, рожью славною для хлѣба.

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Ты пошли, всесильный боже, жизнь счастливую ты дай намъ, чтобъ, когда пора настанетъ, вѣкъ свой кончили мы съ честью, въ дорогой странѣ Суоми, здѣсь въ Карелiи прекрасной! Защити насъ, боже добрый, охрани, творецъ небесный, отъ враговъ всѣхъ, полныхъ злобой, отъ всѣхъ козней злобныхъ женщинъ; укроти всѣ вражьи силы, злобу на землѣ, на морѣ! Будь сынамъ твоимъ защитой, охраняй ихъ днемъ и ночью, чтобъ безъ гнѣва грѣло солнце, не свѣтилъ бы гнѣвно

мѣсяцъ, не подули злые вѣтры, не лился бы вредный дождикъ, не вредилъ морозъ иль стужа, иль суровое ненастье! Окружи стальнымъ заборомъ, каменной стѣной высокой все, чѣмъ я теперь владѣю, землю этого народа, чтобъ служилъ намъ всѣмъ оградой, былъ охраной намъ, защитой, чтобъ чего не тронулъ недругъ, не похитилъ врагъ бы дерзкій, никогда, покуда въ небѣ свѣтитъ солнце золотое.

Руна XLIV.

Вейнемейненъ дѣлаетъ новое кантеле.

Старый вѣрный Вейнемейненъ такъ подумалъ и помыслилъ:

— Вотъ теперь бы было время звукамъ радости раздаться на селеньи этомъ новомъ, на дворахъ прекрасныхъ этихъ! Но мои исчезли гусли, скрылось кантеле навѣки въ глубинѣ чертоговъ рыбьихъ, норахъ каменныхъ лососей, на отраду щукамъ въ морѣ и всѣмъ подданнымъ Велламо; Ато мнѣ его не выдастъ, гусель не вернетъ Велламо. Слушай, братъ мой, Ильмариненъ, скуй желѣзныя мнѣ грабли, грабли съ длинной рукояткой, чтобы я по дну могъ шарить, сгресть морскія волны въ кучу, камыши собрать всѣ въ копны, по всему прибрежью моря, отыскать мои тамъ гусли, кантеле добыть изъ глуби, изъ чертоговъ рыбьихъ въ морѣ, изъ убѣжища лососей.

Вотъ кузнецъ тотъ Ильмариненъ, вѣковѣчный тотъ

кователь, тотчасъ выковалъ искусно изъ желѣза старцу грабли, грабли съ мѣдной рукояткой, сдѣлалъ къ нимъ зубцы въ сто саженъ, рукоять въ пять разъ длиннѣе. Взялъ тѣ грабли Вейнемейненъ и пошелъ къ себѣ на пристань, гдѣ его лежали лодки на каткахъ, покрытыхъ мѣдью. Тамъ одинъ челнокъ былъ новый, а другой совсѣмъ ужъ старый.

Молвилъ старый Вейнемейненъ, такъ сказалъ онъ новой лодкѣ:

— Ты скатися въ море, лодка, самъ спустись, челнокъ, на волны, чтобъ тебя рукой не трогать, не толкать тебя локтями.

И сама скатилась лодка, самъ челнокъ спустился въ море. Старый вѣрный Вейнемейненъ на кормѣ усѣлся лодки, началъ подметать тамъ море, очищать тамъ дно морское. Сгребъ цвѣты всѣ водяные, смелъ тростникъ весь на прибрежье, глуби всѣ избороздилъ тамъ, у камней подводныхъ шарилъ,—не нашелъ нигдѣ однако кантеле изъ щучьей кости, эти гусли пѣснопѣнья, что́ дарили всѣхъ отрадой.

Старый вѣрный Вейнемейненъ свѣсилъ голову печально и побрелъ домой обратно, самъ слова такія молвилъ:

— Никогда ужъ не придется слышать радостныхъ тѣхъ звуковъ, утѣшаться рыбьей костью.

Вотъ идетъ домой онъ рощей, вдоль опушки онъ проходитъ, слышитъ вдругъ: береза плачетъ, слезы льетъ, тоскуетъ горько.

Подошелъ онъ къ той березѣ и такое слово молвилъ:

— Что, березынька, ты плачешь? что, зеленая, тоскуешь? Вѣдь тебя не въ битву тащутъ, воевать тебя не нудятъ.

Молвитъ дерево разумно, такъ береза отвѣчаетъ:

— Можетъ быть, подчасъ другіе, глядя на меня, промолвятъ, что живу я вѣкъ въ весельи, радуюсь, шуршу листвою. У меня же, бѣдной, горе, все печали да заботы, о себѣ я часто плачу, о судьбѣ своей жалѣю. Я теперь о томъ лью слезы, что мнѣ выпалъ горькій жребій, что бѣдняжкѣ мнѣ судилось, жить одной здѣсь безъ защиты, на негодномъ этомъ мѣстѣ, здѣсь на выгонѣ пустынномъ. Вѣдь другимъ дано же счастье, всѣ живутъ съ надеждой свѣтлой, что вернется снова лѣто, жизнь отрадная настанетъ. Мнѣ же суждено, несчастной, съ страхомъ ждать поры той теплой: всю кору-то мнѣ изрѣжутъ, всѣ-то вѣтки обломаютъ. Только лишь весна настанетъ, дѣти всѣ сюда сбѣгутся, стволъ мой весь ножомъ изрѣжутъ, сокъ мой выпустятъ наружу; пастухи же злые лѣтомъ вырѣжутъ мой поясъ бѣлый, изъ него сплетутъ лукошки, понадѣлаютъ посуду. Да и красныя дѣвицы часто мнѣ приносятъ горе: прибѣгутъ сюда толпою, зелень нѣжную мнѣ срѣжутъ, вяжутъ вѣники изъ вѣтокъ. Часто бѣдную березу и подъ пашню вырубаютъ или рубятъ на полѣнья. Ужъ три раза въ это лѣто ко мнѣ мужи приходили, топоры свои точили и срубить меня хотѣли. Вотъ какая радость лѣтомъ ждетъ меня всегда, бѣдняжку! И зимою мнѣ не лучше, время снѣжное не краше. Поздней осенью всегда-то горе видъ мой измѣняетъ, голову склоняетъ ниже, щеки у меня блѣднѣютъ. Тяжко вспоминать то время, злые дни, пору ненастья: вѣтры муки мнѣ приносятъ, стужа—горькія заботы, буря сниметъ зелень шубы, а морозъ — все одѣнье, такъ что я совсѣмъ, бѣдняжка, остаюсь здѣсь безъ покрова и дрожу отъ лютой стужи, плачу горько на морозѣ.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Ты не плачь, краса-береза, ты, зеленая, уймися! Участь ждетъ тебя благая, ждетъ тебя отрада въ жизни; будешь съ радости лишь плакать, громко ликовать отъ счастья.

Сдѣлалъ старый Вейнемейненъ кантеле изъ той березы, цѣлый день надъ нимъ работалъ на туманномъ томъ мысочкѣ, выгибъ вырѣзалъ искусно, сдѣлалъ ящикъ пѣсенъ прочно.

Кончилъ онъ свою работу и слова такія молвилъ:

— Вотъ ужъ кантеле готово всѣмъ на вѣчную отраду; но колки гдѣ я достану, гдѣ винты возьму для гусель?

На дворѣ росъ дубъ высокій, вѣтви были ровны, крѣпки, всѣ покрыты желудями, а на желудѣ на каждомъ было по златому шару, на шарѣ же—по кукушкѣ. Стали куковать кукушки, закричали пять разъ сряду и изъ клюва полилося злато, серебро обильно на серебряныя горки, золотистыя высоты. Тамъ онъ взялъ колки для гусель, взялъ для кантеле винточки.

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Добылъ я винты для гусель, есть для кантеле колочки, все же гусли не готовы, струнъ пяти недостаетъ въ нихъ. Гдѣ достать мнѣ эти струны, язычки добыть для гусель?

Вотъ идетъ искать онъ струны и идетъ долиной къ лѣсу. Видитъ тамъ сидитъ дѣвица, пѣсню тихо напѣваетъ, скоротать скорѣй чтобъ вечеръ, какъ бы съ тайною надеждой, что придетъ къ ней скоро милый.

Старый вѣрный Вейнемейненъ безъ сапогъ крадется къ дѣвѣ, безъ чулокъ бѣжитъ къ дѣвицѣ и когда къ ней подошелъ онъ, сталъ волосъ просить у дѣвы, говорить слова такія:

— Подари, краса, мнѣ локонъ, дай волосъ своихъ

немного, чтобъ у гусель были струны, чтобъ будили звуки радость.

И дала дѣвица локонъ, изъ волосъ, изъ самыхъ мягкихъ волосковъ пять-шесть вручила, даже семь ему достала,—вотъ откуда струны гусель, вотъ чѣмъ будятъ въ людяхъ радость.

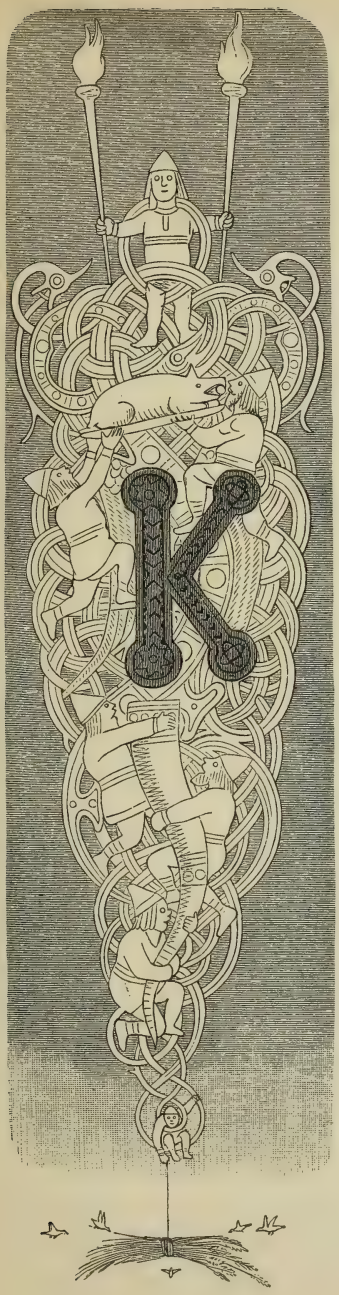
Сѣлъ тутъ старый Вейнемейненъ на скалу, на ближній камень, кантеле свое настроилъ, струны всѣ привелъ въ созвучье, взялъ тѣ гусли на колѣни, пробѣжалъ по нимъ ногтями, всѣмъ десяткомъ своихъ пальцевъ. Началъ старый Вейнемейненъ звуки извлекать изъ гусель, пальцами водить по струнамъ, выгибать большой свой палецъ; и звучать береза стала, зазвенѣла зелень древа, полилось кукушки злато, ликовать сталъ волосъ дѣвы. Вотъ играетъ Вейнемейненъ, струны кантеле запѣли, загудѣли лѣсъ и горы, дрогнули утесы въ морѣ, ликовать сталъ боръ сосновый, заплясали пни въ дубравѣ, а всѣ жены Калевалы побросали всю работу и спѣшатъ туда потокомъ, молодицы съ громкимъ смѣхомъ, а хозяюшки съ улыбкой, чтобъ игру послушать старца, подивиться звукамъ чуднымъ. Мужи, что̀ тамъ собрались, слушали всѣ, снявши шапки, женщины тамъ всѣ стояли, подперевъ ладонью щеки, дѣвушки всѣ прослезились, парни, юноши и дѣти на колѣни опустились, звукамъ нѣжнымъ тѣмъ внимая, той игрѣ дивяся чудной, и въ одинъ всѣ голосъ молвятъ, какъ одни уста глаголятъ:

— Никогда здѣсь не звучали пѣсни дивныя такія, и, пока сіяетъ мѣсяцъ, не было столь чудныхъ звуковъ.

Далеко несутся звуки, за шестымъ селеньемъ слышны, никого тамъ не нашлося, кто-бъ не поспѣшилъ послушать, подивиться пѣснѣ дивной, звукамъ кантеле прекраснымъ. Даже дикіе всѣ звѣри, когти подобравъ,

присѣли, чтобы кантеле послушать, чтобъ внимать игрѣ отрадной; птицы всѣ туда слетѣлись, тамъ разсѣлися по вѣткамъ, рыбы разныя морскія подплыли къ прибрежью ближе, черви выползли наружу, чтобъ игру послушать старца, звукамъ нѣжнымъ подивиться.

День, другой играетъ старецъ, сидя все на томъ же камнѣ; звуки чудные неслися, оглашали долъ и горы. Но когда въ избѣ игралъ онъ, въ домѣ томъ своемъ сосновомъ, такъ гудѣла кровля дома, полъ скрипѣлъ тогда сосновый, пѣли потолокъ и двери, ликовали всѣ окошки, шевелились камни въ печи, и звучали всѣ подпорки. Но когда бродилъ онъ лѣсомъ, шелъ по рощицѣ еловой, всѣ предъ нимъ склонялись сосны, кланялись ему всѣ ели, шишки сыпалися съ вѣтокъ, вѣтки падали на землю. Коль онъ лиственной шелъ рощей иль бродилъ по перелѣску, роща сразу оживала, ликовалъ весь перелѣсокъ, всѣ цвѣты смотрѣли нѣжно, наклонялись всѣ сучечки.

Руна XLV.

Лоухи шлетъ болѣзни въ Калевалу.

акъ узнала злая Лоухи, что Вейноле богатѣетъ, процвѣтаетъ Калевала чрезъ осколки тѣ отъ Сампо, чрезъ кусочки пестрой крышки, овладѣла зависть ею, стала дни и ночи думать, какъ бы смерть наслать въ Вейноле, извести весь родъ Калевы.

И съ мольбой она взываетъ, умоляетъ громовержца:

— Укко, ты мой богъ высокій! Погуби народъ Калевы, ниспошли ты градъ желѣзный, стрѣлы острыя стальныя, иль сгуби ихъ всѣхъ болѣзнью, уничтожь

весь родъ тотъ злобный, на дворахъ мужей убей всѣхъ, во хлѣвахъ сгуби всѣхъ женщинъ!

Мана дочь имѣлъ слѣпую, дѣву старую Ловьятарь, мать пороковъ и болѣзней, злой источникъ всякихъ бѣдствій; видъ у ней былъ безобразный и чернѣе темной ночи. Вотъ слѣпая дочь Туони, безобразная та дѣва, средь тропы постлала ложе, средь дороги улеглася на сквозномъ вѣтру холодномъ, среди сильной непогоды. Поднялся вдругъ вихрь ужасный, пронеслась съ востока буря и болѣзнь надула глупой на полянѣ той пустынной. Побрела тутъ дочь Туони, ищетъ помощи повсюду, чтобъ отъ хвори исцѣлиться; приходила и къ ущелью, гдѣ пять горъ сходились вмѣстѣ, подходила и къ потокамъ, къ безднамъ, огненнымъ пучинамъ, но нигдѣ не находила, не нашлось ей исцѣленья, и заплакала дочь Маны, стала мерзкая лить слезы.

Молвилъ ей создатель съ неба, изъ-за тучъ сказалъ всевышній:

— Тамъ въ Похьолѣ вѣчно мрачной есть мѣстечко на болотѣ, гдѣ ты можешь хворь оставить, исцѣлиться отъ болѣзни, тамъ тебя ужъ поджидаютъ, будутъ рады черной гостьѣ.

Дочка черная Туони, безобразная та дѣва, тотчасъ въ путь пошла далекій, къ той печальной Саріолѣ. Лоухи, Похьолы хозяйка, та беззубая старуха, приняла ее любезно, тотчасъ баню истопила и свела туда дочь Маны. Тамъ слѣпая дочь Туони злыхъ дѣтей родила скоро, девять сыновей негодныхъ; всѣмъ она дала названье, по тому, что́ могъ онъ дѣлать: первый вызывать могъ язвы, колики второй могъ дѣлать, третій создавалъ ломоту, а четвертый сынъ—сухотку, пятый разносилъ водянку, а шестой ходилъ съ коростой, сынъ седьмой владѣлъ чахоткой, а восьмой—чумой опасной, былъ не

названъ лишь девятый, что́ лежалъ тамъ на соломѣ. Мать его оттоль погнала, чтобы чудищемъ былъ въ морѣ, лѣшимъ пребывалъ въ дубравѣ, чтобъ повсюду сѣялъ зависть.

Лоухи, Похьолы хозяйка, всѣхъ ихъ вмѣстѣ посылаетъ на туманный тотъ мысочекъ, на лѣсистый островъ въ морѣ, натравила всѣ болѣзни, все отродье дщери Маны на всѣхъ жителей Вейноле, на весь родъ сыновъ Калевы. Захворалъ народъ Вейноле, заболѣлъ весь родъ Калевы отъ болѣзней тѣхъ ужасныхъ, неизвѣстныхъ имъ дотолѣ, такъ что полъ сталъ гнить подъ ними, въ потолкѣ гниль показалась.

Вышелъ старый Вейнемейненъ, вѣковѣчный заклинатель, чтобъ народъ весь свой избавить, чтобъ спасти сыновъ Калевы. Онъ пошелъ къ Туони биться, тамъ съ болѣзнями сражаться. Вотъ нагрѣлъ онъ сильно баню, накалилъ въ той банѣ камни чистыми совсѣмъ дровами, что́ въ рукѣ набралъ онъ чистой, и принесъ воды прозрачной, мягкихъ вѣниковъ нарѣзалъ, вызвалъ въ банѣ жаръ медовый, полный сладости и нѣги, изъ камней тѣхъ раскаленныхъ, и слова такія молвилъ:

-- Ты спустись, о боже, въ баню, въ этотъ жаръ, отецъ небесный, чтобъ подать намъ исцѣленье, чтобъ покой намъ приготовить. Уничтожь весь жаръ излишній, вредный жаръ отсюда вышли, чтобъ дѣтей твоихъ не сжегъ онъ, не сгубилъ твоихъ твореній! Пусть вода, чѣмъ поливаю я горячіе каменья, сладкимъ медомъ здѣсь стекаетъ, станетъ здѣсь рѣкой медовой; пусть невинный людъ не гибнетъ и не мретъ безъ воли божьей. Кто же насъ сгубить захочетъ, самъ пусть тотъ отъ чаръ погибнетъ. Коль я не силенъ настолько, чтобъ народъ спасти отъ бѣдствій, явится сюда самъ Укко, тотъ, что́ правитъ облаками, что́ по небу водитъ тучи.

„Укко, ты мой богъ высокій, что̀ царишь надъ облаками! Снизойди сюда на помощь, прекрати всѣ эти муки, прогони болѣзни эти, отошли невзгоду злую, уничтожь заразу тѣла! Даруй огненный клинокъ мнѣ, подари мнѣ мечъ огневый, чтобъ сразить я могъ всѣ муки, чтобъ прогнать я могъ болѣзни на тропу осеннихъ вѣтровъ, въ поле, въ дальнюю пустыню. Вы, болѣзни и мученья, скройтесь въ глубь утесовъ мѣдныхъ, спрячьтесь въ каменныя груды, тамъ болѣзнь камнямъ отдайте, мучьте скалы и утесы, обложите ихъ страданьемъ. Плакать скалы вѣдь не будутъ отъ болѣзней и страданій сколько-бъ ихъ не стали мучить, сколько-бъ ихъ тамъ ни терзали.

„Дочь мученій, дѣва Маны, что̀ царишь въ скалѣ болѣзней средь теченья трехъ потоковъ, вертишь тамъ мученья камни! Собери здѣсь всѣ болѣзни, спрячь въ скалу ихъ голубую, иль забрось подальше въ море, опусти на дно морское, гдѣ совсѣмъ не дуетъ вѣтеръ, не сіяетъ вовсе солнце. Если это не поможетъ, ты явись сюда, хозяйка, дѣва мукъ, краса всѣхъ женщинъ! Ты приди сюда скорѣе, принеси намъ всѣмъ здоровье, отними мученій силу, прогони отсюда муки, чтобъ больной могъ спать спокойно, чтобы слабый отдохнуть могъ. Собери всѣ муки въ бочку, въ мѣдный ящичекъ спрячь боли, и снеси отъ насъ мученья въ нѣдра той горы болѣзней, на вершину камня болей; тамъ свари болѣзни эти въ самомъ маломъ котелочкѣ, просверли затѣмъ отверстье посреди горы въ утесѣ, побросай туда всѣ муки, тамъ запри болѣзни злыя, чтобъ оттоль онѣ не вышли, никогда въ свѣтъ не являлись!

Началъ старый Вейнемейненъ, вѣковѣчный заклинатель, натирать мѣста больныя, смазывать болѣзни, раны, мазью разною волшебной, и слова такія молвилъ;

„О ты, Укко, богъ высокій, властелинъ ты нашъ небесный! Подними съ востока тучу, съ запада пошли другую, съ сѣвера гони ты третью, ниспошли и медъ, и воду, чтобъ болѣзни эти смазать, чтобъ утишить здѣсь страданья. Безъ творца вѣдь я безсиленъ, помощь шлетъ намъ лишь всевышній. Помоги, отецъ небесный, я смотрѣлъ своимъ вѣдь глазомъ, мазалъ я своей рукою, молвилъ этими устами и дышалъ своимъ дыханьемъ! Руки гдѣ мои не хватятъ, пусть персты творца коснутся, — вѣдь персты творца прекраснѣй, божьи руки поискуснѣй! Ты спустись сюда, создатель, исцѣлять явися, боже! Исцѣли больного ночью, пусть проснется онъ здоровымъ, мукъ не вѣдаетъ, ни болей, ни болѣзни, ни страданій никогда, пока сіяетъ, свѣтитъ золотой намъ мѣсяцъ!“

Старый вѣрный Вейнемейненъ, вѣковѣчный заклинатель, такъ изгналъ заразы злыя, прекратилъ болѣзни муки, излѣчилъ сыновъ Калевы, спасъ народъ отъ лютой смерти.

Руна XLV.

Лоухи шлетъ медвѣдя въ Калевалу.

Скоро вѣсть дошла до Лоухи, донеслась молва въ Похьолу, что оправилось Вейноле, исцѣлилась Калевала отъ тѣхъ посланныхъ болѣзней, отъ невѣдомыхъ недуговъ.

Лоухи, Похьолы хозяйка, вѣсть услышавши такую, еще пуще разозлилась, молвила слова такія:

— Средство знаю я другое, у меня иной есть способъ: натравлю медвѣдя въ дебряхъ, косолапаго я вышлю на стада, на скотъ Вейноле, на богатства Калевалы.

И медвѣдя натравила, косолапаго послала на пастбища Калевалы, на стада, на скотъ Вейноле.

Старый вѣрный Вейнемейненъ къ Ильмаринену приходитъ, тамъ слова такія молвитъ:

— Братъ, кователь Ильмариненъ! Скуй копье мнѣ поострѣе, скуй рогатину стальную съ крѣпкой мѣд-

ной рукояткой. Надо мнѣ убить медвѣдя, съ косолапымъ тѣмъ покончить, чтобъ моихъ коней не рвалъ онъ, табуновъ моихъ не портилъ, чтобы стадъ моихъ не трогалъ, не губилъ моихъ рогатыхъ.

И кузнецъ копье то сдѣлалъ не короткимъ и не длиннымъ, а какъ разъ чтобъ было впору: тамъ на остріѣ блестящемъ волкъ сидѣлъ съ медвѣдемъ рядомъ, снизу лось бѣжалъ рогатый, по древку жеребчикъ мчался, наверху олень тамъ пасся.

Утромъ выпалъ снѣгъ обильный, замелькалъ онъ въ легкихъ хлопьяхъ, точно шерсть овечки зимней, пеленой покрылъ поляны, и промолвилъ Вейнемейненъ, самъ сказалъ слова такія:

— Захотѣлось навѣстить мнѣ благодатную Метсолу, подойти къ лѣснымъ тѣмъ дѣвамъ, что́ живутъ въ чертогахъ синихъ. Въ лѣсъ иду я на охоту, на работу отправляюсь: лѣсъ, прими меня ты мужемъ, какъ своимъ героемъ Тапіо, помоги найти мнѣ счастье, изловить красавца лѣса! Мьеликки, лѣсовъ хозяйка, Теллерво, супруга Тапіо! Придержи своихъ собачекъ, укроти ты псовъ ретивыхъ подъ сосновымъ тѣмъ навѣсомъ, въ шалашѣ своемъ еловомъ. Отсо, яблочко лѣсное, толстячокъ съ медовой лапой! Лишь меня теперь заслышишь иль мою почуешь близость, тотчасъ спрячь свои ты когти, зубы скрой поглубже въ десны, чтобъ они мнѣ не вредили, чтобъ ко мнѣ не прикасались. Отсо, мой красавецъ славный, молодецъ съ медовой лапой! Лягъ, усни на кочкѣ мягкой, на скалѣ прилягъ прекрасной, гдѣ вокругъ тебя, качаясь, сосны шелестятъ и ели. Тамъ катайся на свободѣ, тамъ вертись, валяйся, Отсо, точно рябчикъ иль гусыня, что́ въ гнѣздо свое забрались.

Слышитъ старый Вейнемейненъ: вдругъ сердито песъ

залаялъ предъ берлогою медвѣдя, и слова такія молвилъ:

— Думалъ я: то кликъ кукушки, что тамъ птичка такъ распѣлась; но шумитъ то песъ мой вѣрный, лаетъ тамъ моя собачка, у дверей жилища Отсо, на дворѣ красавца мужа.

Старый вѣрный Вейнемейненъ подошелъ къ берлогѣ звѣря, тамъ копьемъ его ударилъ, сразу положилъ на мѣстѣ и слова такія молвилъ:

— Слава вышнему на небѣ и хвала творцу благому, даровалъ онъ мнѣ добычу, подарилъ мнѣ злато лѣса!

Вотъ онъ на медвѣдя смотритъ, говоритъ слова такія:

— Отсо, мой любимецъ лучшій, ты, краса съ медовой лапой! Не сердись, не злись напрасно, вѣдь не я съ тобой покончилъ, самъ же ты свалился съ вѣтки, покатился самъ съ пригорка, разорвалъ златую шубу, платье на себѣ испортилъ: скользко осенью въ дубравѣ, въ эту пору дни туманны. Ты, лѣсовъ златая птица, съ теплой шубою мохнатой! Брось холодную лачужку, ветхій ивовый шалашикъ. Выходи, лѣсовъ украса, трогайся за мною слѣдомъ, поспѣшимъ къ толпѣ героевъ, тамъ тебя съ почетомъ примутъ, угостятъ на славу медомъ, поднесутъ прекрасныхъ сотовъ.

Старый вѣрный Вейнемейненъ весело идетъ обратно со своимъ мохнатымъ гостемъ, распѣваетъ въ рощѣ пѣсни, по лѣсу идетъ играя; и несется къ дому пѣсня, слышна та игра въ жилищѣ.

Говоритъ народъ въ томъ домѣ, молвятъ всѣ въ одинъ тамъ голосъ:

— Слышенъ шумъ вдали веселый, слышна пѣсня изъ дубравы, пѣнье лапчатой пѣвуньи, звукъ рожка лѣсной дѣвицы.

Старый вѣрный Вейнемейненъ ко двору уже под-

ходитъ, весь народъ спѣшитъ навстрѣчу, говоритъ слова такія:

— Что-жъ, явилось наше злато, серебро пришло изъ лѣса? Лакомку дала-ль намъ роща, далъ ли рысь лѣсной хозяинъ, что на лыжахъ вы вернулись съ пѣсней, громкимъ ликованьемъ?

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Прибылъ гость къ намъ именитый, къ намъ пришелъ лѣсной красавецъ! Отворяйте-ка ворота, коль вамъ любъ пришелецъ знатный; если-жъ вамъ онъ не угоденъ, затворите вы ворота.

Такъ народъ ему отвѣтилъ, такъ ему сказали люди:

— Здравствуй, Отсо, мужъ пріятный, здравствуй, гость съ медовой лапой, рады мы, что къ намъ ты прибылъ, что пожаловалъ къ намъ въ гости. Ужъ давно тебя мы ждали, все надѣялись, желали, чтобъ раздался рогъ Тапіо, зазвучалъ лѣсной рожечекъ, что придетъ къ намъ злато лѣса, серебро дубравъ прибудетъ. Ждали точно урожая, точно лѣта поджидали: такъ ждутъ лыжи первопутка, сани ждутъ дороги санной, такъ ждетъ суженаго дѣва, такъ мужей ждутъ дома жены. Ждали мѣсяцы и годы, утро каждое гадали: гдѣ замѣшкался нашъ Отсо, гдѣ застрялъ лѣсовъ украса, иль Суоми онъ покинулъ и ушелъ въ края чужіе?

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Но куда-жъ сведу я гостя, провожу куда златого? Развѣ свесть его къ овину, положить тамъ на солому?

Такъ народъ ему отвѣтилъ, такъ ему сказали люди:

— Проведи въ избу ты гостя, подъ прекрасныя стропила, тамъ давно ужъ столъ накрыли, приготовили всѣ блюда, тамъ всѣ жены нарядились, платья лучшія одѣли.

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Отсо, золото лѣсное, ты краса съ медовой лапой! Проходи въ избу смѣлѣе, женъ и дѣвъ не бойся этихъ! Эй, вы, парни и дѣвицы, прочь съ дороги поскорѣе, вѣдь въ избу герой вступаетъ, входитъ молодецъ прекрасный! Но куда-жъ сведу я гостя, посажу куда любимца?

Отвѣчаютъ люди старцу:

— Проведи златого гостя, посади на печку съ краю, чтобъ могли мы мѣхъ увидѣть, шубой славной любоваться. Не тревожься, милый Отсо, что смотрѣть

твой мѣхъ мы станемъ, шубы мы вѣдь не испортимъ, сохранимъ ее надолго.

Старый вѣрный Вейнемейненъ, тотчасъ шубу снялъ съ медвѣдя, на стѣну ее повѣсилъ, всѣ котлы наполнилъ мясомъ и, обсыпавъ мясо солью, на огонь котлы поставилъ. Какъ сварилося то мясо, и съ огня котлы всѣ сняли, такъ поставили добычу на огромный столъ еловый, въ золотыя блюда, чаши, что́ до края были полны, этимъ золотомъ дубравы, этою украсой лѣса.

Молвилъ старый Вейнемейненъ и слова сказалъ такія:

— Дѣдъ холмовъ съ златою грудью, ты, хозяинъ Тапіолы, Мьеликки, краса Метсолы, добрая хозяйка лѣса, и всѣ жители лѣсные, всѣ на пиръ идите славный, есть запасовъ тутъ не мало, хватитъ всѣмъ поѣсть и выпить и останется довольно, чтобы всѣмъ раздать въ деревнѣ.

Тутъ народъ промолвилъ слово, такъ его спросили люди:

— Какъ на свѣтъ явился Отсо, гдѣ онъ выросъ съ славнымъ мѣхомъ? На соломѣ-ль онъ родился, или выросъ Отсо въ банѣ?

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Отсо росъ не на соломѣ, не въ овинѣ средь мякины. Вотъ гдѣ Отсо нашъ родился, молодецъ съ медовой лапой: возлѣ мѣсяца и солнца, близъ Медвѣдицы прекрасной, тамъ, у дочерей небесныхъ, между дѣвами творенья. Шла по грани, по воздушной, посреди небесъ дѣвица, шла она въ чулочкахъ синихъ и несла корзинку съ шерстью. Шерсть кидаетъ дѣва въ волны, волоса бросаетъ въ воду; тамъ ихъ вѣтры укачали, волны понесли къ прибрежью, къ мысу славному пригнали, гдѣ лѣсочекъ былъ медвяный. Мьеликки, хозяйка лѣса, мудрая та мать Метсолы, тѣ клочки собрала въ

морѣ, подняла всю шерсть съ прибрежья, всѣ клочки смотала быстро, спеленала ихъ съ заботой, уложила въ колыбельку, привязала цѣпь златую средь вершины многолистной. Тамъ она качала Отсо, тамъ баюкала младенца, подъ цвѣтущею вершиной, на соснѣ, обильной хвоей, посреди медвяной рощи, посреди лѣсовъ медовыхъ. Тамъ и выросъ Отсо славный, вышелъ онъ красавцемъ статнымъ, низконогій, косолапый, съ плоской мордой, толстымъ носомъ, съ головой широкой плоской и мохнатой длинной шерстью; не имѣлъ зубовъ онъ только, не снабженъ онъ былъ когтями.

„Говоритъ хозяйка лѣса, молвитъ такъ тогда Мьеликки:

„— Я дала-бъ ему и когти, подарила бы и зубы, еслибъ не нанесъ вреда онъ, еслибъ ими зла не дѣлалъ.

„И тогда поклялся Отсо Мьеликки, хозяйкѣ лѣса, передъ всемогущимъ богомъ, предъ создателемъ всесильнымъ, что вреда не будетъ дѣлать, злобныхъ дѣлъ вершить не станетъ. Мьеликки, хозяйка лѣса, мать та мудрая Метсолы, ищетъ зубы для любимца, хочетъ дать ему и когти. Межъ рябинъ она ихъ ищетъ, осмотрѣла можжевельникъ, ищетъ средь корней упругихъ, межъ стволовъ смолистыхъ, твердыхъ, но зубовъ тамъ не находитъ и когтей не видитъ также. Тамъ росла сосна на горкѣ, расцвѣла въ полянѣ елка съ серебристыми вѣтвями, съ золотистыми сучками. Ихъ беретъ хозяйка лѣса, дѣлаетъ для Отсо когти, размѣщаетъ въ деснахъ зубы, крѣпко въ челюсти сажаетъ. А потомъ его пустила, выслала гулять любимца, чтобъ бродилъ онъ по болотамъ, бѣгалъ по тѣнистымъ рощамъ, по лѣсной гулялъ опушкѣ, забавлялся на полянахъ, но чтобъ онъ гулялъ пристойно, чтобы велъ себя прилично, проводилъ златое время на поляхъ и на болотахъ,

башмаковъ не зная лѣтомъ, а зимой бы укрывался подъ черемушною кровлей, у корней сосны вѣтвистой, въ можжевеловой избушкѣ, подъ коврами шерстяными, да подъ мягкими плащами—тамъ-то я нашелъ любимца, вотъ оттоль я добылъ Отсо".

Молвятъ старцу молодые, говорятъ ему и старцы:

— Какъ же лѣсъ тамъ былъ столь добрымъ и столь милостивъ Тапіо, что онъ уступилъ любимца, выдалъ лакомку до меда? Иль за нимъ съ копьемъ гонялись, или стрѣлами пугали?

Молвилъ старый Вейнемейненъ:

— Лѣсъ ко мнѣ былъ благосклоненъ, милостивъ ко мнѣ Тапіо. Мьеллики, хозяйка лѣса, съ Теллерво, лѣсною дѣвой, провели меня тропинкой, мѣтки дѣлали дорогой, чтобы я съ пути не сбился, знаки ставили на горкахъ, на деревьяхъ же зарубки, указали мнѣ дорогу къ дому знатнаго медвѣдя. А когда туда пришелъ я, подошелъ ужъ къ самой двери, я въ него копья не бросилъ, не стрѣлялъ въ него изъ лука; самъ упалъ онъ съ скользкой вѣтки, самъ онъ съ вышины свалился, разорвалъ всю грудь о сучья, распоролъ о вѣтки брюхо. Назову того я мужемъ, я того сочту героемъ, кто клыки у Отсо вынетъ, вынетъ у него всѣ зубы.

Но никто тамъ не нашелся, ни одинъ смѣльчакъ не вышелъ. Старецъ самъ клыки всѣ вынулъ, вытащилъ у звѣря зубы и слова такія молвилъ:

— Отсо, яблочко лѣсное, ты краса лѣсовъ зеленыхъ! Встань, пройди еще немного, выйди изъ лачужки этой, въ домъ другой пройдись отсюда, что́ повыше и просторнѣй. Ну, пойдемъ же, мое злато, въ путь отправимся скорѣе по извилистой тропинкѣ, гдѣ порою свиньи бродятъ, гдѣ рѣзвятся поросята, на лѣсистую ту горку, на высокій тотъ пригорокъ, къ соснамъ съ темною вер-

шиной, къ елямъ темнымъ стовѣтвистымъ! Хорошо тебѣ тамъ будетъ, время проведешь тамъ славно: тамъ стада гуляютъ близко, звонъ бубенчиковъ тамъ слышенъ.

Какъ вернулся Вейнемейненъ, воротился снова къ дому, молодежь его спросила, молвила слова такія:

— Ты куда отнесъ добычу, ты куда дѣвалъ медвѣдя? Не на льду-ль его ты бросилъ, не зарылъ ли въ снѣгъ глубоко, иль его въ болото кинулъ, закопалъ въ песокъ сыпучій?

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

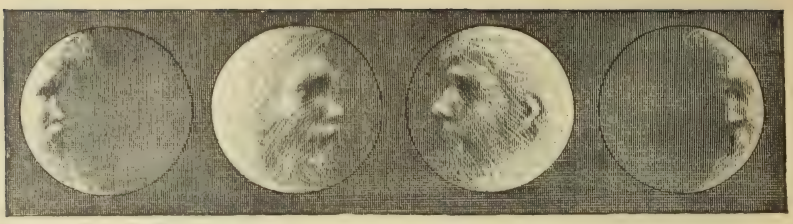
— Не на льду его я бросилъ, не зарылъ и въ снѣгъ глубоко,—тамъ его собаки-бъ съѣли, птицы скоро-бъ расклевали. И въ болото я не бросилъ, не зарылъ въ песокъ сыпучій,—тамъ его бы черви съѣли, муравьи-бъ его пожрали. Я отнесъ мою добычу, тѣ остатки, что́ остались, на пригорокъ золотистый, на сосну ту вѣковую, положилъ его на сучья, средь густыхъ вѣтвей огромныхъ, на отраду добрымъ людямъ, на усладу всѣмъ прохожимъ.

Старый вѣрный Вейнемейненъ началъ пѣть прекрасно руны, чтобы вечеръ тотъ украсить, чтобы день весельемъ кончить; онъ игралъ и пѣлъ весь вечеръ, всѣмъ на радость и усладу и, окончивъ пѣнье, молвилъ, самъ сказалъ слова такія:

— Дай и впредь намъ, боже добрый, здѣсь справлять такой же праздникъ, молодцу устроить свадьбу, дѣлать пиръ здѣсь всѣмъ мохнатымъ! Ты подай всегда, всевышній, чтобъ въ лѣсахъ помѣтки были и зарубки на деревьяхъ, чтобы путь нашла къ добычѣ вся толпа мужей отважныхъ, если выйдетъ на охоту! Дай почаще, боже правый, слышать Тапіо рогъ славный, дудочку лѣсную слышать на дворахъ на нашихъ малыхъ. Пусть

здѣсь цѣлый день играютъ, веселятся каждый вечеръ здѣсь въ странѣ обширной этой, здѣсь въ родномъ краю Суоми, средь растущей молодежи, въ возникающемъ народѣ!

Руна XLVII.

Лоухи похищаетъ солнце и мѣсяцъ.

Старый вѣрный Вейнемейненъ долго тамъ игралъ на гусляхъ, онъ игралъ и пѣлъ искусно, и у всѣхъ людей отраду эти пѣсни пробуждали. Къ мѣсяцу проникли звуки, донеслись къ окошку солнца: изъ чертоговъ вышелъ мѣсяцъ, опустился на березу, изъ дворца явилось солнце и на ель оно спустилось, чтобы кантеле послушать, подивиться чуднымъ звукамъ.

Лоухи, Похьолы хозяйка, та беззубая старуха, тутъ же солнышко поймала, захватила свѣтлый мѣсяцъ и поспѣшно унесла ихъ въ вѣчно мрачную Похьолу.

Мѣсяцъ Лоухи прячетъ дома подъ одной скалой огромной, солнце крѣпко запираетъ средь горы, богатой сталью, говоритъ слова такія:

— Никогда уже не выйти солнцу, мѣсяцу отсюда, коль сама не отпущу ихъ, коль не выпущу на волю, вмѣстѣ съ девятью конями отъ одной и той же матки.

Лишь успѣла спрятать мѣсяцъ, запереть златое солнце въ томъ утесѣ на Похьолѣ, въ той горѣ, богатой сталью, похищаетъ также пламя, весь огонь въ жилищахъ Вейно; безъ огня дома остались, села всѣ лишились свѣта. Вотъ ночь долгая настала, полный мракъ безъ перерыва, ночь была во всей Калевѣ, мракъ царилъ въ домахъ Вейноле, даже въ небѣ, гдѣ жилъ Укко, наступилъ мракъ непроглядный.

Трудно было жить безъ свѣта, безъ огня же и подавно; люди всѣ затосковали, пріунылъ самъ Укко даже. Укко, повелитель неба, воздуха благой создатель, удивился и подумалъ, что́ тамъ съ мѣсяцемъ случилось, приключилось что́ тамъ съ солнцемъ, что свѣтить не вышелъ мѣсяцъ, что блистать не вышло солнце? Подошелъ онъ къ краю тучи, вышелъ онъ къ границамъ неба въ свѣтлыхъ голубыхъ чулочкахъ, въ пестрыхъ башмачкахъ красивыхъ, чтобъ сыскать тотъ свѣтлый мѣсяцъ, отыскать златое солнце. Но найти онъ ихъ не можетъ—солнца, мѣсяца не видитъ. Выбиваетъ старецъ пламя огненнымъ мечомъ блестящимъ, тѣмъ клинкомъ, что́ искры мечетъ, молніей сверкаетъ грозной, средь небеснаго пространства, на равнинахъ звѣздныхъ ровныхъ.

Вызвалъ такъ огонь онъ къ жизни, спряталъ огненную искру въ шитый золотомъ мѣшечекъ, серебромъ покрытый ларчикъ, далъ качать воздушной дѣвѣ, искру ту баюкать нѣжно, чтобы выросъ новый мѣсяцъ, солнце новое родилось. Вотъ воздушная та дѣва на краю огромной тучи тотъ огонь качаетъ нѣжно и баюкаетъ ту искру въ золотой прекрасной люлькѣ, на ремняхъ златыхъ висѣвшей. Гнутся изъ сребра стропила, отъ качанья колыбели облака дрожатъ, трясутся, гулъ по небесамъ несется. Покривилась крыша неба какъ баю-

кали ту искру, какъ огонь качали въ люлькѣ. Дѣва все огонь качаетъ, убаюкиваетъ пламя, искру гладитъ и ласкаетъ, няньчитъ, холитъ, какъ младенца. Вдругъ огонь изъ рукъ тутъ выпалъ, выронила дѣва пламя: дрогнуло, распалось небо, сводъ воздушный весь раскрылся, искра яркая помчалась черезъ шесть палатокъ звѣздныхъ, полетѣла книзу съ неба, пронеслась чрезъ тучи быстро.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Братъ, кователь Ильмариненъ! Сходимъ-ка скорѣй, посмотримъ, поразвѣдаемъ съ тобою, что́ за искра тамъ блеснула, что́ за пламя съ свистомъ мчалось, съ вышины небесъ скатилось, на земное наше ложе. Можетъ, то луны былъ ломтикъ или малый кругъ отъ солнца?

И они пошли поспѣшно, побѣжали размышляя, какъ бы имъ скорѣй добраться, какъ пройти прямѣе къ мѣсту, гдѣ свалилася та искра, гдѣ огонь скатился съ неба. Путь имъ скоро преградила рѣчка быстрая, большая. Началъ старый Вейнемейненъ дѣлать тамъ поспѣшно лодку, строить челнъ въ лѣсу пустынномъ; самъ кователь Ильмариненъ руль-правило сдѣлалъ къ лодкѣ, вырубилъ изъ ели весла. Лодку сколотили скоро, къ ней уключины прибили, на воду челнокъ спустили, гресть поспѣшно стали дальше по рѣкѣ Невѣ широкой, внизъ по быстрому теченью.

Ильматарь, творенья дѣва, повстрѣчала ихъ въ дорогѣ, молвила слова такія:

— Изъ какихъ мужей вы люди, какъ васъ дома называютъ?

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ:

— Мы съ нимъ оба мореходы, я вотъ старый Вейнемейненъ, а вотъ этотъ—Ильмариненъ. Ну, и ты скажи намъ тоже, назови свое намъ имя?

Отвѣчаетъ такъ имъ дѣва:

— Я старѣйшая изъ женщинъ, первая изъ дѣвъ воздушныхъ, матерь первая на свѣтѣ. Замужемъ была я пять разъ, шесть разъ я была невѣстой. Вы куда плывете мужи, вы куда теперь спѣшите?

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Весь огонь у насъ потушенъ, ясный свѣтъ исчезъ безслѣдно; безъ огня давно живемъ мы, пребываемъ въ

полномъ мракѣ, а теперь хотимъ развѣдать, огонекъ найти тотъ яркій, что́ сюда скатился съ неба, съ облаковъ упалъ высокихъ.

Такъ отвѣтила имъ дѣва, молвила слова такія:

— Трудно тотъ огонь найти вамъ, не легко сыскать то пламя. Бѣдъ огонь ужъ сдѣлалъ много, натворилъ онъ зла не мало. Искра быстро пронеслася, пламя красное скатилось изъ полянъ творца обширныхъ, гдѣ его самъ Укко выбилъ, и упало чрезъ равнины, чрезъ

небесныя пространства, чрезъ оконце дымовое по стропиламъ новымъ крыши, въ избу новую Туури, прямо къ Пальвойнену въ сѣни. Какъ огонь туда скатился, въ хату новую Туури, сталъ творить дѣла тамъ злыя, совершать тамъ злодѣянья: опалилъ всѣхъ женъ, дѣвицъ тамъ, сыну повредилъ колѣно, старцу бороду испортилъ. Мать кормила тамъ малютку, люльку ветхую качала, и туда огонь пробрался, совершилъ тамъ преступленье: сжегъ малютку въ колыбелькѣ, грудь кормилицѣ спалилъ всю; такъ погибъ ребенокъ бѣдный, отошелъ въ жилище Маны,—видно такъ судьба рѣшила, рокъ такой ужъ ждалъ малютку, чтобъ погибъ онъ въ мукахъ страшныхъ, чтобъ средь пламени скончался. Мать его была умнѣе, не сошла она къ Туони, вѣдала она заклятья, выгонять умѣла пламя на окрайнѣ дальней пашни, чрезъ ушко стальной иголки, черезъ скважину въ мотыкѣ, черезъ проухъ топорища.

Старый вѣрный Вейнемейненъ тутъ спросилъ поспѣшно дѣву:

— Но куда-жъ огонь дѣвался, гдѣ же скрылася та искра съ поля дальняго Туури: не въ лѣсу ли или въ морѣ?

Такъ въ отвѣтъ сказала дѣва, молвила слова такія:

— Понеслось оттуда пламя, покатилась дальше искра, на пути пожгла поляны, пашни, рощи и болота, наконецъ скатилась въ воду, въ волны озера упала; воды тамъ вдругъ закипѣли, пламя дико зашипѣло. Трижды въ ночь порою лѣтней, девять разъ осенней ночью, воды озера выходятъ, до вершинъ деревъ вскипаютъ, и шипитъ въ нихъ злобно пламя и клокочутъ шумно волны. Рыбъ всѣхъ бросило на берегъ, выкинуло ихъ на скалы, и тоскуютъ тамъ бѣдняжки, плачутъ о своемъ жилищѣ, окуни о днѣ глубокомъ, ершъ о каменныхъ хоромахъ.

„Поднялся горбатый окунь, за огнемъ гоняться началъ, но огня не могъ догнать онъ; синій сигъ помчался слѣдомъ, искру ту догналъ онъ скоро, проглотилъ огонь тотъ злобный. Сразу озеро смирилось, въ берега вступило снова, на свое спустилось мѣсто, по краямъ своимъ опало. Времени прошло немного, и почуялъ сигъ тотъ скоро боль ужасную въ желудкѣ отъ проглоченной той искры. Заметался онъ отъ боли, день, другой въ испугѣ мчится вдоль всѣхъ островковъ сиговыхъ, по пристанищамъ лососей, мимо сотенъ, мимо тысячъ островковъ, мысочковъ разныхъ, и сказали островки тѣ, молвили такъ всѣ мысочки:

„— Нѣтъ ли въ озерѣ семъ тихомъ, кто бѣднягу проглотилъ бы, прекратилъ его страданья, положилъ конецъ мученьямъ?

„Слышитъ эту рѣчь пеструшка и сига она глотаетъ. Времени прошло немного и почуяла пеструшка, что горитъ у ней желудокъ отъ проглоченной той рыбы. Мечется она повсюду, день, другой со страху мчится вдоль всѣхъ островковъ лососьихъ, по пристанищамъ пеструшекъ, мимо сотенъ, мимо тысячъ островковъ, мысочковъ разныхъ, и сказали островки тѣ, молвили тамъ такъ мысочки:

„— Нѣтъ ли въ озерѣ семъ тихомъ, кто бѣдняжку проглотилъ бы, прекратилъ ея страданья, положилъ конецъ мученьямъ?

„Щука сѣрая выходитъ и глотаетъ ту пеструшку. Времени прошло немного, щука сѣрая вдругъ чуетъ боль ужасную въ желудкѣ. Заметалась щука всюду, день, другой со страху мчится вдоль жилищъ воронъ прибрежныхъ, возлѣ скалъ приморскихъ чаекъ, мимо сотенъ, мимо тысячъ островковъ, мысочковъ разныхъ, и сказали островки тѣ, молвили тамъ такъ мысочки:

„— Нѣтъ ли въ озерѣ семъ тихомъ, кто бѣднягу проглотилъ бы, прекратилъ ея страданья, положилъ конецъ мученьямъ?“

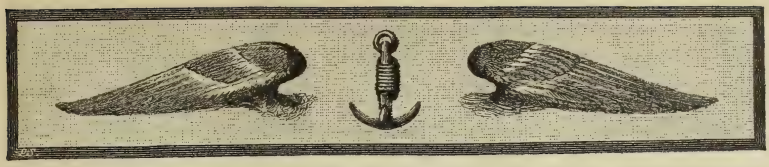
Старый вѣрный Вейнемейненъ и кователь Ильмаринен ъ можжевельникъ тутъ срѣзаютъ, изъ мочалы вяжутъ сѣти, ивовой водой ихъ красятъ, мочатъ ихъ въ корѣ отъ ивы, и къ сѣтямъ тѣмъ ставятъ женщинъ, чтобы неводъ тотъ тянули. Потянули неводъ сестры и гребутъ и тянутъ сѣти мимо острововъ и мысовъ, по пристанищамъ лососей, вдоль сиговыхъ всѣхъ притоновъ, тянутъ чрезъ тростникъ прибрежный, тянутъ чрезъ камышъ высокій; но какъ ни старались жены, рыбы той все-жъ не поймали. Вотъ взялись за неводъ братья, вышли мужи къ рыбной ловлѣ, тащутъ, тянутъ сѣть съ стараньемъ, водятъ неводъ тотъ прилежно по заливамъ, вдоль утесовъ, на скалистый брегъ Калевы; но той рыбы не поймали, щуки сѣрой не словили.

Стали плакаться всѣ рыбы, молвила такъ щука щукѣ, такъ сига сигъ вопрошаетъ, спрашиваетъ семга семгу:

— Что-жъ, неужто сгибли мужи, умерли сыны Калевы, тѣ, что́ сѣть сплели льняную, неводъ нитяный связали, что шестомъ умѣютъ бо́тать, загоняютъ рыбу въ сѣти?

Слышитъ рѣчь ту Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Нѣтъ, не умеръ родъ Калевы, не погибли тамъ герои, коль одинъ тамъ умираетъ, тотчасъ двое тамъ родятся, невода у нихъ большіе и шесты длиннѣе вдвое, чтобы загонять въ сѣть рыбу.

Руна XLVIII.

Вейнемейненъ добываетъ огонь.

Старый вѣрный Вейнемейненъ, вѣковѣчный пѣснопѣвецъ, тутъ связать надумалъ сѣти, сдѣлать неводъ во сто клѣтокъ, и слова такія молвилъ:

— Нѣтъ ли здѣсь кого, кто вспашетъ, взроетъ поле, ленъ посѣетъ, чтобъ себѣ я сѣть связать могъ, неводъ бы сплести стоглазый, и поймать ту рыбу въ сѣти, изъ нея добыть то пламя?

Тамъ нашелся клокъ землицы, нераспаханное мѣсто на болотистой полянѣ, посреди двухъ пней огромныхъ. Корень пня тамъ тотчасъ взрыли, сѣмя тамъ нашли льняное, въ тайникѣ червя Туони, гдѣ хранили сѣмя черви. Тамъ была зола сухая, пепла маленькая кучка, что́ осталася отъ лодки, тамъ давно уже сгорѣвшей; въ той землѣ былъ ленъ посѣянъ, погруженъ въ сухой тотъ пепелъ на болотистой полянѣ, возлѣ озера Алуэ. Изъ зерна растенье вышло, ленъ роскошно тамъ под-

нялся; тамъ его собрали скоро, вымочили хорошенько, растрепали, расчесали и по связкамъ разложили.

Вотъ прядутъ тотъ ленъ тамъ сестры, крутятъ нитки тамъ невѣстки, заплетаютъ неводъ братья, закрѣпляютъ сѣти тести. Скоро сѣть была готова, неводъ связанъ былъ огромный, въ семьсотъ саженей длиною, во сто саженъ глубиною; прикрѣпили къ ней грузила, поплавками сѣть снабдили. Вышли съ сѣтью молодые, старцы же гадали дома: „Ну, посмотримъ, попадется-ль щука сѣрая въ тотъ неводъ?“ Потащили молодые, погрузили сѣть глубоко, тащутъ въ ширь и вдоль прилежно, ловятъ мелкую рыбешку, окуньковъ, ершей несчастныхъ, наловили и плотичекъ, но той рыбы не поймали, для которой сѣть связали.

Молвитъ старый Вейнемейненъ:

— Братъ, кователь Ильмариненъ! Ну, пойдемъ-ка мы съ тобою, неводомъ половимъ этимъ.

Въ воду сѣть они спустили, стали сѣть тащить искусно, и одинъ конецъ тянули съ островка среди залива, а другой они тащили по зеленому прибрежью, прямо къ пристани Вейноле. Тащутъ сѣть они усердно, тянутъ неводъ свой огромный и поймали много рыбы, окуней, лещей, пес трушекъ, всякихъ рыбъ, что́ были въ морѣ, той же рыбы не поймали, для которой сѣть связали.

Старый вѣрный Вейнемейненъ сплелъ еще другія сѣти, шириною въ семьсотъ саженъ, надвязалъ ихъ къ прежней сѣти и слова такія молвилъ:

— Дай-ка мы закинемъ неводъ, сѣти наши дальше въ море, можетъ, будетъ и удача, можетъ, рыбу ту поймаемъ!

Вотъ закинули тѣ сѣти, дальше въ море опустили, потащили неводъ снова, и сказалъ тутъ Вейнемейненъ, молвилъ онъ слова такія:

— Велламо, хозяйка моря, дѣва съ тростниковой грудью! Приходи, смѣни рубашку, уступи твою одежду! Очеретъ твоя одежда, а морская пѣна — плащъ твой, что́ тебѣ дочь бури сшила, что́ соткала дѣва вѣтра. Я же плащъ тебѣ льняной дамъ, полотняную одежду, что́ соткала дѣва солнца, что́ дочь мѣсяца сплела мнѣ! Ато, ты хозяинъ моря, сотенъ омутовъ властитель! Ты возьми-ка жердь въ пять саженъ, въ восемь саженъ колъ огромный, исходи всѣ глуби моря, въ омутахъ во всѣхъ поройся, погони къ намъ стаи рыбьи, загони ихъ въ этотъ неводъ изъ заливовъ и изъ рѣчекъ, изъ бездонной глуби моря, гдѣ не свѣтитъ даже солнце!

Вышелъ мужъ изъ моря малый, богатырь со дна поднялся, на хребетъ морской ступилъ онъ и слова такія молвилъ:

— Нуженъ ли вамъ мужъ, чтобъ бо́талъ, загонялъ въ вашъ неводъ рыбу?

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Да, намъ нуженъ мужъ, чтобъ бо́талъ, загонялъ въ нашъ неводъ рыбу.

Богатырь-малютка тотчасъ сосну вырубилъ на взморьѣ, прикрѣпилъ къ вершинѣ глыбу и слова такія молвилъ:

— Гнать мнѣ рыбу всею силой, со всего-ль плеча работать, или гнать насколько нужно?

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Будешь гнать насколько нужно, такъ и то ужъ хватитъ дѣла.

Тотъ герой-малютка моря тотчасъ взялся за работу; бо́талъ онъ, насколько нужно, стаи рыбъ погналъ большія, къ мѣсту, гдѣ тащили сѣти, гдѣ большой тянули неводъ.

Гребъ кователь Ильмариненъ, а тащилъ сѣть Вей-

немейненъ; онъ приподнялъ кверху сѣти и слова такія молвилъ:

— Рыбы много набралося въ мѣстѣ, гдѣ я неводъ поднялъ, гдѣ спустилъ грузила ниже.

Потащили они неводъ, вынули изъ моря сѣти, вытрясли всю рыбу въ лодку и попалася та рыба, для которой сѣть сплели ту, неводъ тотъ большой связали. Старый вѣрный Вейнемейненъ къ берегу направилъ лодку, къ красной пристани подъѣхалъ, къ синимъ тѣмъ мосткамъ причалилъ, рыбу всю изъ лодки вынулъ, щуку сѣрую нашелъ тамъ.

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Можно-ль взять мнѣ эту рыбу только голою рукою, безъ желѣзной рукавицы, иль безъ каменной перчатки?

Слышитъ эту рѣчь сынъ солнца и слова такія молвитъ:

— Я бы рыбу распласталъ здѣсь, взялъ бы голою рукою, коль имѣлъ бы ножъ отцовскій, острое желѣзо старца.

И съ небесъ свалился ножикъ съ золотою рукоятью, съ лезвеёмъ, сребромъ сверкавшимъ, прямо въ руки сына солнца. Взялъ сынъ солнца ножъ тотъ острый, брюхо щуки той разрѣзалъ, распоролъ животъ той рыбѣ; въ животѣ той сѣрой щуки находилася пеструшка, въ брюхѣ этой же пеструшки оказался сигъ блестящій. Распласталъ сига сынъ солнца, вынулъ синенькій клубочекъ, изъ кишки досталъ сиговой; размоталъ клубокъ тотъ синій, тамъ нашелъ клубочекъ красный; развернулъ его поспѣшно, въ немъ же наконецъ нашелъ онъ искру, что́ съ небесъ упала, что́ съ восьмого неба мчалась, чрезъ девятое скатилась.

Размышляетъ Вейнемейненъ, какъ домой снести ту

искру, къ избамъ, что́ все это время безъ огня, безъ свѣта были. Вдругъ изъ рукъ огонь скатился, вырвался у сына солнца, бороду спалилъ у Вейно, кузнецу нанесъ вредъ сильный, опалилъ ему ланиты и обжегъ по локоть руки. И помчалась искра дальше, покатилася оттуда, на пути сожгла кусточки, опалила можжевельникъ, поднялась къ вершинамъ сосенъ, сосны лучшія сожгла всѣ, а потомъ бѣжала дальше и сожгла тамъ полъ-Похьолы, опалила весь край Саво, обѣ стороны Карьялы.

Старый вѣрный Вейнемейненъ побѣжалъ за искрой слѣдомъ, по лѣсамъ и по болотамъ, наконецъ ее находитъ межъ двухъ пней въ дуплѣ ольховомъ, средь корней совсѣмъ истлѣвшихъ.

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Ты, огонь, творца созданье, пламя, созданное богомъ! Ты напрасно въ глубь укрылся, убѣжалъ вдаль безъ причины: лучше, коль теперь вернешься, на очагъ свой снова сядешь, ляжешь въ каменную печку, въ уголькахъ своихъ задремлешь, чтобы днемъ проснуться снова средь березовыхъ полѣньевъ, къ ночи же опять укрыться среди круга золотого.

Посадилъ на трутъ онъ искру, трутъ въ котелъ запряталъ мѣдный, и принесъ огонь въ Вейноле, на туманный тотъ мысочекъ: засвѣтились вновь тамъ избы, освѣтились всѣ жилища.

Самъ кователь Ильмариненъ бросился въ морскія волны, чтобы потушить въ нихъ пламя, тамъ избавиться отъ муки, отъ обжоговъ тѣхъ ужасныхъ, и слова такія молвилъ:

— Ты, огонь, творенье божье, Пану, сынъ любимый солнца! Молви, кто тебя озлобилъ, что спалилъ мои ты щеки, бедра мнѣ обжегъ такъ сильно, опалилъ

бока ужасно? Какъ избавлюсь я отъ муки, отъ страданій этихъ лютыхъ? Поспѣши изъ Турьи, дѣва, изъ Лапландіи далекой! Въ ледъ и иней ты обуйся, въ платье снѣжное одѣнься, ледяной смочи водою, приложи ты льду побольше къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ есть обжоги, гдѣ спалилъ огонь мнѣ тѣло! Если это не поможетъ, приходи ты, сынъ Похьолы, мужъ высокій, ростомъ съ сосну, въ рукавицахъ изъ снѣжинокъ, въ ледяной высокой шапкѣ, въ снѣжной обуви холодной. Принеси ты ледъ съ Похьолы, гдѣ и льду и снѣгу много; тамъ всѣ рѣки и озера льдомъ полны, покрыты снѣгомъ; скачутъ снѣжные тамъ зайцы и медвѣди ледяные по горамъ, вершинамъ бѣлымъ; плаваютъ въ пучинахъ снѣжныхъ лебеди тамъ ледяные, утки снѣжныя живутъ тамъ. Привези ты ледъ на санкахъ съ тѣхъ вершинъ, покрытыхъ снѣгомъ, исцѣли тѣмъ льдомъ, тѣмъ снѣгомъ эти раны и обжоги. Если это не поможетъ, обращусь тогда я къ Укко. Укко, богъ высокій въ небѣ, ты, что́ правишь облаками! Ты съ востока вышли тучу, съ запада пошли другую, съ громомъ ихъ ударь краями, чтобъ пошелъ и ледъ и иней, мазь цѣлебная покрыла-бъ раны эти и обжоги, что́ мнѣ пламя причинило.

Такъ кователь Ильмариненъ исцѣлился отъ обжоговъ, такъ избавился отъ мукъ всѣхъ, нанесенныхъ искрой злобной, сдѣлался здоровъ какъ прежде, вновь вернулъ свои всѣ силы.

Руна XLIX.

Лоухи выпускаетъ солнце и мѣсяцъ.

Солнце все еще скрывалось, не блестѣлъ и ясный мѣсяцъ надъ избами Калевалы, надъ полянами Вейноле. Охватилъ морозъ посѣвы, всѣ стада тамъ чахнуть стали, птицы всѣ затосковали, весь народъ скучать тамъ началъ, что не свѣтитъ больше солнце, не сіяетъ ясный мѣсяцъ. Щука знала путь въ свой омутъ, вѣдалъ и орелъ путь птичій, вѣтеръ зналъ дорогу судна; но не знали только люди, вечеръ ли насталъ, иль утро, или ночь уже спустилась на туманное прибрежье, на лѣсистый островъ въ морѣ. Судятъ, рядятъ молодые, совѣщаются и старцы, можно ли имъ жить безъ солнца, безъ луны имъ оставаться въ областяхъ печальныхъ этихъ, въ бѣдныхъ сѣверныхъ пустыняхъ.

Совѣщались и дѣвицы, призадумались сиротки, къ кузнецу пошли гурьбою, молвили слова такія:

— Подымись, кузнецъ, отъ стѣнки, выходи сюда, кователь, сдѣлай намъ ты новый мѣсяцъ, выкуй новое намъ солнце! Тяжело намъ жить безъ солнца, быть безъ мѣсяца намъ трудно.

Поднялся кузнецъ отъ стѣнки, подошелъ тотчасъ къ горнилу, сталъ ковать онъ новый мѣсяцъ, солнце новое чеканить: мѣсяцъ выковалъ изъ злата, солнце изъ сребра онъ сдѣлалъ.

Старый вѣрный Вейнемейненъ тотчасъ къ кузницѣ подходитъ и слова такія молвитъ:

— Ты скажи мнѣ, братъ любимый, что́ ты въ кузницѣ куешь тамъ, что́ тамъ день-деньской колотишь?

Отвѣчаетъ Ильмариненъ, говоритъ слова такія:

— Солнце изъ сребра кую я, дѣлаю изъ злата мѣсяцъ; ихъ снесу потомъ на небо, къ тѣмъ шести надзвѣзднымъ сводамъ.

Молвитъ старый Вейнемейненъ говоритъ слова такія:

— О, кователь Ильмариненъ, трудъ напрасный ты затѣялъ: не блеститъ какъ мѣсяцъ злато, серебро не будетъ солнцемъ.

Вотъ кузнецъ ужъ сдѣлалъ мѣсяцъ, выковалъ онъ также солнце и понесъ ихъ осторожно, чтобъ поставить ихъ повыше; отъ работы этой трудной, отъ тяжелыхъ тѣхъ усилій, потъ ручьемъ съ него катился, градомъ по лицу струился. Вотъ поставилъ онъ высоко, прикрѣпилъ свѣтила оба, мѣсяцъ на соснѣ высокой, солнце на вершинѣ ели; но сверкать не стало солнце, и сіять не сталъ тамъ мѣсяцъ.

Молвилъ старый Вейнемейненъ, самъ сказалъ слова такія:

— Видно, ужъ пора приспѣла, чарами развѣдать точно, гдѣ укрылось наше солнце, запропалъ куда нашъ мѣсяцъ?

Старый вѣрный Вейнемейненъ изъ ольхи лучинъ нарѣзалъ, разложилъ ихъ всѣ въ порядкѣ, знаки вѣщіе разставилъ и слова такія молвилъ:

— Отъ творца я жду отвѣта, отъ него я знать желаю: правду мнѣ скажи, знакъ божій, молви мнѣ, творца предвѣстникъ, гдѣ укрылось наше солнце, запропалъ куда нашъ мѣсяцъ, что такъ долго не видать ихъ на небесномъ этомъ сводѣ? Молви правду мнѣ, знакъ божій, дай отвѣтъ теперь правдивый! Если ты меня обманешь, я въ огонь тебя заброшу.

Знакъ волшебный молвилъ правду, старцу тотчасъ онъ отвѣтилъ, что съ небесъ укрыто солнце, спрятанъ съ неба мѣсяцъ ясный средь большой горы Похьолы, въ нѣдрахъ мѣднаго утеса.

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Я пойду теперь въ Похьолу, по тропамъ сыновъ лапландскихъ, принесу оттуда мѣсяцъ, солнце вновь свѣтить заставлю.

Вотъ пошелъ онъ въ путь поспѣшно, въ вѣчно мрачный край Похьолы. Шелъ онъ быстро день, другой день, наконецъ на третье утро увидалъ вдали онъ избы, горы мрачныя Похьолы.

Закричалъ туда онъ громко, у рѣки Похьолы стоя:

— Вышлите сюда мнѣ лодку, чрезъ проливъ чтобъ перебраться!

Но его никто не слышалъ и никто не выслалъ лодки. Вотъ собралъ онъ кучу вѣтокъ, разложилъ костеръ огромный и зажегъ на томъ прибрежьѣ; и поднялся дымъ густой тамъ, пламя ярко запылало, разостлался дымъ по небу.

Лоухи, Похьолы хозяйка, выглянула изъ окошка, устремила взоръ къ проливу, молвила слова такія:

— Что за дымъ съ огнемъ тамъ виденъ въ устьѣ

нашего пролива? Для войны онъ малъ, пожалуй, для костра великъ ужъ слишкомъ.

Вышелъ тутъ сынъ похьоланца изъ избы на дворъ поспѣшно, чтобъ узнать огня причину, и слова такія молвилъ:

— По ту сторону пролива, тамъ идетъ герой могучій!

Крикнулъ старый Вейнемейненъ, молвилъ онъ вторично громко:

— Вышли, сынъ Похьолы, лодку, чрезъ проливъ чтобъ перебраться!

Отвѣчаетъ сынъ Похьолы, говоритъ слова такія:

— Нѣтъ у насъ свободныхъ лодокъ! Ты сюда къ намъ вплавь пустися, пальцы веслами пусть будутъ, а правиломъ обѣ руки.

Поразмыслилъ Вейнемейненъ, погадалъ и такъ подумалъ:

— Мужъ плохой, дрянной тотъ будетъ, кто свернетъ съ своей дороги.

И онъ въ щуку обратился, переплылъ сигомъ проливъ тотъ, шагъ, другой, ступилъ и третій, вышелъ на берегъ Похьолы.

Молвятъ такъ сыны Похьолы, говорятъ ему со злобой:

— Проходи во дворъ Похьолы!

И пошелъ во дворъ онъ смѣло.

Молвятъ такъ сыны Похьолы, говорятъ ему со злобой:

— Проходи въ избу Похьолы!

И въ избу вошелъ онъ смѣло. Тамъ въ избѣ сидѣли мужи, пили, лакомились медомъ; всѣ они съ мечами были, замыселъ имѣли злобный, умертвить собрались Вейно!

Такъ они его спросили, молвили слова такія:

— Что́ ты, жалкій мужъ, намъ скажешь, что́ повѣдаешь, негодный?

Отвѣчаетъ Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Я пришелъ сюда за дѣломъ, разузнать у васъ хочу я, гдѣ отъ насъ укрылось солнце, мѣсяцъ нашъ куда дѣвался?

Говорятъ сыны Похьолы, молвятъ такъ ему со злобой

— Вотъ куда укрылось солнце, вотъ куда дѣвался мѣсяцъ: въ нѣдра пестраго утеса, въ глубь горы, бо-

гатой сталью; мы не пустимъ ихъ на волю, имъ оттуда вѣкъ не выйти.

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Если солнышко и мѣсяцъ вы не пустите на волю, такъ мечи давайте мѣрять, попытаемъ силу нашу!

Вынулъ Вейнемейненъ мечъ свой, вытащилъ клинокъ прекрасный: на клинкѣ сіялъ тамъ мѣсяцъ, рукоять сверкала солнцемъ, рѣзвый конь стоялъ на

спинкѣ, на головкѣ котъ мяукалъ. Вотъ помѣрялись мечами, осмотрѣли ихъ съ вниманьемъ и нашли, что мечъ у Вейно лишь на чуточку длиннѣе. Вышли всѣ на дворъ широкій и вступили въ бой кровавый; размахнулся Вейнемейненъ, засверкалъ клинокъ блестящій, разъ, другой онъ имъ ударилъ—и слетѣли, точно рѣпы, точно льна головки сбилъ онъ, головы сыновъ Похьолы.

Кончивъ битву, Вейнемейненъ къ той горѣ пошелъ высокой, чтобы выпустить на волю мѣсяцъ, солнце золотое изъ скалы, богатой мѣдью, изъ горы, обильной сталью. Вотъ прошелъ у взморья поле, видитъ тамъ зеленый островъ, на томъ островѣ березу, возлѣ той березы глыбу, пеструю скалу большую, въ ней дверей онъ девять видитъ, съ сотнею засововъ крѣпкихъ. Вотъ туда онъ перебрался, подошелъ къ скалѣ огромной, трещину въ ней тамъ замѣтилъ, узенькую лишь полоску; мечъ онъ выхватилъ изъ ноженъ, въ тотъ утесъ вонзаетъ съ силой,—и скала разсѣлась съ шумомъ, на-трое распалась съ трескомъ.

Старый вѣрный Вейнемейненъ смотритъ въ трещину утеса, видитъ, пьютъ тамъ змѣи пиво, сусло гады тамъ хлебаютъ, и промолвилъ Вейнемейненъ, самъ сказалъ слова такія:

— Оттого-то у хозяйки было пива здѣсь такъ мало, что хлебали сусло змѣи, пили пиво здѣсь ехидны!

Онъ отсѣкъ всѣмъ гадамъ шеи, головы срубилъ ехиднамъ и слова такія молвилъ:

— Никогда, ни въ кои вѣки, и пока сіяетъ мѣсяцъ, да не пьютъ ехидны сусла, не лакаютъ змѣи пива!

Сталъ тутъ старый Вейнемейненъ двери тѣ качать руками, словомъ вѣщимъ тѣ засовы; не открылъ дверей руками и не снялъ замковъ заклятьемъ.

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Безоружный мужъ безсиленъ, слабой женщинѣ подобенъ.

Онъ пошелъ домой обратно, свѣсивъ голову печально, что луны достать не могъ онъ, что не выручилъ тамъ солнца.

Вотъ веселый Лемминкайненъ, встрѣтивъ старца на полянѣ, говоритъ слова такія:

— О ты, старый Вейнемейненъ! Отчего меня ты не взялъ, не позвалъ себѣ въ подмогу? Я отбилъ бы тамъ замки всѣ, поломалъ бы тамъ засовы, выпустилъ бы мѣсяцъ ясный, далъ бы солнышку свободу!

Молвитъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Не ломаются засовы вѣщимъ словомъ, заклинаньемъ, не открыть дверей тѣхъ крѣпкихъ ни плечами, ни локтями.

Къ кузнецу пошелъ тутъ Вейно, тамъ слова такія молвилъ:

— Слушай, братъ мой Ильмариненъ! Выкуй мнѣ стальной трезубецъ, дюжину мотыкъ желѣзныхъ, да ключей большую связку, чтобъ я вызволить могъ мѣсяцъ, выпустить на волю солнце.

И кователь Ильмариненъ выковалъ ему трезубецъ, дюжину мотыкъ желѣзныхъ, да ключей большую связку.

Лоухи, Похьолы хозяйка, та беззубая старуха, прикрѣпила къ бедрамъ крылья, замахала, поднялася, полетала возлѣ дома и затѣмъ пустилась дальше, полетѣла черезъ море къ кузнецу, что́ жилъ въ Вейноле.

Выглянулъ кузнецъ въ окошко, думалъ, вѣтеръ зашумѣлъ тамъ; но тотъ шумъ былъ не отъ вѣтра, то примчался сѣрый ястребъ.

И промолвилъ Ильмариненъ, говоритъ слова такія:

— Что́ ты, ястребокъ красивый, ищешь здѣсь и ждешь чего ты?

Такъ ему отвѣтилъ ястребъ, такъ ему сказала птица:

— О, кователь Ильмариненъ, ты кузнецъ надъ кузнецами, говорятъ, ты лучшій мастеръ и кователь первый въ мірѣ.

Отвѣчаетъ Ильмариненъ, говоритъ слова такія:

— И не мудрено нисколько, что кователь я хорошій, если выковать съумѣлъ я своды неба голубого, кровлю воздуха поставить.

Говоритъ ему такъ птица, такъ промолвилъ сѣрый ястребъ:

— Что́ куешь ты, Ильмариненъ, что́ такъ спѣшно ты готовишь?

Отвѣчаетъ Ильмариненъ, говоритъ слова такія:

— Я кую стальной ошейникъ для хозяйки на Похьолѣ; ужъ пора сковать старуху, посадить къ утесу на цѣпь.

Видитъ Похьолы хозяйка, что грозитъ бѣда большая, и летитъ домой поспѣшно, прилетаетъ на Похьолу, тамъ на волю выпускаетъ солнце, мѣсяцъ изъ утеса, а сама тотчасъ же снова въ голубка вдругъ обратилась, запорхала, полетѣла къ Ильмаринену въ Вейноле, подлетѣла къ самой двери, голубкомъ тамъ опустилась.

Молвитъ такъ ей Ильмариненъ, говоритъ слова такія:

— Голубокъ, тебѣ что́ нужно, ты чего ждешь у порога?

Молвитъ кузнецу съ порога, такъ ему отвѣтилъ голубь:

— Прилетѣлъ сюда я съ вѣстью, вѣсть отрадную принесъ я: ужъ сіяетъ снова мѣсяцъ, ужъ блеститъ вновь въ небѣ солнце.

Самъ кователь Ильмариненъ къ двери кузницы подходитъ, посмотрѣть спѣшитъ на небо; видитъ тамъ,

на прежнемъ мѣстѣ, вновь сіяетъ мѣсяцъ свѣтлый, свѣтитъ солнце золотое.

Къ Вейнемейнену спѣшитъ онъ, говоритъ слова такія:

— Слушай, старый Вейнемейненъ, вѣковѣчный пѣснопѣвецъ! Выходи, взгляни на мѣсяцъ, посмотри, поди, на солнце: вѣдь они ужъ вправду въ небѣ на своихъ мѣстахъ обычныхъ.

Старый вѣрный Вейнемейненъ самъ на дворъ поспѣшно вышелъ, посмотрѣлъ наверхъ на небо, видитъ: тамъ на прежнемъ мѣстѣ высоко сіяетъ мѣсяцъ, свѣтитъ солнце золотое.

Смотритъ старый Вейнемейненъ, говоритъ слова такія:

— Здравствуй, мѣсяцъ нашъ прекрасный, вновь свой чудный ликъ ты кажешь! Здравствуй, солнце золотое, ясный день ты вновь даришь намъ! Вамъ, свѣтила, шлю привѣтъ свой! Изъ тюрьмы своей вы вышли, какъ

кукушечки златыя, точно сизыя голубки, на мѣста свои поднялись вновь свершать свой путь обычный! По утрамъ отнынѣ вѣчно, поднимайся, солнце, снова, каждый день дари насъ счастьемъ, надѣляй насъ благодатью, шли добычу въ наши руки, даруй удочкамъ удачу! Ты ходи, благое, въ мирѣ, совершай свой путь въ блаженствѣ и сіяй красою полной, ночью отдыхай съ отрадой.

Руна L.

Вейнемейненъ покидаетъ Калевалу.

Марьятта, дитя-красотка, съ малыхъ лѣтъ
росла все дома, у отца въ избѣ высокой,
возлѣ матери любимой; поясковъ ужъ пять
сносила, шесть колечекъ перетерла все
съ отцовскими ключами, что́ на поясѣ носила.
Полъ-порога перетерла вышитымъ своимъ
подоломъ, полъ-стропила вовсе стерла шелковымъ
своимъ платочкомъ, половину притолоки рукавомъ
нарядным стерла, половицы всѣ тамъ въ домѣ про-
топтала башмачками. Эта скромная дѣвица день-день-
ской была за дѣломъ, исполняла все смиренно, отли-
чалась строгимъ нравомъ.

Марьятта, дитя-красотка, эта кроткая малютка, по-
гнала ягнятъ однажды, вышла съ стадомъ тѣмъ на вы-
гонъ. Поднялись ягнята въ гору, щиплютъ свѣжень-
кую травку; дѣва легкими шагами средь ольховой рощи

бродитъ, гдѣ кукушка распѣваетъ, громко пѣсню выкликаетъ.

Марьятта, дитя-красотка, осмотрѣлась и присѣла на лужаечкѣ зеленой, гдѣ виднѣлось много ягодъ, говоритъ слова такія и такія рѣчи молвитъ:

— Ты покликай-ка, кукушка, спой, серебряная птичка, долго-ль буду я пастушкой, безъ чепца ходить дѣвицей, по полямъ обширнымъ этимъ, по лѣсамъ, зеленымъ рощамъ? Годъ ли, два ли мнѣ придется, пять иль шесть лѣтъ ждать мнѣ надо, или, можетъ быть, лѣтъ десять, иль я раньше выйду замужъ?

Марьятта, дитя-красотка, долго прожила въ пастушкахъ; жизнь такая не изъ легкихъ, а тѣмъ болѣе для дѣвы: водятся въ лѣсахъ ехидны, въ травахъ ящерицы бродятъ.

Но теперь не видно было тамъ ни ящерицъ, ни гадовъ, звала ягодка лишь съ горки, съ поля кликала брусничка:

— Ты сорви меня, красотка, ты сними меня со стебля, иль съѣдятъ меня улитки, черви черные проглотятъ. Сотни дѣвъ, дѣтей и женщинъ мною здѣсь ужъ любовались, но никто меня не тронулъ, не сорвалъ меня со стебля.

Марьятта, дитя-красотка, къ ягодкѣ пошла поспѣшно, чтобъ взглянуть на ту брусничку, снять ту красную со стебля. Видитъ ягодку на кочкѣ, красную ту на полянѣ, видомъ съ ягодою схожа, выглядитъ совсѣмъ брусничкой, но не снять ее со стебля, не достать ее руками. Дѣва прутъ себѣ сломила, сбила ягодку на землю; поднялась съ земли брусничка, на башмакъ ея вскочила, съ башмачка дѣвицы тотчасъ поднялася на колѣно, а съ колѣна дѣвы юной на ея красивый поясъ, съ пояска на грудь дѣвицы, съ груди

же на подбородокъ, а съ него скользнула въ губы, съ губокъ розовыхъ скатилась на языкъ и прямо въ горло, а оттуда ужъ въ желудокъ. Какъ Марьятта проглотила, съѣла красную брусничку, боль въ желудкѣ ощутила и хворать бѣдняжка стала.

Долго дѣва все болѣла и страдала терпѣливо, наконецъ не въ мочь ей стало выносить свои страданья, и она въ слезахъ сказала, молвила слова такія:

— Пильтти, милая подружка, лучшая изъ всѣхъ служанокъ! Сбѣгай ты къ потоку Сары, тамъ Руотуса проси ты, чтобъ помогъ моимъ страданьямъ, далъ купанье мнѣ въ потокѣ.

Пильтти, дѣвочка-малютка, просьбу ту спѣшитъ исполнить и къ Руотусу поспѣшно побѣжала скорымъ шагомъ. Гдѣ ногой ступала дѣва, тамъ подъ ней земля стонала, съ елей сыпалися шишки, пыль песчаная крутилась.

Вотъ къ Руотусу явилась и слова такія молвитъ:

— Я пришла просить купанья для бѣдняжки Маріатты.

Тутъ Руотуса супруга злобно дѣвѣ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ у насъ для ней купанья, не свободна наша баня, пусть себѣ купанья ищетъ въ хлѣвѣ или хоть въ конюшнѣ, что́ въ лѣсу стоитъ еловомъ. Тамъ купается пусть вволю иль совсѣмъ хоть погибаетъ, коль тамъ лошадь не надышетъ, ту конюшню не согрѣетъ.

Пильтти, дѣвочка-малютка, воротилася поспѣшно, принесла отвѣтъ суровый бѣдной дѣвушкѣ несчастной.

Опечалилась Марьятта, стала горькія лить слезы, молвила слова такія:

— Горе мнѣ, дѣзищѣ бѣдной! Вотъ должна теперь идти я, какъ поденщица простая, въ лѣсъ далекій, къ той конюшнѣ, къ хлѣву дальнему средь поля.

Подобрала дѣва платье, вѣникъ свѣженькій связала и пошла поспѣшно къ лѣсу, къ той конюшнѣ Тапіолы, тамъ слова такія молвитъ, говоритъ такія рѣчи:

— Укко, ты мой богъ высокій, ты пошли мнѣ, бѣдной, помощь, будь защитой бѣдной дѣвѣ, облегчи мои страданья, чтобъ отъ мукъ я не погибла!

Вотъ вошла она въ конюшню, говоритъ слова такія:

— Надыши ты здѣсь, конь добрый, фыркай, лошадь, посильнѣе, чтобъ отъ твоего дыханья стало здѣсь тепло какъ въ банѣ, чтобъ нашла я облегченье, чтобъ могла здѣсь отдохнуть я!

И нафыркалъ конь тотъ добрый, надышалъ тепла тамъ много, стало тамъ, какъ въ банѣ, жарко, точно въ печь поддали жару.

Марьятта, бѣдняжка дѣва, эта скромная дѣвица, тамъ нашла себѣ купанье, обрѣла тамъ облегченье, родила на свѣтъ сыночка и малютку положила въ ясли къ лошади на сѣно, рядомъ съ тѣмъ конемъ хорошимъ. Тамъ сынка она обмыла и съ заботой спеленала, положила на колѣни свое яблочко златое, молвила слова такія:

— Будетъ онъ герой великій, и могучій, и всесильный, передъ нимъ весь міръ смирится, покорится Вейнемейненъ.

И дитя качаетъ дѣва, положивши на колѣни, нѣжно гладитъ по головкѣ и расчесываетъ кудри... Вдругъ исчезъ у ней малютка, скрылся вдругъ съ колѣнъ ребенокъ. Марьятта, бѣдняжка дѣва, въ сильномъ страхѣ, съ болью въ сердцѣ бросилась искать сыночка, яблочко свое златое: и подъ жерновъ заглянула, и подъ сани, подъ полозья, и подъ грохотъ посмотрѣла, подъ корзинами искала, и въ травѣ, и межъ деревьевъ, среди кочекъ, въ мягкомъ дернѣ. Такъ сыночка всюду ищетъ,

на горахъ, буграхъ песчаныхъ и въ лѣсу, въ поляхъ зеленыхъ, ищетъ подъ цвѣточкомъ каждымъ, подъ кусточкомъ каждымъ шаритъ, въ можжевельникѣ средь вѣтокъ, межъ корней въ лѣсу дремучемъ.

И спѣшитъ Марьятта дальше съ тяжкою заботой въ сердцѣ; на пути звѣзду встрѣчаетъ и съ поклономъ низкимъ проситъ:

— Звѣздочка, созданье божье! Не видала-ль ты сыночка? Гдѣ находится мой птенчикъ, яблочко мое златое?

Ей звѣзда въ отвѣтъ сказала:

— Хоть и знала-бъ—не сказала: вѣдь твой сынъ меня такъ создалъ, чтобы я ночной порою вѣчно на небѣ мерцала, тамъ на холодѣ блестѣла.

Вотъ спѣшитъ Марьятта дальше, съ тяжкою заботой въ сердцѣ; на пути встрѣчаетъ мѣсяцъ и съ поклономъ низкимъ проситъ:

— Мѣсяцъ, ты созданье божье! Не видалъ ли ты сыночка? Гдѣ находится мой мальчикъ, яблочко мое златое?

Отвѣчаетъ такъ ей мѣсяцъ:

— Хоть и зналъ бы—не сказалъ бы: вѣдь твой сынъ меня такъ создалъ, чтобы напролетъ всѣ ночи стражемъ я бродилъ по небу и лишь днемъ имѣлъ бы отдыхъ!

Марьятта спѣшитъ все дальше съ тяжкою заботой въ сердцѣ; на пути встрѣчаетъ солнце и съ поклономъ низкимъ проситъ:

— Солнце, созданное богомъ! Не видало-ль ты сыночка? Гдѣ находится мой птенчикъ, мое яблочко златое?

Отвѣчаетъ солнце мудро:

— Твоего сынка я знаю, это онъ меня такъ соз-

далъ, чтобъ во время дней прекрасныхъ золотомъ бы я сверкало, серебромъ блестѣло чуднымъ. Знаю я, гдѣ твой малютка, яблочко твое златое: онъ увязъ по поясъ въ топи, до плечей завязъ въ болотѣ.

Марьятта, бѣдняжка дѣва, бросилась тотчасъ къ болоту, тамъ сынка нашла средь топи, принесла домой малютку. Сталъ расти ребенокъ милый, росъ онъ мальчикомъ красивымъ, выросталъ онъ безъ названья—имени ему не дали: мать цвѣточкомъ называла, а чужіе люди—празднымъ.

Вотъ дитя крестить собрались, окрестить его водою, и явился Вироканнасъ, старецъ, чтобъ крестить ребенка, но предъ тѣмъ промолвилъ слово, самъ такую рѣчь сказалъ онъ:

— Мальчикъ чарами испорченъ, я крестить его не буду, раньше чѣмъ рѣшитъ кто-либо, можно-ль жизнь ему оставить.

Кто же мальчика осмотритъ, кто рѣшитъ судьбу малютки?... Старый вѣрный Вейнемейненъ осмотрѣть пришелъ малютку, такъ рѣшилъ судьбу ребенка.

— Такъ какъ взятъ онъ изъ болота и отъ ягоды зачался, закопать его вновь въ землю на той ягодной лужайкѣ или отнести въ болото, голову разбить дубинкой!

Отвѣчаетъ сынъ бруснички, тотъ малютка двухнедѣльный:

— О ты, старецъ неразумный, безрасудный старикашка! Приговоръ изрекъ ты глупый, толковалъ законъ невѣрно! За грѣхи важнѣе этихъ, за проступки не такіе, въ топь тебя не отводили, головы не разбивали; напримѣръ за то хотя бы, что когда-то брата выдалъ, чтобъ избавиться отъ плѣна, чтобы избѣжать неволи. И позднѣй тебя не брали, не закапывали въ землю,

какъ изъ-за тебя, бывало, дѣвы юныя топились, въ волны темныя бросались, въ черный илъ на днѣ пучины.

Сталъ крестить поспѣшно старецъ, онъ благословилъ малютку королемъ быть всей Карьялы, пастыремъ могучимъ, сильнымъ.

Самъ же старый Вейнемейненъ призадумался угрюмо и пошелъ оттуда къ морю, началъ вѣщую пѣть пѣсню, пѣснь послѣднюю запѣлъ тамъ, челнъ себѣ изъ мѣди сдѣлалъ, лодку мѣдную построилъ.

Вотъ ступилъ въ свою онъ лодку, свой челнокъ направилъ въ море и въ послѣдній разъ спѣлъ пѣсню, молвилъ такъ онъ разставаясь:

— Дни пройдутъ и дни исчезнутъ, но еще настанетъ время, какъ меня здѣсь вспомнятъ снова, будутъ ждать и звать напрасно, чтобъ я вновь построилъ Сампо, кантеле устроилъ снова, новый мѣсяцъ бы поставилъ, солнце вновь свѣтить заставилъ, какъ исчезнутъ мѣсяцъ, солнце, съ ними-жъ радость вся изъ міра!

И поѣхалъ Вейнемейненъ, старецъ мощный, вѣковѣчный, въ своей крѣпкой, мѣдной лодкѣ къ странамъ болѣе высокимъ, къ небесамъ, висѣвшимъ низко. Тамъ присталъ съ своей онъ лодкой, навсегда съ челномъ остался, только кантеле оставилъ, руны, дивные напѣвы къ вѣчной радости народа, въ память всѣмъ сынамъ Суоми.

Прощальное слово пѣвца.

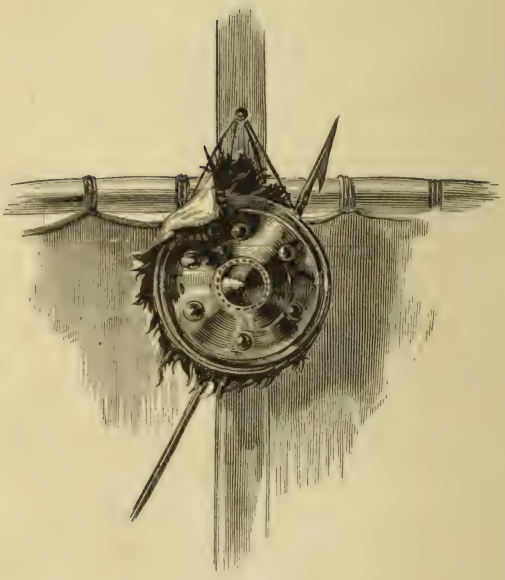
Ужъ пора закрыть уста мнѣ, привязать языкъ покрѣпче, кончить это пѣснопѣнье, дать затихнуть всѣмъ напѣвамъ. Вѣдь и кони отдыхаютъ, путь далекій пробѣжавши, и коса тупится тоже, коль косила долго травку; убываютъ также воды, коль несутся слишкомъ быстро; подъ конецъ и пламя гаснетъ, коль пылало долгой ночью. Почему же и напѣвамъ, пѣснѣ нѣжной не ослабнуть послѣ долгаго веселья, послѣ радости вечерней? Слышалъ часто я, бывало, рѣчи и слова такія: «Даже воды водопада изливаются не сразу; также и пѣвецъ хорошій не всѣ пѣсни выпѣваетъ. Лучше во́время пѣснь кончить, чѣмъ прервать ее въ срединѣ".

Такъ окончивъ пѣснопѣнье, я въ клубокъ смотаю пѣсни, соберу въ одну ихъ связку и сложу въ амбаръ на время, костянымъ замкомъ запру тамъ. И оттуда имъ не выйти никогда уже наружу, если не открыть замокъ тотъ, челюстямъ не дать свободу, не разжать всѣ зубы снова, языку не дать вновь волю. И кому же пѣть мнѣ пѣсни, веселить кого я буду, оглашая лѣсъ и рощи здѣсь напѣвами своими? Нѣтъ въ живыхъ моей родимой, ужъ скончалася старушка, не услышитъ ужъ златая, пѣснѣ ужъ внимать не можетъ. Только сосны здѣсь мнѣ внемлютъ, слышатъ здѣсь меня лишь ели, жалуютъ однѣ рябины и листва березокъ нѣжныхъ.

Былъ еще я малой крошкой, какъ ужъ матери лишился. Точно дроздъ, какъ жаворонокъ выросъ я средь скалъ угрюмыхъ, чтобы пѣть здѣсь одиноко, щебетать средь чащи лѣса, не у матери родимой, а близъ ма-

чихи недоброй. Прогнала она сиротку, одинокаго малютку, изъ жилища въ непогоду на жестокій, сильный вѣтеръ, чтобъ погибъ онъ, беззащитный, чтобъ отъ холода скончался. Жаворонкомъ безпріютнымъ я съ тѣхъ поръ блуждалъ повсюду и, едва перемогаясь, совершалъ свой путь далекій; и узналъ я вѣтры, бурю, познакомился съ невзгодой, научился дрогнуть въ стужу, плакать горько на морозѣ.

Много есть людей на свѣтѣ, я встрѣчаю ихъ нерѣдко, что корятъ мой слабый голосъ и язвятъ меня жестоко, будто я пою нескладно, неумѣло пѣснь слагаю, будто слишкомъ грубъ мой голосъ и пою я слишкомъ громко. Но, друзья мои, прошу васъ, вы не строго осуждайте, что я пѣлъ, дитя, такъ громко, щебеталъ, малютка, дурно. Пѣть меня вѣдь не учили, у пѣвцовъ я знатныхъ не былъ, словъ чужихъ не набиралъ я, не собралъ съ чужбины пѣсенъ. Вѣдь другіе тамъ учились; я-жъ не уходилъ въ чужбину, съ матушкой не разлучался и учился только дома, подъ стропилами избушки, гдѣ за прялкой мать сидѣла, вырѣзалъ братъ топорище; былъ тогда я малой крошкой, бѣгалъ въ рваной рубашенкѣ. Все-жъ я указалъ дорогу, указалъ пѣвцамъ тропинку, ту тропу покрылъ вѣтвями, путь намѣтилъ къ пѣснямъ новымъ: тутъ начало той тропинки для пѣвцовъ меня получше, для богатыхъ новыхъ пѣсенъ межъ веселой молодежью, въ возростающемъ народѣ.

Алфавитный указатель именъ.

Алуэ — озеро.

Ати — онъ же Лемминкайненъ.

Ато — царь моря.

Айникки — сестра Ати.

Айно — сестра Юкагайнена.

Анникки — сестра Ильмаринена.

Вейнемейненъ — онъ же Вейно, Увантолайненъ, Осмойненъ, Сувантолайненъ, главный герой Калевалы, пѣвецъ и вѣковѣчный заклинатель, устроитель, благодѣтель Финляндіи.

Велламо — царица моря.

Випуненъ — онъ же Калева, Антеро, могучій исполинъ, вѣщій, давно умершій пѣвецъ, родоначальникъ героевъ Калевалы.

Вироканнаесъ — убиваетъ быка, крститъ сына Марьятты.

Ику-Турсо — морское чудовище.

Ильмариненъ — братъ Вейнемейнена, вѣщій кузнецъ; принималъ участіе въ сотвореніи міра, выковалъ сводъ небесный и талисманъ-самомолку Сампо.

Ильматарь — мать Вейнемейнена, дѣва воздуха и свѣта.

Ильпотаръ — она же Лоухи, хозяйка Похьолы.

Калева — могучій исполинъ, отецъ героевъ.

Калевала — мѣсто жительства Калевы.

Калерво — братъ Унтамойнена.

Кальма — онъ же Туони или Мана, божество смерти.

Каммо — божество ужаса, тоже божество камня, сынъ его Киммо.

Карьяла — Карелія.

Катракоски — гора у Кареловъ.

Кауко, Каукомьели — онъ же Лемминкайненъ.

Кауппи — онъ же Ліиликки, дѣлаетъ Лемминкайнену лыжи.

Кейто — божество металловъ.

Кейтолайненъ — одинъ изъ спутниковъ Кейто.

Килликки — дѣва Саари, жена Лемминкайнена.

Киммо — кличка коровы.

Куйппана — онъ же Тапіо.

Куллерво — сынъ Калерво.

Куура — онъ же Тьера — товарищъ Ильмаринена.

Лемминкайненъ — см. ати.

Лемпи — отецъ Лемминкайнена.

Лемпо — тоже, что́ и Хіиси.

Ліиликки — см. Кауппи.

Лоухи — см. Ильпотарь.

Мана — см. Кальма.

Манала — царство мертвыхъ.

Марьятта — отъ христіанскаго имени Марія; по-фински marja— ягода.

Метсола — мѣсто, покрытое лѣсомъ, мѣсто пребыванія лѣсного царя Тапіо; также Тапіола.

Мимеркки — она же Мьеликки, царица, хозяйка лѣса.

Мурикки — кличка коровы.

Нійрикки — сынъ лѣсного царя Тапіо.

Осмо — см. Калева.

Отсо — кличка медвѣдя.

Пальвойненъ — владѣтель цѣлительной мази, онъ же и Туури.

Пану — сынъ солнца.

Пеллервойненъ — отъ pelto —поле; онъ же и Сампса — отъ «сѣятель», помощникъ Вейнемейнена.

Пильтти — служанка у родителей Марьятты.

Пиру — одно изъ именъ Хіиси.

Похьола — мрачная страна сѣвера.

Руотусъ — искаженное имя Ирода (Herodes).

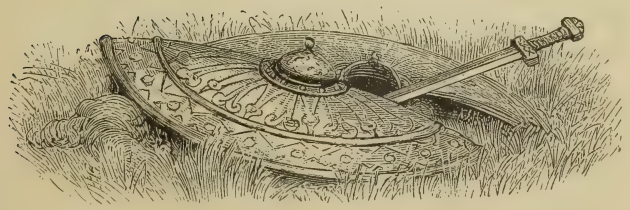
Рутья — знаменитый водопадъ въ Норвегіи.

Саари — островъ, мѣсто жительства Килликки.

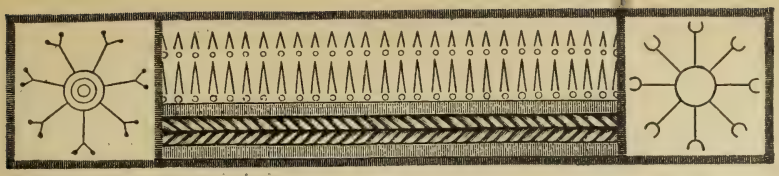
Саво — часть восточной Финляндіи.

Сампо — талисманъ, мельница-самомолка, предметъ спора. между Похьолой и Калевалой.

Сампса — см. Пеллервойненъ.
Саріола — то же, что Похьола.
Сотко — морскія божества, русалки.
Сувантола — то же, что Калевала.
Суоми — Финляндія.
Суонетарь — богиня жилъ.
Съюйятерь — злое божество; изъ ея слюны создана змѣя.
Тапіо — лѣсной царь, хозяинъ лѣса.
Тапіола — мѣсто пребыванія Тапіо; см. Метсола.
Теллерво — дочь Тапіо.
Терхенетерь — богиня тумановъ.
Туйликки — божество вѣтра; дочь Тапіо.
Туонела — см. Манала.
Турья — водопадъ, см. Рутья.
Туони — см. Кальма.
Тьера — см. Куура.
Укко — богъ неба, старецъ.
Унтамо — или Унтамойненъ—братъ Калерво; также божество сна.
Хіиси — злой духъ; также Лемпо, Пиру, Ютасъ.
Юкагайненъ — лапландецъ — обитатель Похьолы.
Юкола — заливъ рѣки Юколы; мѣсто пребыванія Юкагайнена.
Юмала — богъ.
Ютасъ — злой духъ, то же, что Хіиси.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
	Предисловіе	I—VII
	Привѣтъ пѣвца	1
I.	Сотвореніе міра	3
II.	Вейнемейненъ засѣваетъ землю	7
III.	Споръ Вейнемейнена съ Юкагайненомъ	14
IV.	Сватовство Вейнемейнена.—Смерть Айно	24
V.	Вейнемейненъ ищетъ Айно	32
VI.	Месть Юкагайнена	36
VII.	Сватовство Вейнемейнена	40
VIII.	Вейнемейненъ строитъ лодку	47
IX.	Происхожденіе желѣза	53
X.	Ильмариненъ куетъ Сампо	61
XI.	Женитьба Лемминкайнена	70
XII.	Ссора Лемминкайнена съ женою	76
XIII.	Сватовство Лемминкайнена	84
XIV.	Смерть Лемминкайнена	88
XV.	Мать возвращаетъ сына къ жизни	95
XVI.	Вейнемейненъ въ царствѣ мертвыхъ	106
XVII.	Вейнемейненъ въ утробѣ Випунена	114
XVIII.	Вейнемейненъ и Ильмариненъ въ Похьолѣ	120
XIX.	Ильмариненъ выполняетъ три задачи	131
XX.	Свадьба въ Похьолѣ	140
XXI.	Свадебный пиръ	149
XXII.	Свадебныя причитанья	155
XXIII.	Наставленія невѣстѣ	160

		стр.
XXIV.	Совѣты жениху.—Отъѣздъ невѣсты	169
XXV.	Пиръ у Ильмаринена	176
XXVI.	Лемминкайненъ опять въ Похьолѣ	184
XXVII.	Споръ Лемминкайнена съ Похьолайненомъ	197
XXVIII.	Бѣгство Лемминкайнена	204
XXIX.	Лемминкайненъ на чужбинѣ	209
XXX.	Лемминкайненъ снова ѣдетъ въ Похьолу	219
XXXI.	Куллерво	226
XXXII.	Заговоръ для стадъ	233
XXXIII.	Куллерво мститъ хозяйкѣ	238
XXXIV.	Куллерво находитъ своихъ родителей	244
XXXV.	Куллерво находитъ сестру	249
XXXVI.	Смерть Куллерво	254
XXXVII.	Ильмариненъ куетъ себѣ жену изъ золота	261
XXXVIII.	Ильмариненъ ѣдетъ снова въ Похьолу	265
XXXIX.	Вейнемейненъ ѣдетъ добывать Сампо	271
XL.	Вейнемейненъ дѣлаетъ кантеле	279
XLI.	Вейнемейненъ играетъ на кантеле	286
XLII.	Похищеніе Сампо.—Потеря кантеле	291
XLIII.	Битва изъ-за Сампо	301
XLIV.	Вейнемейненъ дѣлаетъ новое кантеле	309
XLV.	Лоухи шлетъ болѣзни въ Калевалу	315
XLVI.	Лоухи шлетъ медвѣдя въ Калевалу	320
XLVII.	Лоухи похищаетъ солнце и мѣсяцъ	330
XLVIII.	Вейнемейненъ добываетъ огонь	337
XLIX.	Лоухи выпускаетъ солнце и мѣсяцъ	343
L.	Вейнемейненъ покидаетъ Калевалу	353
	Прощальное слово пѣвца	360
	Алфавитный указатель именъ	363

СИНЕЕ ЗНАМЯ

ИСТОРІЯ МАЛЕНЬКАГО ЧЕЛОВѢКА

В Ъ Л Ѣ С А Х Ъ Ф Л О Р И Д Ы

Д В А Г Е Р О Я